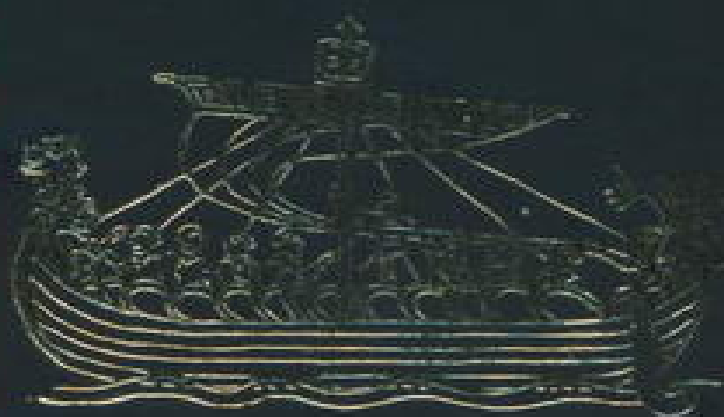

МИФЫ
И
ЛЕГЕНДЫ

Annotation

Мифы и легенды народов мира — величайшее культурное наследие человечества, интерес к которому не угасает на протяжении многих столетий. И не только потому, что они сами по себе — шедевры человеческого гения, собранные и обобщенные многими поколениями великих поэтов, писателей, мыслителей. Знание этих легенд и мифов дает ключ к пониманию поэзии Гёте и Пушкина, драматургии Шекспира и Шиллера, живописи Рубенса и Тициана, Брюллова и Боттичелли. Настоящее издание — это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, *литературном* изложении ознакомиться с историей и культурой многочисленных племен и народов, населявших в древности все континенты нашей планеты.

В данном томе представлены мифы, легенды и предания народов древних государств Передней Азии — Финикии, Сирии, Угарита и других.

-
-
- ○ [БОГИ](#)
 -
 - [БОГИ УГАРИТА](#)
 - [ФИНИКИЙСКИЕ БОГИ](#)
 - [БОГИ ВНУТРЕННЕЙ СИРИИ И ЗАИОРДАНЬЯ](#)
 - [ПОВЕСТВОВАНИЯ О БОГАХ, ГЕРОЯХ И ГОРОДАХ](#)
 - [МИФЫ И СКАЗАНИЯ УГАРИТА\[184\]](#)
 - [Мифы о Силаче Балуге и богине Анату\[185\]](#)
 -
 - [Борьба между Балуге и Йамму\[186\]](#)
 - [Балуге и Анату. Постройка дворца Балуге.](#)
 - [Балуге, Муту и Анату.](#)
 - [Рождение сына Балуге.](#)
 - [Борьба Балуге с Прожорливыми и Разрушающими\[261\]](#)
 - [Балуге, Илу и Асирату\[266\]](#)
 - [Подвиги Анату\[268\]](#)
 - [Мифы о боге Луны Йариху.](#)
 -

- [Женитьба Йариху\[270\]](#)
 - [Йариху на пиру богов\[277\]](#)
 - [Богиня Шапашу, ее дочь и бог Харану](#)
 - [Рождение Шахару и Шалиму\[287\]](#)
 - [Сказание о Карату\[291\]](#)
 - [Сказание о Данниилу и Акхите\[326\]](#)
- [МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ФИНИКИИ\[360\]](#)
 - [Сотворение Вселенной\[361\]](#)
 - [Войны богов\[383\]](#)
 -
 - [Война Эла и его союзников с Небом](#)
 - [Борьба Эла и его союзников со Змеем](#)
 - [О Вселенной](#)
 - [О смерти](#)
 - [Происхождение финикийцев](#)
 - [Основание финикийских городов и колоний](#)
 - [Основание Библа](#)
 - [Основание Тира](#)
 - [Основание Берита](#)
 - [Основание Сидона](#)
 - [Основание Гадеса\[418\]](#)
 - [Основание Карфагена](#)
- [РАССКАЗЫ О БОГАХ](#)
 - [Баалат–Гебал — владычица Библа](#)
 -
 - [Служанка библского царя](#)
 - [Баалат–Гебал и Таммуз](#)
 - [Чудесное спасение Баалат–Гебал и ее сына](#)
 - [Адонис\[438\]](#)
 - [Эшмун](#)
 - [Астарт и Йам](#)
 - [Мелькарт](#)
 -
 - [Рождение Мелькарта](#)
 - [Открытие пурпура\[460\]](#)
 - [Подвиги Мелькарта\[462\]](#)
 - [Спасение Гадеса](#)
 - [Походы Мелькарта](#)
 - [Смерть и воскресение Мелькарта](#)

- [Борьба верховного бога с Тифоном](#)
- [ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ТИРА И КАРФАГЕНА](#)
 -
 - [Кадм и основание греческих Фив\[483\]](#)
 - [Открытие тирийцами вина](#)
 - [Царь Хирам\[493\]](#)
 - [Деяния и гибель Малха](#)
 - [Братья Филены](#)
 - [Путешествия Гимилькона и Ганнона](#)
 - [Путешествие Магона через Сахару](#)
 - [Как карфагеняне торговали с африканцами](#)
 - [Открытие острова в Атлантическом океане](#)
- [ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ТАРТЕССА](#)
 -
 - [Гаргорис и Габис\[524\]](#)
 - [Норакс](#)
- [МИФЫ И СКАЗАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ СИРИИ И ЗАИОРДАНЬЯ](#)
 - [Всемирный потоп\[531\]](#)
 - [Рождение Атаргатис\[541\]](#)
 - [Атаргатис и Сайм\[545\]](#)
 - [Комбаб и постройка храма в Бамбике](#)
 - [Видение пророка Валаама\[557\]](#)
 - [Первые цари и основание Дамаска](#)
 - [Происхождение Моавы](#)
 - [Излечение Сайм\[570\]](#)
 - [Борьба Бела со змеем](#)
- [КУЛЬТ](#)
 -
 - [Угаритский культ](#)
 - [Финикийский культ](#)
 - [Сирийский культ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)

- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)

- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)

- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)

- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)

- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)

- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)

- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)

- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)

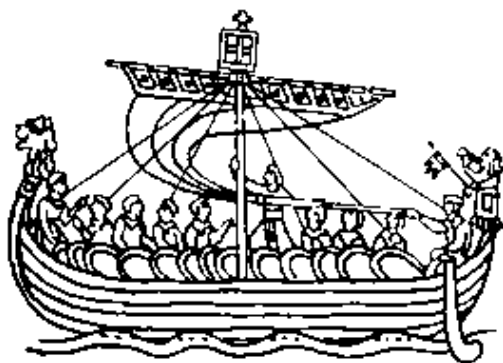
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)

- [553](#)
 - [554](#)
 - [555](#)
 - [556](#)
 - [557](#)
 - [558](#)
 - [559](#)
 - [560](#)
 - [561](#)
 - [562](#)
 - [563](#)
 - [564](#)
 - [565](#)
 - [566](#)
 - [567](#)
 - [568](#)
 - [569](#)
 - [570](#)
 - [571](#)
 - [572](#)
 - [573](#)
 - [574](#)
-

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Ю. Б. Циркин

МОСКВА 2004

Художник И. Е. Сайко

Примечания Ю.Б. Циркина

УДК 931 ББК 63.3(0)3 М68

Мифы и легенды народов мира

М68 Передняя Азия / Ю. Б. Циркин. — М.: Литература;

Мир книги, 2004. — 416 с.

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-8405-0649-4

ВВЕДЕНИЕ

На Ближнем Востоке между Евфратом и Средиземным морем в далекой древности располагалась Сирия. Она не совсем совпадает с современной Сирией. Кроме нынешней Сирии, на этой территории располагаются также Ливан, часть Турции и Иордании. Древняя Сирия довольно ясно делится на ряд географических зон. Недалеко от средиземноморского побережья в меридиональном направлении тянется ряд горных цепей. В южной части это Ливан высотой до 3000 м и параллельный ему Антиливан, несколько более низкий, между которыми находится долина, которую греки называли Келесирией (Полой Сирией, совр. долина Бекаа). К северу от Ливана после некоторого понижения идет Северный Ливан, более низкий, который постепенно понижается в холмистую низменность у нижнего течения реки Оронт. К северу от Оронта располагаются горы Аман и отроги Тавра, отделяющие Сирию от Анатолии (Малой Азии). В долине между Ливаном и Антиливаном рождаются наиболее значительные реки Сирии (не считая, разумеется, пограничного Евфрата). На север течет Оронт, который в своем нижнем течении поворачивает на юг и юго-запад, прежде чем впасть в Средиземное море, на юг — Леонт, также потом поворачивающийся на запад к морю, и сразу же на запад — Элевтер.

Временами горы подходят вплотную к морю, местами их отроги выходят к побережью, образуя выступающие мысы. Но в целом между горами и Средиземным морем лежит сравнительно узкая полоса, иногда несколько расширяющаяся, обладающая хорошими гаванями. Здесь благодатный средиземноморский климат, сравнительно много осадков, плодородная почва, что позволяет вести и на самом побережье, и на относительно пологих склонах Ливана интенсивное земледелие, но земли там очень мало, и эти территории всегда нуждались в импорте продовольствия. С другой стороны горы были покрыты богатыми лесами, где росли кедры, кипарисы, сосны, самшит, которые очень ценились в безлесных или малолесных странах, как Египет и Месопотамия, в горах, особенно на севере, имелись залежи серебра. Гавани давали возможность активно заниматься мореплаванием. В результате в этой прибрежной зоне торговля, в том числе морская, приобрела особенно большое значение.

К востоку от горной цепи располагается Внутренняя Сирия, представлявшая собой плоскогорье, пересекаемое идущей от Евфрата к юго-западу горной цепью, ныне называемой Джебель-Бишри, гораздо более низкой, чем горы Ливана и Антиливана. Эта цепь разделяет северную и южную части Внутренней Сирии. Через понижение между Ливаном и Северным Ливаном и через долину Амик у нижнего течения Оронта Внутренняя Сирия связывается со Средиземным морем. Но в целом она отделена от этого моря и больше ориентирована на восток. В северной части этого региона есть мелкие реки, выпадает побольше осадков, хотя и гораздо меньше, чем на побережье, и здесь, между большой излучиной Евфрата и нижним течением Оронта, могло довольно успешно развиваться земледелие. Но плодородные зоны в этом регионе перемежаются неплодородными, которые разделяют его на отдельные районы. Южнее эта земледельческая область переходит в степь и пустыню.

Полосу земли между Ливаном и Средиземным морем древние греки и римляне называли Финикией, а ее жителей — финикийцами. Это название перешло и в современные языки. Сами же себя финикийцы называли ханаанеями и свою страну — Ханааном. Во II тысячелетии до н. э. ханаанеи занимали намного большее пространство, но в конце этого тысячелетия и в начале следующего преобладающую часть их территории заняли другие народы. Часть ханаанеев была уничтожена, часть слилась с пришельцами, а часть переселилась в ту страну, которая устояла от натиска пришельцев — в Финикию.

Финикия никогда не была единым государством. Она состояла из нескольких городов-государств, каждое из которых представляло собой более или менее крупный город (конечно, по масштабам того времени и той страны) с округой, в которой располагались также города помельче. Такие небольшие города-государства были неспособны к обширной военной экспансии, а собственных средств для удовлетворения нужд населения и особенно правящей верхушки было не достаточно. Поэтому необходимые им продукты финикийцы получали путем обмена и торговли. Торговали они продуктами своего ремесла (а Финикия славилась стеклом, пурпурными тканями, ювелирными изделиями), великолепным лесом, росшим на склонах Ливанских гор, особенно кедрами и кипарисами, а также продуктами других стран, которые они перепродавали, в том числе металлами и очень ценным восточными владыками лазуритом. Безлесные страны жизненно нуждались в финикийском лесе. Так, в Египте для торговли с финикийским городом Библом очень рано появился особый

вид кораблей, которые египтяне называли библскими. Они были предназначены для плавания по морю и могли перевозить такие тяжелые грузы, как строительный лес. Позже египтяне стали называть «библскими» любые подобные корабли, независимо от цели их плавания.

Финикийцы и сами славились как искусные судостроители. В 1971 г. на морском дне у берегов Сицилии были найдены остатки финикийского (точнее, карфагенского) корабля. Его длина составляла около 25 метров, а ширина под ватерлинией — около 3,5 метров. Корабль был построен из дерева (сосны, клена или кедра) и обшит внутри свинцовыми листами. Его киль загибался кверху почти вертикально, превращаясь в ахтерштевень. Паруса поддерживались специальной балкой. Корабль нагружался балластом из камней, а чтобы ослабить удары этого балласта о дно корабля, под камни подкладывались листья оливы или каких-либо фруктовых деревьев.

Это был не единственный тип финикийского корабля. Существовали большие «таршишские корабли», которые сначала создавались для плаваний в далекий Таршиш, как называли финикийцы Южную Испанию, а потом, как и у египтян в случае с «библскими кораблями», так именовали суда дальнего плавания. Путь в Таршиш был очень долог; ведь надо было пройти все Средиземное море и даже выйти в Атлантический океан, чтобы добраться до своей цели. И это обстоятельство предъявляло к судам особые требования. Поэтому они были довольно большими, а внутри имели помещения для отдыха экипажа и пассажиров — вероятно, в первую очередь купцов. Такой корабль имел закругленный корпус, его корма была высоко поднята в виде лебединой шеи, передняя часть заканчивалась кабиной наблюдателя (впередсмотрящего), в центре судна поднималась высокая мачта с прямоугольным парусом, а на носу находилась еще одна мачта, уже маленькая, с небольшим, тоже прямоугольным, парусом для помощи рулю. Мачты обычно делались из кедра, рулем служили особые длинные весла.

Небольшие корабли, в том числе рыбацкие, назывались «конями», потому что их украшала голова коня. Такая голова могла быть и только на носу, и на обоих концах судна. Хотя «кони» были на вид довольно хрупкими, их отважные хозяева выходили на них даже далеко в океан, плавая вдоль африканских берегов.

Наряду с этими «гражданскими» судами существовали и военные. Такие корабли называли «длинными». Они имели острый нос, служивший тараном, легкую палубу и борта, на которых были подвешены щиты для

защиты экипажа. Такой корабль приводился в движение двумя рядами весел, число которых могло достигать до шестидесяти.

Финикийские корабли, как и все другие древние суда, строились из дерева. Поэтому оставлять их долго в морской воде было нельзя, так как при длительном нахождении там деревянный корпус гнил и источался различными жучками и моллюсками. И на стоянках финикийцы вытаскивали корабли на сушу. Для этого они использовали своеобразные каменные «рельсы» — полосы хорошо отшлифованных камней, политые оливковым маслом. На эти «рельсы» с помощью канатов затягивали корабль и затем постепенно подтягивали к берегу. На берегу сооружались специальные крытые помещения для защиты судов не только от вредных жучков и морских бурь, но и от дождей и всякой непогоды. Такие «рельсы» и крытые помещения были найдены в ходе раскопок в финикийском городе Китий (современная Ларнака). Для портовых сооружений требовались особые места с постепенно поднимающейся отмелью, с бухтой, закрытой от губительных ветров, с пологим берегом, на который легче вытаскивать корабли. Там, где таких условий не было, финикийцы строили искусственные порты, представлявшие собой обширные бассейны, особыми каналами соединенные с морем. На берегу бассейнов и находились укрытия для кораблей. Такие искусственные порты финикийцы называли котонами.

Финикия была открыта морю, в ней было много прекрасных гаваней, причем каждый значительный город имел две гавани, позволяющие пользоваться ими в любое время года. Города Тир и Арвад вообще находились на небольших островах вблизи побережья. Финикийцы издавна славились как великолепные мореходы. Они посещали самые разные страны Средиземноморья и выходили в открытые просторы Атлантического океана, добираясь до Азорских, а может быть, и до Канарских островов. Некоторые увлекающиеся любители и журналисты (а иногда и некоторые ученые) XIX-XX вв. даже приписывали финикийцам открытие Америки, но ни одно из сенсационных сообщений о находке на Американском континенте следов финикийского присутствия не подтвердилось. Это не умаляет славы финикийских моряков. Эта слава была столь велика, что в начале VI в. до н. э. египетский фараон Нехо поручил им совершить плавание вокруг Африки. Финикийцы вышли из Египта в Красное море и двигались вдоль берега, постоянно держа его справа. Осенью они приставали к берегу, высевали семена и, собрав урожай, двигались дальше. Через три года они вернулись в Египет через Средиземное море. А еще почти за тысячу лет до этого, когда другому

фараону — Тутмосу III — потребовались корабли для экспедиции по реке Евфрат, он поручил построить их финикийцам; затем построенные корабли были на колесницах доставлены к Евфрату и там спущены на воду.

Из далеких стран, особенно западных, финикийцы привозили на Восток очень нужные там товары. Сначала это были золото, серебро, слоновая кость, диковинные птицы — все, что требовали восточные владыки для украшения своих дворцов и для своих увеселений. Позже к драгоценным металлам прибавились те, что необходимы для производства: железо, свинец, олово. Еще один, специфический, товар, которым торговали финикийцы, — люди, рабы. Одних они покупали, других просто похищали. Пиратство стало своеобразной отраслью финикийского хозяйства, и финикийцы были известны в древности как пираты. Плавания по опасным и часто неизведанным морям, пиратство, торговля — все это воспитало в финикийцах такие качества, как отвага, смелость, доходящая до дерзости, коварство, расчетливость, практичность, умение приспосабливаться к новым обстоятельствам, быть безукоризненно честными, когда это выгодно, и наглыми обманщиками, если это идет им на пользу. Во всяком случае, именно такими их представляли греки и римляне.

С мореплаванием и морской торговлей связана финикийская колонизация, то есть основание финикийцами своих поселений в далеких землях, вне своей родины. О ней более подробно будет сказано в другом месте, а пока необходимо подчеркнуть, что она сыграла большую роль в истории мировой цивилизации. В ее результате различные районы Средиземноморья оказались связанными торговыми и в значительной степени культурными узами, а история отдельных средиземноморских стран стала соединяться в единый исторический процесс. Несколько позже и частично параллельно с финикийцами на тот же путь встали греки, и их роль трудно переоценить. Но финикийцы все же были в этом деле пионерами.

Финикийцы сыграли капитальную роль в истории письменности. Люди издавна изобретали самые разные способы фиксации речи. Большую роль в этом сыграли египтяне и шумеры, создавшие такие системы письма, как иероглифы и клинопись. Но таких знаков было чрезмерно много, и усвоить их было чрезвычайно трудно. И во II тысячелетии до н. э. ханаанеи и их соседи стали предпринимать попытки создать более простую письменность, более удобную для усвоения. Наконец, был сделан важный шаг: из уже употреблявшихся знаков было

отобрано двадцать два знака, каждому из которых было придано значение не целого слога или слова, а одного конкретного согласного звука. При чтении к нему мысленно прибавлялся необходимый гласный звук или не прибавлялся, если не было нужно. Для еще более легкого усвоения эти знаки были расположены в определенной системе. Внешнюю их форму жители города Угарита взяли из Месопотамии, и их письмо походило на клинопись, но было принципиально иным, основанным не на слоге, а на звуке. Ханаанеи же использовали с этой целью египетские иероглифы, но чрезвычайно их упростили. Когда же территория ханаанеев сократилась до собственно Финикии, то только там это письмо и сохранилось. Поэтому его вполне можно назвать финикийским.

Финикийское письмо было очень простым. И при возникновении у соседей финикийцев нужды в письменности они заимствовали ее у финикийцев. Восточные соседи сохранили финикийский принцип — написание только согласных, и на этой базе основано современное арабское и еврейское письмо. Позже, чтобы избежать разночтений в священных текстах (Библии, Коране), евреи и арабы стали применять надстрочные и подстрочные значки, обозначающие гласные звуки, но это не привело к изменению самого характера письма. Греки же, восприняв финикийское письмо, внесли в него принципиальное изменение: они стали обозначать особыми знаками также гласные звуки. В результате было создано подлинное алфавитное письмо, где каждый знак стал буквой, то есть обозначением конкретного звука независимо от его характера — гласный он или согласный. Конечно, в каждом языке звуков больше, чем букв, но это не меняет сути алфавитного письма. Позже из греческого алфавита родился латинский и два славянских — глаголица и кириллица, а из последней — современная русская азбука. В свою очередь, происшедшие из финикийской восточные письменности тоже были заимствованы их соседями. В результате все современные системы письма, кроме китайской и происшедших из китайской, ведут свое начало от финикийского письма.

Греки заимствовали у финикийцев или через финикийцев не только письмо. Первоначально именно из финикийского Библа они получали египетский папирус — главный писчий материал того времени. На папирусных свитках писались различные тексты, и в греческом языке появилось слово «библион», что означает «книга». И известное теперь название «Библия» по-гречески означает «Книги», и происходит оно от имени финикийского города. Греки охотно пользовались финикийскими ювелирными украшениями, финикийским стеклом и пурпурными

тканями. Особенно тесными были греко–финикийские контакты на Кипре. На юге этого острова существовали финикийские города, а в других его частях — греческие, в некоторых же городах финикийцы и греки жили рядом друг с другом.

Вероятнее всего, именно через Кипр из Финикии в Грецию пришли некоторые мифологические сюжеты. Знакомство с финикийскими религиозными представлениями отразилось в некоторых чертах греческих богов и героев, в их культе. Особенно сильно финикийское влияние, пожалуй, ощущается в образах и культах богини любви и красоты Афродиты и самого любимого греческого героя Геракла. Уже в VI в. до н. э. греки достаточно твердо отождествляли Геракла и одного из финикийских богов — Мелькарта. Довольно рано греки заимствовали праздник в честь другого финикийского бога — Адониса, ставшего греческим героем. Основателем знаменитого греческого города Фивы греки считали финикийца Кадма, пришедшего в Грецию из финикийского Тира в поисках своей сестры Европы, а матерью греческого бога вина, виноделия и веселья Диониса — дочь Кадма Семелу. Кстати, именно Кадму греки приписывали и введение в Элладе нового письма, принесенного им со своей родины.

Потомком финикийцев, уже давно переселившихся в Грецию, был Фалес, основатель всей европейской философии. А через несколько веков после Фалеса финикиец Зенон из города Китий на Кипре перебрался в Афины и там в особом сооружении — стое — учил своих учеников и всех желающих, и из этого родился стоицизм — одно из самых распространенных философских учений древности, в котором заметное место занимали финикийские представления о мире. Греческие писатели, такие, как Плутарх и Лукиан, и некоторые философы обращались к финикийской религии. Греки и римляне, описывая чужих богов, обычно находили в них черты, родственные своим богам, и давали чужеземным божествам соответствующие греческие и римские имена. Иногда они рассматривали чужих богов как варианты, ипостаси, своих и в таком виде почитали их. Это относится и к культам некоторых финикийских богов и богинь. Со своей стороны, и финикийцы воспринимали такие культы и, продолжая почитать старинных богов, называли их уже греческими именами, а по каким-либо причинам переезжая на Запад, где господствовал латинский язык, то и римскими.

В I или II в. н. э. (точная дата неизвестна) Филон из финикийского Библа опубликовал «Финикийскую историю». Сам Филон писал, что он лишь перевел это произведение на греческий язык, а финикийским

автором его был Санхунйатон из города Берита (современный Бейрут), жрец и мудрец, живший за много веков до Филона. Об этом Санхунйатоне писали и некоторые другие древние и раннесредневековые авторы. Некоторые из них относили его жизнь ко временам до Троянской войны, то есть к концу II тысячелетия до н. э. Едва ли эту дату надо понимать буквально, ибо такое неясное определение времени жизни говорит только об одном: это была седая древность. Некоторые полагали, что Санхунйатон жил не в Берите, а в Тире или Сидоне. Но сам Санхунйатон (по крайней мере, так говорит Филон) утверждал, что он заимствовал свои сведения у беритского жреца бога Йево — Иеромбаала. К сожалению, ни сочинение Санхунйатона, ни оригинальный текст Филона до наших дней не дошли. Но в IV в. христианский писатель Евсевий, утверждая превосходство христианства над языческими верованиями, привел обширные отрывки из первой книги произведения Санхунйатона–Филона, где содержались многие финикийские мифы.

Через тринадцать веков после Евсевия к этому труду обратился французский богослов, философ и географ Самуэль Бошар. Правда, в то время предметом самостоятельного изучения финикийцы не были. Этот народ, его города и культы часто упоминаются в Библии. А все, что касалось библейской тематики, было предметом так называемой «Священной истории». И Бошар рассматривал финикийцев как часть ветхозаветного мира и для этого и приводил сохранившиеся отрывки из труда Филона. Труд Бошара не был оценен ни современниками, ни ближайшими потомками. О нем говорили, что он даже не заслуживает чтения. И только много позже наука оценила его значение.

Только в конце XVIII и в XIX в. финикийцы стали самостоятельным объектом исследований. В 1841 г. немецкий ученый Фридрих Карл Моверс, профессор теологии в университете Бреслау (ныне Вроцлав в Польше), опубликовал первый том своего труда «Финикийцы». В этом четырехтомном труде Моверс собрал и на тогдашнем уровне науки истолковал все, что в то время было известно о финикийцах. Первый том был посвящен религии и мифологии.

С этого времени началось строго научное изучение Финикии и ее культуры, включая религию и мифологию. Очень много для этого сделал французский ученый Эрнест Ренан. Он первым предпринял археологические раскопки на территории Финикии, опубликовал очень глубокие для того времени исследования, начал выпускать «Корпус семитских надписей», в одном из томов которого публиковались финикийские надписи, сделанные на камне или бронзе. Еще раньше

начались раскопки в Карфагене в Африке. Свидетельством глубокого интереса к финикийскому миру явилось появление в 1862 г. интереснейшего романа знаменитого французского писателя Гюстава Флобера «Саламбо», в котором описываются не только события одного из трагических эпизодов истории Карфагена, но и различные стороны жизни финикийцев в этом городе, как это было тогда известно или воображалось великому романисту.

Огромный вклад в изучение финикийской культуры внес выдающийся русский востоковед Борис Александрович Тураев (1868–1920). Среди его работ по финикийской тематике особо большое значение имела книга «Остатки финикийской литературы», опубликованная в Санкт–Петербурге в 1903 г. и в 1999 г. переизданная в этом же городе. В этом труде Тураев приводит в собственном переводе все известные отрывки греко–язычных авторов, воспроизводившие финикийские оригиналы. Но этим он не ограничился. Тураев снабдил каждый раздел обширным введением и очень важными и подробными комментариями, которые своими размерами превосходили сами тексты: так, комментарий к Филону больше текста Филона в три раза. Это высоконучное издание не потеряло своей ценности до сих пор. Финикии и ее культуре была посвящена небольшая, но очень информативная глава в общем курсе «Истории Древнего Востока», написанном Тураевым.

В то время в науке очень остро дебатировался вопрос об историчности Санхунйатона. Многие ученые, в том числе такие авторитетные, как немцы Вильгельм Баудиссин и Отто Группе, решительно отвергали существование финикийского мудреца. Этой же точки зрения придерживался и Тураев, который считал, что Филон приписал свой текст выдуманному древнему автору ради большего авторитета. В то же время Тураев в отличие от некоторых других ученых не сомневался, что в конечном счете сведения Филона все же восходят к финикийским источникам, хотя и весьма основательно переработанным библским писателем. Но существовали в то время и исследователи, признававшие существование Санхунйатона, причем они относили время жизни последнего к глубокой древности. Среди них был немецкий ученый Генрих Эвальд. И дальнейшее развитие науки показало, что Эвальд, скорее всего, был прав.

В марте 1928 г. плуг сирийского крестьянина, обрабатывавшего свое поле, наткнулся на каменную плиту, которая оказалась сводом гробницы. Скоро об этом стало известно властям. Сирия и Ливан тогда находились под французским управлением, и французская служба древностей сразу

же направила на место находки своих экспертов. Те установили, что речь идет о могиле «микенского типа» приблизительно XIII-XII вв. до н. э. И на следующий год сюда направились археологическая экспедиция под руководством Клода Шеффера. Сначала археологи раскапывали некрополь, то есть «город мертвых». Но всем было ясно, что если есть некрополь, то должен быть и город живых, к которому он относится. Недалеко от первоначального места находки на 20 метров над землей поднимался холм, имевший все признаки археологического местонахождения. Местные жители называли его Рас эш-Шамра («Укропный мыс»). В ходе первой же археологической кампании, начавшейся 8 мая 1929 г., Шеффер и его сотрудники раскопали этот холм, под которым и обнаружили город Угарит. Этот город уже упоминался в египетских документах II тысячелетия до н. э. Теперь археологи нашли его. Раскопки продолжались непрерывно с 1929 по 1939 г. Вторая мировая война прервала работы. Возобновились они в 1948 г. и идут до сих пор. К этому времени в раскопках Угарита приняли участие и сирийские специалисты. Археологи раскопали два царских дворца, один из которых относится к одним из самых больших на Ближнем Востоке. Он уже в древности своим блеском и богатством поражал современников. Раскопаны были также два храма — богов Балу и Дагану, а недавно — еще один храм, хотя и неизвестно, какому божеству он был посвящен (возможно, Илу). Раскопаны также жилые дома, мастерские ремесленников и лавки купцов, места захоронений. В результате были обнаружены остатки блестящей цивилизации, расцвет которой падает на вторую половину II тысячелетия до н. э.

Уже во время первой раскопчной кампании археологи нашли глиняные таблички, покрытые клинописными знаками. Изучая эти таблички, французский филолог Шарль Виролло увидел, что, хотя клинописные знаки на угаритских табличках внешне напоминали месопотамские, система письма была принципиально иной: если в месопотамской клинописи имеется несколько сотен знаков, то в угаритской — меньше трех десятков. Значит, сделал вывод Виролло, перед нами письменность алфавитного или псевдоалфавитного типа. А сходство с месопотамской клинописью объясняется тем, что и в Угарите, и в междуречье Тигра и Евфрата писали на глине; одинаковый писчий материал дал похожие письменные знаки. К этому надо добавить и культурное воздействие Месопотамии: для своих знаков жители Угарита избрали знакомые им формы клинописных знаков жителей Месопотамии и, может быть, Малой Азии.

Огромная трудность заключалась в том, что не было найдено ни одной билингвы или трилингвы, то есть надписей на двух или трех языках, один из которых был бы уже известен. В свое время наличие такой билингвы помогло французскому египтологу Франсуа Шампольону расшифровать египетские иероглифы. Теперь же такой помощи ждать было неоткуда. Тем не менее ученые не смутились и начали активную работу. Одним из этих ученых был немец Ханс Бауэр. Будучи разносторонне образованным человеком, он обладал не только феноменальными языковедческими знаниями, но и знаниями математическими. Это ему очень пригодилось. Получив в свое распоряжение найденные угаритские тексты, как на глиняных табличках, так и на двух бронзовых топорах, Бауэр решил, что за этими письменами скрывается какой-то семитский язык. Ему помогло то, что уже Виролло, публикуя первые найденные тексты, определил вертикальный «клин» как разделитель слов. В результате слова получались очень короткие, а это характерно именно для семитских языков, в которых письменные знаки обозначают только согласные звуки. Исходя из своего интуитивного, но оказавшегося очень верным предположения, Бауэр, не имея никаких других подсобных материалов, меньше чем за месяц, в апреле 1930 г., определил смысл многих знаков. Приблизительно в то же время тем же занимался француз Эдуар Дорм. Он действовал независимо от Бауэра и в том же 1930 г. пришел к сходным результатам, попутно исправив некоторые ошибки немецкого исследователя. Завершил же работу над дешифровкой и интерпретацией угаритской письменности Виролло.

В ходе археологических кампаний 1931 —1933 гг. были найдены таблички, содержавшие тексты больших мифологических эпических поэм. Сначала они были опубликованы Виролло, а затем ими занялись исследователи многих стран. Эти тексты сохранились не в очень-то хорошем состоянии. Поэтому возникли значительные трудности в их понимании, в толковании значения тех или иных деталей. И все же общий смысл уже тогда был вполне ясен. Позже удалось найти более мелкие тексты, дополняющие наши знания об угаритской литературе и мифологии, но таких больших поэтических произведений больше не обнаружено. Это не значит, что их и не было. Вполне возможно, что они существовали, так что есть надежда на открытие новых литературно-религиозных памятников.

После изучения пришло время перевода угаритских произведений на современные языки. На русский язык эти тексты были переведены и прокомментированы И. Ш. Шифманом. В 1993 г., уже после смерти

ученого, вышла его книга «Угаритский эпос», в которой была представлены российскому читателю поэмы о Карату, Акхите и рапаитах. Еще через шесть лет была опубликована книга Шифмана «О Балу», в которой собраны и прокомментированы переводы всех произведений, рассказывавших об этом угаритском боге. Теперь на русском языке есть точные переводы всех поэтических сказаний Угарита.

Открытие и публикация угаритских текстов вызвали энтузиазм среди специалистов. В них, в частности, были обнаружены имена богов, известных и по произведениям Филона, и по Ветхому Завету. Многие приводимые Филоном данные о мифах и религии финикийцев, прежде казавшиеся ученым сомнительными, теперь нашли подтверждение в угаритских произведениях. Их язык оказался довольно близким к финикийскому. Все это давало право считать угаритские мифы более ранней стадией финикийских. И когда в 1937 г. в Париже был опубликован справочник по всем тогда известным мифологиям мира, в разделе, трактующем о финикийской мифологии, была выделена глава, посвященная «легендам Рас–Шамры», то есть угаритским мифам. Через двенадцать лет видный французский ученый Рене Дюссо в книге о переднеазиатских религиях занял изложением религии и мифов Угарита почти всю часть, касающуюся финикийской религии. Угаритские религию и мифологию стали называть ханаанскими, и под этим названием они обычно входят в различные научные и научно–популярные работы.

Такое название, однако, неточно. Исследования угаритского языка показали, что он — не финикийский, а близок к аморейскому. Амореи были народом, который во II тысячелетии до н. э. населял значительную часть Сирии. Амореи и финикийцы были родственными народами, приблизительно так, как русские и украинцы. Их языки относились к одной группе северо–западных семитских языков, их культуры входили в один аморейско–ханаанский культурный круг (или аморейско–ханаанскую культурную общность). Религиозные представления обоих народов были близкими. Но все же не идентичными. К тому же сейчас в науке распространен взгляд, согласно которому о финикийцах можно говорить только с самого конца II тысячелетия до н. э., то есть уже после гибели Угарита. Такая позиция весьма спорная, но она повлияла на то, что одни ученые занимаются изучением Угарита и всего, что с ним связано, а другие — финикийскими проблемами, используя угаритский материал только для сравнения или поддержки либо опровержения тех или иных гипотез. Но много и тех, кто занимается и Угаритом, и Финикией. Одним из таких ученых был ленинградский исследователь Илья Шoleyмович

Шифман (1930–1990). Изучение угаритских, финикийских, арамейских, ветхозаветных памятников позволило ему наметить в общих чертах пути развития религиозно–мифологических представлений во всем Переднеазиатском Средиземноморье, то есть у народов, говоривших на северо–западных семитских языках. Очень многие идеи Шифмана использованы в настоящей книге.

Одной из характерных черт религиозно–мифологической системы ханаанеев и амореев было, вероятно, наличие священных текстов, хранившихся в храмах и читавшихся перед публикой в дни соответствующих религиозных праздников. Известно, что в Карфагене существовали библиотеки. Не исключено, что такие библиотеки могли быть и в других финикийских городах, в том числе в Тире или Библе. В таких библиотеках также могли храниться религиозно–мифологические произведения, составлявшие священное предание данного города. В древнееврейском обществе из подобных текстов позже выросла Библия, содержание которой конечно же гораздо богаче, чем относительно примитивные религиозные тексты соседей. Священными текстами были поэмы Угарита (и этим они принципиально отличаются от произведений древнегреческого эпоса — «Илиады» и «Одиссеи»). Очень вероятно, что подобные произведения могли иметься и в городах Финикии. А это по–новому ставит вопрос об историчности Санхунйатона и подлинном происхождении тех мифов, которые излагает Филон в своей «Финикийской истории», как они дошли до нас в произведении Евсевия.

На табличках, содержавших угаритские поэмы, имеются пометки, согласно которым эти поэмы записал писец Илимилку под диктовку верховного жреца Аттинпарлану, а сами таблички были подарены царем Никмаду храму бога Балу. Таким образом, в ханаанско–аморейской культурной среде имелись люди, которые записывали древние мифологические повествования, и имена этих людей сохранялись для потомков. Но если историчность Илимилку и Аттинпарлану не подвергается сомнению, то почему же надо сомневаться в существовании Санхунйатона? Тем более что помимо Филона и Евсевия об этом человеке говорят и другие авторы, причем их добросовестность не подлежит сомнению.

И Филон, и другие древние авторы сообщают, что Санхунйатон написал ряд сочинений, которые, к сожалению, до нас не дошли. То, что свои сведения Санхунйатон заимствовал у беритского жреца бога Йево, очень напоминает случай с угаритянином Илимилку, писавшим под диктовку жреца Аттинпарлану. Правда, исследования показали, что

положение было более сложным, и произведение Санхунйатона едва ли было лишь текстом, написанным под диктовку беритского жреца. Оно обладало своим характером и определенной композицией, а главное — некоей концепцией, которая, скорее всего, принадлежит самому Санхунйатону. Мифы явно были лишь предысторией Финикии, хотя мы, конечно, не знаем, каков был удельный вес этой предыстории в общем историческом сочинении Санхунйатона. Но сам по себе угаритский прецедент весьма показателен. Деятельность Санхунйатона относили ко времени правления конкретного беритского царя Абелбаала. И хотя это время не установлено, сама датировка по правлению царя, вполне обычная на Древнем Востоке, говорит в пользу историчности этого автора. К тому же все приведенные имена, в том числе беритского жреца Иеромбаала и самого Санхунйатона, — типично финикийские. Да и бог Йево почитался именно в Берите. Так что, думается, сомневаться в существовании финикийского оригинала произведения Филона и автора этого оригинала Санхунйатона не приходится. Видимо, в беритском храме Йево хранилось «священное предание» этого храма, которое и было использовано Санхунйатом в его сочинении. Это предание явно было дополнено мифологическими традициями других финикийских городов, включая Тир и Библ. Следы тирской и библской традиций в «Финикийской истории» прослеживаются очень ясно.

Санхунйатон, время жизни которого ряд ученых сейчас определяет приблизительно XII или XI в. до н. э. (впрочем, это далеко не общепринято), сам ссылается на еще более древнего мудреца Таавта, который якобы первым соединил ходившие в народе мифы в стройную систему. По словам Санхунйатона–Филона, Таавта египтяне называют богом Тотом. Бог Тот, действительно, присутствовал в древнеегипетском пантеоне и был богом мудрости. Может быть, близость имен этих двух персонажей и привела финикийцев к мысли об их тождестве. В обожествлении древних мудрецов на Востоке нет ничего необычного. Так, известно, что в том же Египте обожествили Имхотепа, строителя первой пирамиды. Возможно, и Таавт, которому приписывают изобретение финикийской письменности, тоже был признан богом. Правда, никаких сведений о почитании в Финикии Таавта у нас нет.

Находки в Угарите, казалось, давали основание надеяться, что могут быть найдены и финикийские религиозно–мифологические тексты. Однако эти надежды не оправдались. Вероятнее всего, тексты, подобные угаритским, никогда и не найдут. Угаритяне, как и жители Месопотамии, писали на глине, и обожженная глина имеет все шансы пережить века и

тысячелетия. Финикийцы же, подобно египтянам, использовали папирус, который в условиях финикийской природы сохраниться не может. А потому и до сих пор, как и много веков назад, восстанавливая финикийскую мифологию, приходится опираться на данные греческих пересказов. Правда, теперь появилась уверенность, что пересказанное Филоном — это и в самом деле финикийские мифы. Но он жил довольно поздно, когда многое уже начало забываться, многое стало непонятным. И Филон, насколько позволяют судить цитаты, приведенные Евсевием, порой произвольно соединял различные мифы, приводил иногда противоречивые версии, рассказывал совершенно по-разному об одних и тех же или близких событиях. Вообще-то древних людей противоречия в мифах не смущали. Греческий философ Сократ, если верить его ученику Платону, говорил относительно мифов: «Это было так или приблизительно так». Так, как это пересказал Филон, или приблизительно так рассказывали финикийцы о своих богах. К тому же, Филон, рассчитывая на греческого читателя, часто давал финикийским божествам греческие имена, что затрудняет понимание природы тех или иных финикийских богов и богинь. Во время Филона и сами финикийцы уже называли большинство своих богов греческими именами и далеко не всегда помнили, каковы же они были в древние эпохи.

За последние три — три с половиной десятилетия изучение финикийского мира сделало резкий скачок. В течение многих лет под эгидой международной организации ЮНЕСКО проводились активные раскопки на территории бывшего Карфагена, в которых участвовали археологи многих стран. Раскопки в Карфагене, начатые еще в первой половине XIX в. и продолженные после окончания миссии ЮНЕСКО, дали богатейший материал для исследования истории и жизни великого древнего города. Работы итальянских, немецких, испанских и других археологов практически заново открыли миру своеобразные области финикийского мира, существовавшие в Северной Африке и Испании, на Сицилии, Сардинии, Мальте. Количество археологических находок и на этой основе исторических интерпретаций перешло в совершенно новое качество науки. Важно также то, что, несмотря на сложные политические события на Ближнем Востоке, проводятся (разумеется, по мере возможности) раскопки в Ливане, то есть на территории самой Финикии, а не только ее колоний. Этому помогают и археологические исследования в соседних регионах, связанных с основной территорией исторической Финикии, — от Израиля до Турции. И если раньше в научных и популярных работах, посвященных финикийцам, речь шла в основном о

колониях, то теперь все чаще стали писать о самой Финикии. И в Финикии, и в ее колониях, и по соседству с ней было открыто много новых надписей. В этих надписях содержались новые имена финикийских божеств, что позволило уточнить некоторые более ранние представления и отождествления. Наши знания о финикийской религии расширяются также в результате находок финикийских монет и произведений финикийского искусства.

Все же в области религии и мифологии прогресс очень незначителен. И контраст с тем, что за последние семьдесят лет мы узнали о религии Угарита, разителен. Об угаритской мифологии можно судить на основании собственно угаритских текстов, как бы ни были трудны их истолкования. О финикийских же мифах до сих пор известно почти исключительно лишь то, что сообщают о них античные авторы, прежде всего Филон (но не только он). Несомненно, в их пересказах финикийская основа более или менее искажена. Однако, сравнивая тексты греческих и римских авторов между собой, а также с угаритскими материалами, финикийскими надписями и археологическими данными, привлекая, кроме того, сведения Библии, можно мысленно снять все эти искажения и представить себе финикийскую или, шире, ханаанейско-аморейскую религию и мифологию гораздо более правильно, чем если бы полностью полагаться на сообщения писателей античности.

Еще сложнее обстоит дело с реконструкцией религии и мифологии других народов всего этого региона (исключая, разумеется, древних евреев, чьим грандиозным религиозно-художественным памятником является Ветхий Завет). Это относится, в частности, к арамеям, населявшим Сирию, особенно Внутреннюю Сирию, с конца II тысячелетия до н. э. Арамеи долгое время находились как бы в тени своих более известных соседей. Греки обращали на них внимание сравнительно немного и писали гораздо меньше, чем о финикийцах. Поэтому и наука нового времени интересовалась ими в меньшей степени. Это, конечно, не означает, что арамеи как народ и их государства совершенно не интересовали науку. Раскопки арамейских городов и государств проводились. Так, уже в 1888 г. немецкая археологическая экспедиция начала раскопки государства Самааль. В этих раскопках принимал участие Роберт Колдвей, который позже прославился своими работами в Вавилоне. Затем поле деятельности археологов расширилось. В числе находок имеются и арамейские надписи. Они, как и финикийские, дают некоторые сведения о местной религии. Обычно это лишь упоминания имен тех или иных божеств, и очень редки сведения, позволяющие ученым узнать

природу того или иного упомянутого божества. В 1967 г. археологи сделали очень интересное открытие. Были найдены отрывки из большой надписи на штукатурке, которые содержали фрагменты пророчества арамейского пророка Валаама. Эти фрагменты содержат и некоторые данные о мифологических представлениях арамеев.

Долгое время ученые были уверены, что общей арамейской религии не существует. В 1949 г. была опубликована книга видных французских исследователей Эдуара Дорма и Рене Дюссо, посвященная религиям Передней Азии, и в ней Дюссо поместил небольшую, но очень информативную третью часть — «Сирийцы». Религиозные представления сирийцев, под которыми он подразумевал в особенности арамеев, рассматривались там по отдельным городам. Но дальнейшие исследования показали, что это не совсем так. Как и о финикийцах, так и об арамеях, можно говорить, что, хотя они не образовывали одного государства и каждый город действительно имел свой вариант религии, все же об арамейских религии и мифологии как таковых говорить вполне можно. Более того, выясняется, что религиозные представления арамеев были довольно близки представлениям угаритян (а те в конечном итоге восходят к амореям), финикийцев и даже древних евреев до перехода их к единобожию. Арамеи явно входили в общий культурный крут, хотя и со своими особенностями. Найдены также черты сходства арамейских культов с арабскими, особенно южноарабскими. И это все позволяет представить религию арамеев и частично (очень частично!) их мифы и сказания.

Арамейские государства исчезли во второй половине VIII в. до н. э. Но жизнь во Внутренней Сирии не остановилась.

В Библии не раз упоминается город Тадмор, что означает Город пальм. Это местное название греки, а затем и римляне перевели как Пальмира и тоже не раз упоминали этот город. Где находился этот древний город, долгое время никто не знал. Только в 1625 г. до Пальмиры добрался итальянский миссионер и ученый П. делла Валле, а в 1678 г. английский пастор Галифакс, который затем опубликовал свой рассказ и несколько найденных им надписей в «Философских записках» Британского Королевского общества. Но только через семьдесят с лишним лет эти руины были исследованы уже учеными — англичанами Р. Вудом и Г. Даукинсом. Даже в своих развалинах Пальмира поражала воображение. В середине XVIII в. француз Ж. Бартеlemi и англичанин Дж. Суинтон, действуя независимо друг от друга, расшифровали пальмирское письмо. После этого исследования Пальмиры шли почти непрерывно. Свой вклад в

изучение Пальмиры внес российский исследователь С. С. Абамелек–Лазарев. В 1885 г. он издал книгу «Пальмира, археологическое исследование», которая долгое время оставалась единственным научным трудом об этом городе на русском языке. Он сам побывал в Пальмире и среди прочего нашел там большой «Пошлинный тариф», который и опубликовал в своей книге. Эта большая пальмирская надпись хранится в Эрмитаже. Позже она была внимательно исследована и в 1980 г. заново опубликована со всеми необходимыми комментариями И. Ш. Шифманом. Особенно активизировались раскопки и исследования Пальмиры после Второй мировой войны. Очень много для этого сделали польские археологи во главе с К. Михайловским. И до сих пор продолжается научное исследование Пальмиры. Среди памятников, открытых в этом городе и вблизи него, имеются храмы, погребения, надписи, которые позволяют нам представить религиозную жизнь жителей Пальмиры.

К югу от Внутренней Сирии жили народы, родственные древним евреям. Собственно говоря, когда-то они были частью единого этноса. Их предки перешли из Месопотамии в Сирию, а затем откочевали еще южнее. Они и получили название «ибрим» — перешедшие (подразумевается — реку Евфрат), откуда и название — евреи. Еще позже часть еврейских племен оказалась в Египте, а затем покинула его. Эти ушедшие из Египта двенадцать племен образовали союз Израиль, и именно за ними закрепилось название «евреи».

Те же, кто не добрался до Египта, кочевали к востоку от Иордана и Мертвого моря. Это были моавитяне и аммонитяне. Их уже евреями не называют, а современные ученые предпочитают именовать их народами еврейского круга. О них и их культуре известно очень мало. Столицей аммонитян был город Рабат–Аммон. Этот город существует до сих пор и является столицей современной Иордании Амманом. В 1868 г. немецкий миссионер Клейн нашел на территории, где когда-то существовало царство Моав, большую надпись, и за ее обладание стали соперничать немцы и французы. Местные бедуины подумали, что если иностранцы так жаждут получить этот камень, значит, он обладает чудесными свойствами, и разбили его на мелкие кусочки. И все же знаменитый французский востоковед Шарль Клермон–Ганно, служивший в то время переводчиком во французской миссии в Иерусалиме, сумел приобрести часть осколков и соединить их. Другие обломки оказались в руках англичанина Уоррена. Он сделал эстампаж и отослал его Клермон–Ганно, который и исследовал всю надпись. Она была составлена от имени моавитянского царя Меши, жившего в IX в. до н. э. и уже известного из Библии. В 1870 г. Клермон–

Ганно опубликовал эту надпись. Она тотчас вызвала огромный интерес во всем научном мире, в том числе и в России. Надпись Меши упоминает некоторых моавитянских богов и дает некоторое представление о местной религии. К сожалению, других подобных памятников древнего Моава до сих пор не обнаружено.

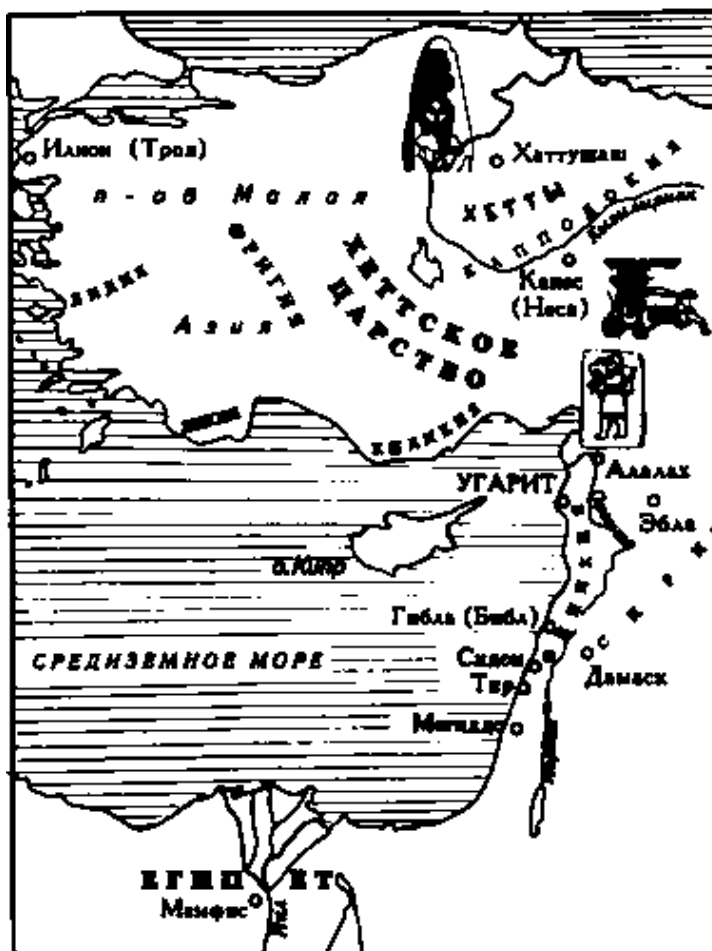
Труды ученых самых разных стран не пропали даром. Несмотря на все трудности, наука сумела приблизиться к пониманию религии и мифологии не только угаритян и финикийцев, но и народов Внутренней Сирии и Заиорданья.

БОГИ

Финикийцы и угаритяне почитали большое количество самых разных богов^[1]. Многие из них были унаследованы от далекого первобытного прошлого. Некоторые являлись общими не только для аморейско-ханаанейского культурного круга, но и для семитов вообще, а для западных семитов особенно^[2]. Поэтому в угаритской и финикийской религиях очень много схожего. Имелись в них также представления о богах, которым поклонялись и населившие Сирию арамеи, и обитавшие в соседней Палестине евреи (до того времени, когда их религия была радикально изменена религиозными реформами и утверждением единобожия)^[3]. Все это смешивалось с религиозными культами, возникшими в финикийских и аморейских городах уже в период государственности.

Ни Финикия, ни аморейский мир никогда не были едиными государствами. Отсутствие политического единства, сложное взаимодействие старых и новых религиозных представлений, влияние других народов — все это не только увеличивало число почитаемых богов и богинь, но и способствовало тому, что их черты часто переплетались. Появлялись различные божества с одинаковыми или близкими функциями, однако совершенно самостоятельные и часто даже не связанные друг с другом.

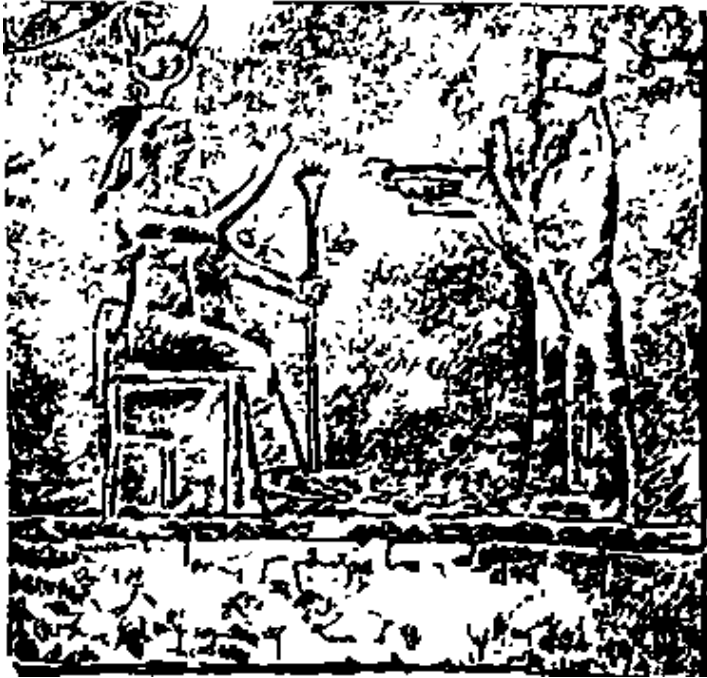
Многие первобытные народы, и среди них предки финикийцев, считали, что имя является неотъемлемой частью человека и знание имени позволяет получить власть над его обладателем. Тем более это относилось к богам. Но бог может очень рассердиться на попытку человека подчинить его и сурово такого нечестивца наказать. А значит, нельзя произносить подлинное имя божества. Этот страх перед подлинными именами богов унаследовали и финикийцы и угаритяне. Поэтому они часто использовали такие слова, как эл («бог»), баал или баалат («владыка» или «владычица»), адон или адонай («господь»)^[4]. И порой очень нелегко разобрать, какое конкретно божество скрывается под тем или иным названием. Кроме того, те же слова служили и собственными именами некоторых богов. И это создает дополнительную трудность.

В финикийско-аморейской религии существовали общефиникийские и общеаморейские божества, хотя в любом городе они могли приобрести некоторые специфические черты. Одновременно были и божества, почитаемые лишь в данном месте. Каждый город имел свое божество—

покровителя, в образе которого воплощалось все самое ценное здешними жителями. При этом они, не смущаясь, подчас наделяли своего патрона чертами и функциями других божеств. Появились и божества, покровительствующие той или иной деятельности, тому или иному проявлению человеческих качеств и стремлений. Случалось и так, что какому-либо божеству особенно поклонялись люди определенной профессии.

Среди богов, которых чтили и финикийцы и амореи, были умирающие и воскресающие божества^[5]. Обычно считалось, что это более молодые боги или даже люди, после своей кончины обретшие бессмертие силой любви богини^[6]. И именно эти боги, символизирующие воскресение мира после подобной смерти спячки в ходе зимы или засухи, часто оказывались наиболее почитаемыми в какой-либо местности^[7].

Весьма почитали и амореи и ханаанеи, к которым, как мы уже говорили, относились финикийцы, объекты и явления, тем или иным образом выдающиеся. Так, объектом почитания были и горы вообще («высоты», как их называет Библия), и отдельные горы, как Цафон недалеко от Угарита или Кармел на границе с Палестиной, и целые горные цепи, как Ливан. Точнее, почитались божества — владыки этих гор. Но иногда обожествлялись и сами горы — например, гора Цафон (угаритяне ее называли Цапану^[8]). Поклонялись финикийцы некоторым деревьям. Существовали даже «священные леса». Особым предметом поклонения были так называемые бетилы. Это камни или каменные столбы, считавшиеся священными и воспринимавшиеся как жилище божества (само слово «бетил», или, правильнее, «бет-эл», означает «дом бога»). Подобное почитание, несомненно, было наследием первобытности, когда камни, деревья, какие-либо предметы являлись объектами культа (такое восприятие неодушевленных предметов как наделенных сверхъестественной силой и одушевленных, а также религиозное поклонение им называются фетишизмом). От древнейшего почитания или, наоборот, проклятия отдельных животных идет и такое же почитание либо проклятие животных у финикийцев, как и вообще у западных семитов. Так, финикийцы чрезвычайно почитали быка и проклинали кабана.

Царь Библа перед богиней Исидой–Хатхор. IV в. до н. э Известяк

История аморейско–ханаанской (угаритской и финикийской) религии была довольно долгой. И за это время религиозные представления и рассказы о богах изменялись. Менялись и представления о роли, какую играло то или иное божество в жизни финикийцев. Это не упраздняло старые взгляды, но видоизменяло их, заставляя сосуществовать с новыми.

Иногда финикийцы и угаритяне принимали чужих богов. Первоначально это были преимущественно те или иные египетские божества, которые порой воспринимались как привычные местные, но в египетском облики и с египетскими именами. Из египетских богинь в Финикии пользовались особым почетом Исида и Хатхор^[9]. Во многих городах Сирии, в том числе в Угарите, жило большое количество хурритов — людей, принадлежавших к одному из народов этого региона. И некоторые хурритские божества, как, например, Кумарби, Тешуб, Шаушка, стали почитаться в Угарите. После завоевания Александром Македонским Восточного Средиземноморья важное значение приобрели греческие боги, а после подчинения его Риму — римские. При этом жители здешних стран старались те или иные собственные божества отождествить с греческими и римскими. В результате многие прежние боги начали почитаться как разные проявления, ипостаси, верховного греческого бога Зевса. Например, гора Цафон в греко–римское время стала называться Касием, а бывший Владыка Цафона (Баал–Цафон) — Зевсом Касием.

Все это придавало местным религиозным представлениям довольно запутанный вид. Правда, делались попытки как-то упорядочить этот хаос. Боги, покровительствующие тому или иному городу, составляли «собрание богов» или «объединение детей богов» данного города^[10]. Близких богов объединяли в триады (троицы). Так, уже в относительно позднее время это пытались сделать жрецы в Карфагене^[11]. В Угарите, как кажется, пробовали составить список божеств в соответствии с их положением в божественном мире^[12]. Имели место и попытки оформить различные религиозные представления в виде некоего «священного писания»^[13]. Как сказано выше, древнейшие из них приписывались мудрецу Таавту, а позже такую попытку предпринял Санхунйатон из города Берита. Но в целом все шаги в этом направлении не принесли желаемого результата, и хаотичность и кажущаяся противоречивость финикийской религии сохранились.

Впрочем, ни финикийцев, ни амореев это не смущало. Древние религии вообще не были догматическими, то есть придерживающимися определенных твердо установленных и воплощенных в сказаниях и догматах представлений. В противоположность современным людям, воспитанным догматическими религиями, объявляющими любое отклонение от догмата непростительной ересью, и суровой научной логикой, древние люди не ощущали явных противоречий в рассказах о своих богах, так что самые противоположные мифы и представления могли спокойно сосуществовать, не подрывая ни культов этих богов, ни религиозных представлений в целом, ни мифологических систем.

Все боги время от времени собирались вместе и пировали, наслаждаясь жирным мясом и сладким вином^[14]. Их обслуживали божественные слуги, а их поручения выполняли божественные вестники и посланцы. «Обязанности» отдельных богов часто пересекались, и за одно и то же дело, за одно и то же проявление природных сил могли «отвечать» различные божества. Но все же и финикийцы и угаритяне из общей массы божеств выделяли богов особенно почитаемых, занимающих в божественном мире более высокое положение.

БОГИ УГАРИТА

Мы не знаем точно, сколько божеств почитали угаритяне. Дошедшие до нас тексты упоминают с разной степенью подробности большое количество богов и богинь разного ранга. Сами эти тексты различны по

своему характеру. Есть ритуальные тексты, то есть такие, которые содержат предписания, как проводить те или иные религиозные церемонии, что и сколько жертвовать тем или иным богам и т. д. Есть тексты мифологические, рассказывающие о событиях из жизни богов и их взаимоотношениях друг с другом. Есть магические и другие разные тексты. Характерно, что роль того или иного божества в мифах иногда не совпадает с ролью того же божества в ритуальных текстах. Конечно, это можно объяснять случайностью археологических находок и надеяться на обнаружение еще какого-то количества мифологических текстов, которые дали бы основание для корректировки прежних выводов. Однако эта случайность относительна.

Ведь, к примеру, храм Балу, в районе которого найдены самые большие и самые содержательные тексты, находился на вершине холма, занимаемого Угаритом, а значит, был одним из наиболее почитаемых в городе. Поэтому с уверенностью можно говорить, что сказания о приключениях Балу отражают ту значительнейшую роль, которую играл этот бог в жизни угаритян. Думается, что никакие новые находки, пусть и самые сенсационные, не смогут поколебать наших представлений об этой роли Балу в Угарите. И все же, учитывая такое положение с источниками наших знаний, при знакомстве с суждениями о значении тех или иных божеств надо понимать, что эти суждения в той или иной степени гипотетичны.

В Угарите верховным богом считался Илу. Это имя в угаритском языке означало просто «бог»^[15]. Но в данном случае оно использовалось в качестве собственного имени верховного бога. Илу имел титул царя. Он и был в представлениях угаритян верховным царем богов и людей, творцом мира. Угаритяне называли его Творцом творения^[16]. Илу мыслился и прародителем всех богов и богинь, людей и всего существующего, всей вселенной^[17]. Сам он был не только царем, но и покровителем царской власти, и поэтому всякий царь — «слуга», а то и «сын» Илу^[18]. Илу изображался в виде могучего старца, сидящего на троне, поставившего ноги на специальную подножку, его голову венчала корона с бычьими рогами, символом могущества. И то, что Илу всегда изображался спокойно сидящим на троне, а не действующим, подчеркивает его положение верховного царя, внимательно наблюдающего за событиями в человеческом и божественном мире. Он жил на святой горе у истоков священных вод, в середине двух океанов — земного и небесного. Это очень далеко от какого-либо конкретного города или места обитания определенного народа^[19]. Илу связан, скорее, с космосом, со всей

вселенной, чем с какой-либо конкретной страной. В качестве такового он охраняет мировой порядок и в случае необходимости восстанавливает гармонию мира — и природного и человеческого. В своем жилище Илу возглавляет собрание богов, там он устраивает для них пиры, со своего трона посылает он приказы или дает советы богам и людям. Илу — высшая инстанция, и его решения могут быть изменены только им самим. Он — воплощение мудрости и милостивости^[20]. Свидетельством его мудрости, которую никто не может превзойти, является его седая борода. Почтенный возраст этого бога имеет и обратную сторону: он может поддаться уговорам или угрозам других божеств, иногда проявляет слабости, свойственные старости^[21]. И все же он — мощный бог. Мощь Илу подчеркивается тем, что его постоянно называют Быком, а бык у земледельческих народов Восточного Средиземноморья, будучи главной тягловой силой, всегда символизировал неодолимую и благотельную мощь. Является Илу и владыкой времени — Господином годов^[22].

В списке угаритских богов выше Илу стоит Бог отцовский, одно из наиболее таинственных угаритских божеств, о котором, кроме простого упоминания, ничего не известно. Возможно, он был богом угаритского царя или царского дома и именно поэтому помещен во главе списка^[23]. Но вполне возможно и то, что Бог отцовский был самым ранним богом, и Илу взял верховную власть, предварительно свергнув его^[24]. В любом случае в известные нам времена верховным владыкой богов и людей считался Илу^[25].

Супруга Илу — Асирату. Еще ее называют просто Илату, то есть «богиней»^[26]. Часто к имени Асирату прибавляют эпитет Морская^[27]. Речь может идти и о «мировом море», из которого вышел земной мир, и о конкретном водном бассейне, в глубине которого обитают различные рыбы и другие морские твари, находящиеся под покровительством Асирату. В качестве морской богини она покровительствует также рыбакам. Обычно ее воспринимают как всеобщую прародительницу богов. Но вообще-то не все божества потомки Асирату. Так, весьма почитаемый Балу к ним явно не относится. Асирату принимает участие в решениях Илу, но не всегда живет вместе с супругом: всякий ее приход к Илу воспринимается им как праздник. Некоторые ученые думают, что Асирату была олицетворением самого города Угарита (в угаритском языке слово «город» — женского рода)^[28]. Но все-таки она, как и ее супруг, больше связана со всем миром, чем с конкретным городом.

Вторая супруга Илу — Рахмайу, то есть «дева»^[29]. О ней известно гораздо меньше, чем об Асирату. Но ее тоже весьма почитали. В списке угаритских божеств она стоит даже выше Асирату^[30]. Если Асирату больше связана с морем и рыболовством, то Рахмайу — с охотой^[31]. Детями Илу и его жен являются благие боги Шахару и Шалиму, боги плодородия и одновременно боги небесные, связанные со звездами. Один из них, видимо, воплощался в утренней звезде, другой — в вечерней^[32].

Илу кажется довольно противоречивой фигурой. С одной стороны, его веления непререкаемы. Илу властвует над миром богов. Без его разрешения бог не может даже построить себе дворец. А когда Илу приказывает богу-ремесленнику Котару-ва-Хасису возвести дворец для бога Йамму, который относится к группе богов, враждебных Котару, тот все же вынужден подчиниться приказу и приняться за эту постройку. Бог Балу не смеет сам благословить любезных ему людей — Карату, Данниилу и вынужден просить об этом Илу. Весьма почитаем Илу и среди людей. Ему приносят жертвы, его умилоствуют люди, в том числе угаритские цари. В Угарите, скорее всего, был храм Илу. В случае необходимости именно Илу может наполнять реки, играющие столь важную роль в сельском хозяйстве всего этого региона.

Однако, с другой стороны, непосредственно ни Илу, ни его супруги не правят миром. Они как верховные государи стоят высоко над землей и над другими богами. Свои веления и обещания людям Илу может передавать, являясь им во сне, но чаще через особых вестников — ангелов. А для непосредственного управления, реального царствования Илу назначает другого бога из числа своих потомков^[33]. И эти потомки ожесточенно спорят и сражаются за право стать царями богов и людей. В этом отношении угаритские божества делятся на две враждующие группы. В одну входят Йамму, Астару, Муту. В другую — Балу, Анату, Котару-ва-Хасису, Шапашу.

Йамму — бог моря и водной стихии вообще^[34]. Его еще называют Судией речным. Под рекой же подразумевается та исходная река мироздания, у истоков которой обитает Илу^[35]. Поэтому Йамму — любимец Илу. Представляя непредсказуемую морскую стихию, Йамму казался угаритянам воплощением хаоса и мирового беспорядка. В то же время он олицетворяет земное водное орошение, противопоставленное небесному.

Но надо иметь в виду, что ни в Сирии, ни в Финикии искусственное орошение, то есть земное, никогда решающей роли не играло. Гораздо

большее значение для сирийско–финикийского земледелия имело естественное орошение: дождь и даже роса. Поэтому и Йамму не казался людям этого региона благодетельной силой, но выглядел, скорее, силой разрушающей и мешающей дождю, наполняющему речные русла, оплодотворяющему землю, дающему ей возможность произвести урожай^[36].

Астарту не пользовался в Угарите особой популярностью, хотя относился к старым общесемитским богам и наделялся весьма разнообразными и часто очень важными для людей функциями^[37]. Но в Угарите он являлся в первую очередь богом пустыни и тем самым противостоял цивилизованной жизни. Одно время Астарту претендовал на царскую власть над миром. Но он явно оказался недостоин ее, царский трон был слишком велик для него, и ему пришлось самому с позором от власти отказаться. Были в угаритском пантеоне и другие божества пустыни, называемые Прожорливыми и Разрушающими^[38]. Они противостояли Балу и цивилизованной жизни, которой тот покровительствовал.

Муту считался богом смерти и владыкой подземного мира^[39]. Сам он обитал в городе Хамрай, расположенном в ущелье, которое воспринималось как вход в подземный мир. Чтобы добраться до этого города, надо перейти горы Таргузиза и Таррумаги, находящиеся на краю земли, а затем уже спуститься в подземную обитель, где и находится город Хамрай. Само это название иногда переводят как «место проливания слез» или «место крушения». Муту — мощная фигура. Одна его губа достает до неба, другая — до земли. И он поглощает все, что находится вблизи него. Поэтому отправляемые к Муту вестники ни в коем случае не должны к нему слишком приближаться под угрозой неминуемой гибели, а могут лишь издали пересказывать послания. Отвратительный, вызывающий ужас образ Муту подчеркивал всеохватность смерти, которой в принципе никто не может сопротивляться. Во власти Муту находятся не только все люди, но и боги^[40]. Его проявлением в земном мире, кроме смерти каждого конкретного человека, являются иссушающий зной и жестокая засуха, ведущие к исчезновению всего живого. В его руках скипетр бесплодия и вдовства. И вообще всякое неплодородие связано с Муту^[41]. Гибель Муту в борьбе с Балу открывает «хляби небесные», и через них нисходит на землю благотворящий дождь, а само уничтожение (явно временное) Муту воспроизводит процесс обработки злаков с целью получения зерна^[42].

Силач Бал, один из главных богов Угарита. XIX-XVIII вв. до н. э.

Центральной фигурой всей угаритской религиозно-мифологической системы предстает Бал, обычно наделяемый эпитетом Силач, что подчеркивает его мощь. Бал, то есть «владыка»^[43], вероятно, все же не собственное его имя. Таковым было, по-видимому, Хадду^[44]. Бал не являлся сыном Илу; он — сын Дагану^[45]. Дагану — податель пищи^[46]. Его культ был широко распространен в древней Сирии, этому богу поклонялись многие амореи, а в некоторых аморейских государствах он даже считался верховным богом. Позже поселившиеся на побережье Палестины Филистимляне также признавали Дагану (Дагона) своим

верховным богом. Но в Угарите он был известен в основном как отец Балу. И в самом городе Угарите храмы Дагану и Балу находились рядом.

Сам же Балу был в первую очередь богом дождя, оплодотворяющего землю, и росы, столь важной в засушливом климате Сирии, богом бури и грома, грозы; недаром его называли Скачущим на облаке^[47]. Гром — это голос Балу, а молния — его оружие, и это оружие нередко воспринималось как извивающееся копьё. Жил он на горе Цапану, как угаритяне называли Цафон, недалеко от Угарита. Другой такой же высокой горы поблизости не было. Поднимаясь на 1770 метров над уровнем моря, она была хорошо видна и из Угарита, и с приближающихся к городской гавани кораблей. Естественно, наиболее почитаемого бога поместили на эту гору, которую угаритяне, возможно, воспринимали как вершину мира и саму ее тоже обожествляли. Живущий на этой горе бог мыслился «вышним»^[48]. На стеле, найденной в Угарите, Балу изображен в виде зрелого мужчины-воина. На голове у него остроконечный шлем с бычьими рогами, из-под которого на грудь и спину падают длинные, завитые на концах волосы. В правой руке он держит палицу, которой, по-видимому, производит гром, а в левой — извивающееся копьё с пламенем на одном конце и острием на другом, и это острие бог вонзает в землю. Сам он стоит над горами и волнами, и это подчеркивает его «вышнее» положение. Балу мог изображаться и в облике могучего быка.

Балу, как и другие боги, признавал верховную власть Илу, но связан с ним был только как с общим прародителем всех божеств. Это позволяло ему конфликтовать с Илу. Впрочем, инициатором конфликтов обычно выступал именно Илу. Балу фактически управлял миром, и это порой не устраивало Илу. Он составлял заговоры против Балу, не останавливаясь даже перед тем, чтобы его собственная жена соблазняла Балу^[49], неоднократно пытался лишить Балу царства, выдвигая его конкурентами то Йамму, то Астару, то Муту. Без угроз богини Анату и уговоров со стороны своей супруги Асирату Илу даже не разрешал Балу построить дворец. В борьбе с Муту Балу погиб, и тогда повсюду установилась засуха и земля перестала производить. Только после воскресения Балу и гибели Муту благодатный дождь смог оплодотворить землю и дать ей новую жизнь^[50].

Богиня (вероятно Анату) с пучками листьев. XIV в. до н. э.

Балу вообще помогает людям во всех трудных ситуациях. Его, разумеется, почитали земледельцы, ибо без помощи этого бога, оплодотворяющего землю, невозможно получить никакого урожая. Но ему поклонялись и моряки — ведь надо умиротворить бога бури, дабы не погибнуть в морской пучине^[51]. Балу может возвещать божественную волю и даже заступаться перед Илу в случае крайней нужды. Он оберегает существующий порядок мира и общества и охраняет город Угарит при нападении на него врагов. Иногда, будучи воинственным богом, он выступает как охотник^[52].

Ближайшая соратница Балу — Анату^[53]. В угаритских мифах она выглядит если не самой могущественной, то, несомненно, самой активной богиней. Иногда ее считали сестрой Балу^[54]. И она же — его возлюбленная. Их первородным сыном был, вероятно, Амурру — предок амореев. Само имя Анату, по-видимому, означало «источник» (или «источники»)^[55], и сначала Анату была прежде всего богиней источников. В качестве таковой она, естественно, способствовала

плодородию земли. Анату — госпожа земного плодородия, рождения земных плодов и в то же время богиня земной любви и воплощение женской красоты. Но одновременно она очень воинственна и кровожадна, готова всегда сражаться^[56]. Порой кажется, что насилие нравится ей само по себе вне связи с какими-либо угрозами ей или тем, кого она защищает или кому покровительствует. Даже вернувшись в свой дворец после очередного избиения людей, она, все еще не успокоившись, начинает крушить собственную мебель, как будто это ее живые враги. Анату — мстительная богиня, сурово карающая за малейший отказ ей в ее притязаниях^[57]. Боги знают это и боятся ее гнева. Именно Анату явилась к Илу и угрозами заставила того вернуть царскую власть Балу, именно она победила Муту и рассеяла его останки, давая возможность миру вновь оплодотвориться. Воинственная богиня, она в мирное время покровительствует охоте^[58]. Анату — и дева и мать одновременно. Угаритяне не усматривали в этом ничего противоречивого, ибо то, что невозможно в людском мире, вполне мыслимо в мире божественном^[59]. Возлюбленная Быка Балу, Анату порой предстает в образе коровы. Иногда она является и в облике птицы, прежде всего орлицы. Кровожадные орлы и коршуны вообще считались священными птицами Анату. Изображали Анату часто в виде обнаженной женщины, стоящей на льве, а также иногда в воинственной позе с поднятой правой рукой, в которой она держала копье, и с кинжалом или, может быть, щитом (обычно ни копье, ни кинжал, ни щит не сохранялись, будучи, вероятно, сделаны из дерева) в согнутой в локте левой руке.

Котару-ва-Хасису («пригожий-и-мудрый»)^[60] — бог-ремесленник в самом широком смысле^[61]. В частности, он строит дворец Балу. Он также льет металл, изготавливает мебель, посуду, украшения, оружие. Особенно любит Котару-ва-Хасису работать с драгоценными металлами и камнями. Его частый эпитет — Работающий руками. И это — главная его характеристика. Ремесло таит в себе что-то от магии, ибо ремесленник превращает одну вещь (материал) в другую (изделие). Угаритский божественный ремесленник тоже связан с магией^[62]: он создает для Балу две волшебные дубины (палицы), которые должны помочь ему в бою с врагом. Но будучи в целом союзником Балу, Котару-ва-Хасису подчинился высшему приказу и стал строить дворец его сопернику Йамму. Характерно, однако, что жил этот бог-умелец, как считалось, не в Угарите и не в его окрестностях, а, скорее всего, на Крите, откуда поступали в Угарит всякие заморские товары, а также в египетской столице

Мемфисе^[63]. И это в значительной степени отражает зависимость угаритского ремесла от критского и египетского. Видимо, в Угарите ремесло, хотя и было весьма развито, все же воспринималось как дело в определенной степени таинственное и несколько чуждое, иностранное. Поскольку и до Крита и до Египта из Угарита добирались морем, Котару–ва–Хасису порой именовали Морским и даже делали его покровителем или изобретателем мореплавания.

Более верной союзницей Балу является богиня солнца Шапашу. Ее по праву называли Светочем богов. Освещает она и жизнь людей, так что ее союз с благотворным Балу вполне естествен. Шапашу именовали Великой госпожой, что вполне понятно для почитателей благодетельного солнца. Небесные звезды рассматривались как воинство Шапашу^[64]. Находясь на небе, Шапашу соединяет небесные божества с землей. Она в случае необходимости выступает вестницей Илу и передает богам его веления. Живет Шапашу, вполне понятно, на востоке. Но она не остается в своем жилище, а путешествует днем с востока на запад, а ночью, вероятно через подземный мир, возвращается в свой дом на востоке. Путешествуя через подземный мир, она оказывается в связи с миром мертвецов и таинственных гаданий. В то же время своими гаданиями и заговорами Шапашу помогает излечиться, в частности, от смертельного действия змеиного яда, который она собирает, как солнце ярким днем собирает и уничтожает тень.

Фигурка богини Астарты, найденная в Тарсисе (совр. Испания). В ней отчетливо просматриваются египетские мотивы

Конечно, этими божествами угаритский мир богов не ограничивался. Богиней охоты и плодородия, любви и красоты наряду с Анату была Астарта (Аштарту). Часто она упоминалась вместе с Анату^[65]. О красивой девушке могли сказать, что ее прелесть подобна прелести Анату и ее красота — красоте Астарты. Соседи Угарита, возможно, даже не улавливали разницы между Анату и Астартой. Во всяком случае, египтяне во второй половине II тысячелетия до н. э. воспринимали их как одно божество — Анатастарта (Анаташтарт). Угаритяне знали два проявления Астарты — Ашарту Пещерную и Ашарту Полевою^[66]. Но в общем в угаритской религии и мифологии Астарта играла второстепенную роль^[67].

Дочери Балу — Пидрай, Талай и Арцай^[68] — как бы воплощали некоторые стороны деятельности и фигуры Балу: небесную росу,

божественный свет и плодоносящую землю. Это были богини плодородия, и они вместе с Силачом Балу обеспечивали продолжение жизни на земле. Пидрай и Талай жили обычно с отцом в его дворце. Арцай же, более связанная с землей, по-видимому, обитала где-то на земле, а может быть, и в подземном мире. Некоторые ученые даже думают, что Арцай была связана с богом смерти Муту и на каком-то этапе мифотворчества ее восприняли как супругу этого подземного бога.

Были у Балу и братья — боги бури и плодоносящего дождя, как и сам Балу^[69]. Но все они явно подчинялись Владыке Цапану, который мог даже выдать их богу смерти Муту вместо себя (хотя этого и не сделал).

Важную роль в Угарите играл бог Рашапу. Мифов о нем мы не знаем (возможно, что их и не существовало)^[70]. Но в жизни угаритян он занимал значительное место^[71]. Этот бог был связан с землей и подземным миром, он, считали угаритяне, насылал на людей болезни и эпидемии, но мог в случае обращения к нему и излечить от них. Действует он на людей, стреляя в них из лука; болезни — результат поражения человека стрелами Рашапу. На земле он чаще всего появляется во время заката, и поэтому его порой называют привратником Шапашу. Рашапу как бы возглавляет группу божеств, которых угаритяне явно не слишком любили и очень боялись. Эти божества, вероятно, тоже были связаны с болезнями и смертью. К таким божествам относили богиню Дадмишу, которая в списке угаритских божеств следует непосредственно за Рашапу. Она мыслилась воинственной богиней, уничтожавшей людей, и ее, может быть, угаритяне считали супругой Рашапу^[72].

Значительное место в угаритской религии занимал бог Харану^[73]. О нем мы знаем немного. Известно лишь, что этот бог излечивал людей и лошадей от действия змеиного яда. Возможно, Харану вообще был богом-целителем, но одновременно он мог и насылать болезни как на людей, так и на лошадей. В древности, в том числе и в Передней Азии, лошадь использовалась не в земледелии, а в армии, причем в отборных войсках, связанных с аристократией. Поэтому, может быть, и культ Харану в Угарите был больше связан с военной аристократией.

Поклонялись угаритяне и другим божествам, занимавшим в их духовной жизни меньшее место. Среди таких божеств был бог Йаву^[74]. Известно о нем очень мало, а именно — что он как-то связан с морским богом Иамму. По некоторым предположениям, Йаву — тот же самый бог, которого в финикийском Берите называли Йево и который в Библии именуется Иахве.

В угаритской религии и мифологии существовали и различные низшие божества, жившие между небом и землей. Они помогали или, наоборот, вредили людям, и им тоже поклонялись. Одних люди благодарили за помощь, просили и впредь помогать им, других они стремились умиловить, чтобы те не насылали на них различные беды. Очень почитали угаритяне Благих богинь — Косаратум, чьими священными птицами считались ласточки. Эти богини, как представлялось, помогали при рождении ребенка^[75]. В списке угаритских божеств присутствуют обожествленные музыкальные инструменты. Некоторые боги имеют своих слуг и вестников. Вестники не только связывают богов друг с другом, но порой являются посредниками между богами и людьми. Боги могут создавать особые существа для выполнения тех или иных поручений. Так, Илу создал демона Шатикату специально для излечения царя Карату. И весь этот пестрый божественный мир благочестиво почитался угаритянами.

С падением Угарита некоторые угаритские божества оказались забыты, другие, вероятно и прежде почитавшиеся ханаанеями, сохранили свой культ, но заняли более скромное место, чем это было в Угарите во II тысячелетии до н. э.; третьи продолжали пользоваться большим почитанием и в I тысячелетии до н. э.

ФИНИКИЙСКИЕ БОГИ

Финикийцы почитали практически тех же или почти тех же богов, что и угаритяне. Но имена их они произносили в соответствии с законами своего языка. Так, бога Илу они называли Элом, а Балу — Баалом. Конечно, несмотря на то что и угаритская и финикийская религии относились к западносемитским и имели общее происхождение, полного тождества между двумя религиозно-мифологическими системами не было. Во-первых, финикийцы и угаритяне были хотя и близкородственными, но все же разными народами. Во-вторых, источники наших знаний о финикийских и угаритских богах относятся к разному времени. Правда, время появления сочинения беритского жреца Санхунйатона, скорее всего, совпадает с последним периодом существования Угарита и является, вероятно, не намного более поздним, чем время создания тех мифологических поэм, которые были записаны угаритским писцом Илимилку. Другими словами, если относить данные Санхунйатона ко II тысячелетию до н. э. (а это кажется вполне обоснованным), то можно рассматривать дошедшие до нас сведения об

угаритской и финикийской религиях как почти одновременные. Но само сочинение Санхунйатона было в значительной степени переосмыслено Филоном Библским^[76], жившим более тысячи лет спустя, и требуется значительная работа ученого, чтобы восстановить (хотя бы приблизительно) содержание и смысл произведения Санхунйатона. В нашем распоряжении имеются также свидетельства более позднего времени, уже I тысячелетия до н. э. Это и не всегда ясные сообщения греческих и римских авторов, и подлинные надписи, оставленные обитателями Финикии и ее колоний, особенно Карфагена, которые содержали те или иные известия о финикийских богах. Так что значительная часть наших сведений может отражать уже новый, по сравнению со временем Санхунйатона, этап истории западносемитской, в данном случае финикийской, религии.

Верховным богом финикийцев являлся Эл^[77]. Правда, финикийцы, по крайней мере финикийцы I тысячелетия до н. э., со своими реальными нуждами мало к нему обращались. Эл, если можно так выразиться, царствовал, но не управлял^[78]. Только на окраинах финикийского мира Элу еще достаточно активно воздавали культовые почести как Творцу творения. Возможно, что также в Библие и Берите^[79] Эл еще почитался. Но в большинстве финикийских городов, включая колонии, «обязанности» Эла уже переходили к другим богам.

Одним из таких богов был Баал–Шамим («владыка небес»). Он занимал очень высокое место в мире финикийских божеств. Финикийцы помещали его во главе вселенной^[80]. Резиденцию Баал–Шамима располагали высоко над землей. О нем рассказывали, что он один из самых древних богов и что люди первым начали почитать именно его. Связан был Баал–Шамим, видимо, и с морем, покровительствуя мореплаванию^[81]. Баал–Шамим возглавлял весь список богов в самых разных финикийских городах — в Библи, Тире, Карфагене и других. Но, как замечает один французский ученый, в религиозной жизни, так же как и в политике, «популярность и официальное положение — две разные вещи». Особой популярностью Баал–Шамим все же не пользовался^[82].

Наряду с Баал–Шамимом во главу своей божественной иерархии финикийцы помещали и других богов, которые, по-видимому, в I тысячелетии до н. э. также уже играли на деле сравнительно небольшую роль в религиозной жизни Финикии и ее колоний. Это были Баал–Малаки (или Баал–Малаге)^[83] и Баал–Цафон. Баал–Малаки, вероятнее всего, еще одно морское божество, и покровительствовал он именно морским

путешествиям. Возможно, именно в его честь финикийцы называли один из городов, основанных ими в Испании, Малакой (современная Малага)^[84]. Что же касается Баал–Цафона, то это очень древний бог. В Угарите, где его называли Силачом Балу, он, как мы уже видели, играл очень большую роль в религиозных представлениях, будучи богом дождя, оплодотворяющего землю, богом грома и бури, связанным и с морем. Видимо, и в Финикии он наделялся теми же чертами и функциями. Из этих трех богов Баал–Цафон был, вероятно, сравнительно более почитаемым. Религиозные почести воздавали не только самому богу, но и горе Цафон (угаритская Цапану), где, как предполагалось, находится дворец этого бога. Храмы Баал–Цафона имелись во многих финикийских городах, и финикийцы нередко включали в имена своих детей имя Цафон, ставя тем самым ребенка под покровительство этого бога. А соседи финикийцев, евреи, сравнивали гору Цафон со своей священной горой Сион.

К сожалению, нет сведений о том, как эти три бога соотносились с семьей финикийских богов. Надо сказать, что финикийцы, да и вообще многие другие (если не все) древние народы, рассматривали своих богов как членов одной или нескольких божественных семей. Многие, а может быть, и все, божества Финикии и ее колоний считались в той или иной степени потомками бога Небо или его сына Эла, который в конце концов сверг отца и сам стал главой мира богов и людей. Небо имел, однако, не только сыновей, но и дочерей. И среди них особо важную роль играла Астарта.

*Баал–Цафон, владыка священной горы финикийцев. VIII в. до н. э.
Бронза*

Астарта относилась к древнейшим божествам не только финикийцев, но и других народов, говоривших на семитских языках, особенно в западной части семитоязычного мира^[85]. В Месопотамии она или очень близкая к ней богиня выступала под именем Иштар. В Сирии же и окружающих районах она была известна как Астарта. Начиная с 1973 г. археологи раскапывают древний город Эбла в северо–восточной части Сирии. Ученые расшифровали и прочитали многие найденные при раскопках тексты. И в них ясно упоминается Астарта, а порой она даже называется «богиней Эблы», то есть совершенно очевидно играет роль верховной богини этого царства, которое занимало важное место в политической географии Передней Азии в III тысячелетии до н. э. Тогда же и позже, уже во II тысячелетии до н. э., Астарта почиталась и в других местах этого региона, в том числе в Угарите, хотя там она и уступала первенство Анату. В I тысячелетии до н. э. Астарте поклонялись соседние с финикийцами народы — арамеи в Сирии, аммонитяне и моавитяне в

Заиорданье, филистимляне в Палестине и даже египтяне, которые близко познакомились с культом этой богини еще в предыдущем тысячелетии^[86]. Широко она была известна и евреям Палестины^[87]. И когда там стало утверждаться единобожие и бога Йахве начали воспринимать как единственного истинного Бога всего мира, библейские пророки обрушили свой гнев на Астарту, видя в ней и в Баале (какой бог подразумевается под этим именем, точно не известно) главных врагов.

Для финикийцев Астарта была одним из самых основных и широко почитаемых божеств^[88]. Недаром греки считали всю Финикию страной, посвященной Астарте. По своему происхождению Астарта была в первую очередь богиней плодородия. Когда позже эти ее функции оказались перенесены на мир людей, она стала восприниматься как богиня любви. Представлялось, что ее заботами увеличивалось число людей на земле, что она покровительствует семье и деторождению. Но и само общество и государство воспринимались древними как большая семья. И поэтому Астарта мыслилась также богиней, покровительствующей гражданскому порядку и гражданскому коллективу. В городах–государствах Финикии, где власть находилась в руках царя, который олицетворял данное государство, Астарту тесно связывали именно с царской властью, и сама она воспринималась во многом как царица^[89]. Ее называли «великой», «госпожой». Кроме того, Астарта была воинственной богиней и богиней–охотницей.

Астарта — богиня плодородия, любви и плодovitости. Часто Изображалась сжимающей руками Фуды. Ок. VI в. до н. э. Терракота

Иногда ее считали также богиней луны^[90] (хотя у финикийцев было и отдельное лунное божество), а позже ее воплощение усматривали в вечерней звезде.

С течением времени образ Астарты развивался. В Карфагене она, начиная с середины V в. до н. э., оттесняется, хотя, видимо, и не официально, на второй план, но в остальном финикийском мире, наоборот, приобретает все более всеобъемлющие космические черты, воспринимается как кормилица всего мироздания. Греки и римляне обычно думали, что Астарта — это та же богиня, что и их Афродита или Венера^[91], то есть в первую очередь богиня любви, но иногда, а чем дальше, тем больше, ее сравнивали с верховной римской богиней

Юноной^[92]. А один римский автор сказал, что божественная Астарта — сила, жизнь, здоровье людей и богов и одновременно гибельная болезнь, а также море, земля, небо, звезды. Для него и многих других, кто разделял это мнение, Астарта становилась верховным божеством, управляющим жизнью и смертью, здоровьем и болезнью, земным и небесным миром^[93].

Но и без такого космического преувеличения Астарта была очень разносторонней богиней. Одна современная исследовательница говорит, что под одним этим именем скрывались тысячи божественных индивидуальностей. Это, конечно, образное выражение, но оно хорошо подчеркивает многообразие «обязанностей» Астарты. И различных проявлений, ипостасей, Астарты было довольно много. Например, известна Астарта Эрицинская, почитавшаяся на сицилийской горе Эрике. О ней рассказывали, что она на девять дней покидает Сицилию и перелетает в Африку, сопровождаемая священными голубями. В образе Астарты Эрицинской особо подчеркивалась ее роль богини плодородия земли и плодovitости человеческого рода^[94]. Еще одна разновидность Астарты связана с морем^[95].

Разнообразны были и изображения Астарты. Как богиня плодородия, любви и плодovitости, она изображалась обычно в виде обнаженной женщины, сжимающей руками груди^[96]. Но часто встречается и изображение ее в виде царицы, сидящей на троне. Трон был в данном случае столь важен, что порой изображался только он, и подразумевалось, что богиня незримо восседает на нем. Иногда на трон водружали конической формы камень, призванный символизировать Астарту. Изображение богини в виде особого камня являлось пережитком очень древних времен, когда богов еще не представляли в человеческом облике. Одно это свидетельствует о том, каким древним был культ этой богини. Священными животными Астарты считались лев и голубь^[97]. С культом Астарты тесно связан образ керуба — фантастического существа с львиным телом, человеческой головой и крыльями, очень похожего на египетского и, особенно, греческого сфинксов. Керубы порой стерегли и трон Астарты, они вообще были связаны с понятием царственного божества, выступали стражами святости места^[98]. Финикийцы часто изображали Астарту смотрящей из окошка: возможно, в тот момент они думали о богине, наблюдающей из своего дворца за земными делами^[99]. Порой Астарту изображали даже вооруженной.

Богиня Астарта нередко изображалась сидящей на троне под охраной керубов. VI-V вв. до н. э.

Как угаритяне свою богиню Анату, так и финикийцы Астарту воспринимали одновременно и как деву, и как супругу и мать. Она была одной из жен Эла и родила ему семь дочерей, среди них, вероятно, и Тиннит. В Финикии в некоторых городах ее почитали вместе с Астартой^[100]. В Карфагене, где, как уже было сказано, культ Астарты с середины V в. до н. э. начал отесняться на второй план, первое место заняло почитание именно Тиннит^[101]. Впрочем, официально и после этого Астарта сохраняла одно из первых мест среди карфагенских божеств.

Керуб — фантастическое существо с телом льва, человеческой головой и крыльями. Рядом с Керубом священная птица Астарты — голубь. VI в. до н. э. Гребень из слоновой кости

Тиннит рассматривалась карфагенянами в первую очередь как небесная богиня, предстающая перед земными жителями в образе луны. Она движет тучами и ветрами, предводительствует звездами и перемещается по небу на льве. В качестве небесной богини Тиннит посылает на землю благотворительный дождь, оплодотворяющий землю, что и позволяет земле порождать растения и животных. Поэтому она является «кормилицей» и «великой матерью». Эти ее «обязанности» карфагеняне переносили и на мир людей. Священной птицей Тиннит, как и Астарты, считался голубь, соединяющий в своем полете небо и землю. И когда богиню изображали в виде женщины, ее всегда окутывали голубиные крылья^[102]. Как и Астарта, Тиннит — дева и одновременно богиня плодородия; как и Астарта, она мыслилась воинственной богиней, символизирующей победу и мощь карфагенского войска. Поэтому ее порой называли «могущественной». Но чаще она выступает как «госпожа» или «великая госпожа». Она воспринималась и жителями Карфагена, и его соседями как госпожа Карфагена. Ее изображали на карфагенских монетах в качестве символа этого государства. Она олицетворяла Карфаген, его площади и улицы, а также очаг Карфагена с его вечным огнем^[103]. Карфагеняне считали Тиннит «советующей» богиней и полагали, что она незримо председательствует на заседаниях карфагенского сената и дает его членам советы на благо государства. А позже ее стали воспринимать уже как «подлинную правительницу», царицу всех богов^[104].

Стелла со знаками Тиннит и другими символами. Карфаген. Известняк

Редки изображения Тиннит в человекоподобном виде. Чаще ее изображали символически в виде ромба (эта геометрическая фигура издревле была связана с идеей произрастания, появления на свет, рождения). Другими символами Тиннит считались пальма и гранат. С культом Тиннит связан и так называемый знак бутылки в виде сосуда с цилиндрическим или яйцевидным туловом и коротким цилиндрическим горлом либо полусферическим колпачком; иногда вместо колпачка появляется изображение человеческой головы, а на тулове — женских грудей или фаллоса. Видимо, этот знак олицетворяет одновременно ребенка, принесенного в жертву (об этом пойдет речь позже) и обретшего

таким ужасным способом бессмертия, и погребальный сосуд, в котором захоронен пепел жертвы^[105]. Особенно часто в Карфагене и в других местах его державы встречается так называемый знак Тиннит в виде треугольника или трапеции с поперечиной, положенной на вершину треугольника или короткую верхнюю сторону трапеции, причем концы поперечины часто подняты вверх, а выше, над самой вершиной треугольника или серединой трапеции, находится крут. Ученые в течение многих лет пытаются разгадать смысл этого таинственного знака. Угол или треугольник, особенно заштрихованный (а в Карфагене встречается и такой), издавна был символом женщины, женского плодоносящего начала, а крут может символизировать солнце, черта же — означать не разделение, а, наоборот, соединение этих фигур. И в таком случае «знак Тиннит» — символ соединения богини плодородия с богом солнца^[106]. А таким богом в Карфагене считался Баал–Хаммон.

Баал–Хаммон был древним и весьма почитаемым богом, сыном Эла. И позже, когда Эла стали почитать много меньше, на Баал–Хаммона перенесли некоторые черты отца^[107]. Баал–Хаммону поклонялись не только в самой Финикии (в том числе в Тире), но и в соседних местах, а также в тирских колониях. Если не считать угаритских имен типа Абдихаману («раб Хаману») и сомнительного упоминания Хаммона в Эмаре, древнейшее упоминание этого бога относится к IX в. до н. э. и содержится в надписи, сделанной в одном из арамейских государств, находящемся под сильным финикийским влиянием. Имя этого бога встречается на амулете, найденном в Тире. С финикийскими колонистами культ Баал–Хаммона рано распространился по всему Средиземноморью. На самом западе финикийского мира, в Гадесе, существовал храм Баал–Хаммона. На монетах другой финикийской колонии в Испании, Малаки, встречается символ этого бога — круг с лучами. Существование культа Баал–Хаммона отмечено практически во всех районах финикийской колонизации, а также там, где местное население испытывало сильное финикийское влияние, как, например, в Нумидии в Африке. Особой же популярностью он пользовался в Карфагене. Там его весьма почитали с самых ранних времен существования города^[108]. Сначала Карфаген был основан на холме недалеко от берега, и позже на этом холме находилась карфагенская цитадель Бирса. В месте же, где первоначально высадились колонисты, возникло святилище. Долгое время оно было посвящено одному Баал–Хаммону, а затем (не позже IV в. до н. э.) — Баал–Хаммону и Тиннит. И уже довольно рано здесь появились посвященные стелы в честь Баал–Хаммона. Так что можно говорить, что Баал–Хаммон с самого

начала принадлежал к наиболее значимым божествам Карфагена. Позже он стал выступать в паре с Тиннит (о паре с Астартой ничего не известно), что не умалило его статуса. В финикийских колониях на Мальте, Сицилии и Сардинии он по-прежнему один, хотя Тиннит там тоже была известна.

Как и Тиннит, а до нее Астарта, Баал–Хаммон вбирал в себя всё новые сущности, приобретал всё новые черты. Он был солнечным богом; недаром одним из его символов являлся солнечный диск, иногда крылатый, подобно египетскому. Располагался Баал–Хаммон выше небесного океана. Солнце часто было в древности символом и хранителем справедливости. И Баал–Хаммон тоже выступал подобным гарантом, внимательно выслушивая мольбы и жалобы верующих. Одновременно Баал–Хаммон был аграрным божеством; он, как считалось, обеспечивал плодородие земли, а по ассоциации — и плодovitость человека, символизируя мужскую производящую мощь, как Астарта и Тиннит— женскую. Порой его и называли просто Мощным. Будучи солнечным богом, Баал–Хаммон спускался вечером на западе и через подземный океан возвращался на восток, чтобы утром снова подняться над миром. Во время своего путешествия через подземный мир он никак не терял своей царственности. Более того, и там, в мрачном мире мертвецов, он выступал владыкой. Таким образом, Баал–Хаммон мыслился как бы триединым богом — небесным (солнце), земным (плодоношение земли и плодovitость мужчин) и потусторонним (владыка подземного мира)^[109].

Покровитель Карфагена — Баал-Хаммон. Ок. III в. до н. э. Крышка саркофага

Изображали Баал-Хаммона по-разному. Иногда его представляли в виде диска, напоминающего солнце, порой с большими ушами, чтобы он мог выслушивать все молитвы людей. Иногда — в виде сужающегося кверху столба, что напоминало о его земной сущности. Часто встречались и изображения Баал-Хаммона в человекоподобном виде. Тогда он предстал как могучий старец, сидящий на троне (что подчеркивало его царственное положение), украшенном керубами. На голове у него была коническая тиара или корона из перьев. Правую руку бог поднимал в благословляющем жесте, а в левой держал посох, украшенный либо хлебным колосом, либо шишкой сосны, которая издавна считалась

символом бессмертия и мужской плодовитости. В этом виде его иногда помещали и на корабль, пересекающий подземный океан. В Карфагене найдена очень древняя гемма (резной камень) VI, а может быть, и VII в. до н. э., на которой изображен Баал–Хаммон, сидящий на троне; трон стоит на корабле, а под ним — растения, тянущиеся вниз, и это должно было означать, что корабль пересекает воды подземного океана. Сам Баал–Хаммон одет в длинную царскую одежду, с короной на голове, рядом с которой находится солнечный диск, а в руке он держит посох с хлебным колосом. Таким образом, здесь бог предстает в своей триединой сущности.

Дочерью Эла была богиня Анат. Это очень древняя богиня, но, как и ее отец, постепенно она теряла своих почитателей. Анат чрезвычайно похожа на Астарту, будучи одновременно и богиней любви и плодородия, и богиней войны и охоты. Все более широкое распространение культа последней сокращало сферу действий, отводившуюся Анат. Только на Кипре ее культ в большей или меньшей степени сохранял свое значение довольно продолжительное время. Там в образе Анат подчеркивали, скорее, ее воинственную природу. Недаром жившие на Кипре греки считали, что Анат — та же самая богиня, что и их Афина^[110].

Повелитель стрел — Решеф. В руке он, вероятно держал копье. II тысячелетие до н. э. Бронза

Сестрой Анат и дочерью Эла финикийцы считали Шеол, богиню подземного мира^[111]. О ней рассказывали, что отец убил ее, когда она была еще девственницей. Спустившись в подземный мир, Шеол стала его владычицей. Иногда ее так и называли — Владычица Подземелья. То, что финикийцы считали Шеол девой, не должно было, в их понимании, мешать ее положению супруги бога смерти Мота^[112], также сына Эла. Имя Мот означает «смерть»^[113]. Этого бога почитали, но в то же время очень боялись. Смерть всегда рассматривалась как неизбежный конец земной жизни, так что народу с рождением она представлялась одной из двух сторон бытия. И некоторые финикийцы даже причисляли Мота к

создателям этого мира^[114]. В царстве мертвых значительную роль играли рефаимы, вероятно души предков^[115].

С царством смерти в известной степени был связан бог Решеф^[116], бог очень древний. Его почитали не только финикийцы, но и многие другие народы, говорившие на западносемитских языках. Культ Решефа был хорошо известен и египтянам^[117]. Это был воинственный бог, бог войны, который одновременно выступал как бог эпидемий, но он же и избавлял от них. Само его имя означало «пламя, молния, искра». И оно может говорить о том, что Решеф считался также богом молнии и небесного света. А так как молния связана с бурей, то Решеф воспринимался и как бог бури, посылающий на землю благодетельный дождь. Этот бог выступал и в роли хранителя договоров. Финикийцы и их соседи приписывали ему неодолимую силу. Изображался Решеф обычно в виде воина, вооруженного луком. Молнии считались стрелами Решефа. Они могли предвещать несчастья и болезни, гибель скота и всего имущества. В этом случае имя Решефа порой называли во множественном числе. И библейская Суламифь говорит своему возлюбленному Соломону, что любовь сильна, как Мот (смерть), ревность неотвратима, как Шеол (преисподняя), ее Решефы (стрелы) — Решефы огненные. Этот воин и убивал людей, и мог, наоборот, спасти их от смерти. Священным животным Решефа был олень (или газель).

Другим богом, соединяющим жизнь и смерть, был Эшмун^[118]. Его можно назвать одним из великих финикийских богов. В первую очередь это бог-врачеватель^[119]. Кроме того, Эшмун считался умирающим и воскресающим богом, тесно связанным с миром плодородия, с миром умирающей и воскресающей природы. Согласно мифу, юношей Эшмун погиб, но Астарта вернула его к жизни. Он был восьмым братом Кабиров^[120].

Семь Кабиров и их восьмой брат были детьми Цидика («праведного»), одного из самых древних богов, который вместе со своим братом Мисором («справедливым») олицетворял мировой и общественный порядок и незыблемость существующих установлений, законность царской власти и верность божественным и человеческим законам^[121]. Правда, иногда Эшмуна считали все же сыном не Цидика, а Решефа, подчеркивая тем самым неразрывную связь гибели и излечения. Кабиры, и в их числе Эшмун, — открыватели целебных трав и изобретатели корабля. Но это необычный корабль — он перевозит душу умершего через небесный океан в мир вечности. Корабль Кабиров — корабль мертвецов.

Такой корабль нарисован на стене гробницы, найденной на территории существовавшей в древности Карфагенской республики. На корабле — восемь воинов. Это Кабиры, включая и Эшмуна. Роль кормчего исполняет солнечное божество.

Шадрата, бог умирающей и воскресающей природы, изображался стоящим на льве. V в. до н. э. Известняк

Первую роль среди Кабиров играет именно их восьмой брат — Эшмун. Он умирает и воскресает, он связан с миром смерти и может предотвращать ее путем исцеления. А если уж невозможно излечиться, Эшмун помогает душе умершего обрести блаженство на том свете, где она излечивается от болезней этого мира. И в данном качестве финикийцы чрезвычайно почитали Эшмуна. Он был для них господином жизни и смерти. Священным животным Эшмуна считалась змея — символ вечной

жизни и постоянного обновления, ибо финикийцы, как и многие другие народы древности, искренне верили, что змеи не умирают, а только меняют кожу, после чего возрождаются к новой жизни. Саму змею финикийцы называли «добрым божеством» и чрезвычайно почитали.

Кульτ богов–исцелителей получил у финикийцев широкое распространение. Кроме Эшмуна у них было целое созвездие таких божественных врачей. К ним относился и Шадрапа^[122]. Как и Эшмун, он считался богом умирающей и воскресающей природы; возможно, он был связан и с разведением винограда, покровительствуя этой отрасли земледелия^[123]. Кроме того, Шадрапа был воюющим, а также, вероятно, охотящимся богом и, что не менее важно, богом, царствующим над миром и людей и зверей, связанным с небом и горами. На стеле, найденной в Амрите (на севере Финикии недалеко от Арвада), Шадрапа изображен стоящим на льве, который, в свою очередь, стоит на горах; на голове у бога царская корона с египетской священной змеей (в такой короне обычно изображался египетский фараон, а из богов — Осирис), в одной руке он держит зверя, в другой — оружие (или молнию), а над головой у Шадрапы солнечный диск и крылья^[124]. Не исключено, что существует связь Шадрапы с египетским богом Шедом, так как, по мнению некоторых ученых, само имя бога означает «Шед–целитель»^[125]. Шадрапа олицетворял животворящие силы, он излечивал людей если не на этом, то на том свете, где их души возрождаются к потусторонней жизни.

Таковыми же богами–целителями были Цид^[126], которого также связывали с охотой и рыболовством, и Хорон, в область деятельности которого включали, в частности, лечение болезней скота и помощь в случаях укусов волков и змей^[127]. В разных финикийских городах значение богов–врачей могло быть разным. Так, в Сидоне и Карфагене главенствующее место занимал Эшмун, в финикийском городе Лептис в Африке — Шадрапа.

Среди детей Эла финикийцы называли и бога Йево, или Иеуду, которого Элу родила Анобрет (о ней мы, к сожалению, ничего не знаем). Это морской бог, особенно почитавшийся в Берите, и именно его жрецом был известный нам Санхунйатон. Йево был связан с морскими божествами^[128]. Финикийцы почитали несколько таких божеств.

Родоначальником многих морских божеств был Бел, сын Эла, воспринимавшийся как бог текущей воды^[129]. Его внук — бог моря Йам^[130].

Сыном же Йама был бог, которого греки отождествляли со своим богом морской стихии Посейдоном и называли его именем. Этот бог считался очень могущественным, особенно его почитали в Берите и в Карфагене^[131]. Его часто изображали в виде всадника, мчащегося на гиппокампе (полурыбе–полулошади). Вместе с ним в море жили различные божества, покровительствующие мореплаванию. Среди них большой популярностью пользовались так называемые патеки, существа в виде карликов. Их изображения помещали на носах кораблей, чтобы отвращать несчастья от судов и охранять моряков во время плавания^[132].

Море играло очень важную роль в жизни финикийцев. Но и земля была им по–своему дорога.

Для этих отважных мореплавателей она являлась надежным пристанищем и кормилицей. Финикийцы почитали ее как богиню Арц, что означает «земля». Над ней днем сияло солнце (Шепеш), а ночью луна (Йарих)^[133]. И они тоже были богами, которым поклонялись финикийцы. Из них особенно они почитали Солнце. Финикийцы даже рассказывали, что Солнце вообще было первым божеством, которое восприняли люди и которому они воздали божеские почести. Иногда солнечное божество воспринималось как мужчина, но чаще все же Солнце было женщиной, изображаемой с лучами вокруг головы^[134]. Поклонялись финикийцы также звездам^[135]. Некоторых из них они отождествляли с другими богами. Если вечернюю звезду они воспринимали как богиню Астарту, то утреннюю — как бога Астара. Этот бог весьма почитался некоторыми другими семитоязычными народами, например южными арабами, его знали в Угарите, но в Финикии он был известен довольно мало.

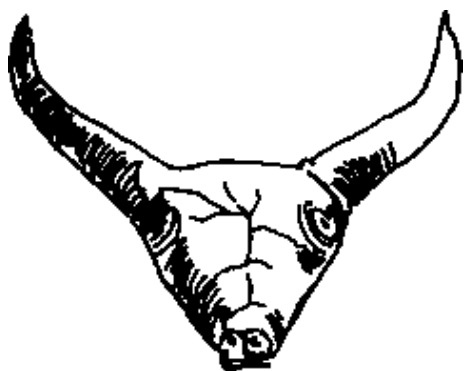
Покровитель моряков бог Бел. II век до н. э. Терракот

Братьями верховного бога Эла и сыновьями Неба и Земли были Бетил и Дагон^[136]. Бетил являлся олицетворением тех священных камней, которые ставили финикийцы. Дагон был связан с землей. В первую очередь он выступал как бог земледелия, недаром его имя связано с названием зерна в финикийском языке. Дагон изобрел плуг, он же научил людей сеять зерно и изготавливать хлеб. Его приемным сыном был Демарунт, одновременно и сводный брат Дагона, ибо подлинными родителями Демарунта были Небо и его наложница. Но эта наложница беременной была захвачена в плен и отдана Дагону, в доме которого она и родила. А по обычаю, распространенному в Передней Азии, ребенок обретал права члена той семьи, в чьем доме он появился на свет. Возможно, так и Демарунт стал членом семьи Дагона. Демарунт сражался с богом моря Йамом, и это напоминает угаритский миф о войне с морским богом Йамму Силача Балу, который был сыном Дагану, то есть того же Дагона. Правда, сражение Демарунта с Йамом оказалось неудачным, и Демарунту пришлось спасаться бегством. Но в целом это предприятие завершилось, видимо, в пользу Демарунта, ибо Эл передал ему вместе с Астартой и Хададом власть почти над всей Финикией^[137]. И хотя других мифов о Демарунте мы не знаем, а его культ еще далеко не исследован, можно предполагать, что, как и Астарта, Демарунт относился к наиболее

значимым финикийским божествам. Он, вероятно, олицетворял вместе с Астартой живительную плодоносящую силу земли и считался ее супругом (или, скорее, одним из супругов)^[138]. Их сыном был Мелькарт. Третий же властелин Финикии, Хадад, был больше связан с горами, особенно с Ливаном, отделяющим Финикию от внутренних районов Сирии, и иногда он известен под именем Владыки Ливана (Баал–Лабнан)^[139].

Мелькарт, сын Демарунта и Астарты, относился к группе так называемых молодых богов. К ней же принадлежали Эшмун и Адонис. Это уже новое поколение финикийских божеств. Их объединяло то, что все они мыслились богами умирающими (точнее, насильственно погибающими) и воскресающими, ассоциировались с умирающей и возрождающейся природой. Но не менее важным считалось то, что своим умиранием и последующим воскресением они связывали два мира — земной и подземный, посюсторонний и потусторонний, мир жизни и мир смерти. Обычно эти боги покровительствовали отдельным городам. Даже Эшмун, общефиникийский бог, особо почитался в Сидоне. Мелькарт был покровителем Тира, а позже стал покровителем многочисленных тирских колоний. Адонис же был богом Библа^[140].

«Молодые» боги были не единственными покровителями городов. Наряду с ними в этом качестве выступали и более «старые» божества. Так, в Тире и, особенно, Сидоне эту роль играла Астарта^[141]. В Библе почиталась богиня, которую так и называли Владычицей Библа — Баалат–Гебал (финикийцы называли Библ Гебалом или Гублой)^[142]. Как и Астарта, она была одной из супругов Эла, выступала богиней плодородия и любви. Покровительствовала Баалат–Гебал и мореплаванию. Но сфера ее власти ограничивалась областью Библа. В этом городе и его округе ей поклонялись как верховной божественной царице. Именно она, как полагали, даровала конкретным земным царям власть над Библом, продлевала их дни и годы, могла свергать их в случае нарушения царями своих обязательств перед богами, и в первую очередь перед ней, Владычицей Библа. Библский царь считал себя слугой Баалат–Гебал. Ее культ существовал в Библе с древнейших времен. Изображали Баалат–Гебал сидящей на троне, одетой в египетскую одежду, с рогами на голове, между которыми помещался солнечный диск; правую руку богиня поднимала в благословляющем жесте. Это был образ именно царицы и госпожи. Но ее могли, подобно Астарте, условно изображать и в виде священного камня конической формы. Именно так Баалат–Гебал была представлена в библском храме, который пока является самым древним финикийским храмом, раскопанным археологами.

Бык — священное животное многих финикийских богов. Эта бычья голова найдена при раскопках храма Баалат–Гебал в Библе. III тысячелетие до н. э. Обожженная глина

В одном из вариантов мифа Баалат–Гебал считалась супругой Эла, в другом — ее супругом выступал бог Хусор. Он был богом–ремесленником, особенно покровительствуя строительству (в том числе судостроению) и кузнечному делу. Иногда рассказывали, что Хусор был изобретателем первого корабля (хотя эту честь он делил с другими божествами)^[143]. Будучи судостроителем, он мог позже отождествляться и с морским божеством Эреш, одновременно тоже строителем, особенно градостроителем^[144]. Ремесленник Хусор иногда считался одним из создателей существующей вселенной. Его изображали в виде зрелого мужчины в конической шапочке (какую носили ремесленники, прежде всего кузнецы, за работой) и с клещами в руках. Культ Хусора был широко распространен во всем финикийском мире.

В воинской среде популярностью пользовались особые божества, покровительствующие именно воинам. Большое почтение у них вызывал Решеф. Был и специальный бог–воин — Баал–Магоним, то есть «владыка щитов», священным животным которого считался конь^[145]. Изображался Баал–Магоним в виде всадника в шлеме, с круглым щитом и копьями.

В религии финикийцев часто несколько божеств выполняли одинаковые или очень схожие функции. Например, имелись четыре бога–врачевателя (хотя и другие божества могли успешно лечить людей), два (или больше) морских бога и т. д. Подобные божества (их могло быть два, а порой и три) с течением времени сливались в один образ. Позже это распространилось и на другие божества, почему-либо воспринимавшиеся людьми как очень близкие. Так появились, к примеру, Цидтиннит, Цидмелькарт, Милькастарт. Они тоже очень почитались, в некоторых

городах возносясь до положения высших богов — покровителей данного города.

Например, хотя главным богом Гадеса был Мелькарт, Милькастарта там называли «господином могущественным», что свидетельствует о довольно высоком его положении. Надпись с его упоминанием обнаружена на массивном золотом кольце — посвящении от «народа Гадеса» (последнее говорит об официальном характере посвящения). Из надписи ясно, что, хотя в имени этого божества присутствует элемент «Астарта», само оно — мужского рода. В Лептисе Милькастарта и Шадралу называли «господами лептийскими», и это тоже позволяет сделать вывод о высоком положении обоих как «отеческих богов», то есть высших богов Лептиса. Культ Милькастарта засвидетельствован во многих других финикийских городах как на востоке, так и на западе. В Карфагене, в частности, имелся храм этого бога. С течением времени культы таких двойных, а порой и тройных богов, возникшие довольно рано (например, о почитании бога Астар–Камоша известно с IX в. до н. э.), становятся все более распространенными.

Кроме особо важных, влиятельных и сильных богов финикийцы почитали разных мелких божков, демонов. Возможно, к числу мелких божков, о которых почти нет сведений, относились дети Астарты — шесть сестер Тиннит, а также божества, которых Филон называет греческими именами Эрот («любовь») и Пот («страсть»). С большим почтением финикийцы относились к демонам, особенно к тем, что отвращали различные беды от живых и мертвых. Среди них были и уже упомянутые патеки, и божки с рогами, статуэтки которых встречаются в разных концах финикийского мира. В могилы финикийцы, особенно жившие в центре Средиземноморья, клали маски с утрированными чертами, смеющиеся или трагические, — они тоже изображали демонов, призванных отвращать беды от умерших.

Долгое общение финикийцев с египтянами привело к тому, что в Финикию проникли культы ряда египетских божеств. Уже с ранних времен жители Библа поклонялись богине Хатхор, которую они считали той же богиней, что и их Баалат–Гебал^[146]. Большую популярность у финикийцев приобрел Бес, изображавшийся в виде кривоногого карлика, часто со змеями в руках. Возможно, что под этим именем скрывалось даже несколько похожих друг на друга богов. Все они считались божествами, помогающими людям и исцеляющими их от различных болезней^[147]. Финикийцы, особенно западные, порой клали фигурки Беса в могилы, видимо, для того, чтобы либо отвратить от умерших злые силы, либо,

может быть, наоборот — защитить людей от вредного воздействия покойников. Изображение Беса появляется и на монетах^[148]. Многие финикийцы поклонялись верховному египетскому богу Амону–Ра. Постепенно в Финикию проникали культы Исиды и Осириса, а те финикийцы, которые по разным причинам жили в самом Египте, особенно поклонялись богине Бастет^[149].

Почитавшийся в Финикии египетский бог Бес. VI-IV в. в. до н. э. Плавленное стекло

Бог Бес. Статуэтка эллинистического периода. Известняк

По мере того как финикийцы и жители их колоний, в первую очередь карфагеняне, вступали в контакты с греческим миром и эти контакты становились все более тесными (в Карфагене с начала IV в. до н. э., а в Азии после завоеваний Александра Македонского), усиливалось

проникновение в финикийскую среду греческих мифов и греческих культов. И греки, и сами финикийцы нередко рассматривали финикийских богов как почти тех же греческих, но с другими именами, или же давали финикийским богам греческие имена. Но были и греческие божества, которых финикийцы делали объектами поклонения, не отождествляя их при этом со своими исконными божествами. Таковы греческая богиня плодородия Деметра и ее дочь Кора, или Персефона. Они были очень близки к Астарте и Тиннит. Однако слияния с последними не произошло, и культ Деметры и Кору остался совершенно самостоятельным. По греческому мифу, Кора была похищена подземным богом Аидом и стала его супругой и царицей подземного мира, но значительную часть года она проводила на земле со своей матерью. Таким образом, эти богини, особенно Кора, осуществляли связь между миром живых и миром мертвых, а этот аспект религии всегда очень привлекал финикийцев. В Карфагене Кору даже называли «великой» или «госпожой», как Астарту и Тиннит, так что она оказалась возведенной в ранг великих богинь^[150].

Другим греческим божеством, довольно рано принятым финикийцами, стал бог виноградарства и виноделия Дионис. Его образ имел много самых разнообразных черт, но финикийцы выбрали из них те, что были им особенно близки. Дионис считался у греков умирающим и воскресающим богом — именно это и привлекло к нему финикийцев. Данного бога они отождествляли с Шадрапой^[151].

Принимали финикийцы и других богов Греции, а затем и Рима. Финикийцы, жившие в Азии, отождествляли Крона с Элом, а карфагеняне — с Баал-Хаммоном. Но если для греков Крон был лишь отцом верховного бога Зевса, свергнутым своим сыном с трона, то финикийцы почитали Крона (а жившие в Африке потомки финикийских колонистов — римского Сатурна) как действенного верховного бога. Свои особенности имели и другие греческие и римские божества, почитавшиеся финикийцами в Азии, Африке и Европе. Греческие и римские божества и в не меньшей степени собственные, хотя уже все чаще под греческими или римскими именами, пользовались огромной популярностью у финикийцев вплоть до того времени, когда были вытеснены христианством. И произошло это вытеснение далеко не так быстро и легко. Даже когда христианство стало официальной религией Римской империи и все языческие культы были запрещены, в «низах» финикийского народа продолжали в том или ином виде бытовать прежние верования^[152]. Постепенно представления о старых божествах видоизменялись, они воспринимались то как святые, то как демоны. И утверждение ислама не

привело к полному искоренению древних культов. Пережитки старых религиозных представлений до сих пор иногда встречаются в виде суеверий и народных поверий^[153].

БОГИ ВНУТРЕННЕЙ СИРИИ И ЗАИОРДАНИЯ

В III-II тысячелетиях до н. э. значительную часть Внутренней Сирии населяли амореи. Часть амореев обитали и на побережье Средиземного моря, и они составляли основное население Угарита. Угаритская религия была частью религии аморейской, и поэтому можно говорить, что те боги, которых почитали угаритяне, почитались и их соплеменниками в других районах Сирии. Но эти «внутренние» амореи жили в иных условиях, и их культы могли несколько отличаться от угаритских. Так, богиня Асирату в Угарите была больше связана с морем и даже имела эпитет «Морская», а у других амореев она была Госпожой степи. На аморейскую религию большое влияние оказали соседи, особенно хурриты и хетты (впрочем, последние сами находились под сильным хурритским влиянием). Часто амореи, сохраняя за своими божествами старинные местные имена, почитали их уже в том виде, как это делали хурриты и хетты. После того как Сирия стала в основном арамейской, хуррито-хеттское влияние резко уменьшилось, хотя, может быть, полностью и не исчезло.

Арамеи, населявшие в I тысячелетии до н. э. большую часть Сирии за пределами Финикии, поклонялись богам, которые уже были известны и угаритянам и финикийцам^[154]. К сожалению, как уже говорилось во введении, о них мы знаем очень немного. Ни обширных текстов, подобных угаритским, ни сочинений, какое написал Филон Библиский, мы не имеем. Только во II в. Лукиан написал на греческом языке небольшое сочинение «О сирийской богине», в котором рассказал об одном сирийском храме, о культе этого храма, а заодно привел и некоторые сказания, с ним связанные^[155]. В других произведениях греческих авторов можно найти лишь очень отрывочные сведения о религии и мифологии жителей Сирии. Если же о своих богах писали сами арамейские авторы, то их произведения для нас потеряны. Сохранились различные надписи, сделанные на арамейском, а позже и на греческом и латинском языках, но большинство их очень краткие и поэтому недостаточно информативны. К тому же, значительная их часть довольно поздняя, когда на старинную арамейскую основу наложился значительный греческий влияния. И все же общее представление об арамейских богах получить можно.

Финикийская надпись на статуе египетского царя Осоркона сделанная царем Библа примерно в 900 г. до н. э.

Верховным богом арамеев был Ил. Это был все тот же бог, которого в Угарите называли Илу, а в Финикии — Элом. И он сохранил свое значение верховного бога в арамейском мире^[156]. Ил возглавляет собрание богов, хотя порой и не может решительно повлиять на замыслы того или иного бога. Ил покровительствует царской власти, да, пожалуй, и всем людям. Если он не может предотвратить злой замысел какого-либо бога, то в таком случае советует людям, каким образом они смогут смягчить разгневанное божество. Ил не только верховный бог, но и Вышний, то есть он находится в недостижимой высоте, далеко над обитаемым миром. Но иногда Ил может появляться и в мире, путешествуя на небесной колеснице вместе с еще двумя богами — Ракаб-Илом и Шамашом. Ракаб-Ил здесь выступает как возничий колесницы. Щелкая кнутом, он вызывает гром. Оруженосцем же могучего Ила является бог солнца Шамаш^[157].

Из других богов арамеи более всего почитали могучего Хадада. Если Ил правил миром, то Хадад властвовал над Сирией^[158]. Это был бог бури и грома^[159]. В условиях засушливого климата Сирии и отсутствия в ней больших рек, пригодных для ирригации, основным источником влаги, питающей землю и оплодотворяющей ее, был дождь, а наиболее обильный дождь выливался на землю во время грозы. Может быть, поэтому Хадад

иногда признается и властелином воды. Сам бог становится видимым людям в молнии и слышен в громе. Как и другие соседние народы, арамеи боялись напрасно произносить имя этого грозного бога и часто именовали его Рамман, то есть Громовик^[160]. И в этом качестве Хадад–Громовик являлся покровителем одного из самых могущественных арамейских царств — Дамаска, или Арама^[161]. Хадад считался и основателем города Дамаска, и его первым царем.

Однако только громом и молнией функции Хадада не исчерпываются. Он, подобно угаритскому Балу–Цапану, сражался со страшным змеем, и это, вероятно, было одним из этапов становления мира. Имел Хадад и чисто земные «обязанности». Он дает земному царю его царство. Даже если царь является законным наследником своего предшественника и занимает трон по праву наследования, «скипетр наследования» вручает ему именно Хадад. Будучи покровителем того или иного царства, Хадад помогает царю во всех его делах, особенно в войне. В бою Хадад идет во главе войск и обеспечивает им победу над врагами. Он же дает победителю добычу. Хадад и защищает всех тех, кто ему поклоняется и служит. В своей небесной резиденции Хадад принимает душу умершего и пирует вместе с ней.

Священным животным Хадада являлся могучий бык, олицетворявший все превосходящую и все побеждающую необоримую силу. И сам Хадад часто изображался в виде быка или в виде зрелого мужчины с молниями в руках, стоявшим на спине быка. Порой его лоб или головной убор украшали бычьи рога. Иногда рядом с быком или на теле быка появлялся полумесяц, символизировавший пребывание Хадада в небесах^[162]. Возможно, что Хадад являлся и божественным предком арамеев^[163]. Позже функции Хадада еще больше расширились. Его фигуру украшали лучами, так что он явно воспринял какие-то качества бога солнца.

Супругой Хадада была богиня Шувала. Она была весьма почитаема, ее называли «госпожой» и, следовательно, она занимала высокое место. Вместе с Хададом она принимала душу умершего и пировала с ней на небесном пире. Больше ничего о Шувале, к сожалению, не известно^[164].

Другой и гораздо более известной супругой Хадада являлась Атаргатис. В арамейской религии она играла ту же роль, что Анат у угаритян и Астарта у финикийцев^[165]. Как и те богини, она в первую очередь являлась богиней плодородия, великой матерью, воспринимавшей небесную влагу, посылаемую Хададом, и отвечающей на это

произведением плодов земли. Она покровительствовала не только произрастанию, но и всякому размножению, как животных, так и людей. Поэтому Атаргатис становится богиней, покровительствующей семье, а затем и всякому порядку, не только семейному, но и общественному. В частности, она выступает хранительницей городов; недаром позже, когда в Сирии стали чеканить монеты, порой ее изображали на них с короной в виде городской стены с башнями. Отсюда один шаг к достижению этой богиней положения высшей правительницы страны. Значение Атаргатис было столь велико, что за пределами Сирии ее называли просто Сирийской богиней^[166]. Так ее называли греки уже в IV в. до н. э., так что в это время Атаргатис приобрела качества верховного божества Сирии. Ее считали изобретательницей права и основательницей городов. Она являлась всеобщей защитницей и благодетельницей, создательницей всяких полезных изобретений. Однако для арамейев значение Атаргатис вышло за пределы общества, государства, семьи. Довольно скоро она стала также повелительницей зверей, рыб и птиц и, следовательно, госпожой земли, воды и воздуха, прародительницей всего существующего и первоисточником всех благ, то есть фактически космическим божеством^[167].

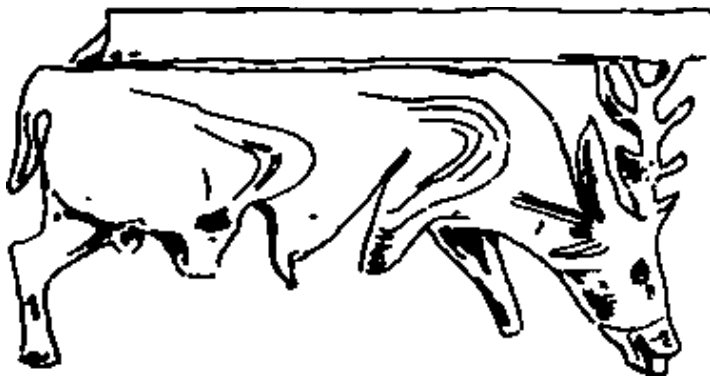
Это отразилось в приписывании Атаргатис ее священных животных. Если священным животным Хадада был могучий бык, то столь же священным зверем Атаргатис — не менее мощный лев. Другими священными животными этой богини являлись рыбы и голуби. Все они являлись символами власти богини над водой, землей и воздухом. Впрочем, поскольку Атаргатис была покровительницей всего живого, в том числе и животных, ей посвящались самые различные звери и птицы, включая медведей, коней, орлов. Богиню часто изображали или стоящей с голубем на голове, или сидящей на троне, рядом с которым лежит лев. В руках она держит веретено и клубок нитей, которые, вероятно, намекают на нити жизни, определяемые Атаргатис^[168]. В некоторых местах богиню представляли в виде женщины с рыбьим хвостом. Ее статуи порой изготовляли из золота и украшали драгоценными камнями.

Культ Атаргатис был широко распространен. В римское время сирийцы посещали самые разные места Средиземноморья, и везде они привозили с собой почитание этой богини. В самой же Сирии Атаргатис долго оставалась самой важной богиней. Даже распространение, а затем и укоренение христианства не привел к полному уничтожению почитания Атаргатис. И даже когда арабы завоевали Сирию, они еще нашли там поклонников Атаргатис.

Ребенком Хадада и Атаргатис было довольно странное и пока неясное божество Сайм^[169]. Неясен даже его пол. В одних случаях его воспринимали как мужчину, в других — как женщину^[170]. Это божество входило в триаду, другими членами которой являлись Хадад и Атаргатис. Вероятнее всего, это был божественный предок или основатель того или иного общества (племени, города, государства, храма и т. п.). В одних случаях это был праотец (основатель), в других — праматерь (основательница). В таком случае выстраивается определенная иерархия: Ил — творец мира, Хадад — предок арамейев, Сайм — праотец или праматерь конкретного общества^[171].

Одним из важнейших богов арамейев был Астар. Как говорилось в рассказе об угаритских и финикийских богах, это был древний семитский бог, но в Финикии его культ не был особенно распространен (хотя его и явно знали), а для угаритян он воплощал враждебное начало, связанное с пустыней, ее ужасами и дикостью ее обитателей. Арамеи же, как и арабы, чрезвычайно Астара почитали. Для них Астар был небесным богом, и его иногда даже называла «Астар в небе». Он представлял производящую силу неба, оплодотворяющую землю в виде дождя. В этом Астар был подобен Хададу. Но в образе Хадада подчеркивался его грозный характер, ибо он являлся в первую очередь богом грозы, грома и молнии и, следовательно, мощного всесокрушающего ливня. Астар же, по-видимому, воплощал более мягкий дождь, не столь грозный, но тоже благодетельный. Астар сохранил за собой и древнюю функцию быть олицетворением планеты Венеры или, точнее, ее явления в виде утренней звезды, предвещающей восход солнца — источник света и жизни. Позже последнюю функцию у Астара перенял специальный бог с арабским именем Азиз. Но в древности это было частью природы Астара. Этим «обязанности» Астара не ограничивались. Он выступал также как бог границ. Гарантируя неприкосновенность границы, Астар оказывался хранителем и государства, а в некоторой степени и его правителем. Священным животным Астара была газель.

Газель изображена на печати, а рядом с газелью, олицетворяющей Астара, изображена неизвестная богиня. Она явно связана с Астаром. Но ни ее имя, ни ее природа нам не известны. Возможно, что эта богиня воплощала землю, иссушенную летней жарой и ждущую небесный дождь, который должен был послать ей Астар^[172].

Газель, плитка из слоновой кости. Арслан

Являясь одним из небесных богов, Астар входил в божественную триаду, состоящую из него, бога солнца Шамаша и бога луны Шаггара. Шамаш, таким образом, входил в две триады. Обожествление сил природы явно было древнее обожествления различных общественных явлений, так что триада Астар — Шамаш — Шаггар кажется более древней, чем Ил — Ракаб—Ил — Шамаш. Однако и в той и в другой триаде бог солнца занимал второстепенное место. В одной он выступал лишь как оруженосец верховного бога, в другой также явно уступал своим «коллегам». Культ испепеляющего все вокруг солнца явно не играл в Сирии особенно большой роли, по крайней мере первоначально^[173]. Однако постепенно его роль возрастала. Под влиянием месопотамской религии Шамаш приобретает качества божественного судьи и хранителя справедливости, ценящего более всего мудрость и осторожность. Позже роль бога солнца еще более возрастает^[174].

Большую, чем Шамаш, роль в древнем арамейском мире богов играл бог луны Сехр, или Шаггар. Первоначально он был богом новолуния, и его праздник отмечался в первый день каждого лунного месяца. Однако позже он стал богом луны вообще. Может быть, большая роль лунного бога связана с его ролью в определении круговорота времени. Не только арамеи, но и все другие народы, говорившие на семитских языках, использовали для этого чередование фаз луны, так что созданные ими календари все были лунными^[175]. В таком случае бог луны мог рассматриваться как хозяин времени^[176]. С этим хорошо согласуется то, что этот бог насылает на землю тьму и свет, а значит, он может и задержать наступление света, может помешать туче пролиться благодетельным дождем, но зато вместо живительного света наслать на землю всепоглощающий огонь. Это делает из Шаггара могучего небесного бога. Недаром его именуют Великим. Даже Ил и все боги вместе не могут

помешать гневу Шаггара. Этот гнев вызван злокозненностью людей, и отворотить его может только их исправление. А это означает, что Шаггар выступает и хранителем справедливости и праведности.

Значительным почитанием у арамеев пользовались уже известные боги, которым поклонялись и угаритяне (вероятно, и все амореи), и финикийцы, как, например, воинственный бог Решеф, бог зерна Дагон, повелитель небес Баал–Шамим. Эти и другие божества — все они были богами неба и богами земли, которые правили их миром и к которым они обращались со своими мольбами.

Арамеи принимали к себе и богов других народов. В свое время они восприняли многих хеттских богов, которых иногда называли арамейскими именами, а порой сохраняли и хеттские. Так, арамеи, жившие на севере Сирии, весьма чтили хеттскую богиню Кубабу. Позже большее влияние на арамеев оказали ассирийцы и вавилоняне. Такие месопотамские божества, как бог луны Син, его супруга богиня Никкал, бог огня Нушку, пользовались поклонением в арамейской среде, пожалуй, не меньше, чем собственные божества. С запада в арамейскую среду проникали финикийские боги. Самым ранним известным в настоящее время посвящением тирскому богу Мелькарту является надпись дамаскского царя Бар–Хадада. Много позже в Сирии широко распространились культы греческих божеств.

К югу от арамейского мира располагался Моав. О моавитянской религии известно еще меньше, чем об арамейской. Известно лишь, что главным богом Моава был Камош, или Кемош^[177]. В Библии моавитяне названы «народом Камоша». Как божественный глава Моава Камош обеспечивал благополучие этого государства и его царя. Гнев Камоша приводил к различным несчастьям, обрушивавшимся на Моав, в том числе к такому страшному, как подчинение чужеземному царю. Но Камоша можно было умолить, и тогда он возвращал стране и царю свое расположение. Он (по–видимому, через своих пророков) приказывал царю выступить в поход, захватить тот или иной город, разрушить вражескую крепость и обещал полный успех этому предприятию. За это царь должен был принести Камошу богатые жертвы, в том числе человеческие. Камош был довольно кровожадным богом, он требовал полного уничтожения всех взятых в плен врагов, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей^[178]. Тысячи пленников приносились в жертву Камошу. Конечно, части пленных оставляли жизнь, и они превращались в рабов, но число жертв было все же огромным. Так, после взятия одного израильского города

было убито в честь Камоша семь тысяч человек — воинов и старцев, детей и женщин. А в случае крайней опасности, когда уже ни усилия воинов, ни молитвы богам не помогали, царь на виду у собственных подданных и вражеских воинов жертвовал Камошу своего первородного сына. И только тогда могучий бог отвращал от Моава свой гнев и спасал его от неминуемой гибели^[179].

После уничтожения царства Моав ассирийцами Камош (по-видимому, речь идет о статуе бога) вместе с его жрецами был депортирован в Ассирию, как это часто делали ассирийцы. Но это не привело к уничтожению культа Камоша в Заиорданье. Уже в III в. до н. э., когда на исторической сцене не было ни Моава, ни Ассирии, культ Камоша продолжал здесь существовать.

Поклонялись моавитяне и другим богам. Возможно, супругой Камоша была Сарра, богиня счастья и, может быть, судьбы^[180]. Как Камош был божественным царем Моава, так Сарра — его царицей, и это свое царственное положение она сохранила и после исчезновения моавитянского царства. Среди моавитянских богов видное место занимал Астар, природа которого, видимо, не отличалась от той, какую он имел у арамейев. Какую-то роль в моавитянской религии играл Баал–Пеор. Он, видимо, был местным богом одного из районов Моава, судя по тому, что израильтяне во время своего кочевия по этим местам (еще до вторжения в Палестину) приняли культ этого бога^[181], что, как рассказывает Библия, вызвало гнев Йахве. Имелись у моавитян и другие баалы — «владыки» того или иного места. Однако об их природе пока ничего не известно. По-видимому, существовал у моавитян культ их божественного предка Моава. Он упоминается в Библии, и ему вместе с Камошем приносит жертвы Меша.

То же место, какое в Моаве занимал Камош, у аммонитян принадлежало Милкому. Но об аммонитской религии мы практически вообще ничего не знаем.

Через много веков после гибели самостоятельных арамейских государств, после полного исчезновения Моава и Аммона, после подчинения всего этого региона Александру Македонскому и его преемникам, а затем римлянам видную роль в Сирии стала играть Пальмира. Многолетние исследования этого города и его окрестностей дали возможность представить, хотя, конечно, и далеко не в полном виде, пальмирскую религию. Пальмира была значительным центром караванной торговли и поэтому привлекала к себе самое разнообразное население. В

городе и его округе жили арамеи, финикийцы, арабы и представители других народов, включая греков и римлян. И все они наложили отпечаток на культы Пальмиры. Например, в Пальмире появилось несколько богов практически одинаковой природы, но они не вступали в конфликт друг с другом и мирно сосуществовали, как и их поклонники, воздававшие должное всем богам.

Верховным богом Пальмиры был Бел^[182]. Недаром его храм возвышался на холме, господствуя над всем городом. Бел был небесным богом, повелителем всего космоса. Изображали его в виде воина с лучами вокруг головы, и часто рядом с ним появляется орел, символизирующий небо, и символы семи планет, включая солнце. Но собственно богом солнца Бел не был, он являлся, скорее, богом мироздания и повелителем планет. Бог солнца Йархибол и бог луны Аглибол сопровождают Бела и вместе с ним образуют небесную триаду^[183]. Ведущую роль в ней играет, конечно, Бел, но и остальные боги имеют очень важные «обязанности». Так, Йархибол, кроме своей основной функции быть богом солнца, еще и предвещал будущее. К этой триаде примыкает, но не входит в нее, богиня Белти («Наша владычица»). Она, вероятно, считалась супругой Бела и являлась богиней земного и человеческого плодородия, подобно Астарте и Атаргатис. В сознании некоторых верующих Белти вообще сливается с Атаргатис. Бел и Белти являются воплощениями животворящих сил неба и земли.

Братом Аглибола являлся Малакбел. Само его имя означает «Вестник Бела», и, вероятно, он первоначально и рассматривался как посредник между небесным богом и земным миром. Но затем он явно освободился от этих «обязанностей» и приобрел самостоятельное значение, став еще одним богом солнца. Аглибол и Малакбел входили в триаду, возглавляемую Баал–Шаменом — Владыкой небес. Это был древний западносемитский бог, которого, как уже говорилось выше, почитали финикийцы (Баал–Шамим) и культ которого засвидетельствован еще во II тысячелетии до н. э. Таким образом, триада Баал–Шамен — Аглибол — Малакбел, по существу, полностью дублирует триаду Бел — Йархибол — Аглибол. Последний является звеном, соединяющим обе триады. Вероятнее всего, существование двух совершенно аналогичных объединений богов объясняется сложностью состава населения Пальмиры. Это подтверждается и тем, что храмы этих двух триад находились в разных кварталах города, причем храм Баал–Шамена и его «коллег» располагался в сравнительно новой части Пальмиры, да и сам храм представлял собой гораздо более скромное сооружение, чем храм Бела.

Бел, Йархибол и Аглибол являлись «отеческими богами», то есть богами, покровительствующими всей Пальмире и ее округе, в то время как боги второй триады были связаны только с одним из четырех «племен», на которые делилось пальмирское население.

Гранитный сфинкс

И в той и в другой триаде Аглибол и Малакбел (последний только в одной из них) занимали второстепенные позиции. Но они почитались и отдельно, и в этом случае их статус был явно выше. В этом случае «обязанности» Малакбела были иными, чем в качестве члена триады. Он выступает не как солнечное божество, а как бог земного плодородия и растительности. В этом качестве Малакбел, может быть, как и другие подобные божества, являлся умирающим и воскресающим богом, связывающим жизнь и смерть. Одним из его прозвищ было Хозяин соединения. Возможно, он возрождался в виде светлого начала, и это дало основание позже возвести его в ранг бога солнца.

Аглибол и Малакбел были «добрыми богами», то есть они приносили счастье и удачу своим поклонникам. Другим благодетельным божеством был безымянный бог, «чье имя благословенно в вечности». И изображался

он в виде зрелого мужчины с руками, поднятыми в благословляющем жесте. Этот бог играл очень важную роль в пальмирской религии: недаром греки видели в нем своего верховного бога Зевса.

Йархибол и Малакбел были не единственными солнечными богами. Пальмирцы почитали также старинного Шамаша, культ которого мог быть унаследованным от древнего населения этого региона, но мог быть и заимствован из Месопотамии. Месопотамским по своему происхождению был и бог Небо. В Месопотамии он (часто под слегка иным именем Набу) считался сыном главного вавилонского бога Мардука и играл чрезвычайно важную роль, будучи богом письменности и мудрости и определяя в этом качестве судьбы людей, а то и богов. Этот бог, по-видимому, довольно рано был воспринят западными соседями Месопотамии. В Моаве имелись и город Небо, который завоевал моавитянский царь Меша, и гора Небо, с которой, как рассказывает Библия, Бог показал Моисею Землю Обетованную и на которой Моисей умер. Видимо, эти названия с культом бога Небо были связаны. «Привязка» к горе смерти Моисея показывает, что она играла большую роль в культе. Поэтому не исключено, что культ Небо не был заимствован из Месопотамии, а достался Пальмире по наследству. Более того, этот бог в Пальмире, кажется, обладал несколько иными функциями, чем вавилонский Набу–Небо. Пальмирцы сравнивали его с греческим Аполлоном. Основанием для этого было то, что Аполлон вещал о будущем и тем самым открывал людям их судьбу. Однако Аполлон являлся еще и светоносным богом. Поэтому возможно, что пальмирский Небо был еще одним солнечным божеством. Во всяком случае, этот бог являлся в Пальмире одним из главных, и его храм сравним только с храмом Бела.

С Небо была связана собственно богиня судьбы — Гад. Само это слово означает «счастье» или «добрая судьба». Этому божеству поклонялись финикийцы и их колонисты. Но сведений, кроме личных имен с элементом «гад», почти нет, и даже точно не известно, было ли это божество мужского или женского пола. В Пальмире же Гад ясно изображается в виде женщины, сопровождаемой собакой. В надписях обычно уточняется, чьей судьбой была Гад — Пальмиры или какого-либо другого города или племени; существовала также Гад источника. Видимо, каждый раз речь идет о местном божестве.

Наряду с Гад богиней судьбы являлась и арабская богиня Манават. Ранее она была богиней одного из арабских племен, но в Пальмире ее культ соединился с культом финикийского бога Баал–Хаммона, который там стал называться Бел–Хамоном, и не исключено, что он в какой-то мере

занял даже место Ила–Эла. Среди арабских божеств, почитаемых в Пальмире, большое место занимает богиня Аллат. Само ее имя означает просто «богиня». У арабов (по крайней мере, тех, кто жил в Северной Аравии) она считалась матерью богов. Известно даже ее изображение в виде роженицы. Может быть, поэтому в Пальмире ее связали с Баал–Шаменом, делая из них небесную пару. Но «обязанности» Аллат этим не ограничились. «Матерь богов» стала покровительницей и конкретного общества и в этом качестве помогала своим «подопечным» в их борьбе с соперниками. Очень рано Аллат стала богиней войны, и такой ее воспринимали и в Пальмире. Здесь Аллат в какой-то мере слилась с арамейской Атаргатис и малоазийской Кибелой, которые тоже были «Матерями».

Возможно, что, как и те, она являлась одновременно богиней плодородия. Аллат соединяется не только с Баал–Шаменом, но и с чисто арабскими богами — Шамшем и Рахимом. Шамш был еще одним богом солнца, почитаемым пальмирцами. Сопровождали бога солнца воины Азизу и Муни. Поклонялись в Пальмире и некоторым другим арабским богам.

Пальмирцы поклонялись старым сирийским богам, как, например, Астарту и Атаргатис. Укоренились здесь и финикийские культы. Кроме Баал–Хаммона (Бел–Хамона) и Баал–Шамима (Баал–Шамена), можно назвать Астарту и Шадрепу. Что касается греческих божеств, то в чистом виде они, по-видимому, здесь не почитались (кроме, конечно, живших здесь греков и римлян), но с ними пальмирцы обычно отождествляли тех или других своих богов, и это, кстати, помогает нам понять природу того или иного пальмирского божества.

Природные условия пальмирской окрестности были довольно суровы. Поэтому и боги, помогавшие жившим там людям выжить в этих условиях, имели обычно воинственный характер, так как им постоянно приходилось сражаться с губительными силами окружающей пустыни. Среди этих богов видное место занимал Абгал, изображаемый иногда в виде пешего воина, но чаще в виде всадника на коне или верблюде. Он вооружен луком и стрелами, копьем и щитом. Иногда Абгала сопровождают другие всадники — Ашар, Маан, Шаад, причем последний скачет не на коне, а на верблюде. Кроме таких богов, с сельским миром пальмирской окрестности связан был бог Борроанос. Он являлся покровителем пастухов, и его священными животными были овцы и козы.

Разумеется, всеми перечисленными боги и богини Пальмиры и окрестных мест не ограничиваются. Божественный мир Сирии первых

веков нашей эры был чрезвычайно разнообразен. Это не помешало распространению там христианства, которое довольно рано стало укореняться в этой стране. И само слово «христиане» появилось в сирийской Антиохии. Но старые культы еще продолжали сопротивляться. Даже много позже исламу не удалось уничтожить их полностью, и они остались в виде различных суеверий.

ПОВЕСТВОВАНИЯ О БОГАХ, ГЕРОЯХ И ГОРОДАХ

МИФЫ И СКАЗАНИЯ УГАРИТА [\[184\]](#)

Мифы о Силаче Балуге и богине Анату [\[185\]](#)

Силач Балуге — главный персонаж угаритских мифов. Он живет на горе Цапану недалеко от Угарита и покровительствует этому городу и его стране. Его собственное имя — Хадду, но обычно угаритяне называли его Балуге, то есть Владыкой. Часто к этому прибавляли название его священной горы и именовали Балуге–Цапану, но иногда называли Владыкой Угарита. Балуге — сын бога Дагану, подателя пищи, и потому часто противостоит некоторым другим богам, сыновьям Илу и Асирату, а порой и самим прародителям.

Борьба между Балуге и Йамму [\[186\]](#)

По приказу великого бога Илу бог–ремесленник Котару–ва–Хасису построил дворец для бога моря Йамму. Судии речного. Светоч богов, богиня солнца Шапашу. рассказала об этом богине Астарте. Она добавила, что отец богов, Бык Илу, возлюбил Йамму и в угоду ^{ему} вырвет столбы жилища Астарты, опрокинет трон ее Царствования, разобьет ее скипетр [\[187\]](#). Астарта возмутилась этим поступком отца. Но сделать она ничего могла. Особенно же возмутился Силач Балуге. Он готов выступить против Йамму и сразиться с ним.

Между тем Йамму, возгордившись и решив, что после постройки дворца он стал господином над богами [\[188\]](#) вместо Балуге, отправляет своих вестников к собранию богов и повелевает заявить им: «Послание Йамму, вашего господина, вашего владыки [\[189\]](#), Судии речного: ”Пусть сдастся мне Балуге, пусть подчинится мне сын Дагану“» [\[190\]](#). В своей гордости он приказывает послам не простирались ни перед Илу, ни перед всем собранием богов.

Боги в это время пировали на горе Дули. Увидев посланцев Йамму, они испугались и в знак покорности, сидя на своих тронах, склонили головы к коленам^[191]. Только Балу не склонил головы, а обратился к богам с упреком:

— Почему это вы, боги, так испугались, почему склонили свои головы к коленам перед посланниками Йамму?

И боги устыдились своего страха. Они подняли головы от колен и гордо выпрямились на своих тронах^[192].

Посланцы же Йамму направились к трону Илу. Вопреки обычаю они не простерлись перед ногами царя богов и людей^[193], а, гордо стоя, передали послание своего господина, требуя, чтобы Илу выдал Балу их владыке, Йамму. И Илу, который любил Йамму, Судию речного, своего возлюбленного сына, согласился на это требование: пусть Балу будет рабом Йамму, пусть сын Дагану будет пленником Судии речного и пусть принесет ему дань^[194]. Но Балу отказался подчиниться этому решению. Он схватил в свою руку дубину, палицу схватил он в свою десницу и набросился на посланцев Йамму. Богини Анату и Астарты были союзницами Балу, но они испугались, что тот нарушит обычай неприкосновенности послов^[195]. Они схватили Балу за руки и сказали ему:

— Как ты осмелился ударить посланцев Йамму, послов Судии речного?!

Но Балу только еще больше распалялся гневом. С дубиной в руках он встал перед посланцами Йамму и гневно сказал им, чтобы передали они своему господину, что Балу никогда не подчинится ему^[196]. После этих слов стало ясно, что борьба между Балу и Йамму неизбежна. И обе стороны стали готовиться к смертельной битве^[197].

Первое столкновение между богами закончилось не в пользу Балу^[198]. Он пал на землю перед ногами Йамму. Молча снес свое поражение Балу, но все же был вынужден подчиниться. Однако на этом дело не закончилось, ибо в него вмешался Котару-ва-Хасису. Он пришел на помощь Силачу Балу^[199]. Он сказал князю Балу, объявил Скачущему на облаках:

— Теперь ты знаешь, что твой враг — это Йамму. Не огорчайся своим поражением. Ты уничтожишь своего врага, поразишь своего противника. Ты захватишь вечное царство и будешь вечно господствовать.

Котару-ва-Хасису изготовил палицу для Балу и дал ей имя Иагруш, что значит Преследователь^[200]. Он приказал палице, чтобы она, подобно орлу, выскользнув из рук Балу, набросилась на Йамму. Так и произошло.

Иагруш бил Йамму по спине и по груди. Но тот не сломился, не разбились его суставы, не сломался его скелет. Тогда Котару–ва–Хасису изготовил для Балу вторую палицу и назвал ее Айамур, что значит Гонитель. Он приказал палице бить Йамму по затылку и по лбу. На этот раз Йамму был сломлен. Ослабили его суставы, согнулись его члены, сам он пал на землю. И возгордился Балу своей победой.

Балу потащил тело Йамму. И возрадовались союзники Балу его победе. Заявила Астарта:

— Наш пленник — Йамму, в наш плен попал Судия речной.

Балу был увенчан короной и провозглашен царем^[201].

Балу и Анату. Постройка дворца Балу

Победоносный Силач Балу пировал на вершине своей священной горы Цапану. Его слуга приготовил ему стол. Он разрезал для него грудинку и дал своему господину жирный кусок. Потом слуга подготовил питье. Он взял великолепную огромную чашу, которую не может видеть ни одна женщина, даже верховная богиня Асирату, и наполнил ее тысячью мер вина, и десять тысяч мер вина смешал он для своего господина Силача Балу. А затем заиграли кимвалы, и певец нежным голосом стал воспевать победы Балу^[202]. Но Балу все же был огорчен, ибо не было у него своего дворца, подобного дворцам других богов, детей Илу и Асирату^[203]. А разрешение на постройку должен дать только Илу^[204]. Однако Балу понимает, что так просто верховный бог разрешение не даст: слишком уж противостоит Владыка Цапану сыновьям Илу. И Балу решил просить помощи у своей подруги и союзницы — богини Анату. Он отправил к Анату двух своих вестников с посланием^[205].

Анату, которая была богиней не только любви, но и охоты и войны, в это время как раз и занималась войной. В долине на берегу моря между двумя крепостями сражалась она против людей востока^[206]. К ее ногам падали головы воинов, как отрезанные колосья, над нею, как саранча, летали отрубленные руки. Анату прикрепляла руки воинов к своему поясу, а головы привязывала к своей спине.

Богиня Анату, сестра и возлюбленная Силача Балу. Конец II тысячелетия до н. э.

Завершив битву, Анату направилась домой. Но и там она еще не могла успокоиться. Ей все казалось, что она продолжает сражаться. И вот она расставила свои стулья, как воинов, свои столы, как храбрецов, свои подножки, как витязей. И начала сражаться с ними. И возрадовалась Анату, одержав и здесь «победу». Ее руки были еще красными от крови воинов, ее одежды были окрашены кровью сражавшихся^[207]. И только устав и от этой мнимой битвы, богиня принялась за свой туалет. Она очистила свое жилище от крови бойцов, поставила стулья со стульями, столы со столами, подножки с подножками, как они стояли и раньше, омыла свои руки, вылила благодетельное масло^[208]. После этого Анату взяла в руки цитру и запела. Она воспевала любовь Силача Балу, нежность Пидрай, любовь Талай, сладость Арцай.

В это время вошли к Анату посланцы Балу — Гапну и Угару. Они преклонились перед ногами богини, простерлись перед ней, воздали ей почести. После этого посланцы передали ей послание Силача Балу, в котором тот предлагает ей закончить войну, ибо он нуждается в ней, Анату.

Анату испугало появление вестников Балугу, ослабили ее члены, задрожали ее колена, и спросила она, не новый ли враг поднялся против Балугу. Богиня напомнила о своих подвигах, о победоносной борьбе против Йамму, о победе над вселенским змеем, об убийстве любимца Илу, Аршу, об уничтожении божественного быка Атаку и многих других^[209]. И Анату готова снова вступить в бой ради своего возлюбленного Балугу.

Однако посланцы Балугу успокоили ее. Они сказали, что нет никакой новой опасности для Балугу, никакой враг не поднялся против Скачущего на облаках. А просит ее Балугу поместить в землю хлебную жертву, вылить воздаяние в глубину земли, поместить там жертвенный котел^[210], а после этого, не медля, прийти к нему, Балугу, ибо хочет он построить себе невиданное жилище на священной горе Цапану. Успокоенная Анату согласилась сделать все, о чем просит Балугу, и приказала вестникам быстрее отправляться в обратный путь, сказав, что она — быстрая и опередит Гапну и Угару.

И вот Анату отправилась к Балугу. Она преодолела тысячи и десять тысяч мер земли и поднялась на вершину Цапану. Когда Балугу увидел ее приближение, он удалил от себя других женщин. Радостно встретил Балугу свою сестру и возлюбленную. Он поставил перед ней быка и откормленного кабана. Они умылись росой небес и умастились маслом земли. А после этого начали пир^[211]. Во время пира Балугу пожаловался Анату, что нет у него своего дворца, достойного его, какие есть у детей Илу и Асирату. Он попросил Анату походатайствовать за него перед Илу, чтобы тот разрешил богу–ремесленнику Котару–ва–Хасису построить дворец Балугу. Анату с радостью согласилась выполнить эту просьбу. Более того, она заявила, что если Илу не согласится, то она заставит его это сделать.

И вот Анату сошла с горы Цапану и направилась к жилищу Илу у истоков великой реки в середине потоков двух океанов. Она вошла в жилище и передала отцу богов просьбу Балугу. Но Илу ответил, что Балугу недостоин такого дворца, ибо не он правит в мире, а правят богиня солнца Шапашу и бог смерти Муту^[212]. Тогда Анату стала угрожать Илу. Она заявила, что нападет на него, окрасит кровью его седые волосы, зальет кровью его седую бороду. И Илу испугался^[213]. Он согласился разрешить Балугу построить дворец и даже отправил соответствующее послание Котару–ва–Хасису в его жилище в египетском Мемфисе и на Крит^[214]. Но все же, чтобы окончательно разрешить Балугу построить дворец, какой есть у детей Асирату, необходимо иметь ее разрешение^[215].

Анату вернулась к Балугу, и они оба решили пойти к Асирату просить ее о личном вмешательстве перед Илу. Они собрали золото и серебро, чтобы принести все это в дар Асирату, и отправились к ней на берег моря^[216]. Асирату в это время приносила рыб в жертву Илу и устраивала жертвенный пир. Увидя приближающихся Балугу и Анату, она испугалась и закричала:

— Зачем пришел Силач Балугу? Зачем пришла Дева Анату? Не хотят ли мои враги сражаться с моими сыновьями и убить их?^[217]

Но затем Асирату увидела серебро, увидела блеск золота и поняла, что не с враждебными намерениями пришли к ней Балугу и Анату, и обрадовалась. Балугу был возмущен жертвенным пиром, но к самой Асирату обратился с подобающим уважением. Он и Анату поднесли ей дары. Асирату, еще не понимая, в чем дело, спросила, зачем боги одаривают ее и одарили ли они уже Илу. Анату ответила, что они сначала решили принести дары ей, Асирату. И боги попросили ее о милости: ходатайствовать перед Илу о разрешении построить дворец Балугу на вершине Цапану. Асирату приняла дары, устроила великолепный пир в честь прибывших^[218], а затем решила сама отправиться к Илу просить о разрешении построить дворец.

Асирату обратилась к своему слуге и приказала ему седлать осла, надеть на него сбрую из серебра, попону из золота. Затем слуга посадил богиню на спину осла^[219], и она двинулась к Илу. Анату последовала за ней, а Балугу вернулся на Цапану ожидать решения верховного бога.

Асирату добралась до жилища Илу и вошла в него^[220]. Она склонилась к ногам Илу и воздала ему почести. Как только Илу увидел свою жену, он рассмеялся от радости. Поставил верховный бог свои ноги на подножку, покрутил пальцами туда–сюда и спросил, зачем пришла великая Асирату, прародительница богов. Может быть, она голодна или иссохла от жажды? Так пусть ест и пьет в свое удовольствие! А он, Илу, любит ее, и любовь к ней волнует его. Но Асирату уклонилась от предложения есть и пить, уклонилась от объятий Илу и сказала, что своим царем боги признают Силача Балугу. Вдохнул в ответ на это Илу, а Асирату продолжала:

— Но нет дома у Балугу, как у других богов, нет жилища, как у моих детей.

И милостивый Илу ответил своей супруге:

— Разве я раб, слуга, Асирату, чтобы я сам взялся за строительство? Разве Асирату служанка, чтобы делать кирпичи?

Но его возмущение длилось недолго, и Илу разрешил построить дворец Балу^[221].

Великая Асирату Морская восхитилась мудростью Илу^[222], ибо теперь, когда будет у Балу дворец, тот сможет установить время дождей, время потоков, он возвысит свой голос в облаках, бросит на землю молнии^[223]. Так пусть будет у него дом из кедра, из серебра и золота, из лазурита^[224].

Услышав разрешение Илу, Дева Анату обрадовалась и от радости затопала ногами так, что задрожала земля^[225]. И направилась она к Балу. Преодолев тысячу полей, десять тысяч мер земли, она взошла на вершину Цапану и крикнула Балу:

— Прими хорошую новость, Балу! Хорошую новость я принесла тебе. Можешь ты построить себе дворец, как у других богов^[226]. Пусть горы принесут тебе серебро, холмы — самое чистое золото. Построй дворец из золота и серебра, жилище из сверкающих камней!

Обрадовался Балу и стал готовиться к строительству. Собрал он людей и необходимые принадлежности. Горы дали ему серебро, холмы — золото, получил он драгоценные камни. После этого Балу пригласил Котару–ва–Хасису к себе.

Когда бог–ремесленник прибыл к Балу, тот поставил перед ним жирного быка и посадил бога на уже приготовленный трон справа от себя. После того как боги поели и попили, Балу попросил Котару–ва–Хасису построить ему дворец на вершине Цапану размером в тысячу мер земли, десять тысяч полей^[227].

Котару–ва–Хасису с радостью согласился построить Балу дворец и предложил сделать в нем окно. Но Балу решительно отказался от окна и настойчиво попросил бога–ремесленника не делать окна в его жилище, не создавать отверстие в его дворце. И тот согласился.

Немедленно закипела работа. С гор Ливана и Антиливана были доставлены самые ценные кедры. В самом доме Котару–ва–Хасису развел огонь. Шесть дней горел огонь, а на седьмой превратилось расплавленное серебро в плиты, а расплавленное золото в кирпичи. И из всего этого с радостью построил Котару–ва–Хасису жилище Балу, дворец Скачущему на облаках, размером в тысячу мер земли, десять тысяч полей.

Обрадовался Балу завершению работы. Теперь есть у него дом, как у других богов, дворец, как у детей Асирату. С ликованием и благодарностью сказал Балу Котару–ва–Хасису:

— Ты построил мне жилище из серебра, ты построил мне дворец из золота.

И стал Балу обустраивать свое жилище. По случаю завершения постройки он принес в жертву быков и баранов, телят и ягнят и большое количество козлят. А затем созвал Балу на пир других богов, семьдесят детей Асирату^[228]. Он угощал их баранами и овцами, быками и коровами. Он поставил богам троны, богиням кресла. Он дал богам кувшины вина, богиням бочки вина. И пили боги и ели, разрезали ножами мясо, наливали в чаши вино. И все славили Силача Балу, и искусного Котару–ва–Хасису, и дворец, им построенный.

Постройка дворца означала, что признан Балу царем. И решил он посмотреть, сколько же городов признают его царство. И, пока боги пировали, Балу спустился с вершины Цапану. Он обошел шестьдесят шесть городов, семьдесят семь поселений. И восемьдесят городов признали его царем, девяносто городов провозгласили его своим господином^[229].

После этого вернулся Балу в свой новый дворец. Там уже давно закончился пир, и остался лишь Котару–ва–Хасису. И, убедившись в том, что его власть признана, Балу сказал ему:

— Сделай окно в моем жилище, отверстие в моем дворце и пусть будет щель в облаках, как ты и сам говорил, о Котару–ва–Хасису!^[230]

Обрадовался бог–ремесленник, что наконец-то прислушался к его словам Силач Балу, и тотчас сделал окно в его жилище, создал отверстие в его дворце. Балу открыл щель в облаках и возвысил свой голос. От его голоса затряслись горы и вздрогнули морские берега. А враги Балу попрятались в леса и горные ущелья.

И остался только один враг у Балу, не признавший его царем. Это — бог смерти Муту, любимец Илу^[231]. Его одного из детей Илу не пригласил Балу на пир в своем дворце, когда праздновал окончание постройки. И означало это, что не признает он власти Муту и не хочет подчиняться богу смерти^[232].

Балу, Муту и Анату

Когда Муту узнал о торжестве Балу, он возмутился и заявил, что только он, Муту, один будет править богами, он накормит богов и людей, насытит всех живущих на земле. Но Балу не согласен с этим. Он призывает к себе своих вестников, Гапну и Угару, и дает им поручение

отправиться к Муту. Пусть они летят, как птицы, пусть они мчатся, как стая облаков, на гору Таргузиза, на гору Таррумаги, к двум горам на краю обитаемой земли. Пусть там они спустятся в ущелье, в город Хамрай, обиталище Муту^[233]. А далее Балу предупредил своих посланцев, чтобы они к самому Муту не приближались, ибо поглотит он их, как ягнят, как козлята, погибнут они в его чреве: ведь даже Светоч богов, Шапашу, в руках Муту^[234]. Поэтому Гапну и Угару должны будут остановиться за тысячу мер, за десять тысяч полей от Муту, воздать ему почести и на расстоянии передать ему послание Балу: построен дом Балу из серебра, дворец Скачущего на облаках из золота, и поэтому не будет он подчиняться Муту^[235].

Отправились послы Балу к богу смерти. Они остановились на указанном расстоянии и передали ему послание Балу. Муту возмутился и велел передать Скачущему на облаках, что горло у него подобно льву в пустыне, или киту в море, или источнику, к которому приходят все звери, — так пусть Балу накормит и напоит его, удовлетворит его желания кувшинами вина, пусть его виночерпий наполнит его кубок^[236]. И прибавил Муту, что забыл, вероятно, Балу, как Муту ранил его копьем, когда тот сражался с семиголовым змеем Латану^[237]; а иначе исчезнет Балу в глотке Муту, во внутренностях сильного любимца Илу^[238].

Гапну и Угару вернулись на вершину Цапану во дворец Балу и передали ему послание Муту. Страшен и велик был Муту. Одна его губа достигала неба, а другая — земли. И Балу испугался. Решив, что не сможет он противостоять богу смерти, согласился Балу стать вечным рабом Муту. Он согласился спуститься в глубь земли и сесть, как раб, у подножия трона Муту^[239]. И обрадовался Муту. В честь своего торжества он устроил пир. И на пиру Муту убил Балу^[240].

Илу сидел в своем дворце у истоков вселенской реки, в середине потоков двух океанов. И услышал он весть, что Балу ушел в землю, Силач умер, господин земли погиб. И при этом известии впал Илу в скорбь. Илу сошел со своего трона, сел на землю, сыпал свою голову прахом, вокруг бедер обернул вретиче. Бьет он себя камнями, ножом делает надрезы на щеках и подбородке, руками бьет он себя в грудь и спину. После этого Илу воскликнул:

— Умер Балу! Что станет с народом сына Дагану? Что станет с людьми? Увы, по следам Балу и я сойду в землю^[241].

Услышала о смерти Балу и Анату. И она тоже восскорбела о нем. От ее скорби потряслись горы до самых недр земли, потряслись холмы до

самых внутренностей почвы^[242]. И прибыв на самое прекрасное пастбище, на самое хорошее поле, она нашла там тело Балу^[243]. И тогда предалась Анату трауру. Она покрыла свои бедра вретischem, била себя в грудь камнем, резала свои щеки и подбородок, била руками в грудь и спину. И горестно закричала Анату:

— Умер Балу! Что станет с народом сына Дагану? Что станет с людьми? Увы, по следам Балу и я сойду в землю.

И пила Анату свои слезы, как вино, пока не насытилась плачем. И вместе с ней клонилась к земле и скорбела богиня солнца, Светоч богов Шапашу^[244].

Наплакавшись, Анату попросила помощи у Шапашу. И та подняла тело Балу и положила его на плечи Анату. И Анату отправилась с телом любимого на вершину Цапану. Там она его омыла и погребла. А на могиле Балу Анату принесла заупокойные жертвы. В честь покойного она заколола семьдесят быков, семьдесят волов, семьдесят овец, семьдесят оленей, семьдесят горных козлов, семьдесят ослов^[245].

А после этого Анату направилась к Илу. Вошла она в жилище Илу и простерлась у его ног, воздала ему почести. Около Илу в это время находилась Асирату. И Анату обратилась именно к ней с горьким упреком.

— Ну что же, — сказала она Асирату, — можешь радоваться ты и могут радоваться твои сыновья: ведь умер Силач Балу, погиб Владыка земли^[246].

Однако ни Илу, ни Асирату не обратили на Анату никакого внимания. Смерть Балу лишила землю царя. Значит, надо было дать ей нового владыку. И Илу обратился к Асирату, чтобы она дала одного из своих сыновей в цари. Илу и Асирату стали совещаться, на ком из них остановить выбор. И тогда Асирату предложила сделать царем бога Астару, потому что покорен он высшим богам, а по отношению к людям творит насилие. При таком царе они, Илу и Асирату, могут спокойно править. И Илу согласился^[247].

Получив из рук Илу царство вместо Балу, Астару поднялся на вершину Цапану и сел на трон Балу. Но трон оказался для него слишком велик. Ноги Астару не доставали подножки, а голова его не была видна из-за спинки трона. И Астару понял, что он смешон и не может заместить погибшего Силача Балу. И он сошел с трона, спустился с вершины Цапану и вернулся в ту землю, где он был господином^[248].

Прошли дни. А Анату все скорбела. Как у коровы по своему теленку, как у овцы по своему ягненку, болело сердце Анату по Балу. И когда

скорбь стала невыносимой, Анату пошла к Муту. Она схватила его за одежды и закричала:

— Отдай мне моего брата!

Но Муту гордо ответил:

— Чего ты от меня хочешь? Я потрясаю все горы вплоть до недр земли, все холмы вплоть до недр почвы. Я поглощаю всех людей, я пожираю всех живущих на земле. Да, я встретил Силача Балу, я ввергнул его в свою глотку, как ягненка, я поглотил его, как козленка, и исчез он там. Потому что даже божественная Шапашу, Светоч богов, в моей власти.

Шли дни, они складывались в месяцы. А Анату продолжала скорбеть и искать Балу. Ее сердце билось для него, как у коровы для теленка, как у овцы для ягненка. И, не выдержав скорби, напала Анату на Муту. Она разрубила его мечом, сквозь сито просеяла, сожгла на огне, размолота жерновами мельницы, рассеяла по полю, чтобы птицы склевали его останки^[249]. И как только погиб Муту, тотчас возродился Балу.

Явилось Илу видение. Увидел он, что небо наполнилось маслом, а реки — медом. И из этого видения Творец творения понял, что снова жив Силач Балу^[250]. Тогда прекратил Илу свой траур, поднялся с земли, снова поставил свои ноги на подножку, сел на свой трон. И, рассмеявшись, сказал радостно Илу, что теперь он успокоился, ибо снова жив Силач Балу, вновь на своем месте Владыка земли. Но где точно находится Балу, Илу не знал. И он приказал Анату передать свое повеление Шапашу, чтобы та нашла Балу. Анату передала повеление всеобщего милостивого прародителя, могущественного Быка Илу. Шапашу с радостью восприняла это повеление. Обе богини вместе нашли возрожденного Балу.

Однако, хотя Балу возродился к жизни, собственное царство ему еще надо было отвоевать, ибо им владели сыновья Асирату. И Балу выступил против них. Он бил их дубиной, великих, как Йамму, ударял палицей, малых простирали на земле. И после этого воссел Балу на трон своего царства, на место своего могущества^[251].

Дни складывались в месяцы, месяцы — в годы. Прошло семь лет. За это время Муту возродился^[252] и направился к Силачу Балу. Грозно заявил он ему:

— По твоей вине, Балу, был я унижен, по твоей вине разрублен мечом, по твоей вине просеян сквозь сито, по твоей вине сожжен на огне, по твоей вине размолот мельничными жерновами, по твоей вине я был брошен в поле, рассеян в море. За это дай мне одного из твоих братьев, чтобы я его пожрал и успокоился!^[253]

Но на этот раз Балу не устрасился бога смерти. Он отказал ему в его требованиях и смело вступил в битву. Битва продолжалась долго. Муту был силен, и Балу был силен. Они бодались, как дикие быки. Они кусали друг друга, как змеи. Они волочили друг друга. И упал Муту, и упал на него Балу. Никто не мог победить. И когда силы борющихся иссякали, воскликнула Шалашу, обращаясь к Муту:

— Как ты можешь сражаться с Силачом Балу! Или ты хочешь послушаться твоего отца Илу? В таком случае он сгонит тебя с твоего трона, лишит тебя твоей власти.

Муту испугался гнева Илу и прекратил борьбу. После этого боги примирились. Каждый из них удалился в область своего господства и стал там править^[254]. А смертные восславили своим гимном Балу, и Шалашу, и Котару—ва—Хасису, друга и товарища Балу^[255].

Рождение сына Балу

Однажды Балу взял в свои руки лук и стрелы и отправился к берегам Шамаку^[256] охотиться на диких быков, водившихся там в изобилии. В это время Анату пришла ко дворцу Балу и спросила, находится ли Балу в своем доме, Хадду в своем дворце. Слуги Балу ответили отрицательно и сказали, куда и зачем направился Балу. Анату распустила свои крылья^[257] и полетела к берегам Шамаку, обильным дикими быками. Там она и увидела охотящегося Балу. Радостно закричала богиня, от топота ее ног задрожала земля. И Балу, подняв от охоты свои глаза, увидел Анату. Была она самая красивая среди сестер Балу^[258]. И вспыхнули они оба горячей любовью. В образах быка и телицы соединились Балу и Анату, и насладились они своею страстью^[259].

Забеременела Анату от Балу. Однако, пока она не родила, занималась богиня своим излюбленным делом — войной. Илу увидел ее и приказал остановиться:

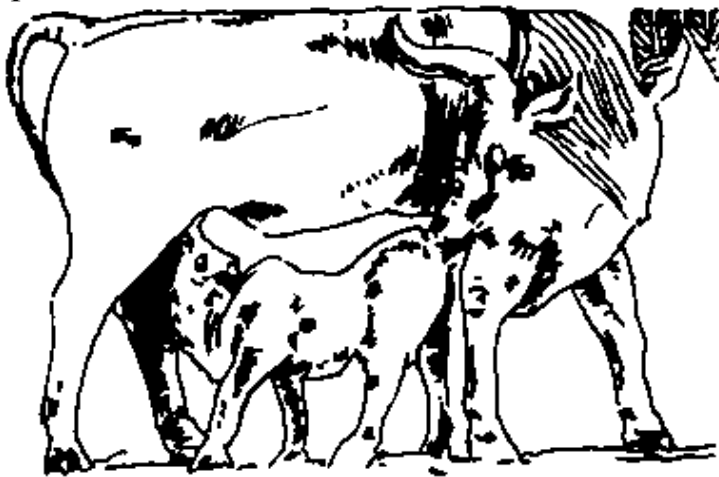
— Пойди отдохни на своей горе Имбабу, поднимись на кровлю небес, к подножию звезд!

Послушалась Анату и поднялась затем к жилищу Илу. И Илу сказал ей, что будет у нее счастливая жизнь, что мощью будет укреплен ее сын, перворожденный князь. Обрадовалась Анату. В должный срок родила она на своей горе Имбабу славного теленка, дикого бычка для своего

возлюбленного. Назвала она его Любимым^[260]. И направилась она на вершины гор Арару и Цапану и крикнула оттуда Балугу:

— Прими хорошую весть, счастливый Балу, прими чудесную весть, отпрыск Дагану! Рожден Балу теленок, дикий бычок Скачущему на облаках!

И возрадовался Силач Балу, что будет у него любимый перворожденный сын.

Корова, кормящая теленка. Плитка из слоновой кости. Арслан

Борьба Балугу с Прожорливыми и Разрушающими^[261]

Верховный бог Илу приказал Талишу, рабыне бога луны Иариху, и Дамгайу, рабыне Асирату, идти в дубраву Такаму в середине пустыни Илишайу и там родить детей. И сказал Илу, что сам он даст им имена, что назовет он их Прожорливыми и Разрушающими и что будут они иметь рога, как быки, и горбы, как буйволы. Так и произошло. Родились страшные Прожорливые и Разрушающие и стали богами пустыни^[262].

Прошло время. Однажды Балу отправился на охоту в пустыню. И там он столкнулся с Прожорливыми и Разрушающими. Печально закончилась для Балугу эта встреча. Прожорливые и Разрушающие схватили Балугу и убили его^[263]. И последствия этого были ужасны. На семь лет прекратились дожди, в течение семи лет не наполнялись реки, ушли источники. А в результате царь больше не вершил суд и закончил свою работу кузнец. Смерть стала грозить миру^[264].

Тогда дочь Илу обратилась с мольбой к отцу. И Илу воскресил Балугу. И возродился мир. В пустыню ушли Прожорливые и Разрушающие, а Балугу

воцарился на вершине Цапану^[265].

Балу, Илу и Асирату^[266]

Илу и Асирату решили погубить Балу. Сначала Асирату захотела соблазнить молодого бога. Однако Балу не пожелал обладать супругой всеобщего прародителя и отправился к Илу, Творцу творения. Но сурово встретил его Илу и спросил:

— Зачем ты пришел ко мне?

Балу рассказал, что супруга Илу, Асирату, отвергает своего мужа и соблазняет его, Балу. Но Илу приказал Балу исполнить желание его супруги.

Исполняя приказ, Балу возлег с Асирату. Но не удержался Балу и гордо заявил богине, что он — самый сильный из богов, что убил он семьдесят семь и восемьдесят восемь сыновей Асирату. И возмутилась богиня. Оттолкнула она Балу и стала плакать о своих сыновьях. Семь лет продолжался этот плач. А по прошествии семи лет явилась Асирату к Илу. Возлегли они на свое ложе и составили заговор против Балу. Но Астарта приняла образ птицы и услышала, о чем говорили и что задумали боги. И сообщила она об этом заговоре Балу^[267]. И когда Балу узнал обо всем, принял он нужные меры, и не удалось Илу и Асирату погубить бога бури. И спасен был мир от гнева богов.

Подвиги Анату^[268]

Анату очень любила своего брата Балу. Для него она наряжалась, для него надевала на шею кораллы, для него играла на лире и пела прекрасные песни. В знак любви к Балу она как бы поедала его плоть без ножа и как бы пила его кровь без кубка^[269]. Но Анату и помогала Балу в его борьбе с другими богами. Совершала она и свои подвиги. Сражалась Анату с Йамму и победила его. Потом напала она на Дракона, извивающегося семиголового змея, и тоже одолела его. Против самого Илу Анату выступить не решалась, ибо был он отцом богов. Но она сражалась с любимцем Илу, дочерью Илу, теленком Илу, собакой Илу и всех их погубила. Много сражалась она и с людьми. Так, она устроила побоище в финикийском Тире. И радовалась она убийствам, ибо была богиней воинственной и кровожадной.

Мифы о боге Луны Йариху

Йариху должен был играть важную роль в угаритской религии. Его постоянно упоминают среди тех богов, которым угаритяне приносят жертвы. Существовал, вероятно, в Угарите и ежемесячный праздник полнолуния. Семиты всегда весьма почитали луну. Даже календарь у них был не солнечный, а лунный. И в Угарите, и в Месопотамии луна — мужское божество (в отличие, например, от соответствующего женского божества у греков и римлян). Возможно, это старое общесемитское представление.

Женитьба Йариху^[270]

Бог луны Йариху, Лампада богов, решил жениться. Он направил богу лета Хархаббу^[271] послание, в котором просил дать ему в жены его дочь Никкаль^[272]. За это Йариху обещал дать Хархаббу тысячу сиклей серебра, десять тысяч сиклей золота и самые блестящие драгоценности. А к тому же обещал Йариху отдать как свадебный дар поле и цветник^[273]. Но Хархаббу не хотел отдавать Никкаль Йариху. Он предложил ему жениться на Пидрай, дочери Балу, и обещал сам походатайствовать перед Балу и Асирату за Йариху. Если же не хочет Йариху жениться на Пидрай, то пусть посватается к Йабрудмай^[274], и опять же пообещал Хархаббу помочь богу луны и в этом деле. Но Йариху не захотел жениться ни на Пидрай, ни на Йабрудмай, ни на ком-либо другом. Он сказал, что женится только на Никкаль. И уступил Хархаббу. Йариху женился на Никкаль^[275]. Ее отец поставил подставку для весов, ее мать установила чаши весов, ее братья расположили сами весы, ее сестры положили гири. Отдал Йариху обещанные свадебные дары. И стала Никкаль богиней луны, светом Йариху. Устроили боги свадьбу. Все воспели славных богинь Косаратум, помогающих рождению детей, и милосердного Илу, всеобщего владыку^[276].

Йариху на пиру богов^[277]

Роль Йариху в жизни людей велика. И ему, как и другим богам, приносят жертвы. Но иногда Йариху играет роль шута у богов. Так

произошло на пиру, который дал верховный бог Илу^[278].

Астарта и Анату преподнесли дичь к столу Илу, и тот решил пригласить богов на пир: пусть боги едят и пусть они пьют, пусть они пьют вино вдоволь, новое вино до опьянения. И сошлись все боги в жилище Илу и заняли свои места за пиршественными столами. Только Йариху не сел за стол. Схватил он кусок мяса и, как собака, потащил его под стол. Рассмеялись боги, и те, кто видели его, бросали ему мясо, а кто не видел, думая, что это действительно собака, били его палкой. И особенно вкусные куски бросили Йариху Астарта и Анату.

А сам Илу опьянел. Встав из-за пиршественного стола, направился он к своим покоям. Но не мог он сам идти. Шукамуну и Шунаму поддерживали его, а бог Хаббайу с рогами и хвостом помогал им^[279]. Так добрался Илу до своих покоев и упал там замертво, и голова его раскалывалась от боли. И лишь позже, выпив сок ранних олив, излечился Илу. После этого все те, у кого голова раскалывается от боли, пьют сок ранних олив.

Богиня Шапашу, ее дочь и бог Харану

Кобылица, дочь богини солнца Шапашу, дочь источника, камня, небес и океана^[280], была укушена змеей. Она очень страдала, и вся природа страдала ей. Кобылица обратилась к своей матери с просьбой о помощи. Она просила воззвать к какому-нибудь из богов, чтобы тот излечил ее от змеиного укуса. Сначала просила она обратиться к Илу:

— Шапашу, мать моя, неси мой призыв к Илу, источнику рек и течения двух океанов!

Но Илу не стал лечить Кобылицу — или же просто не сумел этого сделать. Тогда Шапашу и ее дочь обратились к Балу, владыке Цапану, но тот не смог помочь страдающей дочери богини солнца. После этого по просьбе дочери воззвала Шапашу к Дагану в Туттуль, к Анату и Астарте в их город Инхаб, к Йариху, к Рашапу, Камошу, Малику, Котару–ва–Хасису на Кафтор и Шахару и Шалиму на небо. Но никто не мог помочь страдающей Кобылице.

И тогда Шапашу обратилась к богу Харану. И Харану согласился помочь Кобылице^[281]. Но за это он потребовал, чтобы та осталась в его городе и в его доме. И Кобылица и ее мать согласились с этим. Тогда Харану, оставив Кобылицу в своем дворце, покинул город и отправился в страну Аршах^[282]. Там он устремился к зарослям тамариска, к рощам

финиковых пальм, тамариском он стряхнул зло, кистью финиковой пальмы уничтожил его. И после этого Харану вернулся в свой город. Кобылицу покинула боль от укуса, и радостная природа вновь набрала силу, и жизнь закружилась всюду, как водный поток^[283].

Однако Кобылица, владеющая искусством заклятий, с их помощью заперла ворота дворца Харану, и тот не смог войти в свой дом. И Кобылица предложила богу сделку: она впустит его в собственный дворец, если тот передаст ее матери искусство излечивать от укусов змеи. Харану согласился. После этого Кобылица согласилась стать женой Харану, но потребовала от него в дар змею, ядовитую ящерицу как свадебный дар и рептилию в оплату любви. Все эти пресмыкающиеся должны были помогать излечивать от змеиного яда. Так Шапашу стала обладательницей дара излечивать от змеиных укусов^[284].

И вот змея укусила некоего Шаргаззу^[285]. Он упал, и яд все глубже проникал в его тело. Предчувствуя неизбежную гибель, Шаргаззу заплакал и обратился с молитвой к Шапашу. Шапашу увидела его плачущего, услышала его голос и спросила:

— Почему ты упал, почему ты плачешь, как мальчик, и проливаешь слезы, как маленький ребенок?

И Шаргаззу ответил богине:

— Укусила меня змея, и яд проник в меня, в висок мой проник он, и упал я, и заплакал, предвидя скорую смерть, и обратился с молитвой к тебе, Светоч богов, Шапашу.

И Шапашу вмешалась. Как в полдень солнце убирает тень с земли, так солнечная богиня убирает яд из тела укушенного. И без отдыха трудится Шапашу, пока не удаляет полностью губительный яд^[286].

Рождение Шахару и Шалиму^[287]

Воссел на своем троне бог смерти Муту, держа в своих руках скипетр вдовства и жезл бесплодия. И тогда люди обратились с мольбой к женам Илу — Асирату и Рахмайу. Для них жрецы, одетые в красные одежды, сварили козленка в молоке и зажарили ягненка в жире, а певцы, одетые в багрянец, воспели богинь. И богини отправились к Илу.

Илу в это время находился на берегу океана, охотился на птиц и жарил свою добычу, совсем равнодушный к судьбам мира^[288]. И даже увидев приближающихся Асирату и Рахмайу, он не отложил свое занятие. А богини приблизились к Илу и стали его умолять. Тогда Илу бросил свою

охоту и обнял Асирату и Рахмайу, поцеловал их в губы, сладкие, как гранат, и зачал двух богов. А поднявшись с ложа любви, он сказал, что две его жены произведут на свет благих богов Шахару и Шалиму, которых надо будет положить рядом с Шапашу и неизменными звездами.

В назначенное время Асирату и Рахмайу произвели на свет благих богов. Были новорожденные велики, одну губу они помещают на землю, а другую — на небо^[289], сосут они груди Великой Госпожи, Асирату^[290], и не насыщаются, едят они птиц неба и рыб моря и тоже не насыщаются. А когда выросли Шахару и Шалиму, Илу отправил их в священную пустыню на семь лет. Там они поселились рядом с камнями и пустынными растениями, охотились и приносили жертвы. Когда же прошли полные семь лет, восемь кругов времени, вернулись Шахару и Шалиму в мир богов и сразу же закричали хранителю урожая:

— Открой нам дверь!

Открыл дверь хранитель урожая, и вошли боги в его дом. После этого Шахару и Шалиму сказали:

— Если есть у тебя хлеб, дай нам, чтобы мы поели! И если есть у тебя вино, дай нам, чтобы мы попили!

И хранитель урожая дал им хлеб и вино. И стали Шахару и Шалиму благими небесными богами, воплощающими утреннюю и вечернюю звезду.

Сказание о Карату^[291]

Царь Дитану^[292], Карату, потомок и любезный слуга Илу^[293], пребывал в печали. Его преследуют несчастья. Сокрушен его дом. Погибли его братья. Умерла его добродетельная жена. Уничтожено потомство. Исчез почти весь род Карату, кроме него самого, и нет у него больше наследников^[294]. Вошел Карату в свои покои и горько заплакал. Слезы его падали и на постель, и на землю. И так, плача, он заснул. А во сне явился к нему Илу и спросил, о чем плачет Карату. Может быть, хочет он быть великим царем, могучим владыкой?^[295] А может быть, нужны ему богатства? Так пусть возьмет Карату золото и серебро, коней и колесницы, и рабов вечных^[296]. Только пусть не плачет Карату. Но Карату не хотел ни власти, ни могущества, ни богатства. Не нужно ему ни золота, ни серебра, ни колесниц с конями, ни рабов. А нужны ему сыновья и наследники, нужны ему родственники, чтобы не погиб его род.

И ответил ему Илу:

— Не плачь, Карату! Омойся и соверши жертвоприношение, заколи ягненка и козленка, возьми жертвенную птицу и на городской стене принеси жертву Илу и Балу, сыну Дагану^[297]. А после этого собери войско и иди походом в страну Удумми. Придя в страну Удумми, разорь эту страну. А когда захочет царь Удумми, Пабелли, заключить с тобой мир и дать тебе выкуп, чтобы ты не разорял больше страну Удумми, откажись от выкупа, а потребуй от царя Удумми только Деву Хурритянку. Получив же Деву Хурритянку, женись на ней, и даст она тебе новое потомство^[298].

Проснулся Карату и сделал так, как повелел ему во сне Илу. Омылся он от кончиков пальцев до плеч и совершил помазание кровью. После этого заколол он козленка и ягненка, и птицу жертвенную, налил в золотой кубок мед и в серебряный кубок вино и поднялся на городскую стену. Там он принес жертву Илу и Балу, а затем спустился в город и начал готовиться к походу. Он приготовил еду для всего города и для своей дружины. Снабдил всем необходимым свое войско и, собрав городское ополчение, вместе с дружиной двинулся в поход^[299]. По пути в Удумми он достиг храма Асирату в стране тирийцев и сидонян^[300]. Там он принес обет богине и пообещал, что если добудет он Деву Хурритянку, если введет ее в свой дом, то пожертвует он Асирату серебра весом в две трети веса Хурритянки и золота весом в треть веса Девы. И услышала его обет Асирату, и запомнила.

На четвертый день после ухода из святилища Асирату войско Карату дошло до страны Удумми. Стал Карату нападать на сам город Удумми, разорять его селения^[301], убивать всех жителей, кого только мог встретить на поле и у гумна, у источника и ключа^[302]. И продолжалось все это шесть дней. И все это время не спал царь Пабелли, ибо не было у него сил отбить войско Карату. На седьмой день он созвал советников и позвал жену свою, и спросил у них, что же делать. И все посоветовали отправить к Карату послов с предложением выкупа и просьбой о мире. И отправил Пабелли, царь Удумми, послов к Карату. Послы пришли в стан Карату и сказали, что Пабелли, царь великого Удумми, предлагает Карату золото и серебро, колесниц с конями и рабов, но просит перестать осаждать Удумми и разорять его страну, уйти к себе, отступить домой. Но Карату отказался от выкупа. Потребовал он только Деву Хурритянку, первородную дочь царя Пабелли, чья прелесть как прелесть Анату, чья красота как красота Астарты, чье ожерелье из блестящего лазурита, чьи очи — чаши алебастровые, отделанные сердоликом^[303], ведь именно ее обещал ему во сне Илу, и должна она ему родить сына.

Послы вернулись к Пабелли и передали ему ответ Карату. Очень огорчился Пабелли таким ответом. Не хотел он отдавать свою первородную дочь Карату. Надеясь разжалобить Карату, отправил он снова послов к царю Дитану, велев передать, что по Деве Хурритянке будет стенать Удумми, как корова по своему теленку. Но Карату был непреклонен: есть у него и золото, и серебро, и колесницы с конями, и рабы, но пусть Пабелли даст ему то, чего нет у него, у Карату, — Деву Хурритянку, ибо ее обещал ему Илу во сне. И пришлось Пабелли уступить. Отправилась Дева Хурритянка в стан Карату. Когда жители Удумми узнали об этом, великий стон раздался в городе и во всей стране. Как корова ревет по своему теленку, так стонали жители Удумми по Деве Хурритянке, чья прелесть как прелесть Анату и чья красота, как красота Астарты^[304].

И возвращается Карату домой в Дитану. Вместе с ним прибыла в его дом и Дева Хурритянка. Торжественно встретили вернувшегося Карату и прекрасную Деву Хурритянку люди Карату, жители Дитану. А когда Карату привел Деву Хурритянку к себе в дом, то решил он отпраздновать свою радость и устроить пир для богов. И пришли на пир отец богов и людей Бык Илу, Силач Балу, бог луны Иариху, искусный Котару-ва-Хасису, грозный Рашапу, прелестная Рахмайу и все собрание богов. Обратился Балу к Илу и призвал его благословить Карату^[305]. И тогда Илу взял чашу в правую руку и благословил Карату^[306]. Предрек Илу, что Дева Хурритянка родит Карату восьмерых сыновей, и первым будет Йацциб, которого вскормят богини Асирату и Анату, а младшим — богатырь Илихау, что родит она восьмерых дочерей, и младшую из них сделает Илу первородной^[307]. Все боги радовались счастьем Карату. И радовался вместе с ними Карату. Но в своей радости, в своем счастье забыл он о своем обете Асирату и не отдал ей золота весом в треть веса Девы Хурритянки и серебра весом в две трети веса новой жены. Асирату была этим очень оскорблена, ибо нарушил Карату свою клятву^[308].

Оскорбленная Асирату наслала на Карату смертельную болезнь^[309]. Лег Карату на ложе болезни, не стал он ничего есть, а тело его покрылось потом. Почувствовав, что дни его жизни сочтены, Карату приказал своей жене, чтобы она заколола самого жирного из тельцов, принадлежащих царю, и открыла кувшин вина, а затем позвала на пир могучих царских дружинников^[310]. Дева Хурритянка выполнила приказ своего мужа^[311]. Пришли царские дружинники в дом Карату, где и был устроен жертвенный пир, дабы умолили дружинники богов, чтобы те излечили Карату. И все

жертвовали богам и просили их излечить благородного Карату. И устроен был второй пир, на котором еще больше было дружинников, и снова все ели мясо в доме Карату, и пили его вино, и жертвовали богам, и просили их излечить Карату. А потом были позваны колдуны, и они тоже ели и пили, жертвовали и молились.

Младший сын Карату, Илихау, не был в доме своего отца и не знал о его болезни^[312]. Но приснился ему сон, и во сне было Илихау видение, что болен его отец, и было сказано, чтобы жертву принес он богам ради своего отца. Проснувшись, заплакал Илихау, заскрежетал зубами и не мог успокоиться. Никак не мог понять Илихау, как может умереть Карату: ведь он — потомок Илу, родственник верховного бога^[313]. И пришел Илихау в дом своего отца и снова заплакал. Но Карату сказал сыну:

— Не плачь, сын мой, не рыдай понапрасну! Лучше пригласи свою младшую сестру, Восьмую, чей вопль сильнее твоего, и пусть она плачет и рыдает по мне, пусть она возьмет бубен и воспоет печальную песню, пусть она принесет жертву Илу^[314].

Илихау отправился к дому своей сестры. Она в это время вышла из ворот и тотчас увидела брата. Восьмая сразу же все поняла, ноги ее подкосились, и она заплакала. Выплакав слезы, Восьмая спросила Илихау:

— Который месяц уже болеет Карату?

И Илихау ответил, что уже четвертый месяц хворает их отец, что он уже отходит в мир смерти, что ему как любимому сыну уже сказали, что надо строить гробницу царю^[315]. И тогда снова заплакала Восьмая и возопила в своем горе. Она тоже не могла понять, как может умереть Карату: ведь он родственник Илу, а боги ведь не умирают. Если же умрет Карату, то все будут оплакивать его, и даже гора Цапану, священная область Балу, будет рыдать о Карату^[316].

Наплакавшись, Восьмая направилась в дом Карату, вошла в его покои и застала там плачущих о Карату. Восьмая села у ложа своего отца и присоединила к плачущим свой голос, и достиг ее голос обители богов. А сама Восьмая затем поднялась и удалилась в пустыню, чтобы там снова оплакать своего отца^[317].

Покинул город и Илихау. Пошел он в поле и увидел, что вся природа скорбит о Карату. С болезнью царя не проливается больше благодетельный дождь, не наполняются реки, наступила засуха. Чтобы возродить природу, совершил Илихау старинный обряд возлияния масла, потому что с возрождением природы должен выздороветь и Карату^[318]. Совершив этот обряд, Илихау обратился с молитвой к богам. Обратился он к Балу и его

отцу Дагану, обратился он к Илу. И услышал Илу молитву. Призвал он своего вестника Илшу и его жену, вестницу богини Асирату. Илу приказал им подняться на плечо постройки и на священную высоту и там совершить ритуал, который должен помочь Карату выздороветь.

Но ни Илшу, ни его жена не смогли помочь больному царю, любимцу Илу. Тогда Илу вызвал к себе других богов и обратился к ним с вопросом: кто изгонит болезнь из Карату, кто выгонит хворь из царя? Семь раз повторял он свой вопрос, но никто из богов не ответил ему^[319]. Тогда Илу отпустил богов в их дома и решил сам излечить Карату. Для этого он взял глину, вылепил из нее статую, обжег эту статую на жаровне и затем оживил ее. Ожившую статую он назвал Шатикату, что означает Облегчающая страдания, излечивающая. И приказал ей Илу идти в дом Карату, чтобы прогнать смертельную болезнь царя, победить кровавого бога смерти Муту^[320].

Отправилась Шатикату в Дитану, во дворец Карату. Плача и причитая, пролетела Шатикату города и селения, и так пролетела, что никто не заметил ее, в том числе кровавый Муту. Долетев до Дитану, она вошла во дворец Карату, проникла в его покои. Как приказал Илу, она сделала повязку из травы алтеи^[321] и повязала этой повязкой голову Карату. После этого Шатикату села у ложа больного и омыла его тело от пота. А затем дала царю есть. И поел Карату хлеба и мяса. Как только съел он хлеб и мясо, данные ему Шатикату, так сразу и выздоровел. А Муту, уже готовый схватить душу Карату, был вынужден признать себя побежденным^[322]. И Асирату согласилась с выздоровлением Карату.

Встал Карату с ложа болезни, поднялся с постели смерти. Сразу же крикнул он своей жене, Деве Хурритянке, чтобы та заколола ягненка и барана и дала ему их поесть. Обрадовалась Дева Хурритянка, заколола она ягненка и барана, и дала она пищу выздоровевшему Карату. В честь своего выздоровления Карату устроил праздник. И продолжался праздник два дня. После этого снова сел Карату на свой царский трон и снова стал выполнять свой царский долг.

Пока болен был Карату, не мог он выполнять свой царский долг. Не решались дела вдовы и не решались дела убогого^[323]. И тогда приближенные старшего сына Карату, Йацциба, стали подстрекать Йацциба, чтобы тот пошел к Карату и заставил его отказаться от власти и чтобы Йацциб сам занял царский трон Дитану. Йацциб, наконец, послушался их и пошел к Карату. Он обвинил царя, что тот поступает как насильник из насильников, что погрузил он руки свои в бесчинства, ибо не решает он дела вдовы и не разбирает дела убогих, не защищает слабых от

сильных и не кормит сирот. Все это потому, что заболел царь, а заболевший царь не может выполнять свой царский долг. И потребовал Йацциб, чтобы отрекся Карату от царской власти и передал ее ему, Йаццибу^[324].

Карату чрезвычайно возмутился поступком своего старшего сына и проклял его, и призвал на него гнев богов: пусть Харану разобьет его голову, Астарта поразит его череп, боги убьют его. И исполнилось проклятие Карату. А сам Карату снова стал царствовать в Дитану. И вся природа возродилась с выздоровлением Карату^[325].

Сказание о Данниилу и Акхите^[326]

Великий и мудрый Данниилу, муж харнамийский^[327], пребывал в горе и тоске, ибо не было у него сына, как у его братьев и других родственников. А так как нет у Данниилу сына, то никто в случае необходимости не защитит его, никто не поставит вместе с ним статую бога, никто не починит его дом, никто не поможет ему, если он напьется вина, и никто не похоронит его с почестями после смерти^[328]. Данниилу приносил жертвы богам и делал это семь дней. По ночам ложился спать Данниилу, но никакой бог не приходил к нему во сне. На седьмой день вошел в дом Данниилу Силач Балу и пожалел горюющего Данниилу. Балу обратился к Быку Илу и попросил его благословить Данниилу и даровать ему сына^[329].

И Илу согласился. Благословил он Данниилу и велел успокоить его. Сказал верховный бог, чтобы взошел Данниилу на ложе своей жены Даннитянки^[330], и еще сказал, что родится у них сын. Услышав эти слова Илу, Балу вошел в дом Данниилу и передал благословение Илу, после чего заверил мужа харнамийского, что родится у него сын, который будет заботиться о нем^[331]. Услышав эти слова, Данниилу возвеселился. Он призвал в свой дворец богинь Пригожих, ласточек, которые содействовали зачатию и родам. Семь дней кормил Данниилу богинь^[332]. А после их ухода возлег он на ложе своей жены, и через девять месяцев родился у Данниилу сын, которого называли Акхитом.

Младенец с лотосом. Плитка из слоновой кости. Нимрод

Акхит рос быстро. Вскоре превратился он в молодого могучего богатыря. И любимым делом Акхита стала охота^[333]. Но не было у Акхита хорошего лука. Он обратился к отцу с просьбой достать ему чудесный лук, который помогал бы ему в его охоте и какого не было бы у других охотников. Выслушав любимого сына, Данниилу обратился с мольбой к богу–ремесленнику, искусному оружейнику Котару–ва–Хасису^[334]. И вот, сидел Данниилу под могучим деревом на площади у ворот, занимаясь делами правления, верша справедливый суд^[335]. И в это время он увидел, что идет к нему Котару–ва–Хасису и несет с собой лук. Увидев бога, Данниилу немедленно приказал своей жене Даннитянке, чтобы приготовила она пир для Котару–ва–Хасису, накормила его мясом ягненка и напоила его лучшим вином. Послушалась мужа Даннитянка и устроила пир для Котару–ва–Хасису, накормила его, напоила, уважила. А после ухода бога Данниилу отдал лук Акхиту, благословил сына и приказал ему, чтобы часть охотничьей добычи обязательно отдавал Акхит в храм Котару–ва–Хасису в благодарность за великолепный лук, который сделал

для него искусный бог–ремесленник. И отправился Акхит с новым луком на охоту.

В это время богиня–охотница и воительница Анату пиновала в своем дворце. Ела она мясо ястребов и вепрей и запивала их вином из своих золотых чаш. А закончив пир, Анату подняла свои глаза и увидела Акхита, охотящегося со своим новым луком. И сразу же узрела богиня, что такого великолепного лука нет ни у кого, даже у нее, и захотела она заиметь этот лук. В раздражении, что нет у нее такого лука, бросила Анату чашу на землю и устремилась туда, где охотился Акхит. И сказала она Акхиту, чтобы отдал он ей лук, а за это обещала ему золота и серебра столько, сколько тот пожелает. Но Акхит не пожелал ни золота, ни серебра — не захотел расстаться со своим чудесным луком. Он ответил Анату, что посвятит он кедры ливанские, жилы диких ослов, тетиву из бычьих сухожилий, тростник из Галилеи богу Котару–ва–Хасису, чтобы тот сделал другой лук, для Анату^[336]. Но Анату захотела именно тот лук, который был в руках Акхита. И за лук пообещала ему бессмертие. Сказала богиня, что будет он вечен, как Балу и Илу, что войдет он в дружину Балу и тот будет услаждать Акхита пирами и пением на них. Но Акхит не поверил Анату: ведь не бывает бессмертных людей. И сказал Акхит:

— Как каждый человек умрет, так умру и я, и похоронят меня по старинному обряду.

И прибавил к этому юный охотник, что вообще обладать луком — не дело женщины, ведь лук — оружие смелых мужчин^[337]. И разгневалась на Акхита Анату.

Поднялась Анату к Илу, пришла к истокам рек в середине двух океанов. Пожаловалась Анату на Акхита и его отца Данниилу, что не уважают они великую богиню, не хотят почитать ее, не исполняют ее просьб. Пожалел было Илу Данниилу и его сына. Но Анату стала грозить Илу и его дочерям: пусть дочери Илу не надеются, что они живут в высоком дворце Илу, все равно она схватит их своей десницей. Пусть и Илу не надеется на свое высокое положение, она вырвет его волосы и окрасит кровью его бороду. И пусть тогда Акхит попробует заступиться за Илу, помочь ему против Анату. Испугался Илу этих угроз и позволил Анату делать с Акхитом все, что она пожелает^[338]. Обрадовалась Анату и поспешила снова на землю.

Вернувшись на землю, Анату сделала еще одну попытку договориться с Акхитом и предложила ему свою любовь. Но и любовь богини отверг Акхит. Тогда еще больше разгневалась Анату и направилась в город Абулumu, который был городом бога луны Йариху^[339]. Там она явилась к

искусному Иатпану и пожелала Иатпану, чтобы благословил его Иариху. Понял Иатпану, зачем пришла к нему великая богиня, и сказал ей, что погубит она храброго Акхита и он поможет ей, обратившись в демона^[340]. Возликовала Анату и предложила Иатпану превратить его, Иатпану, в орла и коршуна, и тогда вместе с ее орлами и коршунами^[341] будет он летать над Акхитом и поразит юного воина. Так она и сделала.

В это время Акхит, прервав охоту, сел за трапезу. Внезапно налетела на него стая орлов и коршунов. Взвились они над Акхитом, и не видел Акхит, что среди этой стаи летала и сама Анату. Налетела стая на Акхита, и Иатпану в виде птицы дважды ударил Акхита по темени и трижды — по уху. Пролилась кровь Акхита, и вышла из него душа, и дух его, как пчела, вылетел из носа^[342]. Умирая, Акхит сломал свой чудесный лук, чтобы не достался он Анату^[343]. И перед самой смертью он проклял своих врагов. Было это летом, так что Акхит заклил летние плоды и зерна в колосьях, чтобы и природа оплакала его преждевременную смерть. Увидев мертвого Акхита и поняв, что лук, созданный Котару-ва-Хасису, все равно ей не достался, Анату раскаялась в своем деянии. Вернувшись в свой дворец, богиня оплакала погибшего. Но, вспомнив, что тот сломал лук, снова разгневалась и стала ругать мертвеца. Погубила Анату сына Данниилу, но цели своей все равно не достигла.

В это время сам Данниилу сидел на площади под деревом и занимался делами правления. Пришла к нему его дочь Пугату. Была она искусна в делах небесных, знала, как движутся звезды и что происходит в мире. И увидела Пугату, что дерево, под которым сидит Данниилу, засохло, что над домом ее отца Данниилу летает стая орлов и коршунов^[344]. Поняла тогда Пугату, что погиб ее брат Акхит, и сказала отцу, что произошло с его сыном несчастье. В горе разорвал Данниилу свою одежду, разодрал свой плащ. Проклял Данниилу облако, чтобы семь и восемь лет не лился бы из него дождь и чтобы не было росы и не было прилива в двух океанах, чтобы не звучал голос Балу, дабы вся природа скорбела вместе с ним из-за несчастья Акхита. Еще не знал Данниилу точно, что за несчастье приключилось с его сыном, но самые горькие предчувствия охватили его. После этого поднялся Данниилу и велел Пугату оседлать ему тучного осла. Плача, дочь выполнила приказ отца. Сел Данниилу на осла и отправился в огород. Там он увидел стебелек на грядке, обхватил его и поцеловал: ведь мог бы Акхит, когда этот стебелек вырос, срезать его и положить в амбар. После этого направился Данниилу на хлебное поле. Там он сжал колосок, обхватил его и заплакал: ведь мог бы Акхит, когда вырос колосок, сжать его и положить в амбар. В это время

пришли к нему отроки^[345] и рассказали, что Акхит погиб, что налетели на него орлы и коршуны, ударили его дважды в темя и трижды по уху, и вышла душа из юного охотника и что виновна в этом Анату, которая сама летала между орлами и коршунами и сама выпустила душу из Акхита. И понял Данниилу, что оправдались самые худшие его предчувствия. Подкосились его ноги, задрожала спина, затрепетали бедра, лицо его покрылось потом. Вознегодовал Данниилу на богиню и на всю природу, которая не уберегла юного Акхита.

Решил Данниилу найти тело погибшего сына, чтобы похоронить его^[346]. Но, так как тело Акхита растерзали орлы и коршуны, надо было найти тех птиц, в животах которых находились куски мяса и кости павшего охотника. Их собирался Данниилу собрать, оплакать и похоронить в земле. И Данниилу обратился с мольбой к своему покровителю Балу, чтобы Балу сломал крылья орлам и чтобы те пали перед ногами Данниилу^[347]. Балу услышал эту мольбу. И вот пала перед Данниилу стая орлов. Данниилу рассек им животы, но не нашел там ни мяса, ни костей Акхита. Он вновь взмолился к Балу, и тот оживил невинных орлов, и они улетели. В это время Данниилу увидел отца орлов Хархабби и попросил у Балу погубить его. Но и в животе Хархабби не нашел Данниилу ни мяса, ни костей сына. По просьбе Данниилу Балу оживил Хархабби, и тот улетел. Потом увидел Данниилу мать орлов Цамалу и вновь взмолился к Балу. Сломал Балу крылья и перья Цамалу, и пала она перед ногами Данниилу. Данниилу рассек ей живот и увидел в нем мясо и кости Акхита^[348]. И не стал Данниилу просить Балу оживить Цамалу, ибо она не только погубила Акхита, но и, поглотив его мясо и кости, лишила его погребения, совершив, таким образом, великое нечестие.

Взял Данниилу мясо и кости Акхита, заплакал над ними, возвысил свой печальный голос. Потом собрал он останки сына, сложил их в урну и захоронил эту урну в тайном месте, чтобы никто не узнал, где покоится прах Акхита, и не мог потревожить его гробницу. И особенно заклил Данниилу орлов, птиц Анату, погубивших Акхита, чтобы не летали они над гробницей его сына и не тревожили его вечного сна. И за то, что не помогли Акхиту и не спасли его, проклил Данниилу источник вод и горькую траву^[349]. Данниилу понимал, что не могла одна Анату погубить его сына, что помог ей искусный Иатпану, живущий в Абулumu, городе бога Йариху. Значит, весь этот город виновен в гибели Акхита. И пошел Данниилу к городу Абулumu и проклил его^[350]. После этого вернулся Данниилу домой, пришел в свой дворец и собрал всех плакальщиц и

рыдальщиц, дабы оплакали они вместе с ним погибшего юного Акхита. И до седьмого года продолжалось оплакивание Акхита. И плакали вместе сам Данниилу и близкие его, и плакальщицы и рыдальщицы, которых он созвал в свой дворец. А на седьмом году отослал он из своего дворца всех плакальщиц и рыдальщиц^[351].

После этого Данниилу принес жертвы богам, небесам, звездам. Его плясуны и музыканты совершили ритуальную пляску. Закончился на этом траур Данниилу^[352].

Когда закончился траур по Акхиту, задумала его сестра Пугату отомстить за своего брата. Пришла она к Данниилу и попросила благословить ее, дабы дать ей силу для свершения мести. И Данниилу чрезвычайно обрадовался этой просьбе и сказал дочери:

— Убей убийцу своего брата, уничтожь уничтожившего твоего родственника!^[353]

И тогда пошла Пугату к морю, сбросила в него свои одежды, омылась морской водой, украсила себя пурпуром, намазалась миррой^[354]. После этого привязала она к своей нижней рубахе палицу, к поясу меч, а сверху надела обычную женскую одежду. И, как только взошло солнце, направилась Пугату от людей полевых к шатрам Йатпану^[355]. Дошла она до них уже при закате.

Узнав о приходе Пугату, Йатпану понял, зачем она пришла, и не решился вступить с ней в открытый бой. Он сделал вид, что дружески принимает пришедшую, и дал ей вина. Пугату выпила вино, и тогда решил Йатпану ее отравить. Он велел подсыпать в вино яд, который приготавливают демоны и который сам делает человека безумным и немым. Пугату выпила вино с ядом. Но не знал Йатпану, что Балу покровительствует Данниилу и Пугату. И сделал бог так, что не подействовал яд на дочь Данниилу. Поняла Пугату коварство Йатпану и еще больше вознегодовала. Вытащила она свою палицу, обнажила свой меч и свершила месть за погибшего брата. Так погиб искусник Йатпану за то, что погубил он Акхита. Торжествуя, вернулась Пугату во дворец к отцу и рассказала ему о свершении мести. Возрадовался Данниилу, но в глубине души своей продолжал скорбеть об Акхите. И решил он отправиться в загробный мир к божественным предкам рапаитам^[356].

Идя к рапаитам, Данниилу обратился с мольбой к Илу, чтобы тот помог ему в разговоре с рапаитами. И Йлу обещал ему помочь и с этой целью призвать их к себе в собрание богов. И вот, придя к рапаитам, Данниилу обратился к ним с призывом принести жертву Илу и прийти к нему в собрание богов. Выслушали рапаиты слова Данниилу и услышали

призыв Илу идти в его дом и принять участие в божественном пире. И собрал Илу в своем дворце богов. Пришли к нему Баллу, играющий на разных музыкальных инструментах, и мощная и величая Астарт, и царственная могучая Анату, летающая по небу как птица^[357], искусный Котару–ва–Хасису и другие боги. И запрягли в ослов свои колесницы рапайты, и направились к дворцу Илу. Двигались они долго и лишь на третий день прибыли к двору Илу. Ели они еду Илу и пили вино Илу, и продолжалось это шесть дней. На седьмой день обратился к Илу Баллу с призывом помочь, наконец, Даниилу. И тогда приказал Илу рапайтам воскресить Акхита. И по воле Илу воскресили рапайты Акхита, вылили они святое масло на его голову и преломили хлеб перед ним^[358]. Воскресший Акхит был помазан царским наследником. И было сказано Даниилу, что будут у него и сын, и внук и будут они царствовать над харнамийцами^[359].

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ФИНИКИИ^[360]

Сотворение Вселенной^[361]

Финикийцы по-разному рассказывали о сотворении вселенной. Некоторые считали^[362], что в начале всего был мрачный воздух, подобный ветру, и не менее мрачный хаос. И так было всегда, и не имели они конца. Но затем воздух (и он же — дух) полюбил самого себя, и появилось желание, а потом Мот. Это была и смерть, и возрождение от нее. Этот Мот был то ли илом, то ли водянистой гнилью. Из него произошли семена всякого создания, всякого творения, одним словом — всего существующего^[363]. Потом появились существа, еще не имевшие никаких чувств. А от них уже произошли другие существа, обладающие разумом, и получили они имя Стражей неба. По своей форме походили они на яйцо^[364]. Одновременно возникли также солнце, луна, звезды и великие светила^[365]. А потом воспламенились и Мот, и все небесные тела. От такого воспламенения все прониклось светом. А от этого света загорелись моря и земли. В результате все накалилось, пришел в движение воздух, отчего произошли ветры, в небесах собрались тучи, которые пролились на землю мощными потоками. Земля, нагревшись, стала извергаться, и мощные землетрясения потрясли вселенную. И все завертелось в могучем вихре, в котором самые разные вещи и существа сталкивались друг с

другом. Из их столкновений произошли гром и молнии. Грохот был такой, что Стражи неба, которые до этого спали, теперь проснулись и задвигались. А вместе с ними задвигалось все остальное^[366]. И из соединения всего этого и произошли мужчины и женщины. Они дали имя ветрам, освятили плоды земли и стали поклоняться им.

Ветер Колпий и его жена Баау родили Зон и Протогона^[367]. Это были первые смертные люди. Им захотелось есть. И тогда Зон придумала, как добывать пищу с деревьев^[368]. У них родились сын и дочь, которые поселились в Финикии^[369]. Эти первые поселенцы на финикийском побережье стали и первыми почитателями солнца. Они назвали его Баал–Шамимом, то есть Владыкой небес. Другими детьми Зон и Протогона были Свет, Огонь и Пламя^[370]. Это они первыми стали тереть друг о друга куски дерева и тем самым зажигать огонь. Позже, когда появились другие смертные люди, они научили их, как все это надо делать. Их детьми были Касий^[371], Ливан, Антиливан и Братю^[372]. Они стали родоначальниками самых мощных гор. В это время на земле было уже много женщин. Брака тогда не существовало. Мужчины и женщины любили друг друга свободно. Из любви этих женщин и гор появились на свет Шамимрум, названный также Гипсуранием, и Усой^[373]. Люди в это время жили беспорядочно и бродили по лесам. Гипсураний, поселившись на острове Тир, изобрел первые жилища. Это были хижины из тростника, лозы и папируса^[374]. И он научил людей жить в таких жилищах. Усой же, будучи охотником, первым стал прикрывать свое тело шкурами убитых им животных. В это время пошли проливные дожди. А когда они закончились, начались сильные ветры. Деревья под ударами ветра стали клониться друг к другу, сталкивались друг с другом, терлись друг о друга. В результате они воспламенились. Загорелся весь ближайший лес. Тогда Усой взял большой кусок древесного ствола, обрубил ветки и спустился на воду. Он поплыл по морю и стал, таким образом, первооткрывателем мореплавания^[375].

Прошло много времени. В роду, который происходил от Гипсурания, появились на свет братья Цид, он же Агрей, и Алией. Они изобрели охоту и рыбную ловлю. А их сыновья открыли железо и способы его обработки. Из этих братьев–изобретателей один, Хусор, стал также заниматься магией, заговорами и всяческими прорицаниями. Кроме того, он изобрел удочку и сети, приманку и леску, став, таким образом, создателем рыболовства. Он первым стал сам плавать и научил этому и всех людей. А его братья первыми начали строить кирпичные стены. Кирпичи были

тогда еще необожженными и довольно хрупкими. Поэтому позже потомки этих братьев придумали, что можно смешивать с кирпичами всякий мусор, а затем высушивать их на солнце, так что после этого кирпичи получались прочными и из них удавалось теперь строить довольно большие дома. Но люди еще не умели перекрывать дома крышами. И тогда изобретатели кирпичей придумали, как делать также и крыши. И лишь после всего этого в мире появились настоящие жилища. Братья, жившие в следующем поколении, начали пристраивать к жилищам дворы, окружать все это заборами, рыть рядом с ними пещеры. Эти братья стали родоначальниками земледельцев и охотников. А их сыновья Амин и Маг научили людей жить вместе в деревнях и заниматься разведением скота. Сыновья Амина и Мага, Мисор (Справедливый) и Цидик (Праведный), открыли соль, столь нужную не только для употребления в пищу, но и для скрепления справедливых и благочестивых договоров. Сын Мисора, Таавт, изобрел первые буквы, а сыновья Цидика, Кабиры, построили первый настоящий корабль. Их дети открыли целебные травы, средства от змеиных укусов и придумали различные заговоры против болезней. Так постепенно появилось человеческое общество^[376].

Вот как рассказывали одни финикийцы^[377] о происхождении мира и человеческой культуры. А жители Сидона рассказывали о начале вселенной несколько иначе^[378].

В начале всего были Время, Страсть и Облако. Страсть и Облако полюбили друг друга, и от них родились Воздух и Дуновение. А от них уже на свет появилось мировое яйцо. Когда же это яйцо раскололось, то верхняя его часть стала небом, а нижняя — землей.

Но некоторые думали иначе^[379]. Прежде всего мира, говорили они, существовали Эфир и Воздух. От них родился Улом, то есть Век, воплощение всепоглощающего времени. Но иногда говорили, что сначала родились два ветра — южный и северный, а потом уже — Улом. Порождениями Улома были Хусор и мировое яйцо. Хусор расколол яйцо и из верхней его половинки создал небо, а из нижней — землю^[380].

Фигурка египетского типа. Слоновая кость. Самария

Есть и еще один рассказ^[381]. В начале всего было вечное Море, которое, по-видимому, поднималось, как купол. И это Море прежде всего породило Хусора. Хусор был горой, воплощением суши. С горы начала стекать мировая река — Великий Евфрат, а на вершине горы вырос могучий кедр — мировое дерево. После этого Море произвело на свет семь яиц, из которых вышли в мир семь богов. Один из них нырнул в Море и вынырнул вновь из него быстро, как стрела, и поэтому позже люди называли его Стрелой. Это был бог Решеф, которого еще в Угарите называли Владыкой стрел. Другими богами были Лук, Молния, Венок. Был еще один бог, по имени День-и-Ночь, или, иначе, Сутки. И в этом ряду божеств, происшедших из семи яиц, произведенных Морем, были также Владычица мира и Юноша — два космических существа, первая пара в мире. После этого Венок опустил на Море, и оно стало плоским. А затем все эти боги создали ныне существующий мир. И Море до сих пор является высшим богом^[382].

Войны богов^[383]

В отличие от человеческого мира, где смена поколений происходит естественным путем, в мире божественном эта смена сопровождается ожесточенной борьбой, в которой в конечном счете побеждает то поколение, которое выступает в мифе как ныне правящее миром.

Война Эла и его союзников с Небом

Существовали бог Элиун, что означает Высочайший, и его жена Берут^[384]. Жили они в Финикии около Библа^[385]. Они родили сына Небо и дочь Землю. Высочайший скоро погиб, сражаясь с дикими зверями^[386], и его преемником становится Небо^[387]. Небо женился на своей сестре Земле и стал отцом Эла, Бетила, Дагона и Атланта^[388]. Но у Неба скоро появились и другие женщины. И от них он имел довольно большое потомство^[389]. Однако Землю он не забывал и время от времени возвращался к ней. Земля чрезвычайно негодовала на такое поведение мужа и обратилась за помощью к своему старшему сыну Элу. Эл изготовил из железа серп и копье, в чем ему помогли его дочь Анат и молодой бог, его помощник^[390]. Последний знал волшебные слова, которые вдохновили союзников Эла, и те с горячим желанием двинулись в бой против Неба. Эта война закончилась победой Эла. Он лишил отца трона и сам стал главой всех богов. Во время этой войны было взято много пленных, и среди них находилась любимая наложница Неба. И Эл отдал ее в жены своему брату Дагону. Но наложница к тому времени уже носила в своем чреве ребенка от Неба. В положенное время она родила сына, которому дали имя Демарунт^[391].

Небо не смирился с поражением^[392]. Удалившись в изгнание, он стал замышлять различные козни против Эла, надеясь вернуть себе царство среди богов. С этой целью он послал к Элу своих дочерей — Астарту, Баалат–Гебал и Рею^[393]. Они должны были хитростью завладеть Элом и лишить его власти. Но Эл разгадал замысел, он привлек богинь к себе и сделал их своими женами. Неудачной оказалась и другая попытка Неба взять реванш, ибо и новые посланцы Неба стали союзниками его сына. Но Небо не успокоился. Он воюет с Морем, одним из союзников Эла. Эл же, постоянно опасаясь, что отец рано или поздно вернет себе царский трон в мире богов, устроил засаду и из нее напал на Небо. Он оскотил своего отца, а, по древним поверьям, ни бог, ни земной царь, лишённые мужской силы, не могут уже ни царствовать, ни каким-либо образом на господство претендовать. Так Эл окончательно утвердился во главе божественного мира.

Впрочем, Эл стремился обезопасить свою власть не только от отца, но и от всех других богов, кого он подозревал в намерении отнять у него трон. Так, он сбросил в глубь земли своего брата Атланта и, чтобы тот уже никогда не смог вернуться на земную поверхность, насыпал над ним гору^[394]. Потом он заподозрил своего собственного сына Садида и убил его^[395]. Отрубил он голову и своей собственной дочери^[396].

Став неоспоримым владыкой мира, Эл приобрел и особый вид. У него спереди и сзади было четыре глаза, из которых два были всегда открыты, а два — закрыты в знак того, что этот бог и во сне видит, и бодрствуя спит; на его плечах было четыре крыла — два распущенных и два сложенных — и на голове еще два крыла. И это все поднимало Эла над остальными божествами, ибо те имели только по два крыла^[397].

Крылатый сфинкс. Плитка из слоновой кости. Нимрод

Однако, утвердившись в качестве царя всех богов, Эл решил реальную власть на земле разделить^[398]. Для этого он обошел и облетел всю вселенную. Астарте, Демарунту и Хададу он передал власть над Финикией^[399]. Исключение из всей страны он сделал для Библа, госпожой

которого Эл поставил Баалат–Гебал, и Берита, доверенного богу моря Йаму. Царицей Аттики^[400] он сделал Анат^[401]. Таавта Эл сделал царем Египта^[402]. Разделив власть над землей, Эл отдал господство над смертью и миром мертвецов своему сыну от Реи, Моту^[403]. Астарта в знак своей царской власти возложила на свою голову коровьи рога. А своим святым островом она избрала Тир, где и посвятила себе упавшую с неба звезду.

Так после окончательной победы Эла и его союзников над Небом боги разделили между собой мир.

Борьба Эла и его союзников со Змеем

Врагом Эла был могучий Змей. И два войска, одним из которых предводительствовал Эл, а другим — Змей, упорно сражались друг с другом. Но ни то ни другое войско не могли одержать победу. И тогда два предводителя заключили договор. По его условиям то войско, воины которого упадут в океан и будут им поглощены, считается побежденным, а их противники будут владеть небом и всем миром. Так и произошло. Воины Змея были поглощены водами океана. И Эл стал властелином неба, а его сподвижники — богами, которые вместе с ним управляют вселенной^[404].

О Вселенной

Победа Эла придала окончательный вид вселенной. Выше видимого мира располагается небесный океан. В этом верхнем океане и обитают небесные боги, в том числе Баал–Хаммон и Тиннит. А под этим океаном находится уже видимое небо с солнцем, звездами и другими светилами. В самом низу простирается нижний океан. А между двумя океанами, небесным и подземным, располагается земля с ее реками, озерами, морями, которые, по–видимому, соединяются с двумя мировыми океанами. Эти два океана образуют единый космический поток, знаком которого является свернувшийся в круг змей, пожирающий свой собственный хвост. Его-то изображение и можно часто встретить в храмах^[405].

О смерти

Человек имеет две души: одну растительную, а другую дыхательную. После смерти человека растительная душа остается в могиле и испытывает потребность во всем том, что она имела при жизни, находясь в человеческом теле: в еде, питье, свете, различных окружающих предметах и т. д.^[406] Но более всего она нуждается в покое. Поэтому необходимо тщательно заботиться, чтобы никто не потревожил покой мертвеца, и следует обрушивать всяческие проклятия на того, кто посмеет это сделать^[407]. Может быть, эта растительная душа находится во власти подземных богов. Дыхательная же душа через небесный свод и верхний океан на магическом корабле отправляется в царство богов, где с помощью богов-целителей, особенно Эшмуна, излечивается от всех бед, недугов и зол земного мира. В загробном мире души людей — по крайней мере, выдающихся, особенно царей — становятся особыми духами. Они соединяют мир жизни с миром смерти.

Происхождение финикийцев

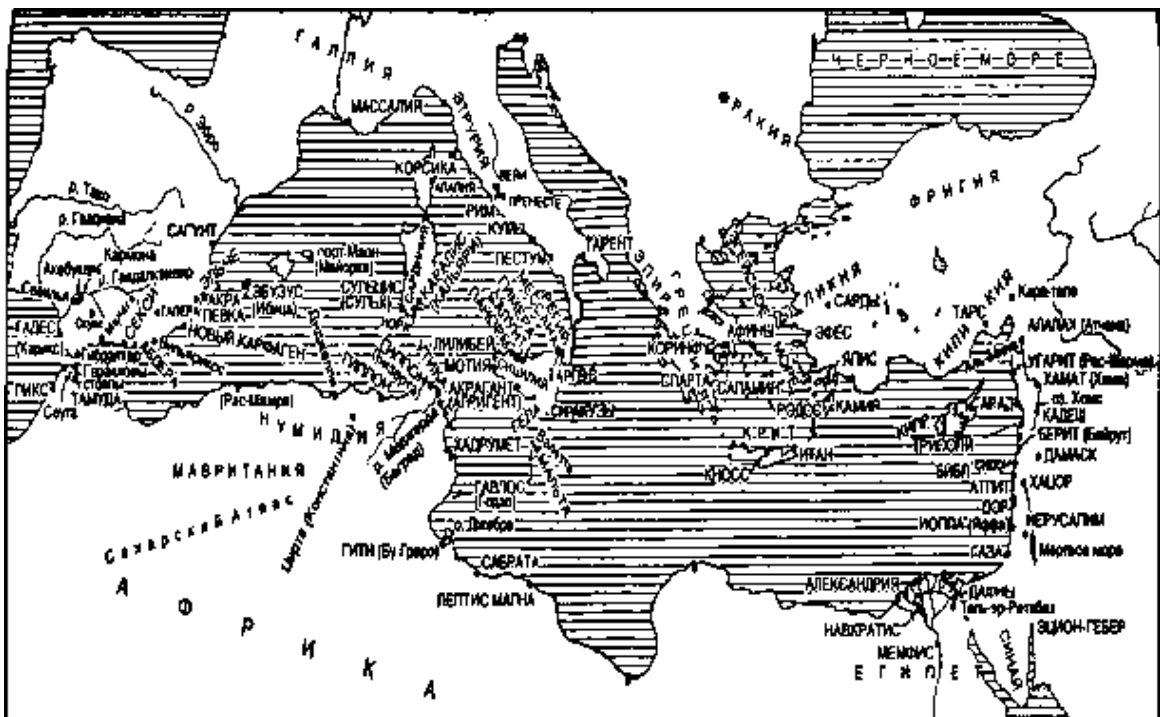
Предком финикийцев был Кен, или Хна^[408]. Он был сыном бога Баала. Женой его была Кенат. От них пошли позднейшие финикийцы и их ближайшие родственники. Сначала финикийцы жили на юге — на берегу Эритрейского моря и на островах в нем^[409]. Но потом произошло страшное землетрясение, и финикийцы были вынуждены покинуть родину. Различными путями двинулись они на север. Одни из них прошли через Палестину и затем поселились в самой южной части будущей Финикии. Это были предки тирийцев. Путь других был более сложен. Сначала они добрались до северной части Сирии и на какое-то время обосновались около излучины реки Оронт. А позже они вышли к Средиземному морю и там поселились. В этом районе они основали Сидон. Третьи — жители Библа — всегда жили на этом месте^[410], а сам Библ — древнейший город мира.

Основание финикийских городов и колоний

Основание Библа

Раскопки Храма Обелисков в древнем Библе

Город, который греки называли Библом, сами финикийцы именовали Гебалом (или Гублой).

Это самый древний город. Около места, где он возник, жили старые боги Элиун (Высочайший) и его супруга Берут. А когда Эл победил впервые своего отца Небо и сам стал царем богов, он окружил свое

жилище стеной, и внутри этой стены возник город. Этот город и стал Библом^[411].

Основание Тира

Об основании Тира ходили разные рассказы. Его финикийское название — Цор, что означает «скала». И действительно, город находился на небольшом скалистом островке вблизи побережья. Точнее, сначала было два небольших островка, позже соединенные в один, когда царь Хирам в X в. до н. э. приказал засыпать пролив, разделяющий эти островки.

На острове, где позже возник Тир, бог Шамимрум создал первое поселение из шалашей, построенных из тростника, лоз и папируса. Это и был первоначальный Тир. На этом острове Астарта нашла упавшую с неба звезду и в знак своей царской власти возложила на себя коровью голову. И остров этот стал святым островом Астарты, и город на нем был тесно связан с ней.

Есть и другой рассказ о начале Тира. Когда-то в этом районе жили первые люди. И бог Мелькарт задумал создать с их помощью могучий город. Для этого он в виде человекоподобного призрака явился во сне спящим, а спали люди обычно днем, так как из-за ужасающей палящей жары не могли ничего делать. И во сне бог повелел им построить повозку, способную двигаться по морю. Для этого они должны были срубить в лесу высокие и стройные сосны, из части их сделать доски, затем скрепить все прочной веревкой, внизу пропустить толстый брус, который станет килем, а потом, окружив построенное поперечными брусами, наверху настелить палубу с мачтой посередине; люди должны были прикрепить к мачте льняной парус, набить между бортами мелкие дощечки, чтобы не дать воде проникнуть внутрь, и, наконец, сделать руль. Затем бог приказал на этом корабле выплыть в море и добраться до двух скалистых островков, блуждающих по морю и называемых Амбросиями. На этих островках одиноко растет могучая олива, охваченная пламенем, которое, однако, ее не сжигает, а вокруг ствола оливы вьется могучая змея. Она все ползет вверх, стремясь ужалить орла, сидящего на верхушке оливы, но никак не может это сделать. А орел все пытается схватить змею, и ему это тоже никак не удается. В ветвях кроны оливы стоит чаша, не колеблемая ветром. И повелел Мелькарт поймать диковинную птицу и принести ее в жертву богам. А когда после этого скалы останутся, там основать город.

И когда люди проснулись, долго они не могли прийти в себя от этого предсказания и повеления. Но в это время им явился моллюск, своим изворотливым ходом показывая, как должно двигаться кораблю. И вдохновленные люди принялись строить корабль, образцом для которого стала маленькая рыбка наutilus, или кораблик. Так появился первый корабль. Будущие мореходы уложили на его дно четыре тяжелых камня, чтобы волны и ветры не снесли судно в сторону. А затем они отправились к островкам выполнять волю бога.

Когда корабль достиг скал и люди взобрались на утес, где растет олива, орел сам спустился к ним. По повелению Мелькарта прибывшие тотчас перерезали орлу горло, принеся его в жертву. И как только кровь принесенного в жертву орла окропила скалы, те мгновенно остановились. И на этих скалах у подножья священной оливы люди, следуя приказу бога, основали город Тир^[412].

Сидоняне рассказывали об основании Тира иначе. По их рассказам, Тир не был древним городом. Однажды^[413] на Сидон напал царь города Аскалона в Палестине. Он одолел сидонян и разрушил город. Жители были вынуждены покинуть его. Тогда они перебрались южнее и на острове, а может быть и двух островках, вблизи побережья основали Тир^[414].

Основание Берита

Город Верит (современный Бейрут) большой роли в истории Финикии до римского завоевания не играл. Тем не менее он был, особенно во II тысячелетии до н. э., довольно оживленным портом, и в нем существовали свои легенды о возникновении города. Как и жители других финикийских городов, беритяне считали свой город древнейшим.

Рассказывают, что Верит существовал с самого начала вселенной. Еще не было никаких других поселений на земле, а Верит уже возник. Родительницей города была богиня Астарта. Она высадилась в этом месте, и когда богиня вышла на сушу, на песчаном побережье расцвели розы, заструилась река, воздух наполнился благовониями. И здесь родилась Бероя. Как только богиня разрешилась от бремени, раздался хор богинь, прославляющий рождение дитяти. И возликовали все звери. Лев, забыв старинную вражду, лижет загривок быка, а бык, ничуть не страшась лвиной пасти, радостно мычит. Конь в восторге бьет копытом, и звонкий гул от этого биения разнесся по земле. Леопард запрыгал, подобно зайцу, и

волк стал ласково покусывать овцу, не причиняя ей боли. Пес бросил охоту и стал плясать, состязаясь в пляске с кабаном. Поднявшись на задние лапы, медведица обнимает корову, а теленок ласкает свирепую львицу. Ядовитые змеи с лаской трогают слонов. Да и деревья умиленно шумят, приветствуя дочь Астарты. И все богини ласково приняли дочь Астарты. И в честь дочери богиня основала город, который по ее имени назвала Беритом^[415].

Ваза с изображением уток, найденная при раскопках Берита. IX в. до н. э. Глина

Основание Сидона

Сидон (финикийское название — Цидон) был одним из самых значительных городов Финикии. Его основателем считали бога Цида (Сида).

Бог Цид был братом Египта, который правил в Африке и по имени которого его подданные стали называться египтянами. Цид приобрел страну, которую по названию ее жителей именовали Ханааном. Там он основал город и назвал его по своему имени Сидоном^[416]. Согласно другому рассказу, Сидон был рожден Морем, богом Йамом, и имел братом морского бога Посейдона^[417].

Саркофаг с горельефом Сатрай был найден при раскопках древнего Сидона. 440–430 г. г. до н. э.

Основание Гадеса^[418]

Гадес был одним из наиболее древних финикийских городов вне самой Финикии. Сами финикийцы называли его Гадиром, позже греки стали именовать этот город Гадейрами, а римляне — Гадесом (под этим названием он и известен в истории). Сейчас это город Кадис на юге Испании.

Бог Мелькарт приказал тирийцам основать город в Испании в том месте, какое укажут благоприятные жертвоприношения^[419]. И вот из Тира вышел флот во главе с Архелаем^[420]. Долго двигались корабли через все Средиземное море, пока не достигли испанских берегов. Финикийцы высадились в устье реки, которое им очень понравилось. Там они принесли жертвы богу, но жертвы оказались неблагоприятными. С горечью в сердце покинули колонисты понравившееся им место. Пройдет много времени, и финикийцы вернутся сюда и создадут здесь город Абдери. А пока они двинулись дальше на запад и, пройдя пролив между Европой и Африкой, вышли в Атлантический океан.

Там они снова вошли в речное устье и вновь принесли жертвы. Но бог опять отверг жертвоприношение. И пришлось тирийцам вернуться несколько назад. Они остановились у небольших островков около самого побережья. На этот раз жертвоприношение оказалось удачным. Узнав волю Мелькарта, тирийцы огородили место на острове и внутри ограды

построили город. И называли они его Гадиром, что означает «огороженное место» или «крепость». На противоположном конце этого же острова финикийцы воздвигли храм Мелькарта. Впрочем, жрецы этого храма утверждали, что храм был создан на 70 лет раньше города^[421].

Основание Карфагена

Самым знаменитым городом, основанным финикийцами за морем, был Карфаген в Северной Африке, ставший позже главой собственной мощной державы. В течение долгого времени он был опаснейшим соперником и греков, и римлян. Поэтому естественно, что и те и другие обращали довольно большое внимание на этот город и писали о нем. Разумеется, греческие и римские писатели сохранили и некоторые сведения об основании Карфагена. И многие из этих сведений в конечном счете восходят к карфагенской или, шире, финикийской традиции.

Когда-то жили два брата — Зор и Кархедон^[422]. Они отправились^[423] в Африку и основали там Карфаген. Возможно, это была фактория, то есть небольшое поселение, временно посещаемое моряками и торговцами, и носила она название Каккаба, или Бирса. Впрочем, этому рассказу не очень-то верили^[424], а чаще и охотнее приводили другой.

Когда-то^[425] в Тире правил царь Мутон, или Метен. У него были сын Пигмалион и дочь Элисса^[426]. Царь выдал свою дочь замуж за верховного жреца Ахерба. Ахерб был очень богат^[427], и когда после смерти своего отца Пигмалион сам стал царем, он задумал отнять у зятя его богатства. Но Ахерб спрятал их, так что никто, даже самые верные царские слуги, не могли узнать, где же он их скрывает. И тогда Пигмалион, человек жестокий и жадный, решил убить Ахерба. Ахерб пытался спастись у алтарей богов, но был там застигнут убийцами. Ему в спину вонзили копье, а тело бросили в ров. Это не помогло Пигмалиону найти богатства убитого. Не решаясь открыть гражданам Тира убийство верховного жреца, царь приказал не хоронить тело. А чтобы его сестра и вдова убитого не задумала мстить, он скрыл от нее позорное деяние и даже стал привлекать ее к себе притворным расположением. Но однажды ночью Элиссе явился призрак убитого мужа. Он рассказал ей о случившемся, открыл место нахождения сокровищ и посоветовал с верными людьми бежать из Тира. Элисса так и сделала. Она нашла богатства, собрала самых знатных людей Тира и ночью снарядила свой флот. Во главе флота встал опытный и

знатный командир Витий. Среди спутников Элиссy был и предок знаменитого полководца Ганнибала^[428].

Сосуд. Кипр

И вот ночью корабли Элиссy тайно покинули тирскую гавань и направились на Кипр. Там Элиссy и ее спутников дружелюбно приняли, и среди принявших были жрецы Баал–Хаммона и Астарты. Но Кипр был слишком близок к Тиру, да и власть тирского царя распространялась на остров. Поэтому вскоре беглецы решили двигаться дальше. Вместе с ними отправилась в путь и часть киприотов. После долгого плавания они прибыли к середине средиземноморского побережья Северной Африки. В свое время Элиссе было предсказано основать новый город там, где она найдет череп коня. И вот, двигаясь вдоль побережья и время от времени

для разведки высаживаясь на берег, беглецы действительно нашли череп коня и решили обосноваться именно в этом месте.

Недалеко от того места, где решили высадиться Элисса и ее спутники, уже существовал старинный финикийский город Утика^[429]. Может быть, в самом месте высадки тоже уже была финикийская фактория^[430]. И все же основная территория, где захотели остаться беглецы, принадлежала местному населению — ливийцам.

Их царь Гиарб враждебно встретил переселенцев и даже воспрепятствовал их высадке. Тогда Элисса попросила царя продать ей такой кусок земли, который был бы равен бычьей шкуре. Царь посмеялся над этой просьбой, потому что никак не мог себе представить, как такое количество народа может уместиться на участке, равном шкуре быка. Но ночью по приказу ЭлиССы тирийцы разрезали шкуру на мелкие кусочки и покрыли этими кусочками довольно большое пространство. И наутро изумленный ливийский царь был вынужден отдать Элиссе эту территорию. На ней и был основан город. Беглецы из Тира и с Кипра называли его Новым городом. По-финикийски это звучит как Картхадашт^[431]. И поскольку Элисса была женщиной царского рода, она и стала царицей новооснованного города.

Несколько лет Элисса, которую местные жители, африканцы, звали Дидоной, спокойно царствовала в Карфагене. За это время город увеличивался. Был построен порт, а затем застроено пространство между ним и холмом, на котором первоначально обосновались прибывшие. Правда, за эту землю карфагеняне были вынуждены платить дань ливийцам.

Женская фигурка с крыльями на саркофаге. Карфаген.

Между тем царь Гиарб загорелся страстью к Элиссе и потребовал, чтобы она вышла за него замуж. Элисса собрала своих советников. И те, боясь ливийского царя, ибо сил у Карфагена тогда было очень мало, посоветовали царице согласиться на требование Гиарба. Но Элисса не захотела стать женой ливийца. Чтобы выиграть время, она притворно заявила о своем согласии и сделала вид, что готовится к свадьбе. В действительности же она готовилась к смерти. Царица приказала соорудить огромный костер. И когда все было готово, она покончила с собой. Одни рассказывали, что она закололась и потом ее труп был сожжен на этом костре; другие — что она живой взошла на костер и погибла мучительной смертью, предпочтя ее ненавистному браку. У Элиussy не было детей, и так как с ее смертью отпрысков царского рода в Карфагене

не осталось, карфагеняне вовсе ликвидировали монархию, и Карфаген стал республикой^[432].

РАССКАЗЫ О БОГАХ

Баалат–Гебал — владычица Библа

До нас дошло несколько рассказов о том, как Баалат–Гебал стала покровительницей Библа.

Служанка библского царя

Баалат–Гебал, Владычица Библа, была верховной богиней этого города. И уже очень давно и жители Библа, и египтяне считали, что это — та же богиня, которую в Египте почитали то под именем Исида, то под именем Хатхор^[433]. Рассказывали, что злой египетский бог Сет убил своего брата Осириса, а его тело спрятал в колонне в царском дворце в Библе. Супруга Осириса, Исида, она же Баалат–Гебал, в поисках тела мужа добралась до Библа. Там, поняв, где находится тело Осириса, она нанялась служанкой к библскому царю.

Прислуживая во дворце, Баалат–Гебал полюбила маленького царевича, напомнившего ей оставленного в Египте сына, и захотела сделать его бессмертным. Для этого богиня клала младенца в печь, чтобы закалить его тело огнем. Но однажды царица неожиданно вошла в кухню и увидела страшную картину: ее сын лежит в огненной печи. Закричав от ужаса, царица выхватила ребенка и обрушилась с упреками на служанку. Тогда та открыла правду, сказав, что она — богиня, что она хотела дать мальчику бессмертие и что в Библ она прибыла, надеясь найти тело мужа, спрятанное в одной из колонн во дворце.

Библские царь и царица, узнав истину, ласково приняли богиню и позволили ей разрушить колонну и достать тело Осириса. Богиня, получив возможность добраться до заветной колонны, вскрыла ее и, достав оттуда тело мужа, положила его в специальный гроб, а затем, погрузив гроб на корабль, отправилась обратно в Египет, где и воскресила убитого. Когда она плыла в Египет, река Федр пыталась ей помешать, но богиня в гневе иссушила ее. А Библ, город, где она нашла погибшего Осириса, богиня сделала своим любимым^[434].

Баалат–Гебал была царицей Кипра. Сначала она полюбила воинственного бога, а затем влюбилась в юного пастуха и охотника Таммуза, сына Хусора^[435], и, покинув Кипр, направилась в Финикию, в город Библ, который тогда был самым сильным городом этой страны^[436]. Там она сочеталась любовью с Таммузом, и они были счастливы. Но муж Баалат–Гебал узнал об этом и, позавидовав счастью своей бывшей жены и Таммуза, направился тоже в Финикию.

В это время Таммуз ушел охотиться в горы Ливана. Завистливый и ревнивый супруг Баалат–Гебал принял облик огромного свирепого кабана. Таммуз, встретив кабана невиданного размера, бросился на него. Кaban увлек Таммуза в чашу на крутом склоне горы и напал на него. Справиться с ним Таммуз никак не мог. Кaban разорвал Таммуза на части. Баалат–Гебал долго искала своего возлюбленного и наконец нашла его останки.

Она собрала их и похоронила в Афаке, у истоков реки Адонис, протекавшей к югу от Библа. После гибели Таммуза Баалат–Гебал осталась в Библи и не захотела возвращаться на Кипр ни к мужу, ни к первому возлюбленному. Она тосковала по Таммузу и отправилась в Афаку на его могилу, где и умерла от тоски и горя. Но боги воскресили и Таммуза и Баалат–Гебал, которая стала госпожой Библа.

Египетская богиня пустыни Сехмет, нередко отождествляющаяся с финикийской богиней Баалат–Гебал. Ок. VI в. до н. э. Золото

Чудесное спасение Баалат–Гебал и ее сына

Когда-то, когда боги сражались за власть на небе и на земле, Баалат–Гебал, испугавшись жестокой войны, бежала далеко на восток к берегам Евфрата. С ней был ее маленький сын. И вот она села на берег реки вместе с младенцем, скрывшись в тополях, камышах и ивняке. В это время пронесся поток ветра, и деревья и кусты зашумели. Баалат–Гебал решила, что это приближаются враги. Испугавшись, особенно за сына, она воззвала к местным божествам, чтобы они защитили ее и младенца, вскричав, что спасут они двух богов. После этого богиня с сыном бросилась в реку. И две рыбы–близнецы подняли мать и сына на своих спинах и вынесли их на берег. За это рыбы позже были взяты на небо и превратились в одно из созвездий зодиакального круга. Сын Баалат–Гебал стал богом любви, а она сама отправилась в Библ. Когда Эл окончательно

победил и стал верховным богом, царем богов и людей, он отдал Баалат–Гебал тот город, который он сам когда-то основал, — Библ. С тех пор Баалат–Гебал — царица Библа^[437].

Адонис^[438]

Юный бог Адонис был тесно связан с Библом. Об этом боге тоже ходили разные рассказы, различающиеся в деталях, но все же близкие по содержанию.

Когда-то жила Мирра^[439], дочь могучего царя Кинира, правившего на Кипре. В свое время ее мать не почитала богиню любви^[440] и даже говорила, что ее дочери красивее богини. За это богиня разгневалась и, сочтя такие слова преступными, решила вместо матери наказать дочь^[441]. Она внушила ей нечестивую любовь к собственному отцу. Кинир, видя, что его дочь уже вошла в брачный возраст, стал приглашать женихов, но та всех их решительно отвергала и на вопрос отца, какого же мужа она желает, отвечала, что похожего на него. Кинир, полагая, что в ее словах звучит почтение к нему, был очень рад такому ответу, а Мирра еще больше запылала любовью и в то же время сознавала всю тяжесть греха. Наконец, не выдержав таких страданий, девушка решила повеситься. Но кормилица спасла ее от смерти. А узнав о преступной страсти Мирры, преданная кормилица пообещала ей помочь.

И вот, в один из праздников, когда жены ушли славить Астарту, Кинир, оставшись во дворце, напился пьяным, и кормилица ночью ввела к нему Мирру, сказав, что это — девушка, влюбленная в царя, похожая на его дочь и одних лет с нею. Так Мирра зачала от собственного отца. А когда наступил день и Кинир увидел, кто лежал с ним на ложе, он ужаснулся и бросился на преступную дочь, желая убить ее. Мирра с трудом убежала и, покинув царство отца, долго бродила по свету. Утомившись от скитаний, она обратилась к богам с мольбой, чтобы те из-за ее позора изгнали ее и из царства живых, и из царства мертвых. Боги согласились исполнить ее мольбу. И вот ноги Мирры покрыла земля, из ступней выросли корни, кости превратились в дерево, кровь — в древесный сок, а кожа — в кору. Так Мирра стала деревом. Но внутри ствола оставался ребенок, плод ее нечестивой страсти. И по прошествии девяти месяцев ствол лопнул и из него появился на свет младенец, которого называли Адонисом. Правда, рассказывали и по-другому: что отец

через девять месяцев все же настиг Мирру, которая к тому времени уже стала деревом, и ударил ее мечом, и из трещины вышел Адонис.

Адонис быстро рос и стал красивейшим из юношей. Его увидела Баалат–Гебал и страстно в него влюбилась. Ей захотелось никогда не расставаться с ним. Адонис тем временем больше всех других занятий полюбил охоту, и богиня стала охотиться вместе с ним. Но ей все же приходилось иногда отлучаться, и поэтому, боясь за его жизнь, принялась Баалат–Гебал его увещевать, чтобы он был осторожнее на охоте и ни в коем случае не охотился на ужасных львов и щетинистых свирепых кабанов. И однажды, когда богини не было с ним, Адонис отправился на охоту.

Вскоре он услышал неистовый лай и увидел, что собаки выгнали из берлоги огромного кабана. Некоторые говорили, что это сам бог войны принял вид кабана, чтобы погубить Адониса^[442]. Бежать было уже поздно, и Адонис смело выступил вперед. Он ударил кабана копьем, но тот стряхнул с себя обагренное кровью копьё и бросился на Адониса. Адонис, вспомнив предостережение богини, бросился бежать. Но кабан нагнал его и всадил ему в тело острый клык^[443]. Адонис упал, умирая. Баалат–Гебал услышала предсмертный крик юноши и бросилась к нему. Она обнимала тело и оплакивала Адониса. Она умоляла не уходить от нее в иной мир, пробудиться и дать ей последний поцелуй, длящийся столько, сколько может длиться лобзание. Богиня скорбела, что, будучи бессмертной, она не может идти за возлюбленным в подземное царство, дабы и там не разлучаться с ним. Затем Баалат–Гебал подняла мертвое тело, вынесла его из леса, положила на пурпурные ткани, обмазала его благовониями и возлила на него драгоценное миро. А собравшиеся вокруг возлагали на мертвое тело погребальные венки и обрезали кудри в знак скорби. А потом решила богиня оставить вечную память о погибшем, и из крови Адониса вырастила она прекрасный цветок анемон. Но на этом богиня не успокоилась. Она обратилась к отцу, и верховный бог решил воскресить Адониса. А чтобы не очень обижалась подземная царица Шеол, он решил, что часть года Адонис будет проводить под землей, а часть — на этом свете. Местом же его пребывания на земле он избрал Библ.

Но другие рассказывали, что уже с самого рождения Адониса Баалат–Гебал полюбила младенца. Она очень боялась за него, оставшегося с самого рождения сиротой. Поэтому она положила ребенка в ларец и доверила его хранение богине подземного мира Шеол. Но, когда Адонис вырос, Шеол не захотела возвращать его на землю. И поскольку богини никак не могли прийти к согласию о месте пребывания Адониса, то они

обратились к Элу. И тот решил разделить год на три части: одну часть года Адонис проводит в подземном мире, одну часть — на земле с Баалат–Гебал, а одну — тоже на земле, но так, как ему вздумается. Адонис же, сам полюбивший Баалат–Гебал, присоединил свою треть к доле этой богини, так что с ней он проводит две трети года, а в мире смерти с Шеол — одну треть. Но и в подземном мире Адонис оставался живым, и таким его видела богиня любви, специально на свидание с юношей спускавшаяся под землю.

Жители Берита рассказывали, что возлюбленной Адониса была богиня Астарта. Плодом этой любви стала Бероя. И ее именем богиня назвала основанный ею город Верит^[444].

Эшмун

Рассказывают, что Эшмун был прекрасным и юным охотником на диких зверей в лесистых долинах Ливана. И однажды его увидела Астарта и всем сердцем полюбила. Она решила соединиться с ним. Но Эшмун не захотел быть возлюбленным богини. Как-то раз Астарта явилась в ту долину, где охотился Эшмун, и приблизилась к нему. Эшмун в страхе отпрянул, но Астарта не успокоилась. И тогда Эшмун бросился бежать. Но богиня была гораздо быстрее его и скоро стала его настигать. Тогда Эшмун решил сам себя оскопить. Он ударил себя топором и упал, обливаясь кровью. Горько вскрикнула Астарта, увидев, как умирает ее несостоявшийся возлюбленный. Раскаялась она в своей страсти и решила вернуть юношу к жизни. Она наполнила его животворной теплотой, и он воскрес. А воскрешенного Эшмуна Астарта сделала богом^[445].

Астарта и Йам

В Египте был найден папирус, содержащий миф об Астарте и боге моря. Этот миф, несомненно, финикийский^[446].

Бог моря Йам решил, что он — самый великий из богов и все остальные боги должны платить ему дань. И боги испугались. Первой принесла Йаму дань богиня урожая Рененут, дала она ему серебро, золото, лазурит, ларцы, полные драгоценностей. За ней послали Йаму дань и другие боги. Но бог моря этим не удовлетворился. Испугались боги, что Йам совсем разорит их, и стали думать, как с ним договориться. Решили они выбрать посредника^[447]. И выбор пал на Астарту^[448]. Рененут послала

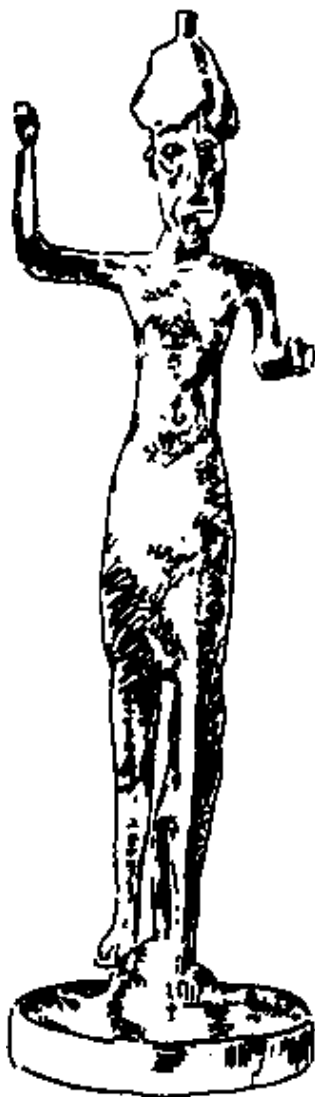
к ней птицу, повелев не возвращаться, пока та не уговорит Астарту помочь богам. Услышав просьбу богов, Астарта заплакала, сама испугавшись грозного бога моря. Но птица уговорила ее. И вот Астарта пришла туда, где заседали невеликие боги^[449]. Они стали просить ее пойти к Йаму, соблазнить его и вызвать у него любовь к ней. А затем уже попросить Йама уменьшить дань. И Астарта согласилась.

Взяла Астарта свою долю дани, отправилась к берегу моря и вошла во дворец Йама. Там она стала петь и смеяться. И спросил Йам:

— Зачем ты пришла ко мне? Сандалии на твоих ногах разбиты, и платье на тебе разорвано от долгой ходьбы.

И сказала ему Астарта, что принесла она ему свою дань и хочет сама ее отдать. Радостный, впустил Йам ее в свой дворец. Там начала Астарта соблазнять бога моря и добилась своей цели. Полюбив Астарту, Нам решил жениться на ней. Он отправил вестника к ее отцу, богу Птаху, и потребовал, чтобы тот отдал ее ему. Птах обратился к другим великим богам и попросил совета. Боги посоветовали согласиться на требование Йама, но также передать богу моря, что он должен отказаться брать с них непосильную дань. Однако Йам на это не согласился. И были вынуждены боги снимать свои драгоценности и отдавать их в качестве дани Йаму. Скорбели боги по этому поводу и не раз вступали в переговоры с Йамом. И тогда Астарта сказала, что не будет она женой бога моря, если тот будет настаивать на своих требованиях. И согласился Йам. И наступил мир среди богов^[450].

Мелькарт

Статуэтка Мелькарта. Сицилия. Бронза

Мелькарт (правильнее — Милькарт) был одним из «молодых богов». Само это имя означает царь города», а под «городом» подразумевался Тир^[451]. В Тире Мелькарта очень почитали, считая своим владыкой^[452], его праздник бы одним из самых главных, а может быть, и самым главным в Тире. Когда тирийцы создали множество поселений на берегах Средиземного моря и даже океана, поселенцы тоже стали почитать Мелькарта, а в некоторых из этих поселений, как, например, в Гадесе, Мелькарт, как и в Тире, стал считаться основателем города и главным богом^[453]. Но Мелькарт был популярен не только среди тирийцев, но и среди колонистов — выходцев из их города. Его весьма чтили в самом северном финикийском городе — Арваде^[454]. И даже за пределами

Финикии дамасский царь Бар–Хадад (приблизительно IX в. до н. э.) воздал почести этому богу^[455].

Финикийцы полагали, что Мелькарт покровительствует дальним морским походам и колонизации. Мелькарта изображали в виде бородатого мужчины в расцвете лет, иногда как морского бога, мчащегося на гиппокампе (фантастическом морском существе — полуконе–полурыбе), а иногда в качестве героя, борющегося со зверями, а то и с чудовищами^[456]. Эти изображения подчеркивают героические черты тирского бога, что и позволило грекам считать его тем же героем, что и их Геракл^[457]. Тирийцы же приписывали Мелькарту как своему «баалу» создание всего, что особенно ценилось ими. Для них Мелькарт был и солнечным, и морским, и аграрным богом^[458], а также изобретателем многого из того, чем гордился Тир.

Рождение Мелькарта

Во время войны между богами Эл отнял у Неба его наложницу и отдал ее своему брату Дагону. Эта наложница уже носила в своем чреве дитя от Неба и в положенный срок родила Демарунта. Супругой Демарунта стала Астарта, которая и родила сына. Родила она его на острове под огромной оливой, на вершине которой сидел орел — царственная птица, осеняющая своими крылами новорожденного. К этому орлу подползала змея, стремящаяся убить птицу, и она уже обвила своим телом оливу. Но ужалить орла и сделать что–либо плохое младенцу она не смогла. Сама олива была охвачена пламенем, но это пламя достигало только середины ствола и не вредило ни орлу, ни змее, ни младенцу. Этим младенцем и был Мелькарт, ставший затем царем города, владыкой Тира^[459].

Открытие пурпура^[460]

Однажды Мелькарт гулял по морскому берегу со своей собакой. Собака рыскала по берегу, обнюхивая все вокруг и время от времени что-то раскусывая. Так она раскусила раковину, и тотчас ее пасть окрасилась яркой краской, напоминающей горящее пламя. Сначала Мелькарт испугался, подумав, что это кровь. Но скоро он понял, что это

краска, и поразился, до чего она красивая. В это время возлюбленная Мелькарта, нимфа Тир^[461], убедила его окрасить этой краской свою одежду. И одежда тоже стала изумительно красивой. Так была открыта пурпурная краска. А Мелькарт научил людей добывать ее и окрашивать ею самые ценные одежды.

Люди очень скоро оценили благодеяние Мелькарта. Они добывали со дна моря пурпуноносных моллюсков и раскладывали их на берегу. Под воздействием солнца тела моллюсков гнили, а раковины раскрывались. После этого в каждой раковине оставалась капелька ярко-фиолетовой краски. Эти капельки собирали и из множества капелек делали краску, которая уже сама по себе была очень дорогой. Большую часть тканей окрашивали однократно, но были и дважды окрашенные, цена которых возрастала в десять раз. Были даже и трижды окрашенные, продаваемые уже по невероятно высоким ценам. Пурпуром окрашивали царские одежды. Финикийские купцы вывозили пурпурные ткани в другие страны, где они очень ценились. Финикийские мореплаватели специально пускались на поиски в Средиземном море и океане новых отмелей, где водились бы пурпуноносные моллюски. Изготовлением пурпурных тканей стали заниматься уже не только в Тире, но и в колониях. Финикийские пурпурные ткани и изделия из них пришлись весьма по вкусу грекам и римлянам, и они охотно их покупали.

Подвиги Мелькарта^[462]

Жизнь Мелькарта была заполнена подвигами, борьбой со страшными порождениями злых сил — земных, водных и небесных, которые мешали и угрожали людям.

Прежде всего Мелькарту пришлось сражаться со страшным змеем Дотаном. Это было извивающееся семиголовое чудовище, готовое пожрать любого, кто отважился бы приблизиться к нему. Но Мелькарт смело вступил с ним в бой. И как ни извивался змей, как ни нападал он на Мелькарта, тот отрубил ему одну за другой все семь голов и поверг его на землю.

Битва Мелькарта со львом. VII-VI в. в. до н. э. Слоновая кость

Вторым подвигом бога стала борьба со львом. Страшный зверь напал на Мелькарта, но бог сильной рукой схватил его за гриву и прижал к земле. Затем левой ногой наступил на круп льва, а правой рукой нанес мощный удар двулезвийным топором по голове. Бездыханный лев распростерся по земле^[463]. В этой борьбе принимал участие и грифон — зверь с головой птицы и птичьими крыльями. О его участии в этой борьбе финикийцы рассказывали по-разному. Иногда они говорили, что грифон помог Мелькарту в схватке со львом. А другие утверждали, что грифон вместе со львом выступил против Мелькарта, но тому помог в бою молодой безбородый бог Цид, сразивший грифона^[464].

Затем Мелькарт оказался в подземном мире. Там его встретил страшный подземный пес, но Мелькарт смело вступил в борьбу с ним. Он победил подземного пса и вынес его на дневной свет. Богиня солнца Шепеш радостно приветствовала бога, совершившего этот героический подвиг^[465].

На этом деяния Мелькарта не закончились. Он сражался с дикими конями, могучим вепрем, медноногим оленем, страшным великаном, чудовищем в облике коня с человеческой головой, человекоголовым быком. И всех их Мелькарт одолел в упорной борьбе. Все эти чудовища были порождениями страшных сил земли, все они грозили роду человеческому, и люди радостно приветствовали своего спасителя Мелькарта.

Спасение Гадеса

Мелькарт спасал людей, и прежде всего тех, кто находился под его особым покровительством — тирийцев и выходцев из Тира, не только от страшных чудовищ, но и от обычных врагов. Так он спас жителей Гадеса. Сам этот город был основан по велению Мелькарта, там находился один из

самых почитаемых храмов этого бога. Гадес был процветающим торговым городом, и значительная часть городских богатств хранилась в гадитанском храме Мелькарта. И вот царь соседнего испанского царства Тартесса^[466], Ферон, решил напасть на храм и ограбить его. И город и храм находились на острове вблизи побережья, и поэтому Ферон снарядил большой флот, чтобы напасть на храм. Гадитанские корабли вышли навстречу врагам, но корабли Ферона стали брать верх над гадитанскими судами. И гадитане взмолились о помощи к своему богу. И вот на носах финикийских кораблей появились львы и свирепо зарычали. Страшным рычанием они напугали нападающих. А затем от гадитанских кораблей к тартессийским протянулись лучи, подобные солнечным, и от их жара тартессийские суда воспламенились и погби^[467]. Так в результате активного вмешательства Мелькарта завершилась полной катастрофой попытка Ферона ограбить гадитанский храм этого бога.

Походы Мелькарта

Мелькарт собрал огромную армию из разных народов, соорудил большой флот и двинулся в Ливию^[468]. Он очистил эту страну от диких животных и превратил пустынные земли в плодородные и богатые. На пути ему встретился страшный великан, ни за что не хотевший пропустить его дальше. Мелькарту пришлось вступить с ним в схватку. Он победил великана и обеспечил себе свободный путь к западу. Вдова великана стала возлюбленной Мелькарта, и их сын Софак — первым царем этих земель^[469]. Но рассказывали и по-другому — что праматерью нумидийских царей и возлюбленной или женой Мелькарта была дочь Аферы, союзника Мелькарта в его ливийском походе^[470].

Мелькарт же, двигаясь вдоль ливийского берега со своим войском и флотом, достиг места, где Средиземное море вливается в океан. О дальнейшем есть два рассказа. По одному рассказу, бог, построив специальные плотины на ливийском и европейском берегах, стянул ближе ранее далеко отстоявшие друг от друга берега, так что образовался сравнительно узкий пролив. Сделал он это для того, чтобы различные морские животные — киты, кашалоты, дельфины реже проникали из океана в море. По другому рассказу, Мелькарт, наоборот, прорыл перемычку, отделявшую море от океана, и создал на ее месте пролив. В любом случае, в знак своих трудов он воздвиг на берегах пролива две мощные колонны — Столпы Мелькарта^[471]. И эти Столпы Мелькарт

установил как знаки последнего рубежа земли^[472]. В Испании бог снова сражался с великанами, среди которых был могучий Герион, или Геронт. Затем он покинул эту страну, предварительно передав царство там самым достойным из туземцев и уведя оттуда священных коров.

Из Испании Мелькарт пустился в обратный путь, но по северной части Средиземноморья, двигаясь вдоль берегов Галлии^[473] и Италии. Из Италии он переправился на Сицилию, в западной части которой правил могучий Эрике, про которого говорили, что он тоже сын Астарты. Эрике спровоцировал Мелькарта на поединок. Ставками в этом поединке противники сделали один свое царство, другой своих коров. Сначала Эрике заявил, что эти ставки неравноценны, но бог уверил его, что в случае потери коров и он сам потеряет свое бессмертие. Эрике был побежден, но Мелькарт не стал тотчас царствовать в этой земле, но заявил, что много позже придет его потомок и примет власть. Покинув Сицилию, бог вернулся на родину.

Совершил Мелькарт поход и на восток. Он достиг волшебного города мудрецов, который так и не смог завоевать. Но до конца мира на востоке он все же добрался. И это позволило ему измерить всю землю.

Но был и другой поход Мелькарта на далекий запад. Вновь собрав войско и флот из различных восточных народов, Мелькарт опять двинулся в Ливию, перебравшись оттуда в Испанию. Но в Испании он погиб, а его разноплеменное войско распалось, и остатки этого войска стали предками некоторых народов^[474].

Некоторые из бывших воинов Мелькарта поселились ближе к побережью. Осев в чужой стране, они пользовались для постройки жилья килевыми днищами перевернутых кораблей, потому что древесины там не было. Смешавшись с жившими в этих местах гетулами, они стали предками нумидийцев. Ближе к океану и недалеко от Испании поселились другие бывшие воины Мелькарта. Они много торговали с Испанией и построили укрепленные города. Их потомки стали называться маврами, или мавританцами.

Смерть и воскресение Мелькарта

Венцом многотрудной жизни Мелькарта, заполненной его деяниями на благо людей, явились его смерть и воскресение. О смерти Мелькарта рассказывают по-разному. Одни говорят, что Мелькарт еще младенцем был брошен матерью в морскую пучину и там возродился уже в виде

бога^[475]. По другому рассказу, Мелькарт, став старым, сам бросился в огонь и там возродился, а затем поднялся на небо. И в этом ему из всех сил помогала богиня солнца Шепеш. Такую историю охотно рассказывали в Гадесе^[476].

Был и третий рассказ о смерти и воскресении Мелькарта. На Мелькарта напал его соперник бог моря Йам и убил его^[477]. Это произошло во время похода Мелькарта и случилось или на пути в Ливию, или, как полагают большинство рассказчиков, уже в Испании. Бог-врачеватель Цид дал мертвому Мелькарту понюхать запах перепелов, и тот воскрес. Было это в весеннем месяце перитии^[478], когда пробуждается вся природа. Хотя Мелькарт и воскрес, гробница бога осталась на земле, и люди приходили ей поклониться.

Борьба верховного бога с Тифоном

Сохранился греческий миф о борьбе верховного бога Зевса со страшным чудовищем Тифоном. В этом мифе, вероятно, отразилось, хотя и в измененном виде, финикийское сказание о борьбе бога Баал-Цафона с другими богами^[479].

Страшный Тифон был порождением Земли. Это было змеевидное чудовище с ужасающими когтистыми лапами и множеством голов, из которых одна, средняя, была человеческой. Тифон вступил в бой с богами, которые в то время правили миром. Он похитил молнии верховного бога^[480] и с их помощью напал на своих врагов. Тифон сумел обрезать сухожилия своего главного противника. И все это он спрятал в своей пещере в стране аримов. Битва разворачивалась и на земле и на небе. Тифон даже начал уничтожать созвездия. И боги оказались вынуждены бежать в Египет. Они не могли победить Тифона, пока у того находились молнии. В это время тирский царевич Кадм бродил по миру в поисках своей сестры Европы. И верховный бог обратился к нему за помощью, обещая в благодарность дать ему в жены прекрасную Гармонию, дочь богини любви и бога войны. Кадм согласился^[481].

В облике прекрасного пастуха Кадм явился к пещере Тифона. Он, одетый в грубое вретисце, прижался спиной к дубу и заиграл на тростниковой пастушьей флейте. Чарующие звуки флейты достигли слуха Тифона, и тот выполз из своей пещеры, желая лучше насладиться прекрасной музыкой. Кадм сделал вид, что испугался чудовища, и побежал. Тифон догнал его и, не распознав коварства, стал насмехаться

над его испугом. Кадм притворился успокоенным и предложил Тифону сыграть на струнной кифаре торжественную песню в честь его победы над богами. Тифон с радостью согласился и пообещал Кадму женитьбу на любой богине, кроме верховной, которую он, Тифон, сделает после победы собственной женой^[482]. Кадм на словах согласился с обещанием Тифона. Тифон вытащил из пещеры сухожилия верховного бога, для того чтобы изготовить струны будущего инструмента Кадма. А пока Кадм продолжил играть на своей флейте, воспевая победу в будущей битве. Тифон решил, что тот воспекает его торжество, а сам Кадм в это время думал о верховном боге. В то время как Кадм услаждал слух Тифона, верховный бог тайком пробрался в пещеру и похитил ранее отобранные у него молнии. Когда Кадм кончил играть, Тифон вернулся в свою пещеру и обнаружил пропажу. Понял он, что был завлечен в коварные сети, воспламенился яростью, но было уже поздно.

С дикой яростью обрушился Тифон на обитель богов. Вновь развернулась страшная битва. Но преимущество было теперь на стороне богов. Мечет свои молнии верховный бог и не дает возможности дождю охладить пылающую жару, дабы не мог отдохнуть Тифон. Хватает Тифон гору и бросает ее в грудь бога. Но дунул верховный бог, и отлетела страшная глыба. Другую бросает в него гору Тифон, но бог ловким движением избегает ее. А когда Тифон метнул третью гору, то бог изменил ее полет так, что попала она в само чудовище. И долго еще продолжался страшный бой. Враги метали друг в друга камни и дротики. Но вот бросил в Тифона верховный бог льдистую глыбу, и тот, покрытый льдом и снегом, сраженный молниями, рухнул на землю. Напрасно Земля, чтобы спасти сына, призывала Солнце растопить страшную тяжесть. Последний огонь изрыгают глотки Тифона. И на этом закончилась битва. Тело Тифона, чтобы не тревожил он мир, было брошено на запад и погребено под Сицилией, где иногда Тифон возрождается, и тогда изливается пламя из вулкана Этны.

Вернувшись в свою обитель, верховный бог восстановил прежний порядок, возвратил на небо созвездия, и начали боги праздновать победу радостным пиром. Верховный бог рассказал Кадму об участии его сестры, которая стала царицей Крита, и его братьев, каждый из которых осел в разных областях, чтобы править там. Самому Кадму было велено не возвращаться домой в Тир, а поселиться в Греции, жениться там на Гармонии и основать город Фивы.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ТИРА И КАРФАГЕНА

Сохранились различные повествования тирийцев и карфагенян о своем прошлом, в которых историческая правда часто перемешана с вымыслом. Эти повествования мы знаем в основном в передаче греческих и римских авторов. Но во многих из их рассказов явно просматривается, что пользовались они финикийскими или близкими к финикийским источниками.

Кадм и основание греческих Фив^[483]

Давным-давно в Тире царствовал царь Агенор^[484]. У него была красавица дочь — Европа. Ее увидел верховный бог и влюбился в нее. Однажды Европа гуляла со своими подругами по берегу моря. Неожиданно они увидели красивого и могучего быка. Его вид очень понравился гуляющим и играющим девушкам, и они подошли к нему. Европа стала ласкать быка, а тот преклонил перед ней колени и ласково взглянул в ее глаза. Он как бы приглашал царевну сесть на него. И Европа не выдержала искушения. Она села на спину ласкового быка, но, как только это произошло, бык неожиданно поднялся и помчался к морю. В ужасе закричала Европа, в страхе разбежались ее подруги. А бык прыгнул с берега в волны. Но он не утонул, а вместе с драгоценной ношей поплыл по морю. Так они добрались до острова Крит, где бык принял облик бога и убедил похищенную девушку не страшиться его. Вскоре у Европы родились сыновья, которые стали царствовать на Крите^[485]. Но ничего об этом не было известно в Тире.

Отец Европы, Агенор, очень горевал о потере дочери. И он решил найти ее. Так как сам Агенор был уже стар, то он послал своих сыновей на ее поиски. И сыновья Агенора — Финик, Килик, Фасос, Кадм отправились в разные стороны на поиски сестры. Финик побывал и на некоторых островах Эгейского моря, и в Африке, странствовал он поблизости от Тира. Килик обосновался на юго-востоке Малой Азии, в области, которая по его имени стала называться Киликией. Фасос поселился на острове, получившем свое имя от него. А Кадм после долгих приключений, в том числе после пребывания во Фракии, на северном побережье Эгейского моря и на ряде его островов, прибыл в Грецию.

По пути Кадм помог верховному богу^[486] в сражении против страшного Тифона. Сестру Кадм так и не нашел и решил остаться в этой стране. Кадму было велено основать новый город в том месте, где ляжет корова с лунным знаком на боку. И вот как-то раз Кадм действительно

увидел прекрасную темную корову, на боку которой был белый круг, похожий на луну^[487]. Корова, увидев Кадма, тотчас поднялась и ушла с пастбища, а Кадм последовал за ней. Так они шли довольно долго, пока в одной из областей Средней Греции, в Беотии, корова не легла на землю. Кадм понял божественный знак и в этом самом месте основал город Фивы^[488]. Однако сначала Кадму пришлось бороться со страшным драконом, охранявшим это место, но Кадм победил его^[489]. Кадм долго и счастливо царствовал в Фивах. Он принес грекам буквы, которые, правда, те позже забыли и изобрели алфавит заново^[490]. Под конец жизни Кадм ушел из Фив, оставив там царствовать своего сына Полидора.

Открытие тирийцами вина

Потомком Кадма был бог Дионис^[491]. Финикийцы считали его тем же богом, что их Шадрапа. И рассказывали они о нем следующее^[492].

Было время, когда жители Тира совсем не знали вина. В это время около города жил один очень гостеприимный пастух. Однажды к его хижине подошел юноша и попросил приюта. Пастух с радостью согласился пустить его к себе. Когда они вошли в хижину, пастух сразу же пригласил гостя за стол. Угощение его было нехитрое, в основном простой хлеб, а запить его можно было водой. Юноша с удовольствием поел хлеб и осушил чашу воды. А потом в благодарность за гостеприимство предложил хозяину свое угощение. Из принесенного им меха он налил в чашу красивый напиток цвета пурпура и с улыбкой предложил пастуху выпить его. Пастух с благодарностью взял чашу и стал пить. Когда же он осушил чашу, то пришел в неопиcуемый восторг. А когда немного успокоился, то спросил юношу, откуда у него эта пурпурная жидкость, почему она цвета крови и почему, в отличие от воды, дает такое наслаждение пьющему — ведь эта жидкость услаждает не только вкус, но и обоняние, а будучи холодной, согревает желудок. И юноша ответил, что это — кровь винограда. Около хижины пастуха рос дикий виноград. Юноша подошел к лозе, сорвал виноградную гроздь и сжал ее в своем кулаке. Из нее потек сок, подобный той пурпурной жидкости, которой он угостил пастуха. Указав на лозу, юноша сказал, что отсюда истекает эта божественная влага — виноградное вино. И был этот юноша богом, которого греки зовут Дионисом, а финикийцы — Шадрапой. Так люди научились изготавливать вино. Из Тира искусство виноделия распространилось на другие города и страны. А в Тире в честь этого

события ежегодно справляется великолепный праздник, во время которого люди пьют много вина, а оно, в свою очередь, питает любовное чувство.

*Младенец Дионис — внук Сидонского царевича Кадма с Силеном.
III-II вв. до н. э. Глина*

Царь Хирам^[493]

Некогда^[494] в Тире царствовал великий царь Хирам. Он был сильным и богатым властителем. Его корабли бороздили все пространство Средиземного моря вплоть до самого океана и выходили в него. Богатства царя дали ему возможность заняться самим городом. Хирам приказал засыпать пролив между двумя островами, на которых находился Тир, так

что после этого они составили один остров. Хирам построил в Тире храмы Мелькарта и Астарты и установил праздник в честь пробуждения^[495] Мелькарта^[496]. Этот царь находился в дружеских отношениях с еврейскими царями Давидом и Соломоном и очень помог последнему в строительстве иерусалимского храма.

Он отправил Соломону не только большое количество различных ценных материалов для строительства, но и архитектора, своего тезку Хирама. Соломон и Хирам соревновались в загадках. Они договорились, что тот, кто не сумеет разгадать загадку другого, уплатит много денег. Соломон, который славился своей мудростью, прислал такие загадки, что Хирам разгадать их не мог и был вынужден отдать Соломону значительную часть своей казны. Но в окружении тирского царя нашелся мудрый человек Абдемон. Он не только разгадал загадки Соломона, но и составил собственные. Эти загадки Хирам послал в Иерусалим. И Соломон не смог их разгадать. И тогда он заплатил Хираму столько денег, что тот не только вернул себе утраченные сокровища, но и получил большой прибыток^[497].

Деяния и гибель Малха

После того как был основан Карфаген, земельные владения его жителей очень долго не выходили за пределы городских стен, да и за территорию самого города карфагеняне должны были платить ежегодную дань местному племени^[498]. И вот однажды^[499] карфагенский полководец Малх^[500] решил изменить такое положение дел. Он собрал большое войско и выступил против местных африканцев, разбил их и заставил отказаться от дани. Но на этом Малх не успокоился. Он вознамерился отправиться на Сицилию. В западной части этого острова существовали финикийские города, а в восточной^[501] — греческие. И вот один греческий отряд попытался вторгнуться на запад Сицилии и стал угрожать осевшим там финикийцам. И Малх со своей армией высадился на сицилийской земле. Он не только разбил греков, но и подчинил финикийские города Сицилии Карфагену^[502]. Гордый своей победой, Малх решил и на завоевание Сардинии. Но здесь он потерпел поражение. Карфагенские правители давно испытывали далеко не самые лучшие чувства к своему столь удачливому полководцу. Они и завидовали ему, и подозревали его. И они решили воспользоваться неудачей Малха на Сардинии. Карфагенское правительство приговорило Малха и всех его воинов к изгнанию.

Когда Малх узнал об этом, он страшно вознегодовал и решил свергнуть неблагодарных правителей. С преданной ему армией он высадился в Африке и двинулся к Карфагену. Карфаген был окружен стеной, и Малх стал осаждать родной город. Осада длилась недолго, и очень скоро победоносная армия Малха вступила в Карфаген. Полководец убил десять правителей и на площади собрал всех карфагенских граждан. Там он объяснил собравшимся, что заставило его совершить такой поступок. После этого Малх начал единолично править Карфагеном. Но такое правление продолжалось недолго. Скоро его противники собрали силы и свергли Малха. Сам Малх был предан жестокой казни через распятие. И с этого времени карфагенское правительство такой казни предавало тех своих полководцев, которые или терпели очень жестокие поражения, или казались почему-либо подозрительными правительству.

Братья Филены

Когда-то между Карфагеном и греческим городом в Африке Киреной шла долгая война, и обе армии не раз^[503] терпели друг от друга поражение. Дело в том, что карфагеняне и киренцы никак не могли договориться, где же должна проходить граница между двумя государствами, ибо никаких естественных рубежей, которые могли бы служить границей, не было. И когда эта долгая война нанесла и тем и другим огромный ущерб, оба соперника сначала заключили перемирие, а затем договорились о проведении границы на таких условиях: из Карфагена и из Кирены в заранее договоренный срок одновременно выйдут послы, и там, где они встретятся, будет проведена граница. И вот в назначенное время послы двинулись навстречу друг другу. Из Карфагена в путь отправились два брата Филена. Они двигались гораздо быстрее киренцев. А потому, когда послы встретились, оказалось, что граница должна пройти гораздо ближе к Кирене, чем к Карфагену. И тогда киренские послы обвинили карфагенян, что те вышли из своего города раньше оговоренного срока. Братья Филены сначала возмутились такими речами греков, ибо не чувствовали за собой никакой вины, а потом спросили киренцев, что же те предлагают. И киренские послы сказали, что если братья Филены не нарушали соглашения, если они действительно вышли в назначенное время и хотят, чтобы граница Карфагенской республики прошла именно здесь, где они встретились, то они должны дать себя закопать живыми в землю. И братья согласились пойти на эту

ужасную смерть ради своей родины. Филены были закопаны живыми и добились тем самым установления такой границы, которую карфагеняне считали справедливой.

Карфагеняне по достоинству оценили самопожертвование братьев Филенов. Там, где они погибли, на самой границе карфагенской державы, были сооружены алтари в их честь^[504], а в самом Карфагене им посмертно установили различные почести.

Иногда говорили, что в действительности не существовало братьев, а был только один Филен, который и совершил этот подвиг во имя отечества. Но в остальном рассказы совпадают^[505].

Крышка саркофага «Благословляющий жрец», найденного при раскопках Карфагена. Ок. III в. до н. э.

Путешествия Гимилькона и Ганнона

Карфагеняне решили исследовать воды и берега Атлантического океана и, если будет возможность, основать на его побережье поселения

для своих жителей. И вот они отправили две флотилии. Одну возглавил Гимилькон, другую — его брат Ганнон^[506]. Корабли вышли из Карфагена и направились на запад к проливу, ведущему из Средиземного моря в Атлантический океан. На берегах этого пролива в свое время бог Мелькарт поставил огромные Столпы, поэтому пролив так и назывался — Столпы Мелькарта. Выйдя за Столпы в океан, корабли разошлись. Гимилькон со своими судами направился на север, а Ганнон — на юг.

Гимилькон плыл четыре месяца. Его корабли шли вдоль океанских берегов Пиренейского полуострова, значительная часть которых была уже знакома карфагенянам и тем финикийцам, которые жили у пролива. Но дальше начались неведомые воды. Среди морской пучины стали вырастать огромные водоросли, они, как деревья в лесу, все плотнее покрывали водную поверхность. Постепенно становилось все мельче, и корабли все с большим трудом пробирались между этими зарослями и огромными морскими чудовищами, которые то плыли, то даже ползли, то ныряли между кораблями. С невероятными усилиями удалось Гимилькону вырваться из неожиданного плена. Но на этом злоключения карфагенян не закончились.

Проплыв некоторое время, моряки вдруг почувствовали, что вовсе прекратился ветер, так что бессильно повисли паруса кораблей. Правда, в основном не паруса делали корабль подвижным. Но без ветра и огромные весла помогали мало. Потом вода и совсем остановилась. Не было ни течения, чтобы по нему плыть, ни даже какой-либо волны. Куда ни посмотришь — все недвижно и тихо. А затем вдруг стало быстро темнеть, густой мрак окутал все вокруг, и над морской пучиной повис плотный туман, через который совершенно ничего нельзя было разглядеть. Все надеялись, что это ночь, которая наступила, как казалось морякам, в неположенное время. Но когда-то должен был наступить и день, а мрак все не рассеивался. И чем дальше с огромным трудом двигались корабли, тем гуще становилась темнота. И Гимилькон не выдержал. Он приказал повернуть назад. С чувством большого облегчения карфагенские моряки выполнили этот приказ. Вновь пройдя через прежние опасности, которые теперь уже не казались столь страшными, ибо уже были знакомы, корабли вернулись к берегам Испании, а затем и в Средиземное море. Возвратившись в Карфаген, Гимилькон дал отчет о своем путешествии. Поэтому и стали известны все те опасности, с которыми мореплаватель встретился в океане^[507]. А чтобы никто из соперников Карфагена не вздумал сам плавать в океанских водах, карфагенское правительство позаботилось, чтобы рассказ о страшных препятствиях, с которыми встретился Гимилькон, стал известен как можно шире^[508].

Когда Гимилькон направился на север, Ганнон со своими кораблями двинулся на юг^[509]. У него было шестьдесят пятидесятивесельных кораблей, на них плыло тридцать тысяч человек, мужчин и женщин, которых Ганнон должен был высадить в удобных местах и создать там карфагенские колонии. И сначала все шло по заранее намеченному плану. Через два дня после выхода в океан, увидев большую равнину, очень удобную для поселения и, как казалось, достаточно плодородную, Ганнон остановился и высадил часть тех людей, которые плыли с ним. Так был основан первый город, который Ганнон назвал Тимиатерием. Оттуда карфагенский флот направился далее по океану. Через некоторое время мореплаватели увидели еще одну большую равнину, а затем — мыс, поросший густым лесом. Высадившись на этом мысе, они основали храм морского бога, дабы их дальнейшее путешествие было столь же удачным, как и до этого. Через полдня пути карфагеняне увидели недалеко от океанского побережья большое озеро, заросшее высоким тростником. Озеро это тянулось вдоль берега океана. По берегу озера мерно двигались огромные слоны, а недалеко от них бегали другие африканские звери. И все они паслись рядом друг с другом. Ганнон со своими кораблями поплыл вдоль озера. Потом он велел вновь пристать к берегу и высадил там многих людей, которых вез с собой. Так в этих землях были основаны новые карфагенские поселения. Продолжая свой путь, Карфагенские моряки прибыли к реке Лике. Вокруг этой реки пасли свои стада местные кочевники. Какой была местность дальше и какие народы населяли те земли, карфагеняне точно не знали, и Ганнон решил взять с собой проводников, а главное — переводчиков из числа живших около Дикса. Но для этого надо было с ними подружиться. Поэтому карфагеняне оставались в устье Ликса столько времени, сколько понадобилось, чтобы местные жители стали им доверять. Местные кочевники рассказали карфагенянам, что сама река Лике вытекает из больших гор, что у подножья этих гор живут люди, называемые троглодитами^[510], потому что обитают они не в построенных на земле домах, а в пещерах на склонах гор, и эти люди так быстро бегают, что обгоняют даже лошадей. И еще рассказали кочевники, что земля вокруг полна страшных диких зверей и населена совершенно такими же дикими людьми, не знающими законов гостеприимства. Карфагеняне не стали углубляться внутрь материка, а, взяв переводчиков, продолжали двигаться вдоль африканского побережья.

А дальше берег совершенно изменился. Началась бесплодная пустыня, и плыли вдоль нее моряки три дня. Потом они обнаружили какой-то залив, а в середине его находился остров окружностью в пять

стадий^[511]. И там Ганнон основал еще один город, который назвал Керной. Так же был назван и остров^[512]. При этом он рассчитал, что плыли моряки от Столпов Мелькарта до Керны столько же времени, сколько от Карфагена до Столпов. Ганнон решил плыть дальше, хотя новых городов он больше уже не основывал.

Довольно быстро моряки добрались до устья какой-то реки, и Ганнон решил войти в нее. Карфагенские корабли стали подниматься вверх по этой реке, и скоро моряки увидели озеро, а на нем — три острова, каждый из которых был больше Керны. Но там карфагеняне не остановились, а в течение дня плыли дальше, пока не достигли конца озера. Над берегом поднимались высокие горы, а по берегу бегали какие-то люди, одетые в звериные шкуры. Когда карфагеняне приблизились к берегу и захотели высадиться на него, эти люди начали швырять в них камни. Камни были тяжелые и, попадая в цель, наносили серьезные раны. И Ганнон решил не рисковать своими людьми и приказал немедленно отплыть от негостеприимного берега. Вернувшись в воды океана, мореплаватели продолжили путь к югу, пока не достигли еще одной, гораздо большей реки. С удивлением они увидели в этой реке крокодилов и гиппопотамов. До сих пор они, как и все люди, были уверены, что из всех рек, текущих по земле, крокодилы водятся только в одной — в египетском Ниле. И Ганнон подумал, не таинственный ли исток Нила перед ним. Когда-то, еще до Ганнона, греческий моряк Евтимен тоже добрался до большой реки с крокодилами и решил, что это — начало Нила^[513]. Так что Ганнон проделал весь путь, какой ранее проделал Евтимен. Теперь он мог с легким сердцем повернуть назад, что он и сделал. Однако, когда карфагенские корабли вернулись в Керну, Ганнон, отдохнув там, все же решил продолжить плавание.

Новое плавание от Керны продолжалось двенадцать дней. Корабли плыли вдоль берега, а на берегу постоянно находились темнокожие люди, которые в страхе перед неведомыми кораблями убегали. А когда до моряков доносились их слова, то они были совершенно непонятны не только карфагенским морякам, но и тем кочевникам, которых они взяли с собой. Через двенадцать дней непрерывного плавания корабли бросили якорь у высоких гор, густо покрытых деревьями, многие из которых источали сладкие запахи. Моряки запаслись пресной водой и отправились в дальнейший путь. Через два дня после плавания по неизмеримым морским просторам они подплыли к большой равнине. Там они со страхом увидели какие-то огни, которые через определенные промежутки времени то разгорались, то гасли, и казалось, что они приносятся к берегу

какими-то неведомыми силами. Огней становилось то больше, то меньше. Страшно было высаживаться на этом берегу, но мореплаватели нуждались в пресной воде и, преодолев страх, все же высадились. Однако ничего страшного с ними там не произошло, они спокойно пополнили запасы воды и, облегченно вздохнув, двинулись далее вдоль африканского побережья.

Оттуда корабли плыли пять дней и вошли в большой залив, который их переводчики называли Западным Рогом. В заливе моряки увидели остров, полностью покрытый лесом. Они высадились на этом острове, но, сколько ни шли, ничего, кроме бесконечного леса, не увидели. Настала ночь. И внезапно вокруг загорелось множество огней, раздались звуки флейт, бряцание кимвалов и тимпанов, а потом вдруг раздался чей-то громкий крик. Ужас охватил карфагенян. Прорицатели, бывшие в составе экспедиции, тотчас посоветовали покинуть странный и страшный остров. И моряки немедленно последовали этому совету. Быстро отчалив, корабли двинулись как можно дальше от таинственного острова. Пока они плыли, повеяло благовониями. Но когда карфагеняне подплыли поближе, то вместо блаженной страны, на которую могли намекать приятные запахи, они увидели огромные потоки огня, вливающиеся в море. Это было столь необычно, что Ганнон хотел было причалить в этом месте и посмотреть, в чем же дело. Но испепеляющая жара не дала возможности приблизиться к берегу, а тем более высадиться на него. И вновь страх овладел карфагенскими моряками. Быстро отплыли они и двинулись дальше.

Проплыв еще четыре дня, карфагеняне ночью снова увидели страшный огонь. Огнем была заполнена вся земля, а в середине огромным костром поднималось еще более высокое пламя, которое, казалось, достигало звезд. Утром моряки увидели, что это была высокая гора, изрыгающая пламя. Ее называли Колесницей Богов. Карфагенские корабли двинулись мимо нее, минуя врывающиеся в море потоки пламени. И еще через три дня они прибыли в залив, который называли Южным Рогом. В глубине залива находился остров с бухтой, а в бухте — еще один остров. Когда моряки высадились на этом втором острове, они увидели, что он населен странными людьми, одетыми в звериные шкуры. Карфагеняне попытались захватить их. Но мужчины начали забрасывать карфагенян камнями и стремительно убегать от них. Они бежали столь быстро, что догнать их так и не удалось. И большинство женщин тоже сумели убежать. Но трех женщин моряки все же поймали и хотели увести на корабли. Однако те стали отчаянно сопротивляться. Они так яростно кусались и царапались, что выполнить свое намерение карфагеняне не смогли. Тогда

они убили своих пленниц, которые оказались неведомыми животными^[514], и, сняв с них шкуры, вернулись на свои суда. Ганнон хотел плыть еще дальше. Но на кораблях кончились все припасы, а найти их на берегу, казалось, не было никакой возможности. И Ганнон приказал повернуть назад^[515]. После долгого путешествия, уже не встречая страшных и неожиданных препятствий, карфагенские корабли вернулись в родной город.

Ганнон описал все свое путешествие. Его рассказ был выгравирован на медной доске и помещен в храм Баал–Хаммона как посвящение богу в благодарность за удачное путешествие и еще более удачное возвращение. А привезенные шкуры Ганнон выставил в храме Тиннит на обозрение всем карфагенянам, и те с удивлением их рассматривали и славили отважного мореплавателя.

Слава Ганнона как смелого и удачливого мореплавателя росла. И вот возникли рассказы, что он якобы не остановился у Колесницы Богов и в Южном Роге, а двинулся дальше и, обогнув всю Африку, прибыл к границам Аравии^[516].

Путешествие Магона через Сахару

В Карфаген и другие финикийские города средиземноморского побережья Африки издавна приходили различные товары из внутренних районов материка. Их доставляли гараманты, жившие южнее карфагенских границ^[517]. Полученные от гарамантов известия о странах, лежавших южнее, возбуждали желание некоторых карфагенян самим увидеть их. Но решались на это немногие. Одним из них, а может быть, вообще единственным, был Магон. Он приобрел известность в Карфагене как скороход. И вот однажды Магон отправился в путь. Он быстро прошел знакомые места и очень скоро оказался среди бесплодных песков. Идти по пескам было очень трудно, но Магон продолжал двигаться так же стремительно. В бесконечном песчаном море изредка встречались зеленые островки оазисов с деревьями и водой, где можно было подкрепиться. Казалось, что у песков нет и никогда не будет границы. Но потом природа стала изменяться. Появилась трава. А затем путешественник увидел огромную реку, текущую с запада на восток^[518]. Достигнув этой реки, Магон решил вернуться в Карфаген. По возвращении он утверждал, что двигался так быстро, что весь путь от побережья Средиземного моря до

большой реки проделал всего за три дня. И позже Магон еще дважды повторял свое путешествие^[519].

Как карфагеняне торговали с африканцами

Когда карфагеняне освоили океанские берега Африки, они стали активно торговать с местными жителями. Дело в том, что эти жители имели много золота, но не обладали тем, что привозили им карфагеняне. Однако карфагеняне не знали языка местных жителей, а те, в свою очередь, конечно же не знали финикийского языка, да и какого-либо другого, на котором могли бы изъясняться карфагенские купцы. Но и те и другие нашли выход. Когда карфагенские корабли подходили к облюбованному месту, купцы высаживались на берег и раскладывали свои товары. Затем они разводили костер, так чтобы поднимающийся столбом дым был виден как можно дальше. После этого они садились на свои корабли и ждали дальнейшего. Туземцы, завидев столб дыма, приходили к морскому берегу и клали то количество золота, какое считали нужным заплатить за выставленные товары. Но сами товары они не трогали, а уходили и ждали ответного действия карфагенян. Карфагенские купцы снова сходили на берег. Если они считали, что золота достаточно, они его забирали и отплывали, а местные жители забирали товары. Но если карфагеняне считали, что золота недостаточно, они, не трогая его, возвращались на свои суда. Увидев это, туземцы приносили еще какое-то количество золота. И так продолжалось до тех пор, пока обе стороны не были полностью удовлетворены. И никто друг друга не обманывал. Так карфагеняне получали африканское золото, а жители западного побережья Африки те товары, которые им казались столь необходимыми^[520].

Карфагенская золотая монета. Лицевая и обратная стороны

Открытие острова в Атлантическом океане

До карфагенян доходили неясные слухи о существовании в океане каких-то островов. Греки туманно рассказывали об Островах Блаженных, где вечно дует легкий зефир, где нет ни жгучего холода, ни ужасающей жары, где много стад, пшеницы и винограда. И этруски, народ, живущий в Италии и прославленный умелостью своих моряков, которые часто занимались морским разбоем, добрались до одного из таких островов. Но карфагеняне сделали все, чтобы больше этрусские плавания на этот остров не повторялись. И вот уже они сами решили отплыть в неведомую даль. И если обычно их корабли в океане все же плавали по возможности вдоль

берега, то теперь они решительно отправились в открытый океан. После нескольких дней пути они действительно обнаружили большой остров. На нем никто не жил, хотя природа была довольно благоприятна. Остров был богат лесами. С гор стекали судоходные реки. Деревья в изобилии давали сладкие плоды. Карфагенские моряки вернулись и стали восторженно рассказывать об этом острове. Тогда туда отправилась другая экспедиция. И часть приплывших на остров не захотели его покидать и остались там. То же произошло и с другими экспедициями на океанский остров. Поселившиеся на острове скоро узнали, что почва там очень плодородная и может давать обильные урожаи. И когда весть о счастливой жизни новых островитян распространилась в Карфагене, многие его жители, особенно из более бедных граждан, захотели переселиться туда. Это очень встревожило карфагенское правительство. К тому же весть об открытии такого богатого острова начала распространяться и за пределами Карфагена, и правительство Карфагенской республики испугалось, что соперники их государства захватят остров. И оно приняло решение не только больше не плавать на этот остров, но и совершенно запретить говорить о нем. А чтобы и поселенцы на самом острове не могли о нем никому рассказать, а тем более сообщить, где именно он находится, правительство послало туда еще одну экспедицию из доверенных воинов. Они напали на ничего не подозревавших жителей и полностью их истребили^[521].

Маска с острова Ибиды (совр. Испания). Теракот

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ ТАРТЕССА

Во время плаваний по Средиземному морю и создания на его берегах своих поселений–колоний финикийцы вступали в контакты с местными жителями. В некоторых странах Средиземноморья существовала ориентализирующая культура. Такое название дали ей нынешние исследователи, производя его от латинского слова «ориент», означающего «восток». Ориентализирующая культура — это такая культура, в которой очень сильно чувствуется восточное влияние, а главными распространителями этого влияния в европейских странах Средиземноморья были финикийцы^[522].

На южном побережье Испании появилось большое количество финикийских колоний. Во многом именно в результате взаимодействий с финикийскими поселенцами возникло государство Тартесс в Южной Испании. Его культура испытала на себе огромные воздействия со стороны финикийцев. Она тоже была ориентализирующей^[523]. Хотя различные рассказы о своих героях у тартессиев были оригинальны, ученые все же отмечают некоторое финикийское влияние на их мифологию.

Гаргорис и Габис^[524]

Давным–давно правил в Тартессе царь Гаргорис. Он первым открыл собирание меда и научил своих подданных пчеловодству. У Гаргориса была дочь, и царь преступно полюбил ее. Плодом преступной страсти стал младенец, позже названный Габисом. Он, таким образом, приходился Гаргорису и сыном и внуком одновременно^[525]. Когда царская дочь разрешилась от бремени, царь, желая скрыть свой и ее позор, поспешил избавиться от ребенка. Он приказал выбросить новорожденного на растерзание диким зверям. По прошествии нескольких дней Гаргорис послал слуг удостовериться в гибели младенца. Посланные слуги с удивлением увидели, что разные звери подходят к ребенку и кормят его своим молоком. Тогда царь приказал бросить младенца на тропу, по которой ходят быки, чтобы они его растоптали. Но быки обходили брошенного ребенка, и тот остался невредимым. Царь пришел в ярость. По его приказу мальчика бросили голодным собакам, которые уже несколько дней ничего не ели. Но и собаки его не тронули. Царь не только разгневался, но и растерялся. Тем не менее продолжал вынашивать свои злые замыслы. Он решил утопить младенца и велел отнести его на берег

океана и бросить в воду. Но и океанские воды не поглотили его. Волны стали медленно и мерно качать ребенка, как будто он лежал в колыбели. А потом они его нежно вынесли на берег.

На берегу к младенцу подошла лань и стала его кормить своим молоком, а затем унесла в свое стадо. Там, среди оленей и ланей, ребенок вырос и скоро превратился в стройного прекрасного юношу. Вместе с оленями он бегал по горам и лесам, ничуть не уступая тем в быстроте бега^[526].

Однажды царские охотники напали на оленье стадо, в котором жил юноша. С удивлением они увидели его среди оленей и ланей. Большого труда стоило охотникам захватить юношу и привести к царю. Осматривая пойманного, Гаргорис был поражен: он узнал на его теле знаки, которые были когда-то у брошенного в океан младенца. И он понял, что перед ним его сын и внук^[527]. Будучи уверен, что все это произошло не без воли богов и судьбы, Гаргорис не только оставил юношу при себе, но и назначил его своим преемником. При этом ему было дано имя Габис. И когда Гаргорис умер, Габис стал царем Тартесса.

Габис был великим царем. Недаром судьба хранила его среди столь великих и многочисленных опасностей. С его именем связано много славных деяний. Прежде всего, он дал тартессиям первые законы, связав их покорностью этим последним. Кроме того, он запретил народу рабские службы, а низший слой граждан распределил по семи городам. В результате Тартесс превратился в настоящее государство. Но на этом царь не успокоился. Он научил своих подданных укрощать быков, надевать на них ярмо и впрягать их в плуг, а затем с их помощью пахать землю, чтобы растить хлеб. Этим своим деянием Габис заставил людей отказаться от грубой пищи, какую они ели раньше, и перейти на более мягкую и питательную. Всем этим Габис оставил по себе вечную память среди потомков^[528]. И когда он умер, царство перешло к его преемникам^[529], и в течение многих веков в Тартессе правили потомки Гаргориса и Габиса.

Норакс

Норакс был внуком Гериона, или Геронта, того самого великана, с которым сражался Мелькарт. У Гериона была дочь Эрифия^[530]. Ее сыном и являлся Норакс. Возмужав, Норакс собрал большой флот и пустился в плавание по Средиземному морю. Он проплыл мимо Балеарских островов и двинулся дальше к востоку. После нескольких дней пути Норакс и его

спутники увидели гористый берег. Это была Сардиния, один из самых больших островов Средиземного моря. Там, найдя удобную бухту, тартессии высадились. Нораксу понравилась эта бухта, из которой удобно было плавать в Испанию, а также и в другие земли, в том числе на близкую Сицилию. И он решил основать здесь город. А назвал он его по своему имени — Нора. Позже в Нору прибыли финикийцы и создали там свою колонию, которая стала одной из старейших на Сардинии.

МИФЫ И СКАЗАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ СИРИИ И ЗАИОРДАНЬЯ

Всемирный потоп^[531]

Долгое время землю населяли люди, которые вели себя дерзко и даже преступно. Они не признавали никаких правил, установленных богами, творили всяческие беззакония, а когда им было нужно, они давали любые клятвы, но легко нарушали их, если считали это выгодным. Даже если они клялись именем того или иного божества, это еще не было гарантией соблюдения клятвы. Людей не сдерживали никакие законы, никакие правила, никто нуждающийся в помощи не мог ее от них дожидаться. Наоборот, они нападали на слабых, грабили путников, стремились нажиться любым способом, даже самым незаконным и позорным. Братья ненавидели друг друга, тесть и зять были готовы схватиться в смертельной схватке, муж и жена ждали только удобного момента, чтобы погубить один другого. Даже сыновья только и ждали смерти своих отцов и были готовы всячески ускорить ее. Люди не соблюдали элементарных правил гостеприимства, и никто, попав по каким-либо причинам под чужой кров, не мог быть уверен, что он не будет убит или превращен в раба. Люди гордились своей силой, а их надменность доходила до того, что они даже отказывались уважать и почитать богов. В мире не осталось и тени справедливости^[532]. И это переполнило чашу терпения богов. Они решили уничтожить этот мир и этих людей, залив их водой.

Однако среди всех этих грешников, гордецов и наглецов был один мудрец по имени Сисифей^[533]. Он почитал богов и приносил им жертвы, соблюдал все божественные заповеди, никого не обманывал и соблюдал все свои обещания и клятвы. И в таком же духе были воспитаны его дети, этим же правилам следовали и его жены. Сисифей понимал, что наглое поведение остальных людей приведет их к гибели, и пытался их

образумить. Но люди его не слушали и продолжали творить беззакония. И тогда верховный бог Ил во сне явился Сисифею и сообщил ему о решении богов уничтожить людей, кроме его, Сисифея, и его семьи, ибо больше не нашлось в мире ни одного праведника. А самому Сисифею Ил посоветовал построить большой корабль и войти в него вместе со своими детьми и женами^[534]. Проснувшись, Сисифей стал исполнять совет бога. Окружающие над ним смеялись и не могли понять, зачем он строит такой огромный корабль, и даже его дети и жены порой высказывали свое недоумение. Но Сисифей никого не слушал. Когда корабль был готов, он заставил своих жен и детей взойти на его борт. Неожиданно он увидел, как к кораблю приближаются различные звери: свиньи, лошади, львы, змеи и многие другие. Сначала Сисифей испугался. Но вскоре он заметил, что все звери подходили к кораблю попарно, и хотя рядом оказались звери, которые обычно всегда сражались друг с другом или поедали друг друга, сейчас они шли мирно и спокойно. И тогда он понял, что это происходит по воле богов, что боги желают, чтобы спаслись не только Сисифей и члены его семьи, но и различные животные, которые позже смогли бы расплодиться и снова населить землю. Тогда Сисифей радушно принял всех их и впустил в недра своего корабля^[535].

Как только корабль был заполнен, небо нахмурилось, тучи сгустились, закружились ветра и полились первые струи дождя, скоро перешедшего в страшный ливень. Моря и реки переполнились водой, и та стала выходить из берегов. И только тогда люди поняли, как мудр был Сисифей и что им предстоит страшная гибель в пучине вод. Бросились было они тоже к кораблю, но было уже поздно. Вода заполняла все впадины земли, потом залила равнину, а затем стала подниматься к вершинам гор. Не могли помочь людям ни хрупкие лодки, ни мощные деревья, ни высокие холмы. Лодки тонули, деревья ломались, а холмы покрывались водой. А если кто на какое-то время и спасался от губительной стихии, тех умерщвлял голод, ибо нигде было невозможно найти никакой пищи. Не находя спасения, гибли мужчины и женщины, дети и старики. А корабль Сисифея поднялся вместе с водой и стал плавать по бескрайней водной поверхности, в какую превратилась вся земля. Сисифей и все остальные обитатели корабля жили дружно и спокойно, как повелел бог. Ни люди не пытались охотиться на находившихся здесь животных, ни те не намеревались нападать друг на друга. Так все вместе они и плавали, пока вода покрывала землю.

Шло время. И вот боги увидели, что погибли все люди и все животные, кроме семьи Сисифея и тех животных, которые были с ним. И

боги решили положить конец потопу^[536]. Атаргатис образовала в земле мощную расщелину, и вода тотчас начала туда собираться^[537]. Постепенно стали освобождаться от нее горные вершины, в свои берега снова вместились моря и реки, показались верхушки деревьев, и вот, наконец, вся земля освободилась от воды. На суше оказался и корабль Сисифея. Сам Сисифей, его жены и дети сошли на землю. Он открыл входы в корабль, и все находившиеся там звери тоже вышли на землю. Над расщелиной Сисифей поставил алтарь Атаргатис и принес ей жертву^[538]. От Сисифея и его семьи пошел нынешний человеческий род, а спасшиеся вместе с ним животные положили начало возрождению животного мира^[539]. И постепенно земля снова приняла прежний вид, стала вновь населенной, но теперь люди уже не допускали столь явно прежних беззаконий и прежней наглости, стали почитать богов и соблюдать хотя бы самые примитивные нормы в отношениях друг с другом.

В память о всемирном потопе и чудесном спасении предка нынешних людей дважды в год в храм Атаргатис приносят воду из моря и справляют праздник^[540].

Рождение Атаргатис^[541]

На заре времен в Евфрат упало с неба огромное яйцо. Рыбы, увидевшие это, подплыли к нему и подняли его со дна реки. Оно было довольно тяжело, так что одной рыбе было с ним не совладать, и несколько рыб самых разных пород подхватили яйцо и, приблизившись к берегу реки, осторожно выкатили его на берег. Это увидели голубки. Они сели на поверхность яйца и стали согревать его своим теплом и высиживать находившийся внутри плод. Прошло много времени, и вот яйцо расколосось, и из него вышла богиня Атаргатис^[542]. Она выделялась не только красотой, но и честностью и справедливостью. Пораженный этими ее качествами, Хадад^[543] пообещал ей выполнить любое ее желание. Помня, что без помощи рыб и голубей она никогда бы не появилась на свет, Атаргатис пожелала, чтобы рыбы были подняты на небо, а также, чтобы и они, и голуби стали священными животными. Хадад согласился. Так на небе появилось созвездие Рыб, а вообще рыбы и голуби были причислены к миру богов, и люди с того времени их не едят.

Существует и другой рассказ о причине запрета есть рыбу^[544]. Говорят, что Атаргатис, правя Сирией, была столь жестока, что запретила своим подданным есть рыбу. А по другому рассказу, дело было не в

жестокости Атаргатис, а в ее ненасытной любви к рыбным кушаньям. Боясь, что ей самой не хватит рыбы, она приказала всем сирийцам, чтобы никто никакой рыбы не ел, а доставлял рыбу только к ее столу. Поэтому и возник обычай, что все поклонники Атаргатис приносят ей в жертву серебряные и золотые фигуры рыб. Жрецы же каждый день жарят рыбу и затем, хорошо ее приготовив и украсив, преподносят богине. Но они ее не сжигают на алтаре, а сами затем ее съедают.

Атаргатис и Сайм^[545]

Однажды один очень красивый юноша приносил жертву богине Атаргатис^[546]. В этот момент богиня увидела его и полюбила^[547]. Плодом этой страсти стала дочь. Однако затем Атаргатис устыдилась этой связи и возненавидела и своего возлюбленного, и только что рожденную дочь. Она приказала утопить юношу, а девочку выбросить в скалистую пустыню. Но и этого ей показалось мало, чувство позора охватывало ее все больше, и Атаргатис, не выдержав таких страданий, сама бросилась в озеро. Но она не погибла, а превратилась в рыбу^[548]. А девочка не погибла. В том месте, куда она была выброшена, свили свое гнездо голуби. И они решили спасти ребенка. Одни сели на нее и стали согревать своими крыльями, а другие полетели к стоявшей недалеко хижине пастухов. Когда голуби увидели, что пастухи покинули хижину, они влетели внутрь и взяли столько молока, сколько могли вместить их клювы. Вернувшись к ребенку, они стали вливать это молоко каплю за каплей в рот девочки. Так продолжалось не один день. Согретая и накормленная голубями, девочка росла. Когда ей исполнился год, голуби поняли, что одним молоком ее уже не накормить, и они стали потихоньку брать у пастухов кусочки сыра и приносить его ребенку. Вскоре пастухи увидели, что кто-то ворует у них сыр. Они были чрезвычайно удивлены: ведь в округе, кроме них, не было ни одного человека. Они решили узнать, кто же такой этот странный вор. Когда почти все пастухи ушли следить за своими стадами, один спрятался в хижине и увидел голубей, отламывающих куски сыра. Он рассказал об этом своим товарищам. Тогда пастухи проследили, куда летают голуби с сыром в клювах, и увидели маленькую девочку изумительной красоты. Пастухи были поражены таким чудом и поняли, что оно не могло произойти без воли богов. Они взяли девочку и перенесли в свою хижину. Обо всем этом пастухи донесли начальнику царских пастухов. Тот, получив такое странное донесение, сам отправился в пустыню и увидел в

хижине эту девочку. Ее красота поразила начальника пастухов, и он взял ребенка к себе и стал воспитывать как собственную дочь. Назвал он ее Сайм^[549]. Так появилась на свет божество Сайм, дитя Атаргатис. А голубям, спасшим Сайм, люди стали воздавать божественные почести^[550].

Комбаб и постройка храма в Бамбике

Жил когда-то красивый юноша Комбаб^[551]. И славен он был не только красотой. Несмотря на свою молодость, он прославился также доблестью на войне и мудростью в мирных делах. За все это царь высоко его ценил и считал одним из своих лучших друзей. Однажды жена царя увидела во сне богиню Атаргатис, которая повелела ей построить в городе Бамбике храм и угрожала за неповиновение всяческими несчастьями^[552]. Царица, однако, не обратила на это никакого внимания, но вскоре заболела, и ни один врач не мог ее вылечить. Тогда царица поняла, что это Атаргатис карает ее за неподчинение велениям богини. Она призвала к своему ложу царя и рассказала ему о явлении Атаргатис и ее приказании, а затем дала обет самой отправиться в Бамбику и выстроить там храм. Как только царица произнесла слова обещания, ей сразу стало легче, и через некоторое время она выздоровела. Царь решил помочь во всем своей супруге. Однако сам он отправиться вместе с ней не мог. Поэтому он дал ей много денег и снарядил отряд воинов для ее охраны. Но нужно было отправить с ней человека, который ее охранял бы, помогал бы ей в делах строительства и, главное, которому он мог бы полностью доверять: ведь неизвестно, сколько времени пробудет царица вдалеке и не воспользуется ли кто отсутствием рядом с ней ее мужа. И царь вспомнил о Комбабе.

Царь призвал Комбаба в свой дворец и приказал ему отправиться вместе с царицей, помочь ей построить храм и командовать войсками, которые должны будут царицу и строительство охранять. Комбаб понял всю опасность этого поручения. Дело было не во внешних врагах или трудностях строительства. Неизвестно ведь, сколько времени пройдет, пока храм будет построен, и все это время он будет наедине с царицей. И хотя в самом себе Комбаб был полностью уверен, но он совсем не был уверен в чувствах царя, которого могла охватить ревность из-за столь долгого пребывания красивого Комбаба рядом с царицей. Юноша стал умолять царя освободить его от этого поручения. Когда же он не сумел добиться освобождения, то решил сделать все, чтобы и самому не поддаться преступной страсти к царице и в будущем доказать, что он

никогда ничего подобного не совершил, если его все-таки в этом обвинят. Смирившись с поручением, Комбаб попросил царя только о семидневной отсрочке якобы для довершения необходимых дел. Царь на это согласился. И Комбаб, придя домой, сначала стал горько жаловаться на судьбу, а затем приступил к делу. Он взял острый нож и оскопил себя. Но этим Комбаб не ограничился. Он взял сосуд, наполнил его миром, медом и различными благовониями и потом положил туда свои отрезанные гениталии и запечатал своей печатью. За семь дней Комбаб полностью залечил рану и вернулся во дворец. Там он в присутствии многочисленных придворных отдал запечатанный сосуд царю и, умолчав о его содержимом, попросил царя тщательно его хранить до его возвращения. Царь поклялся полностью выполнить просьбу Комбаба. Он тотчас призвал казначея, отдал ему сосуд, предварительно запечатав его еще и собственной печатью, и строго приказал тщательно его хранить. После этого успокоенный Комбаб отправился во главе отряда воинов сопровождать царицу в ее далеком путешествии.

Путешествие завершилось благополучно, и скоро в Бамбике началось строительство храма. Оно длилось три года, да все никак не могло завершиться. Между тем царица и Комбаб находились все время вместе, и это стало влиять на их отношения. Атаргатис не забыла, что царица далеко не сразу исполнила ее повеление, а лишь после того, как богиня наслала на нее болезнь, и она решила царицу за это промедление наказать. Атаргатис внушила царице любовь к Комбабу, хотя и знала, что тот, даже если и захочет, все равно не сможет на эту любовь ответить^[553]. Царица долго сопротивлялась, но страсть становилась все сильнее, а необходимость молчания еще больше ее увеличивала. Царица долго колебалась между стыдом и желанием все рассказать предмету своей страсти. Понимая, что в обычном состоянии она никогда не сможет преодолеть свой стыд, царица выпила много вина, опьянела и в таком состоянии призвала к себе Комбаба. Тот по ее приказанию явился и с удивлением увидел перед собой не властную царицу, а пьяную женщину. Его удивление переросло в негодование, когда опьяневшая царица охватила его колени и призналась в своей страстной любви. Комбаб понял, что все-таки случилось то, чего он боялся. Он поднял царицу и не только решительно отказал ей в удовлетворении ее страсти, но и стал упрекать за опьянение. Напрасно царица говорила, что если он откажет ей в любви, то она покончит с собой, а он, Комбаб, будет в этом виноват и за это ответит перед царем. Комбаб был непреклонен.

О дальнейшем рассказывают по-разному. Одни говорили, что царица, возмущенная неуступчивостью Комбаба, сразу же перешла от жаркой любви к не менее горячей ненависти и решила несостоявшемуся любовнику отомстить. Она написала царю письмо, в котором обвинила Комбаба в попытке ее изнасиловать^[554]. Другие же рассказывали, что Комбаб, увидев, что ничем образумить царицу не может, раскрыл ей свою тайну и наглядно показал свое увечье, так что та поняла полную невозможность удовлетворения своей страсти. Это ее успокоило, и хотя ее встречи с Комбабом продолжались, о любви речи больше не было. Но некоторые окружающие сообщили царю о многочисленных встречах царицы и Комбаба, а некоторые прямо обвинили его в любовной связи с царицей.

Как бы то ни было, царь поверил наветам. Его чувства были уязвлены еще и тем, что такое преступление совершил его лучший друг, которому он всегда доверял и сейчас доверил самое дорогое — свою жену. Поэтому царь послал в Бамбику строгий приказ Комбабу немедленно возвратиться. Хотя строительство еще было далеко не закончено и царица оставалась в Бамбике, Комбаб, исполняя приказ, сразу же собрался в путь и через некоторое время оказался в царском дворце. По царскому приказу он тотчас же по приезде поспешил во дворец, но как только явился туда, был немедленно арестован. Царь созвал придворных и перед их лицом стал обвинять Комбаба не только в прелюбодеянии, но и в нарушении верности царю и нечестии перед лицом богов: ведь послан он был строить храм, а вместо этого пытался овладеть или даже овладевал царицей. Присутствующие во время этого суда стали наперебой обвинять Комбаба, утверждая, что не раз видели его в объятиях царицы. На все эти обвинения Комбаб отвечал гордым молчанием. Убежденный, что само молчание является доказательством вины, царь приговорил Комбаба к казни.

Комбаба схватили и повели к месту казни. Только тогда он заговорил. «Царь, — сказал он, — верни мне тот сосуд, который я отдал тебе, отправляясь по твоему приказу на строительство храма. Ты ведь хочешь казнить меня не за то, что я якобы совершил какое-либо преступление по отношению к твоей жене, а потому, что хочешь присвоить себе мой драгоценный сосуд». Царь был поражен такой наглостью и немедленно приказал казначею принести сосуд. Когда его принесли и отдали Комбабу, тот убедился сам и показал всем, что печати целы и что, следовательно, сосуд никто за эти три года не вскрывал. После этого он на виду у царя и всех присутствующих взломал печати и вытащил из сосуда его содержимое. А Комбаб, обращаясь к царю, сказал, что он очень не хотел

отправляться в Бамбику, так как предвидел, что строительство будет продолжаться очень долго, что он молод, а царица женщина очень красивая, так что он, Комбаб, может и не удержаться и влюбиться в свою госпожу, да и та, страдая от одиночества, может ответить ему тем же, и поэтому принял ту жестокую меру, которая обезопасит его от нарушения верности царю и от нечестия; так что, прибавил Комбаб, он просто не в состоянии совершить то преступление, в котором его обвиняют.

Царь был поражен. Он не только снял с Комбаба все обвинения, но и решил наказать клеветников и доносчиков. Все они были казнены, а Комбаба царь осыпал своими милостями, он дал ему огромное количество золота и серебра, драгоценные ткани и царских коней, а к этому еще и предоставил право входить к нему без доклада, даже тогда, когда он, царь, спит со своей женой. Большой милости никто в этом царстве не удостоивался.

Добившись таким образом своего оправдания и даже возвысившись еще более, чем раньше, Комбаб некоторое время оставался при дворе, но скоро захотел снова отправиться в Бамбику, чтобы закончить еще не завершенное строительство. Царь не хотел его отпускать, но противиться его намерению не стал. Комбаб уехал в Бамбику и закончил там строительство храма Атаргатис. Но, завершив свое дело, Комбаб не стал возвращаться к царю и решил навсегда остаться в храме. Лишившись своих мужских качеств, он нарядился в женские одежды и даже стал делать женскую работу. Царь в награду разрешил ему воздвигнуть в храме свою статую. Там статуя Комбаба и стоит вместе с изваяниями богов. У Комбаба было много друзей, и все они тоже не захотели остаться при дворе, а уехали в только что основанный храм к своему другу. За это время Атаргатис сама полюбила Комбаба, и ей было жалко, что такой красивый юноша остается в одиночестве в своем горе. Она внушила его прибывшим в храм друзьям, чтобы они последовали примеру Комбаба^[555]. И те тоже оскотили себя и стали во всем подражать Комбабу. Так в храме Атаргатис появились так называемые галлы, и позже в установленные дни еще многие юноши пополняют их ряды, чтобы таким способом почтить Атаргатис и Комбаба^[556].

Видение пророка Валаама^[557]

Однажды собрались боги на свое собрание. И сказал бог луны Шаггар^[558]: «Много глупостей делают люди, не слушают они своих

мудрецов, творят несправедливость». И сказали боги Шаггару: «Разбей засовы неба, не выпускай обильный дождь, но пошли тучу и установи полную тьму и никогда более не свети. Пусть путник не войдет в дом гостеприимца и жених не войдет в дом невесты. Пусть нерожденный ребенок умрет в лоне матери. Пусть там, где пастух посохом своим гнал овцу, питается травой заяц. Пусть голос грифа прозвучит всем на горе. Пусть хищные птицы из болота налетят на поля и пастбища. Пусть нищая дева будет готовить миро вместо жрицы. Пусть ярость твоя поглотит не имеющих страха^[559]». Верховный бог Ил пожалел людей, но он не мог противиться остальным богам и особенно могучему Шаггару. И тогда он явился во сне пророку богов Валааму, сыну Беора, и рассказал ему о гневе Шаггара и о решении богов^[560].

Наутро встал Валаам и залился слезами, горюя о будущем человечества. Пришел к нему его дядя Элика и спросил, почему он рыдает. И ответил Валаам, что рыдает он из-за гнева Шаггара и остальных богов, которые решили погубить людей. А затем рассказал Валаам о своем видении Ила, который пришел к нему во сне и рассказал о собрании богов и их решении. Растерялся Элика и спросил, что же теперь делать. А Валаам ответил ему: «Собери людей, и пусть они послушают меня, и я расскажу им о своем сне и о гневе богов». Пошел Элика в город созывать людей. Собрались люди к дому Валаама, и тот обратился к ним с речью. Трижды повторил он: «Услышьте, услышьте, услышьте! Пусть даже глухие услышат и слепые увидят. Неминуема гибель людей, потому что творят они несправедливость и не слушают мудрецов». А далее рассказал пророк свой сон и прибавил, что Ил возвестил и возможность спасения. Для этого нужно, чтобы люди отказались от несправедливости, чтобы было осуждено слово проклятия на языке проклинающего, чтобы взявший чужое очистил свои руки от скверны, чтобы царь послушал мудрых советников, чтобы было оказано милосердие униженным, чтобы не было ужаса в сердце бессильного, чтобы не было больше ни у кого злости^[561]. И тогда будет отвращен гнев богов, и Шаггар откажется от своего намерения погубить мир, и наступит всеобщее благополучие.

И послушались люди Валаама, сына Беора. И отказались они от несправедливости, и стали они милосердными, и послушал царь мудрых советников, и восстановлена была в мире правда. Отвратили боги свой гнев, и отказался Шаггар от своего намерения погубить людей и не проклял их. Вновь выпал обильный дождь, и закапала роса, и скот нашел свой корм^[562]. Так по слову Ила спас пророк Валаам, сын Беора, людей и страну от неминуемой гибели.

Первые цари и основание Дамаска

Некоторые рассказывали, что Валаам, сын Беора был не только пророком, но и первым царем^[563]. Его родным городом был город Данхаба. Давным–давно правил он арамеями. А после его смерти царем арамеев стал Хадад. Он основал город Дамаск и стал царем в этом городе^[564]. Хадад приобрел большую власть. Он разгромил мадианитян^[565] и подчинил себе Моав, а затем установил свое господство над всей Сирией, кроме финикийского побережья. И не было другого царя, который сравнился бы с Хададом славой и могуществом. Среди войн, которые вел Хадад, была и война с израильским царем Давидом. В этой войне произошло несколько сражений, и в последнем из них, которое произошло около берега Евфрата, Хадад потерпел поражение. Но он остался царем Дамаска^[566]. А после его смерти Дамаском правили его потомки, и все они носили имя Хадад^[567]. Третий из них восстановил былую славу и захватил северную часть Палестины, называемую Самарией. Всего Хадады царствовали в Дамаске в течение десяти поколений^[568].

Происхождение Моавы

Когда-то землю населяли огромные великаны Эмимы. Они были дерзки, незаконны и развратны, не подчинялись воле богов и презирали все их заповеди. И боги истребили их, а вместе с ними и других людей, которые тоже были заражены грехами. И был среди них только один праведный человек — Лот. Поэтому боги решили его спасти. Явился их посланец Лоту и повелел как можно быстрее покинуть свое жилье. У Лота не было сыновей, а лишь дочь, и он рассказал зятю о велении богов. Но зять только посмеялся над Лотом. Тогда и Лот заколебался, ибо не хотелось ему покинуть насиженное место. Но посланец богов все же вывел его с дочерью, и они направились в горную местность к востоку от Мертвого моря и спрятались в пещере. После этого боги уничтожили остальных людей. Но что же делать дальше, и кто будет продолжать человеческий род? И тогда дочь Лота решила зачать ребенка от собственного отца. Она напоила его вином, а когда он опьянел, то легла с ним на ложе. Дочь забеременела и затем родила сына, которого назвала Моав, что означает «От отца моего». А от Моавы уже пошел могучий и славный народ моавитян, в жилах которого текла только своя кровь^[569].

Излечение Сайм^[570]

Хадад страдал от проказы. Он обратился к Атаргатис, и та послала к нему некую Элишу, но и сама тоже помогала этой Элише вылечить Хадада. Ей это удалось. Но потом заболела дочь Хадада Сайм, и Хадад снова обратился к Атаргатис^[571]. На этот раз Атаргатис направила на излечение Сайм свою дочь Белат (или Белти), которая уже прославилась как замечательная врачиха и кудесница. Когда Белат осмотрела Сайм, она поняла, что причиной болезни было питье нечистой воды из источника, зараженного демонами. Этот источник находился около города Бамбики. Демоны были слишком сильны, чтобы Белат могла с ними справиться. И она призвала себе на помощь двух волшебников — Хадрана и Набу^[572]. Те сказали Сайм, чтобы она принесла чистой воды из моря и не только сама очистилась, омывшись этой водой, но и очистила ею зараженный источник. И когда Сайм принесла чистую морскую воду и вылила ее в источник, демоны с воем выскочили из него. А Сайм зачерпнула уже очищенную воду, омылась ею и тотчас выздоровела^[573].

Борьба Бела со змеем

Могущественным врагом Бела был страшный змей. И когда Бел ехал на своей священной колеснице, змей напал на него. Завязалась страшная битва. Все боги со страхом смотрели на это сражение. Но в конце концов Бел все же поразил змея своей стрелой, и тот пал бездыханным. Боги, присутствовавшие при этом, радостно приветствовали Бела и признали его своим господином^[574].

КУЛЬТ

Обязательной составной частью любой религии является культ, то есть совокупность предусмотренных традицией, регулярно повторяющихся действий, имеющих целью расположить сверхъестественные силы к оказанию желательного влияния на физическую (природную) и социальную (общественную) реальность, от которой зависит существование людей и общества, а также на посмертную судьбу человеческой души. Развитый культ нуждается в целом наборе самых разнообразных предметов, называемых культовыми, поскольку они применяются в культе как его непосредственные объекты (культовые

изображения, реликвии и т. д.), орудия или средства оформления. Как правило, культ нуждается и в специальных культовых постройках — храмах, часовнях, погребальных и поминальных сооружениях.

Култ, равно как культовые предметы и культовые сооружения, был чрезвычайно важной составной частью жизни древних народов, и в этом смысле народы Восточного Средиземноморья не составляли исключения. Поэтому далее мы будем говорить о культе угаритян, финикийцев и сирийцев, его участниках и материальных средствах.

Угаритский культ

В Угарите, как и в других регионах Передней Азии, главными местами культа были святилища, причем двух видов. В городе (в самом Угарите и других поселениях его царства) это были преимущественно храмы. Вне городов места религиозного культа часто располагались на горах или других возвышенностях, чем-либо в глазах местных жителей замечательных. В Библии такие святилища называются «высотами».

В Угарите еще в самом начале раскопок были обнаружены два храма. Тут же найдены посвятельные столбы, и по имеющимся на них надписям удалось выяснить, каким богам эти храмы посвящены. Один из них оказался храмом Балу, а другой — его отца Дагану.

Храмы Балу и Дагану находились на самой вершине холма, на котором располагался Угарит. Они были видны издалека, и не только со всех концов города, но и с моря, служа, таким образом, своего рода маяками и ориентирами для моряков, плывущих в Угарит. Балу и Дагану считались, видимо, главными богами в Угарите, и их храмы занимали поэтому центральное место.

Располагались они недалеко друг от друга, и оба были ориентированы с севера на юг.

Высокий постамент храма Балу еще больше поднимал все здание над городом. Храм состоял из прямоугольной постройки (собственно храма), которая воспринималась в некотором смысле жилищем бога, и примыкающего к ней вестибюля. В углу храмового здания находилось небольшое помещение, точное назначение которого пока неясно, но очень вероятно, что это было нечто вроде Святой Святых, то есть место, где, как считалось, пребывает само божество. Здание храма было довольно высоким, с плоской крышей, похожей на террасу. На крышу вела мощная лестница, по которой поднимался жрец, чтобы наверху возносить молитвы богу. В плане храм имел размеры около 18 на 22 метра и поднимался на

высоту примерно 18 или даже 20 метров. Это придавало ему вид башни, возвышающейся над городом.

Перед храмом располагался обширный двор, и из него в вестибюль вела большая монументальная лестница. Во дворе перед храмом находился алтарь, на котором приносили жертвы богу. Поскольку сам храм считался в первую очередь жилищем божества, то доступ в него имели обычно только жрецы и другие храмовые служители. А различные религиозные церемонии с участием рядовых верующих разворачивались во дворе. И двор, и сам храм были огорожены мощной каменной стеной, отделяющей священное пространство от остального города. Все это пространство было вытянуто с севера на юг, но вход во двор из города располагался с западной стороны. К этому входу вела особая дорога, по которой в праздничные дни двигались пышные религиозные процессии. К стенам, окружавшим храм и двор, примыкали небольшие помещения — в них жили жрецы.

Храм Дагану занимал еще более высокую точку холма, поднимавшуюся на 20 метров над окружающей местностью, да и сам он высился приблизительно на столько же. Так что он воспринимался как много более высокий, чем соседний храм, посвященный его сыну. Располагался он на одной оси со входом в порт, а значит, его было видно с моря издалека. Построен был этот храм по тому же плану, что и храм Балу, — собственно храм с вестибюлем и большой двор перед ним, обнесенные мощной стеной. Вокруг храма Дагану тоже находилось множество небольших помещений, непосредственно с храмом не связанных и служивших, видимо, жилищами.

К западу от храма Дагану располагалось здание со двором в центре. С севера во двор вели широкие ворота, в крыльях здания, окружавших двор с остальных сторон, размещались обширные комнаты. В них-то археологи и нашли множество глиняных табличек с различными мифологическими текстами, а также с упражнениями, дву- и даже трехязычными словарями и т. п. Видимо, здесь располагались храмовая школа, в которой готовили писцов и представителей других профессий, требовавших образованности, и своеобразная библиотека, где хранились священные тексты, читавшиеся жрецами перед публикой во время празднеств. Там же, вероятно, жил и верховный жрец.

Храмы Балу и Дагану были, однако, не единственными святилищами в самом городе. Недалеко от царского дворца найден еще один храм — по-видимому, «придворный». Он состоял из ряда помещений и по всем признакам имел плоскую крышу для вознесения молитв богу. Видимо, угаритяне считали, что оттуда, с высоты храма, поднимающегося над крышами обычных зданий, молитвы легче достигнут ушей божества. Возможно, эти молитвы возносил богам (или какому-то божеству, имя которого нам неизвестно) не жрец, а сам царь, как это делал известный нам Карату.

В «нижнем городе», расположенном по склонам холма, найден еще один храм, однако совершенно иного типа. Этот храм был включен в общую городскую застройку и внешне походил на обычный дом. Небольшая дверь с улицы вела в столь же небольшой вестибюль, откуда узкий коридор вел в большой зал размером 7 на 6 метров. У восточной стены этого зала находилась невысокая платформа, на которой были сложены различные предметы, имевшие отношение к культу. Вдоль стен располагались скамьи. Имелся и еще один доступ в зал, но в отличие от того, что вел через вестибюль, — очень тесный и неудобный, скорее всего потайной. Из зала можно было пройти в маленькую комнату размером всего в 2,5 квадратных метра (вероятно, Святая Святых). В святилище

найлены различные культовые предметы, в том числе ритоны, то есть особые сосуды в виде конуса, многие из которых — не угаритского, а кипрского или греческого происхождения. Поэтому святилище было условно названо «храмом с ритонами». Какому божеству оно было посвящено, неизвестно. Но в нем обнаружена статуэтка бога Илу, и можно думать, что это именно его храм. Но почему его здание скрывалось среди общей городской застройки, почему вход в него был несколько затруднен и почему имелся еще один, по-видимому потайной, — все это пока загадки.

Археологическое исследование Угарита далеко не завершено. В городе явно имелись и другие святилища, о которых мы пока еще ничего не знаем. Были ли они похожи на гордо возвышающиеся храмы Балу и Дагану или на скрытый среди домов относительно скромный «храм с ритонами», неизвестно. От тех, что найдены, сохранились только каменные фундаменты, позволяющие археологам определить планы священных зданий и прилегающих сооружений, но нет даже следов деревянных конструкций, которые, несомненно, использовались в святилищах Угарита. Уже в древности эти храмы были разграблены, и грабители унесли с собой золото, серебро, драгоценные и полудрагоценные камни. Но даже то, что осталось в развалинах, дает представление о богатстве угаритских святилищ.

Бог Бес. Резьба по слоновой кости

Так, в храме Балу были найдены две золотые чаши, явно использовавшиеся в религиозном культе. Одна из них имеет диаметр 19 сантиметров и борта высотой 3 сантиметра. На дне ее изображены четыре козла, а также представлена сцена охоты: бородатый охотник стоит на колеснице, запряженной двумя лошадьми, и готовится стрелять из лука. За колесницей бежит собака. Охотник явно собирается застрелить убегающего козла. Три быка то ли являются целью охоты, то ли, наоборот,

помогают охотнику. Обычно всю сцену называют царской охотой. Но поскольку чаша найдена в храме Силача Балу, а он выступает в мифе тоже как охотник, можно думать, что здесь изображен именно этот бог (и тогда быки, священные животные Балу, помогают ему в охоте на дикого козла). Вторая чаша несколько меньше (ее диаметр — 17 сантиметров), ее дно украшают три сцены. Центральная представляет двух козлов, стоящих у так называемого дерева жизни, и это изображение повторяется трижды. На средней, более широкой полосе изображены два льва и два быка. И наконец, третья, самая большая сцена показывает охоту льва, нападение его на других зверей. Здесь есть также изображения грифона, керуба и крылатого быка.

Кроме этих золотых чаш в развалинах храма найдены и другие предметы, имевшие отношение к культу. Среди них — серебряные и бронзовые статуэтки (причем последние были покрыты золотом), специальные сосуды для ритуальных возлияний и многое другое. В «храме с ритонами» археологи обнаружили бронзовые треножники, ларцы из слоновой кости, алебастровые вазы, ритуальные бронзовые гвозди с золотыми головками. Главным источником храмовых богатств были дары, которые приносили верующие.

Сосуд в виде женской головы. Ибича

В храмах служили жрецы во главе с верховным жрецом. Последний носил титул «главного пастыря». Таким «главным пастырем» был Аттинпарлану, под диктовку которого писец Илимилку записал мифологические поэмы Угарита. Жрецы жили в своих комнатах, расположенных рядом с храмом. Некоторые религиозные церемонии могли совершать цари.

Главным религиозным действием было жертвоприношение. Жертвы могли быть кровавыми и бескровными. Главным видом бескровных жертв являлось возлияние. В честь божества из специальных сосудов лились вино, молоко, мед или масло. Применялись даже особые длинные сосуды с отверстиями в боковых стенках; эти сосуды вкапывали в землю и

наполняли предназначенной для пожертвования богам жидкостью (вероятнее всего, вином), которая, в свою очередь, из боковых отверстий и на разных уровнях впитывалась землей. Тем самым угаритяне, по-видимому, хотели задобрить божества, связанные с плодородием земли. Кровавая жертва предполагала принесение в дар богам животных. Специальные жрецы убивали их, а затем сжигали на алтаре. Жертвенное животное сжигалось целиком или частично. В последнем случае оставшееся получали жрецы и хозяева жертв. Чаще всего жертвовали овец, баранов, ослов, быков и коров, но нередко также птиц, особенно голубей. Наиболее важные жертвы, те, от которых, по представлению угаритян, зависела судьба общества или царя, сам царь или жрец приносили на городской стене, что еще ближе поднимало жертвователя и жертву к миру богов. Перед принесением жертвы руки омывали, а затем мазали их кровью жертвы. Во время жертвоприношения люди распевали религиозные гимны, прославляли богов, громко рассказывали, что же происходит в это время на алтаре или в храме. Сами жертвоприношения и время совершения их были тщательно расписаны, и все подчинялось раз навсегда установленному порядку. По-видимому, в Угарите сохранялась и практика человеческих жертвоприношений: приносили в жертву перворожденных сыновей, и делалось это обычно при закладке какого-нибудь очень важного здания или в случае чрезвычайной опасности. Считалось, что такой великой жертвой можно особенно повлиять на бога, дабы избежать грозной опасности или навеки сохранить заложенное строение.

Важной частью религиозного культа были молитвы. Обычно молитва состояла из двух частей: сначала молящийся просил бога или богиню что-либо сделать для него, а затем обещал божеству, что отблагодарит его, если тот выполнит его мольбу. В случае невыполнения человеком своего обещания божество, как считали угаритяне, могло сурово наказать его. Так в известном нам сказании поступила Асирату, когда Карату после успешного завершения своего предприятия и приобретения жены забыл пожертвовать богине обещанные ей серебро весом в две трети и золото весом в одну треть веса новой супруги. Молились и обычные люди, и царь как глава города-государства, и конечно же, более всех других — жрецы. Для молитвы часто поднимались на плоскую крышу дворца или обычного жилого дома, чтобы быть ближе к миру богов. При этом, как уже сказано, царь мог для молитвы взойти на городскую стену, а жрецы возносили молитвы с крыш высоко поднятых над городом храмов. Молящиеся обычно принимали специальные ритуальные позы, воздевая руки к небу.

Жрец перед курильницей с магическими символами. III-II вв. до н. э.

В честь богов в Угарите устраивались различные празднества. Специальные процессии двигались в храм того или иного бога, чтобы воздать ему благодарность и умолить о помощи. Именно в таких случаях приносились особо значительные жертвы. Во время религиозных праздников жрецы читали собравшимся религиозные тексты. Распевались (скорее, читались нараспев) гимны в честь богов. Например, гимн в честь свадьбы бога луны Йариху и богини Никкаль, дочери бога лета, начинался так: «Воспою Никкаль, дочь Хархаббу, царя плода лета, Хархаббу, царя времени свадеб, когда склоняется Шапашу. Йариху охватывает и обнимает ту, которая произведет на свет с помощью богинь Косаратум. О богини Косаратум! О дочери Зари, ласточки! Здесь дева произведет на свет сына Йариху! Позаботьтесь о нем, из своих рук поддержите его, дайте ему мясо с кровью, напитайте его, сделайте его сильным, когда супруга Йариху произведет его на свет!» Особенно важным считался праздник в честь

наступления нового года, отмечавшийся осенью после уборки нового урожая. Он был, вероятно, посвящен Балугу, и во время этого праздника публично исполнялись повествования об этом божестве.

Подобные церемонии проходили не только в храмах. Так, во время праздника, отмечающего рождение богов Шахару и Шалиму, процессия двигалась из города к берегу моря. Еще до ее начала собравшиеся, а это могли быть все или почти все жители Угарита, прославляли богов, а затем молили их, чтобы они даровали мир Угариту, мир его царю и царице, царским слугам и стражникам. После этого выносили статую бога смерти Муту со скипетром бесплодия и вдовства, и жрец резал и связывал виноградную лозу и призывал на Муту судьбу этой лозы: пусть он падет, как пала эта лоза. Но одного такого заклания считалось мало, и собравшиеся семь раз повторяли: «Это поле — поле богов, поле Асирату и Рахмайу». Затем юноши готовили еду для богинь: семь раз варили козленка в козьем молоке и ягненка в масле. А затем уже процессия двигалась к морскому берегу, и там разворачивалась сцена так называемого священного брака. Две девушки (возможно, жрицы) представляли Асирату и Рахмайу. Они шли по берегу к жрецу, а может быть, и к самому царю, изображавшему тем временем Илу, охотящегося на птиц и равнодушного к судьбам мира. Но «Асирату» и «Рахмайу» убеждали его вступить с ними в брак. А после этого — по-видимому, в конце церемонии — показывались представления о рождении благих богов Шахару и Шалиму и дальнейшей истории этих богов. Вся церемония, по убеждению угаритян, должна была способствовать плодородию земли и получению богатого урожая. Такие церемонии основывались на старинной вере в силу различных заклятий и магических действий. Вообще заклятия играли большую роль в жизни угаритян. Заболев, люди считали, что в них вселилось какое-то злое существо, которое нужно изгнать. И они произносили различные заговоры и заклятия наподобие такого: «Пусть слова юного бога изгонят тебя, пусть речи Балуга изгонят тебя, и ты выйдешь на голос жреца, как дым через отверстие, как змея через основание стены, как горные бараны на вершину, как львы в чашу. Пробудись, Посох, приблизься, Посох. Пусть мучения будут на твоей спине, страдания на твоём теле. Пусть Харану изгонит этих спутников, пусть Юнец изгонит их. Ты же — унизься! Пусть запинается твой язык, пусть в бегство, да, пусть в бегство. Если ты одет, пусть бог тебя прогонит; если ты гол, пусть бог тебя прогонит. Ради людей то, чем ты дышишь, пусть будет изгнано с земли, ради людей пусть будет выгнано в бессилии». Если человека укусила змея, обращались к Шапашу, которая

собирает яд, как солнце в полдень собирает тень; но и она одна не в состоянии полностью излечить укушенного, поэтому обращались и к другим богам: «Пусть Илу и Харану удалят яд. Пусть Балу и Дагану удалят яд. Пусть Анату и Астарта удалят яд. Пусть Иариху и Рашапу удалят яд». Перечень богов продолжался. И с их помощью Шапашу излечивала беднягу: «Она удалила яд изо рта того, кто кусает». Злые силы, как представлялось, подстерегают человека постоянно, и их надо всячески остерегаться. Они могут послать змею или какого-либо хищного зверя (например, льва), чтобы те напали на человека. Даже собственный дом — защита ненадежная, потому что зло могло проникнуть в него через различные отверстия, особенно окна. И дом надо очистить от злых сил.

Специальные очистительные церемонии совершались с целью обеспечения благополучия всего государства. В этом случае в них участвовали все жители Угарита, по крайней мере самого города, включая иностранцев. Возглавлял эту церемонию, вероятно, царь. Прежде всего приносили жертву богам, взывая, чтобы она поднялась к Илу и его сыновьям. Потом вели барана и его тоже приносили в жертву. Затем граждане Угарита пели специальный гимн в честь богов, и позже глава угаритских граждан (скорее всего, царь) и главы иностранных общин, имевшихся в Угарите, совершали особое очищение (по-видимому, особое омовение) ради избавления от гнева, нетерпения и междоусобия. И при этом все время воспевался Илу, его сыновья и совет сыновей, то есть общее собрание угаритских богов. Совершались и другие общественные церемонии, главным содержанием которых опять же были жертвоприношения богам. Особые жертвоприношения делались в первый и четырнадцатый дни месяца. В определенное время люди собирались в роще, посвященной Балу, и там совершали покаяние.

Наряду с общественными религиозными ритуалами существовали и частные, среди них те, что сопровождали свадьбу. Предварительно жених давал выкуп семье невесты. Сама свадьба начиналась жертвами и молитвами, в которых и новобрачные, и их родственники, и гости просили богов дать новым супругам счастье и плодовитость. На голову невесты лили специальное масло (елей) в знак отрешения ее от прежней жизни в отцовском доме и перехода в дом мужа. Затем устраивалось пиршество, и если человек был богат и знатен, то оно могло продолжаться несколько дней. После этого жена переходила из дома отца в дом мужа, который и считался главой семьи. Муж и жена не должны были быть родственниками. Жена приносила с собой в новую семью приданое, которое ей выделяли родители и которое оставалось ее собственностью.

В семьях особенно заботились о плодovitости жены. Считалось, что если боги покровительствуют семье, то и детей в ней будет много. Приход в этот мир нового человека тоже был обставлен соответствующими церемониями. Среди них очень важной было обрезание, как бы устанавливавшее связь между новым человеком и богом, которому этим актом приносилась благодарственная жертва. Знаком тесной связи между божеством и человеком считалось присвоение новорожденному имени; в этом имени присутствовало имя божества, под покровительство которого ставился новый человек. Когда ребенок достигал совершеннолетия, приходило время еще одного обряда, означающего вступление во взрослую жизнь. При этом отец благословлял его и вручал ему вещи, нужные в новой, теперь уже взрослой жизни, — например, лук будущему охотнику.

И смерть обставлялась особым ритуалом.

Заупокойный культ был важной частью угаритской религиозной жизни. Угаритяне обычно хоронили своих мертвецов под собственным домом или, в крайнем случае, поблизости от него. Умершие члены семьи, таким образом, как бы оставались вместе с живыми. Саму гробницу сооружали одновременно со строительством самого дома. Такая гробница должна была быть достаточно большой, чтобы принимать постепенно всех покойников. Так, одна такая гробница имела 3 метра в длину, около 2,5 метров в ширину и 2,35 метра в высоту. Гробница была прямоугольной формы с отвесными стенками и перекрывалась либо плоскими каменными плитами, либо так называемым ложным куполом, состоявшим из сужающихся концентрических рядов камней. В любом случае она находилась под землей, так что сверху ее не было видно. В гробницу вели лестница или небольшой коридор, через которые можно было легко в нее войти. Коридор отделялся от самой гробницы деревянной дверью и довольно высоким порогом, служившим как бы границей между убежищем мертвецов и миром живых. Рядом с покойником оставляли некоторые предметы, нужные, как предполагалось, в загробной жизни. Такие предметы часто клали в специальные колодцы, вырытые в полу гробницы. В стенках делались небольшие ниши, в которые помещали лампы, с тем чтобы осветить покойнику его новое жилище.

Когда недуг человека считался смертельным, около постели больного начинался плач. И он продолжался семь дней после смерти человека. При этом могли приглашать специальных плакальщиков. И плакальщики, и родственники покойного в знак траура бичевали себя, наносили себе порезы и другие раны. Близкие покойного садились на пол или на землю,

посыпали свои головы пеплом, надевали власяницы. Его родственники преподносили дары различным людям, надеясь такого рода жертвоприношениями облегчить участь скончавшегося. А затем устраивали тризну, которая тоже могла продолжаться несколько дней. Масштаб всех этих церемоний, естественно, разнился в зависимости от материальных возможностей и положения семьи покойного. Погребение царя было общегосударственным мероприятием.

Когда в начале XII в. до н. э. Угарит погиб, то и его культы исчезли вместе с ним.

Финикийский культ

Финикийцы, как и угаритяне, почитали своих богов прежде всего в святилищах. Само понятие «святое», «святилище» (в финикийском языке это обозначалось одним словом) играло очень важную роль в их жизни. Оно прилагалось ко всему, что имело отношение к божеству. И прежде всего, конечно, к святилищам. Очень древними были природные святилища. Как и угаритяне, финикийцы обожествляли некоторые горы и саму такую гору («высоту») воспринимали как святилище того или иного божества. Такими горами были Цафон на севере и Кармел на юге. В других случаях почитали не всю гору, а только пещеру в ней. Пещерное святилище было найдено в самой Финикии в гроте Васта между Сидоном и Тиром. Здесь обнаружены различные культовые предметы и надписи на стенах, сделанные посетителями пещеры. На западе финикийского мира, у берегов Испании удалось найти подобное пещерное святилище Эс'Куйрам, которое существовало не менее четырех–пяти веков. Пещера Эс'Куйрам была расположена недалеко от морского побережья на высоте приблизительно 200 метров. Проникали в нее через узкий вход, ориентированный на восток. После небольшого вестибюля еще один вход открывал доступ в основной зал, где и совершались различные культовые действия. Были в этой пещере и другие помещения, ныне разрушенные. В пещере найдены надписи, свидетельствующие, что здесь поклонялись сначала богу Решеф–Мелькарту, а затем в особенности богине Тиннит. Археологи обнаружили там около 600 целых статуэток, изображавших эту богиню, и более тысячи фрагментов. Все эти фигурки довольно однообразны: они представляют собой бюсты Тиннит со сложенными на груди крыльями и в головном уборе. Когда-то статуэтки были ярко раскрашены и даже покрыты тонкими листочками золота. В западной части Сицилии около города Панорм (современный Палермо) тоже

найденое подобное святилище в Гротта Реджина на самом берегу моря на высоте 180 метров. Там обнаружены различные надписи, нарисованные на стенах знаки и фигуры, в том числе «знак Тиннит» и корабль египетской богини Исиды. В этой пещере почитали и Тиннит, и Исиду, и Шадрапу.

Другим видом святилищ, тоже довольно древним, были святилища под открытым небом. Такое святилище представляло собой место, особым ограждением отделенное от остального, «светского» мира и воспринимавшееся как святое. Здесь не было ни статуи, ни храма, а стоял только алтарь, на котором совершались жертвоприношения. Верующие приносили различные дары богу, делали посвятительные надписи, воздвигали священные камни. Такие святилища найдены в различных местах финикийского мира, как на востоке, так и на западе. Иногда богам и почтенным обожествленным героям, как, например, братьям Филенам, пожертвовавшим собой ради родины, ставили отдельные алтари. Особым видом святых мест были маленькие часовни размером порой не больше одного квадратного метра с собственным двориком и лабиринтом загородок, образовавших проход к ним.

И все же наиболее значительным и важным видом святилищ были храмы, располагавшиеся в основном в городах. Каждый храм был довольно сложным комплексом, существенной частью которого являлся храмовой двор. Важнейшее место во дворе занимал алтарь. Здесь же могло расти так называемое священное дерево, то есть дерево, посвященное тому или иному божеству. В глубине двора поднималось само здание, которое обычно состояло из трех частей: вестибюля, собственно храмового помещения (целлы) и недоступного для верующих помещения — Святая Святых. Если в храме отправлялся культ нескольких близких божеств, то могло быть две или даже три целлы. Храмы ставились на высоких подиумах или террасах, к которым вели лестницы. Весь храмовой участок ограждался стеной, отделяющей священное место от обычного мира. Финикийцы обозначали храм словом *bet*, что означает «дом». И он действительно считался домом бога, а не местом совместной молитвы. Сам бог или богиня должны были присутствовать в своем храме либо в виде статуи, либо в виде особого священного камня — бетила. Доступ в Святая Святых, где, как полагали, обитает божество, был разрешен только жрецам, да и то лишь в определенные дни. Вход в храм отмечался высоким порогом, перешагнуть через который означало перейти из обычного, «светского» мира в мир священный, божественный.

Храмы сопровождали всю историю Финикии и ее колоний. С течением времени они видоизменялись, но в целом соответствовали

установленному образцу. Самые древние храмы, относившиеся еще к III тысячелетию до н. э., обнаружены в Библи. Один из них, храм богини Баалат–Гебал, поднимался рядом со священным озером. Другой располагался к востоку от него, и его «хозяином» было мужское божество, вероятнее всего — Решеф. Этот храм имел довольно сложную архитектуру. В большом дворе находилась целла, к нему примыкал другой двор с несколькими помещениями, и все вместе они образовывали сооружение, в плане напоминавшее латинскую букву L. В начале II тысячелетия до н. э. над частью этого храма был построен другой храм, посвященный Решефу, имевший более простой план и уже совершенно соответствовавший общему архитектурному принципу, по которому строились финикийские храмы, то есть состоял в основном из двора и целлы в его глубине. В центре этой целлы поднимался высокий бетил (сохранилась только его нижняя часть), перед которым находился небольшой бассейн для совершения возлияний вином или какой-либо другой жидкостью. Более низкие бетиловы стояли в углу здания, здесь же имелась и специальная платформа, на которую возлагались пожертвования богине. Подобные вертикально стоящие священные камни в большом количестве наполняли двор. Все они напоминали египетские обелиски, и поэтому археологи называли свою находку «храмом с обелисками».

И в I тысячелетии до н. э. в финикийских городах сооружались значительные храмы. Финикийские мастера построили и храм Йахве в Иерусалиме, полностью соответствовавший принципам культовой финикийской архитектуры. Весь храм был длиной приблизительно в 30, шириной в 10 и высотой в 15 метров и состоял из трех частей. Перед ним располагался двор шириной, равной ширине храма, а длиной в 5 метров. В основном помещении храма разворачивались различные культовые действия, а в его задней части была Святая Святых, отделенная от остального помещения доходившей до потолка стеной, и вход туда закрывался богато украшенной деревянной дверью. Помещение Святая Святых имело форму куба со стороной примерно 10 метров и было обложено золотом. Там находился Ковчег Завета. Весь храм изнутри был облицован ценными породами дерева, потолок и пол были изготовлены из кедра. Дерево покрывала богатая резьба. В украшении храма изобиловало золото. По поручению своего государя прибыл в Иерусалим и активно участвовал в постройке храма тирский мастер Хирам, тезка царя. Он, в частности, поставил около входа в храм два медных столба высотой около 9 метров, соорудил огромный медный бассейн для омовения жертвенных животных, изготовил множество ритуальных предметов. Вокруг храма

располагались различные подсобные помещения, в том числе жилища жрецов.

В планировке иерусалимского храма был использован, по-видимому, план храма Мелькарта. Храмы этого бога имелись и в Тире, и во многих тирских колониях. Тирский храм был первоначально построен одновременно с городом, то есть в XXVIII в. до н. э. Царь Хирам в X в. до н. э. перестроил его. В этом храме тоже было два столба (из золота и смарагда), и его украшали многочисленные приношения верующих.

Еще раньше, в XII в. до н. э., большой храм Мелькарта появился в Гадесе. Храм был построен из камня и сверху покрыт кедровыми досками, привезенными с гор Ливана. Он поднимался на подиуме, у подножия которого находился источник пресной воды. Основу святилища составлял открытый двор с алтарем в глубине. Это было священное пространство, окруженное стеной с башней. Внутри него имелось два колодца. Впереди был притвор, длина которого равнялась ширине главного двора. По периметру двора располагались капеллы (в одной из которых стояла статуя бога), а также жилые помещения жрецов и другого храмового персонала. Вероятно, там же как символ священного леса стояла золотая олива с изумрудными плодами. Вход в это священное пространство открывался воротами. На них, как мы уже знаем, были изображены девять подвигов Мелькарта, а также сцена его смерти и воскресения. Здесь же находились два бронзовых столба, покрытые древними надписями, понять которые в римское время уже никто не мог.

В глубине двора располагался сам храм прямоугольной формы. Внутри храма не было никаких изображений и стояли лишь два бронзовых алтаря, на которых горело негасимое пламя. В задней части храма находилось особое помещение, доступ в которое был дозволен только жрецам. Это помещение было слегка приподнято, в него вели три двери. Здесь и располагалась гробница Мелькарта. Надо отметить, что гробница Мелькарта в Гадесе была одной из самых почитаемых всеми финикийцами (а порой и не только ими) святынь. В храме и священном дворе хранились дары верующих.

Жрецы Мелькарта ходили босыми, облачались в белые льняные одежды и брили головы. Во время жертвоприношений они надевали более торжественную одежду, отделанную широкой полосой. Жрецы давали обет безбрачия. Во главе жрецов храма Мелькарта стоял верховный жрец. От Мелькарта ожидали прорицаний о будущем. Считалось, что бог делал это обычно во сне того человека, который просил о пророчестве. Желающие его получить располагались в особых помещениях вокруг

священного двора, там они спали, а утром храмовые ясновидцы толковали эти сны и предсказывали будущее.

Важнейшей частью служения богу являлись жертвоприношения. Алтарь Мелькарта должен был обогреться кровью жертв ежедневно. Призывы к богу сопровождались особыми ритуальными танцами.

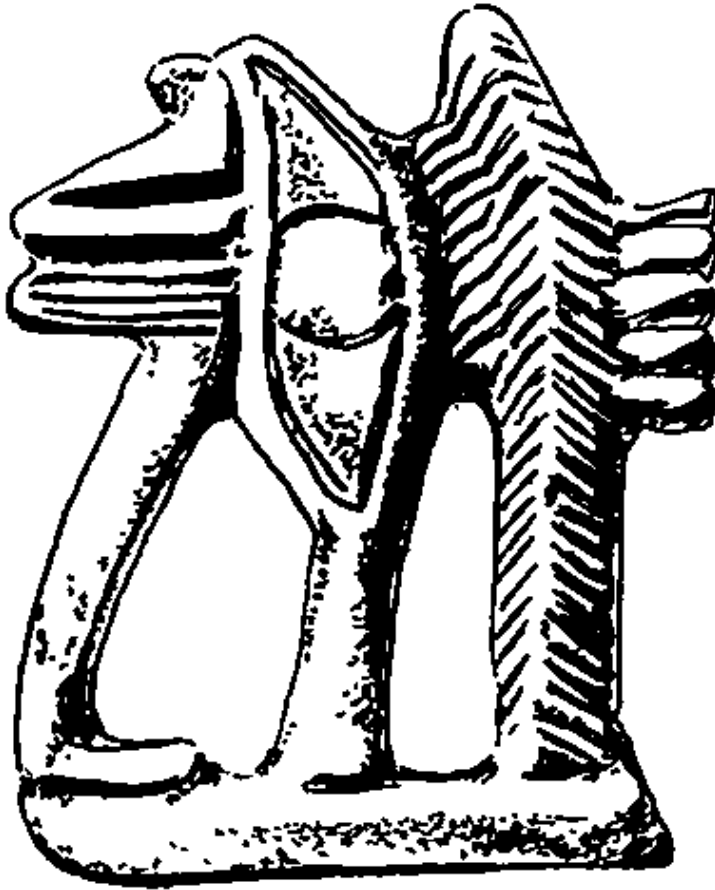
Жрецы Мелькарта поддерживали строгое соблюдение отеческих обычаев. В самом здании храма тщательно сохранялись балки, оставшиеся от первоначального строения. Моряки, возвращавшиеся после долгих странствий, именно здесь приносили благодарственные жертвы богу. Чужеземным морякам разрешалось заходить в храм лишь ненадолго, и они не могли там даже заночевать. Женщины вообще не допускались в святилище.

Храм Мелькарта в Гадесе был очень богатым. Многие люди считали важным для себя принести в храм те или иные дары и посвятить их богу. Еще важнее было то, что в этом храме хранилась казна Гадеса. Может быть, и тирский храм Мелькарта играл роль казнохранилища.

Храмы Мелькарта были не только в Тире и Гадесе, но и в других городах. Такие храмы имели, однако, чисто местное значение и занимали второстепенное положение, как, например, храм Мелькарта в Карфагене.

Сами карфагеняне особо почитали храм в Тире, признавая его высокий авторитет. Туда, а не в свое городское святилище они посылали десятую часть всех своих доходов, в том числе и военной добычи. Туда же ежегодно отправлялись из Карфагена «священные посольства».

Когда в III в. до н. э. карфагенские полководцы из знатной семьи Баркидов (к этой семье принадлежал знаменитый Ганнибал) приобрели доминирующее влияние в Карфагене, то своим покровителем они избрали именно Мелькарта, поместив его изображение на монетах. Эта семья вообще связывала себя с Мелькартом. Известные нам ее члены носили имена, включавшие имя этого бога (собственное или баал — «владыка»). Такое имя носил Ганнибал («милостив ко мне Баал»), а его отец звался Гамилькаром («раб Мелькарта»).

Маска. Терракот. Карфаген

В Сидоне одним из главных храмов был храм Эшмуна (площадью в 3500 квадратных метров и высотой около 20 метров). Его украшали колонны с резными базами и капителями. Храм этого бога в Карфагене стоял на высокой террасе, куда вела лестница в 60 ступеней, и вмещал он до 50 тысяч человек.

Финикийские храмы были очень разнообразными. Примечателен в этом отношении храм в небольшом городке Марат (современный Амрит) около северофиникийского города Арвад. Здесь брали свое начало две реки, текущие в противоположные стороны. Третий источник питал само святилище. Священное место представляло собой обширный прямоугольный двор, окруженный стеной, по бокам входа стояли две башни. Во дворе было вырыто искусственное озеро и поднималось весьма скромное по площади (немногом больше 13 квадратных метров), но довольно высокое монументальное здание самого храма. Этот храм был, вероятнее всего, посвящен одному из богов-врачевателей, а искусственное

озеро предназначалось для ритуальных омовений с целью облегчить излечение.

Построив в каком-либо месте свой храм, финикийцы его уже никуда не переносили. В случае разрушения или какого-либо другого повреждения святилища они старались его восстановить там же. Особое значение придавалось сохранению остатков прежнего храма. Все, что сохранилось от старого святилища в случае какого-либо ремонта или полного восстановления, старательно включалось в новое сооружение. И финикийцы верили, что даже деревянные стропила и балки могли сохраняться в храме в течение многих веков. При основании нового города сразу же сооружался храм главного божества этого города. Например, на том же холме, где строился Карфаген, его основательница Элисса воздвигла храм Эшмуна. Много позже карфагенский полководец Гасдрубал, основав в 226 г. до н. э. в Испании Новый Карфаген, также создал там храм этого бога. Иногда храм мог быть построен еще до основания самого города. Например, храм Мелькарта в Гадесе, как считали его жрецы, старше города лет на семьдесят. А на острове Фасос, когда там в течение некоторого времени жили финикийцы, разрабатывавшие золотые рудники, финикийского города и вовсе не существовало, а был лишь храм того же Мелькарта. Когда же на тех местах, где обосновывались финикийцы, уже до их прихода существовали местные святилища, они порой создавали свои там же. Мы уже упоминали финикийский храм на острове Мелита (современная Мальта), возведенный на месте святилища времен неолита.

В те времена разработанного и всеми признанного международного права не существовало, и положение каждого чужеземца в принципе считалось весьма опасным — он мог быть убит, ограблен, захвачен в плен и продан в рабство. Храм же был святым местом, нарушить его неприкосновенность многие не решались. Поэтому пребывание в храме давало купцам и другим людям определенную, хотя и временную гарантию неприкосновенности. И те, в свою очередь, отвечали храму не только уважением и почитанием, но и различными приношениями, в том числе довольно дорогими дарами. Существовали и обязательные приношения. Так, и в самом Тире, и в его колониях принято было отдавать храму Мелькарта десятую часть своих доходов.

Храмы были очень богаты. К сожалению, те из них, которые дошли до нас, были весьма основательно разграблены. И судить о богатстве финикийских святилищ лучше всего по описаниям древних авторов. Так, о храме Решефа в Карфагене древний историк Аппиан (II в. н. э.) говорит,

что его целла была покрыта огромным количеством золота, а внутри ее стояла тоже позолоченная статуя бога. Еще богаче храма Решефа был храм Эшмуна, самый знаменитый и роскошный в Карфагене. Храм Астарты на Мелите был украшен изделиями из слоновой кости и необыкновенными слоновыми бивнями. Многочисленные изделия из этого материала найдены в храмах самой Финикии. Неприкосновенность храмов делала их идеальным местом для хранения сокровищ. Часто храм выступал своеобразным казначейством финикийского города. Храмы могли иметь и свое хозяйство. В храмах хранились архивы, а также записи священных преданий.

Персонал храма был организован в коллектив, во главе которого стояли верховный жрец или верховная жрица. Эти люди, как правило, относились к аристократии. Верховный жрец Мелькарта в Тире, Ахерб, был зятем тирского царя Мутона (IX в. до н. э.) и считался вторым лицом в государстве. Иногда такие люди наряду с жреческими должностями могли занимать и светские. Основную массу жрецов составляли рядовые жрецы и жрицы. Были люди, которые занимали еще более низкие ступени в храмовой иерархии.

Ниже их находились гадалы и пророки, музыканты, священные брадобреи, писцы и другие люди, обслуживавшие храм и приходивших туда «мирян». А на самой низшей ступени стояли храмовые рабы. Некоторые жрецы могли иметь семью и детей, другие давали обет безбрачия. У финикийцев, по-видимому, наследственного жречества как института не существовало, но на практике особо ценимые жреческие должности могли передаваться по наследству. Вокруг храмов собирались поклонники данного божества, которые объединялись в особый культовый союз, находившийся, как считалось, под божественным покровительством.

Существенной частью религиозного культа были праздники и церемонии. В отдельных финикийских государствах существовали, вероятно, разные праздники. На юго-востоке Малой Азии находилось царство Самааль, бывшее под сильным финикийским влиянием; там, в частности, использовали финикийский язык (наряду с местным) и почитали многих финикийских богов. В этом царстве отмечалось по крайней мере три праздника: новый год, праздник подрезания деревьев (в конце зимы) и праздник сбора винограда (осенью). В финикийских городах Кипра праздником отмечали начало месяца и полнолуние. Большим праздником Тира и его колоний, особенно Гадеса, где находилась гробница бога, был праздник в честь пробуждения (то есть воскресения) Мелькарта, установленный в X в. до н. э. тирским царем Хирамом. Во

время праздника из города удаляли всех иноземцев, ибо только «подданные» «царя города» (Мелькарта) могли в нем участвовать. Праздник отмечался несколько дней.

В Тире всеми церемониями руководил царь, в Гадесе — суфкет (глава управления городом).

Золотое ожерелье царя Бабла Шему Аби в виде распростершего крылья сокола. XIII до н. э.

Само празднество разворачивалось как четырехактная драма. В первом акте создавалось изображение бога, сидящего на гиппокампе, которое затем сжигалось. При этом почитатели Мелькарта плакали и ударяли себя ножами и копьями. Во втором акте остатки сожженного изображения торжественно хоронили. Затем праздновался «священный брак»: жрица (а в Тире, может быть, царица), изображавшая Астарту, и царь либо суфкет как бы вступали в брак, символизируя скорое новое рождение Мелькарта. Наконец, в четвертом акте разыгрывались воскресение бога и его новое явление в мир. Во время праздника распевались гимны в честь Мелькарта, его смерти и воскресения (недаром позже греков и римлян поражало, что гадитане воспевают смерть). Тогда же, видимо, читались священные тексты о трудах Мелькарта.

Подобный ежегодный праздник отмечался в Библе в честь Адониса. Он начинался, когда вода в реке Адонис, протекающей недалеко от Библа, окрашивалась в красный цвет, что воспринималось жителями Библа как наполнение реки кровью погибшего Адониса. Одновременно на небосклон восходила звезда Сириус, а с моря начинали дуть постоянные ветры. И город погружался в траур. В знак траура люди бичевали себя и ранили свое тело ударами ножей и копий. Женщины обреза́ли волосы. Все плакали и обращались к погибшему богу: «Приди, благодетельный, принеси твоим

поклонникам плоды земли!» Совершался, по-видимому, и обряд, имитирующий торжественное захоронение тела Адониса. Специально изготовленную большую куклу клали горизонтально в особую могилу, находившуюся в ограде храма Баалат–Гебал. Затем, возможно, женщины возлагали на эту могилу цветы и фрукты и в знак поминовения погибшего, и в знак надежды на его возвращение с новыми плодами. Приносились и погребальные жертвы, как это было обычно при похоронах. Собравшиеся пели торжественно–памятный гимн, в котором вспоминали об обстоятельствах гибели Адониса и о скорби Баалат–Гебал. Считалось, что сама Баалат–Гебал горюет вместе с жителями города. Траур продолжался три дня, пока из Египта не приходила весть о воскресении Адониса.

Женская голова. Египетские черты — еще один пример явного влияния Египта на мифологию и искусство финикийцев. Ок VI в. до н. э.

Библ был издавна связан с Египтом, и праздник в честь Адониса отмечался одновременно и в стране Нила, где полагали, что Адонис — тот же египетский Осирис, супруг богини Исиды. Там во славу Адониса–

Осириса приносили различные драгоценные дары, изысканную еду. На следующий день говорили, что Адонис нашелся и воскрес. Египтянки выходили на берег моря и спускали на воду особый сосуд, в который клали записку к женщинам Библа, сообщая о воскресении Адониса. По другим рассказам, в море выпускали сделанную из папируса голову Осириса–Адониса, и это тоже было знаком воскресения. И когда эти сведения достигали Библа, траур там заканчивался. Все радовались воскресению юного бога. Из гробницы доставали его изображение и уже в вертикальном положении торжественно выносили под открытое небо. И вновь начинались торжественные процессии и пение гимнов, но уже радостных, восхваляющих возвращение Адониса в его город и вообще в этот мир.

Свои праздники были в Карфагене — например, в честь богини Тиннит, и какой-то другой праздник, продолжавшийся не менее пяти дней. В ходе праздничных торжеств, посвященных Тиннит, разыгрывались представления, восхвалявшие эту богиню плодородия и любви и сопровождавшиеся такими неприличиями, что наиболее стыдливые дамы отворачивались.

Когда же и к западным и к восточным финикийцам проник культ египетской богини Исида, то и в честь этой богини стал справляться пышный праздник. Этот праздник отмечался в самом конце зимы, когда кончалась непогода, стихали зимние бури и море становилось доступным для судоходства. В этот день на воду спускали так называемый священный корабль богини, только что построенный. К берегу направлялось торжественное шествие, возглавляемое жрецами. Все были празднично разодеты, вели жертвенных животных, несли изображения богов, которые тоже должны были радоваться празднику Исиды. Особо выделялись люди, специально этой богине посвященные: они были одеты в белые льняные одежды, при этом у женщин были умашены и покрыты прозрачной тканью волосы, у мужчин — полностью обриты головы. Все это сопровождалось музыкой и пением.

Возможно, у финикийцев существовал и еженедельный праздничный день, в течение которого вообще ничего нельзя было делать.

Частью всех финикийских праздников были театрализованные представления. Вероятно, со временем для них стали создавать специальные сооружения, подобные греческим театрам. Много исполнялось музыки на различных инструментах, особенно на разного рода флейтах, и танцев. Такие танцы устраивались в храме Эшмуна в Сидоне. Жрецы и пророки Мелькарта танцевали вокруг жертвенника,

взывая при этом к богу и нанося себе уколы ножами и копьями. Тирские купцы под звуки флейты плясали в честь Мелькарта, то подпрыгивая ввысь, то приседая и извиваясь всем телом. Рассказывали, что сам Адонис играл на особой флейте — гингре, звучащей очень печально.

Бритва. Остров Ибица (совр. Испания). Бронза

Еще более важной частью финикийской религиозной жизни были молитвы и жертвоприношения, как во время праздников, так и по различным другим случаям. С молитвой обращались к тому или иному божеству, выражая в конце надежду, что божество услышит голос молящего и благословит его. При этом поднимали левую руку на уровень рта, а в правой протягивали воображаемому божеству (видимо, его статуе) какой-либо предмет, предназначенный ему в жертву. Иногда поднимали в

умоляющем жесте обе руки, а иногда, наоборот, обе руки сплетали, прижимая их к груди, подчеркивая смирение молящего. Молитвы воспринимались верующими как видимая связь между человеком и богом.

Другим видом такой связи считались жертвоприношения. Их могли совершать полководцы во время войны или перед отправкой в военную экспедицию. Карфагенский полководец Гамилькар, отправляясь в 237 г. до н. э. в поход в Испанию, совершил жертвоприношение богу Баал–Хаммону и при этом приказал своему сыну Ганнибалу поклясться в вечной ненависти к Риму. Тот принес клятву и не изменял ей в течение всей жизни. В самой Финикии обряд жертвоприношения порой совершали сами цари. Но в основном это было делом жрецов. Жертвователями могли быть и отдельные люди, и целые семьи, и профессиональные или иные объединения, и союзы поклонников данного бога. Существовало три вида жертв: кровавые, бескровные и жертвы богу в виде различных предметов. Часто те, кто имел для этого средства, ставили статую бога или воздвигали стелу с указанием своего имени. Многие дары хранились в храмах, и когда таких даров накапливалось столь много, что новым уже не хватало места, или когда уже имевшиеся приношения от времени приходили в негодность, то их складывали в специальные хранилища в пределах храмовой территории. Разновидностью бескровных жертв были различные воскурения, когда на специальном треножнике в особом сосуде (курильнице) сжигали вещество, имевшее сильный и приятный запах, и в этом случае ароматный дым поднимался к небесам, услаждая обоняние богов и богинь. Богам жертвовали также различные овощи и фрукты, особые лепешки, возлагая их на алтарь. Вино, молоко, мед выливали из специальных сосудов тоже на алтарь или лили на землю.

На алтаре также приносили кровавые жертвы. В особо важных случаях практиковалось так называемое всесожжение (то, что греки называли холокаустом), когда всю жертву целиком сжигали на алтаре. Но чаще богам сжигали только часть туши животного, а остальное делилось между жрецами и человеком, принесшим жертву, при этом жрецам доставались грудь и бедра животного, а хозяину жертвы — шкура, бока и нижние части ног. Приносили в жертву богам быков и коров, баранов и овец, ягнят и козлят, оленей и различных птиц. Перед совершением жертвоприношения алтарь украшали гирляндами, а если дело происходило ночью, то по бокам ставились два особых светильника. Жертвенных животных обмывали, кормили и в торжественной процессии вели к алтарю. В процессии несли различные ритуальные предметы, как, например, специальные ножи и топоры, чаши с вином и медом. Впереди

шли флейтисты, игравшие в течение всей церемонии. Перед алтарем жертвователь клал руку на голову жертвы и передавал ее затем жрецу. После этого жертву убивали и сжигали (полностью или частично) на алтаре. Во время сожжения жрец покрывал голову полой своей одежды, поднимал правую руку к небу, а левой рукой бросал на алтарь пахучие зерна, распространявшие при сжигании благовонный аромат. При этом жрец произносил особую молитву. Все эти действия жрецы совершали далеко не бесплатно. Жертвователи платили жрецам оговоренные суммы. При принесении в жертву быков жрец должен был получать 10 сиклей серебра за каждого, коров — по 5 сиклей, мелких животных или птиц — по три четверти сикля и 2 зара.

Древних греков и римлян особенно поражали человеческие жертвоприношения, имевшие место у финикийцев. Часто в жертву приносили военнопленных, выбирая для этого самых красивых, считая, что так будет угодно богам. Есть сведения, что финикийцы, жившие на Сардинии, убивали в честь богов стариков, а те при этом смеялись, и отсюда якобы пошло выражение «сардонический смех». Людей жертвовали различным богам, а также душам погибших предков. Но чаще всего (по крайней мере, в Карфагене) такие жертвы приносились Баал–Хаммону.

Особенно известна практика принесения в жертву детей, главным образом первенцев — мальчиков, но часто и девочек, притом в основном из аристократических семейств. Это была тяжелая обязанность тех, кто возглавлял общество, обеспечить ему милость богов ценой поступка одновременно и самоотверженного, и беспощадно жестокого. Особенно важной считалась такая жертва в дни тяжелых испытаний и страшных опасностей, грозящих государству. Большинство приносимых в жертву были младше шести месяцев, нередко это были новорожденные, но иногда возраст таких несчастных достигал и четырех лет. Ребенка сначала умерщвляли, а затем сжигали на бронзовых руках статуи бога. Происходило это ночью при звуках флейт, тамбуринов и лир. Финикийцы считали, что в результате этого душа жертвы поднималась непосредственно к богу, входила в царство Баал–Хаммона и становилась там главным защитником интересов родины и собственных семейств. Такое жертвоприношение обозначалось словом «молк» (или «молек», «молук»). Это слово было неправильно понято уже соседями финикийцев, и появилось представление о кровожадном боге Молохе, пожирающем человеческие жизни.

Отдавать богам своих первенцев было, естественно, тяжело, поэтому в Карфагене многие аристократы стали покупать чужих детей и под видом собственных отдавать их богу. Но когда над Карфагеном нависла смертельная опасность, карфагеняне восприняли ее как гнев божества на нечестие «лучших людей государства» и решили вернуться к старым обычаям: они сожгли более 500 детей, из которых 200, сыновья знатных родителей, были определены властями, а не менее 300 — пожертвованы добровольно. Эти добровольные жертвоприношения явно происходили из разных слоев общества. С течением времени круг жертвователей расширился вплоть до рабов. Однако при всей своей набожности многие карфагеняне пытались уклониться от принесения этой жестокой жертвы. Так, например, поступил знаменитый полководец Ганнибал, который взамен своего сына пообещал роскошные жертвы после победы над Римом.

Останки сожженных детей помещали в специальные урны и хоронили в особом святилище, которое современные ученые называют тофетом.

Тофеты располагались обычно на самом краю города, рядом с городскими стенами, а иногда и за стенами, но недалеко от них. Сам тофет представлял собой закрытый двор, внутри которого находились небольшая часовня и лабиринт загородок. Двор был заполнен урнами с прахом жертв. Над каждой жертвой ставилась стела с именем жертвователя и призывом к богу или богине принять этот дар. Когда двор заполнялся, он мог выравниваться, и в новом слое вновь располагались урны с останками несчастных детей.

Порой этот ужасный обычай все же смягчался. В жертву богам могли приносить не родившихся детей, а результаты выкидышей. В практику входили и так называемые жертвы замещения, когда вместо ребенка убивали и сжигали ягненка. Замещение основывалось на формуле «душа за душу, кровь за кровь, жизнь за жизнь». Известно, как проходила такая церемония. Группа людей, держа ягненка, двигалась к культовому зданию и входила в него. В самом здании ягненка убивали и сжигали, а жрец, которому помогали два или три ребенка, вливал в пламя душистое масло. Постепенно «жертвы замещения» все более распространялись, хотя финикийцы (по крайней мере, те, что жили в Центральном Средиземноморье) от жертвоприношений детей никогда окончательно не отказывались.

Все эти обряды и жертвы должны были обеспечить и государству, и отдельным людям милость богов и сносное существование. Но одних этих средств казалось недостаточно. И финикийцы широко применяли магию,

различные гадания. Например, при постройке дома в фундамент клали бронзовые фигурки скорпионов, надеясь таким образом обезопасить обитателей дома от настоящих ядовитых насекомых. На специальных пластинках писали заклятия против своих врагов. При себе носили амулеты, владельцы которых видели в них защиту от злых сил и верили, что они помогают человеку в его действиях. Амулеты содержали призывы к богам и демонам помочь хозяину амулета или, наоборот, оставить человека в покое.

Маски, изображающие демонов, клались в могилы финикийцев. Они должны были охранять умерших от злых духов. VIII— VI вв. до н. э.

Тщательно заботились финикийцы о своих мертвецах. Естественно, что наибольшую заботу они проявляли об умерших царях. В Библие раскопаны гробницы царей II тысячелетия до н. э. Когда-то их местонахождение было отмечено небольшими пирамидами, но теперь эти пирамиды исчезли, и археологам остались только подземные помещения, вырубленные в скале. Такая погребальная пещера была очень глубока — до 10 метров. На ее дне в саркофаге покоился погребенный царь, покрытый дорогими украшениями и окруженный другими ценными предметами. И позже царей хоронили в каменных саркофагах. На их стенках вырезали различные сцены и надписи. В I тысячелетии до н. э. стали распространяться саркофаги, повторявшие очертания человеческого тела, причем особо выделялось лицо, которое, правда, не было портретом. Подобные саркофаги использовались при захоронении не только царей, но

и жрецов, а иногда и простых смертных, но, по-видимому, достаточно богатых.

Маска. VIII-VI вв. до н. э. Глина

Хороня своих умерших, финикийцы применяли два способа: и трупоположение, когда мертвое тело кладется в могилу, и трупосожжение, когда это тело сначала сжигается, а затем уже пепел вместе с несгоревшими остатками в специальной урне помещается в назначенное место. Восточные финикийцы предпочитали трупоположение, на западе было довольно широко распространено трупосожжение. В любом случае тело сначала обмывали, одевали в лучшие одежды, обмазывали душистыми маслами, причесывали, украшали драгоценностями. Финикийцы особенно заботились, чтобы никто не нарушил покой мертвеца, они призывали проклятья на голову тех, кто решится на такой святотатственный поступок. Не надеясь только на проклятья, сами могилы они устраивали как можно глубже. Финикийские могилы были разнообразны. Там, где имелась возможность, финикийцы использовали естественные пещеры, несколько расширяя их. В других случаях вырывались глубокие колодцы (иногда глубиной до 20 метров), и на их дне делалось расширение, в которое и клали тело или ставили урну; сам колодец после этого заваливали камнями и засыпали землей. Третьим видом могил были прямоугольные ямы размером в человеческое тело. Известны и погребальные камеры, в которые вели специальные наклонные коридоры. Создавались даже целые подземные сооружения, довольно сложные, с различными нишами. Такие гробницы, принадлежавшие

семьям, постоянно пополнялись новыми захоронениями. Но обычно могилы предназначались для одного мертвеца, редко — для двух (по-видимому, мужа и жены). Над могилой финикийцы ставили стелу или памятный камень. А позже для знатных людей они начали строить настоящие мавзолеи. Один такой мавзолей в Африке был двухэтажным, он поднимался на трехступенчатом постаменте, а перед ним располагался алтарь, на котором горело пламя, пожирающее погребальную жертву.

При всем почтении к мертвецам финикийцы боялись их слишком близкого соседства. Поэтому кладбища (некрополи, то есть «города мертвых») располагались в отдалении от городов. Если поселение лежало на берегу реки, то могилы находились на другом берегу, если на холме, то кладбище устраивали на другом холме. А если город стоял на острове, то некрополь занимал соседний остров; если же это было невозможно, то кладбище помещали на другую сторону острова. Существовали и другие варианты. Но в любом случае могилы находились в отдалении от жилищ.

Похоронить мертвеца, соорудить ему могилу считалось святой обязанностью каждого финикийца. И не менее святой обязанностью было снабдить мертвеца всем необходимым в загробной жизни. А растительная душа, которая оставалась в могиле, нуждалась, по мнению финикийцев, во всем том же, что и живой человек, то есть как минимум в пище, питье и свете. Поэтому в могилу обязательно помещались лампа на чаше, оставленная светящейся, два кувшина или две амфоры с едой и два кувшина с питьем. Иногда плоды и пироги, положенные в могилу, изготовлялись из глины. Видимо, на этот случай существовали какие-то магические обряды, которые должны были, по мысли совершавших их, сделать эту пищу съедобной. Кроме самого необходимого в могиле могли оставаться и другие предметы, число, виды и качество которых зависело от имущественного положения, места в обществе, вкусов и верований семьи покойного. В могилу клали также различные амулеты, которые должны были отвратить от мертвеца недоброжелательных демонов. У западных финикийцев при захоронениях часто использовались погребальные маски сравнительно небольшого размера с утрированными, иногда даже карикатурными чертами лица — тоже для отращения злых сил. Магическое значение имели и сосуды из скорлупы страусовых яиц с нарисованными на стенках разными изображениями.

Голова Деметры, сосуд для воскрешения благовоний. III век до н. э. Терракот

Финикийские культы существовали довольно долго. Постепенно под влиянием греков и римлян они видоизменялись. Греческие и римские обряды смешивались с финикийскими и часто вытесняли их. Но когда наступали тяжелые времена, финикийцы вспоминали старые культы. Так, в III в. н. э. во время тяжелого кризиса, потрясшего Римскую империю, жители финикийского Гадеса в Испании снова обратились к старинным и к тому времени запрещенным человеческим жертвоприношениям. И еще в начале V в. н. э. в Африке потомки финикийцев совершали «бесстыдные», с точки зрения христиан, обряды в честь Астарты.

На Востоке финикийцы жили в окружении народов с родственной культурой и очень близкими религиозными представлениями.

Расселившись на Западе, финикийцы оказались в окружении местного населения, которое находилось, как правило, на более низком уровне культурного развития. Поэтому неудивительно то большое влияние, которое оказали на это население финикийцы. Много взяли от финикийцев народы, населявшие Испанию. В их среде распространились некоторые финикийские боги и их культы, которые смешивались с местными; в могилах часто обнаруживаются следы финикийского влияния. Более того, сами могилы порой оборудовались по финикийскому образцу. В них клали амулеты, похожие на финикийские или сделанные финикийцами же, различные финикийские или подражающие им сосуды, изображения богов. В Африке нумидийцы, которые в III-II вв. до н. э. создали могучее царство, восприняли очень многое от финикийской религии. Здесь были широко распространены пришедшие из Карфагена культы Баал–Хаммона и Тиннит, а также греческих Деметры и Керы. Нумидийские цари и вельможи создавали по карфагенскому образцу гробницы и целые мавзолеи. После разрушения Карфагена римлянами те передали нумидийскому царю находившиеся в разрушенном городе библиотеки, в которых явно хранились и священные тексты. Значительным было влияние финикийцев и на жителей Сардинии. Там культ финикийского Циды слился с местным культом Отца Сарды. И даже в III в. н. э. сардинский храм этого бога был построен по финикийскому образцу.

Окончательно финикийские культы и на Востоке и на Западе исчезли только с победой христианства, а затем и ислама.

Повествование о богах, героях и городах

Сирийский культ

Арамейский культ был очень похож на финикийский, что конечно же объясняется близким родством и общим происхождением этих народов. Как и финикийцы, арамеи активно поклонялись священным камням — бетилам. Сами арамеи такие камни и столбы называли словом «кам» (qam) и обожествляли их. Знали они и слово «бетил» (бет–эл). У них, как и у финикийцев, был бог, которого уже много позже именовали Симбетилом, и он каким-то образом был связан с божеством–предком Сайм, образуя вместе с ним и львиным богом (чье сирийское имя неизвестно) триаду. Этот бог, видимо, олицетворял ту божественную силу, которая жила в священном камне. И сама эта божественная сила воспринималась как особое божество, под покровительство которого люди могли ставить своих детей, включая в их имена элемент «кам» или «цур» — скала. Библия

называет предка арамейев Камуилом. Это имя, несомненно, заимствовано из арамейских преданий: недаром библейский текст просто перечисляет детей Нахора (брата Авраама), а упоминая Кемуила, уточняет, что он—отец Арама. Вероятно, Столб Ила олицетворяет самого Ила. Видимо, и другие боги могли воплощаться не только в человеческом или животном образе, но и в виде камней, столбов, скал, гор. Порой такие бетилы могли помещаться в святилища.

В более раннее время арамейские храмы были довольно простыми. Своими размерами и украшениями они уступали царским дворцам, и это, видимо, объяснялось известным консерватизмом, свойственным религиозным представлениям; относительная скромность жилищ богов могла напоминать прежнюю эпоху кочевой догосударственной жизни, в то время как дом царя должен был свидетельствовать о новом времени. Часто это было лишь огороженное пространство, в котором находился бетил. Иногда внутри этого пространства воздвигали небольшое строение, в которое помещали либо бетил, либо статую божества. В северной части Сирии, где еще сильны были хеттские традиции, строились храмы больших размеров, их стены украшали вертикальные плиты с рельефами. Такие плиты называют ортостатами.

При всем своем консерватизме арамейская религия развивалась, и позже стали строить более обширные и более украшенные святилища, вполне сравнимые с храмами других стран и народов. Таким был, например, храм Атаргатис в городе Бамбике, или Священном городе, как его еще называли, в Северной Сирии. В нем почитали не только эту богиню, но также Хадада и Сайм. Но главной богиней там была все же Атаргатис. Этот храм находился на высоком холме в центре города. Священный участок был огорожен высокой оградой, вход в которую был оформлен огромными украшенными воротами высотой несколько менее 18,5 метра, а в них стояли колонны размером около 5,5 метра. Во дворе стоял бронзовый алтарь, украшенный различными мифологическими сценами, а уже дальше находился сам храм. Во дворе перед храмом бродили прирученные жрецами животные, посвященные богам. Если вход в священный участок располагался с севера, то само храмовое здание было обращено к востоку. Храм поднимался на площадке высотой в 3 метра, на которую вела каменная лестница. Вход в храм открывался дверями, покрытыми золотом. И само храмовое помещение, даже его потолок, было украшено золотом.

В храме стояли статуи богов. Хадад восседал на троне, по бокам которого находились быки. Позолоченную статую Атаргатис, украшенную

драгоценными камнями, несли фигуры львов. Между ними находилась статуя Сайм с золотой фигурой голубя на голове. Кроме них слева от входа в храм находился трон солнечного бога Шамаша, хотя самого изображения бога не было; такое положение относительно часто в западносемитских культах (например, пустой трон мог у финикийцев символизировать Астарту). Вероятно, симметрично ему стоял подобный трон бога луны Шаггара. За тремя главными статуями находилась статуя какого-то бородатого бога, которого греческий автор называет Аполлоном. В Пальмире, как мы видели, с Аполлоном сравнивали месопотамского бога Небо. Может быть, и в Бамбике речь шла о нем же. Некоторые ученые думают, однако, что это был Ил. Стояли в храме и статуи некоторых других божеств.

Небольшой вход открывал доступ в отдельное помещение, доступ в которое был зарезервирован только для некоторых жрецов. Это явно была Святая Святых— особое помещение, характерное и для финикийских храмов, и для построенного по их образцу Иерусалимского. Вероятно, статуи в главной части храма, доступ куда был открыт не только для жрецов, но и для всех верующих, служили лишь символами божеств, в то время как в Святая Святых непосредственно обитала сама Атаргатис, и поэтому только те жрецы, которые ее непосредственно обслуживали, и могли туда входить. Важным элементом святилища являлся бассейн, в котором плавали рыбы, посвященные Атаргатис. Несмотря на его глубину, в его центре был воздвигнут большой столб, увенчанный алтарем, так что казалось, что этот алтарь плывет по воде бассейна.

С течением времени роскошь храмов увеличивалась, и их устройство становилось все сложнее. В Дамаске был сооружен самый обширный храм арамейской Сирии. Там высокое ограждение окаймляло обширное пространство, вход в которое украшали две огромные квадратные башни. За этим входом открывался двойной двор, за которым уже поднималось само святилище. В нем стояла статуя не только Хадада, но и Атаргатис, которая, правда, появилась там позже, чем изображение главного бога. Еще пышнее были пальмирские храмы; они многое заимствовали из римской архитектуры, но сохранили при этом основные черты сирийских храмов. Так, храм триады Бела — Йарихбола — Аглибола состоял из обширного двора, окруженного высокой оградой, бассейнов для ритуального омовения и очищения, алтарей и, наконец, самого храмового здания. Вход был украшен восемью колоннами и фланкирован башнями и состоял из трех дверей. Огромный двор был размером 200 на 220 метров. На выступах колонн, идущих вдоль внутренней стороны ограды, стояли

бюсты почетных граждан. Это были «спонсоры» строительства, богатые люди, на чьи средства храм воздвигался. Стены двора и само храмовое здание были украшены различными рельефами, представлявшими различных богов и богинь. Как и в Бамбике, сам храм стоял как бы поперек двора, так что вход в него не соответствовал входу во двор. Храм был разделен на три части, и каждый член триады имел в нем собственное помещение.

Ярким примером сирийских храмов первых веков нашей эры является храмовый комплекс в Баальбеке на пути между Дамаском и Тиром. Он состоит из трех храмов. Большой храм сам представляет собой целый огромный комплекс связанных друг с другом сооружений. Широкая и высокая лестница из 42 ступеней вела к мощным воротам, украшенным 12-колонным портиком, треугольным фронтоном и двумя башнями по бокам, а из ворот через три арочных проема открывался вход в шестиугольный двор. Между воротами и двором располагался высокий порог, разделявший эти два сооружения. Этот порог, как и в древних финикийско-палестинских храмах, отделял священное пространство двора от «светского» окружающего мира. Общий план двора и храма напоминает план Иерусалимского храма, построенного финикийским архитектором. Об этом же говорят две отдельно стоящие колонны и два бассейна. За этим двором тоже через три арки человек проходил в огромный прямоугольный двор размером 88 на 100 метров, в центре которого находились два алтаря: сначала более монументальный, а затем на единой оси с ним менее крупный. Двор был окружен высокой стеной с колоннадой, вдоль продольных стен располагались два бассейна, а недалеко от них стояли две отдельные, ни с чем не связанные колонны. В глубине двора, возвышаясь над ним, поднимался сам храм, также окруженный колоннадой, размером 40 на 90 метров. Общая высота храма достигала 40 метров над уровнем двора. В храме на высоком постаменте стояла статуя бога. Статуя стояла на постаменте, по бокам которого находились два быка, которые ясно говорят, что это был древний Хадад, хотя в то время уже приравненный к греческому Зевсу и римскому Юпитеру. Бог был одет в узкую, еще более сужающуюся книзу одежду, украшенную розетками и бюстами мужских и женских божеств. Голову украшал особый головной убор — калаф в виде слегка расширяющейся кверху корзины, украшенный растительными мотивами. В левой руке, прижатой к телу, он держал сноп колосьев, а правой размахивал бичом.

Статуя бога Беса с головой льва украшала храм обелисков в Библе. XIX-XVIII вв. до н. э.

Малый храм раньше был посвящен, скорее всего, какому-то молодому богу, сравнимому с римским Меркурием. Вероятнее всего, это был Сайм. Этот храм был воздвигнут рядом с Большим храмом строго параллельно последнему. Он тоже достаточно большой — 34 на 66 метров, со всех сторон окружен колоннами, в нем широко использована Ордерная система, его подиум не столь высок, как у Большого храма. Но местные черты ясно видны и в этом сооружении. К ним относятся трехнефная недоступная Святая Святых (греческий адитон), размеры промежутка между колоннами, каменные плиты потолка, украшенные плоским геометрическим орнаментом. Но, пожалуй, самое яркое проявление восточного наследия — это огромный дверной проем размером 12,6 на 6,3 метра с богато орнаментированными боковыми наличниками, ведущий во внутреннее помещение храма. Этот величественный вход, абсолютно не требуемый никакими реальными нуждами, призван был подавить человека и подчеркнуть его ничтожество перед величием божества, как это было обычно в финикийских и других ближневосточных святилищах. Круглый храм стоит несколько особняком и как будто вне общего ансамбля. Он самый поздний и, пожалуй, самый «римский», хотя богиня, там почитаемая, видимо, Атаргатис. Храмовая архитектура Сирии теряет свои оригинальные черты.

Место, на котором стоял храм, было священным. И поэтому переносить храм на другое место было нельзя. Если храм по каким-либо причинам ветшал, его могли отстроить заново, но на том же самом месте. Так, когда в Пальмире старый храм Бела и его триады то ли пришел в

негодность, то ли показался современникам слишком скромным, новый и более пышный был воздвигнут на руинах старого. Святость места распространялась на все, связанное с храмом. В Дамаске за счет храма рядом с ним были построены лавки, и они тоже считались священными, и на них, как и на храм, даже распространялось право убежища. И память о святости места оставалась даже тогда, когда сменялась сама вера. В Дамаске на месте храма Хадада позже был построен собор Святого Иоанна, а после арабского завоевания на месте этого собора была воздвигнута главная мечеть города, известная под названием мечеть Омейядов (от имени арабской правящей династии).

Главной частью служения богам были жертвоприношения. Жертвы могли быть кровавыми и бескровными. В жертву приносились различные животные за исключением свиней, которые считались нечистыми. В жертву могли приносить злаки и уже испеченный хлеб. И все это сжигалось на алтаре. Иногда жертву сжигали целиком, и это называлось всесожжением. А иногда часть жертвенного мяса доставалась самому жертвователю. Если жертвовали воду или вино, то это возлияние совершалось около алтаря. Так что алтарь оказывался главным элементом святилища. В Дамаске, возможно, первое время даже не было храмового здания, а стоял только алтарь. Регулярные жертвоприношения совершались дважды в день. Жертвы Хададу приносили в полном безмолвии, а Атаргатис — под музыку флейт и тимпанов. Как и в Финикии, в Сирии сохранились и человеческие жертвы, когда в жертву богу родители приносили собственных детей. Их за руку проводили в храм, а затем сажали в мешок и сбрасывали с высоты храмовых колонн. Если финикийцы жертвовали богам младенцев, то арамеи — более взрослых детей, которые уже могли сами вместе с родителями идти в храм. Это было самой великой жертвой, какую человек мог принести богу. В Моаве такую жертву Камошу принес царь Меша: когда были исчерпаны все возможности отбить врагов, наследник престола был выведен на стену города и там на виду и у собственных воинов, и у наступающих врагов был убит в честь Камоша и сожжен как жертва; враги, увидев такое жертвоприношение, отступили, и Моав был спасен.

Особой жертвой было приношение юношами первого пушка на их щеках и подбородке, а девушками — пряди своих длинных волос, которые отращивались со дня рождения. Отрезанные или обритые волосы не сжигали, а прятали в серебряный или золотой сосуд, который прикрепляли к стене храма. В храмах Атаргатис практиковалась священная проституция, когда женщины жертвовали богине плодородия свое тело, а

юноши публично оскопляли себя специальными мечами, кружась в исступленном танце под музыку флейт. Такие оскопленные юноши назывались галлами, как это было в культе малоазийской богини Кибелы.

Кроме жертвоприношений, важной частью богослужения были молитвы. Паломник, приходя в храм и желая вознести молитву божеству, выполнял определенные предписания. Так, приходящий в храм Атаргатис в Бамбике предварительно сбривал все волосы на голове, включая брови, и только потом входил в храмовой двор. Принеся в жертву овцу, он становился на колени на разостланной шкуре только что пожертвованного животного и молился богам, обещая в следующий раз принести более обильную жертву. Два раза в год на одну из колонн, стоявших в воротах храма, взбирался с помощью веревки человек и оттуда в течение семи дней без сна молился богам, выпрашивая у них благополучие для всей страны. Считалось, что на такой высоте молящийся находился ближе к богам, и те могли лучше слышать его молитвы. Мольбами о стране он не ограничивался. Привлеченные этим действием люди приносили к подножию колонны золото, серебро, медь, и находившийся наверху молился и за них, чьи имена сообщал ему стоявший внизу специальный жрец. При жертвоприношениях, при молитвах и других культовых действиях широко применялись различные благовония, особенно миро, так что приятные запахи разносились довольно далеко от самого храма.

Существенной частью богослужений являлись различные праздники. В храме Бела (точнее, триады, им возглавляемой) в Пальмире торжественно отмечалась дата освящения храма, которая совпадала с новым годом, отмечаемым весной. В начале весны справлялся и главный праздник храма Атаргатис в Бамбике. На него собирались паломники из различных мест не только Сирии, но и других стран. В этот день во дворе храма наваливали огромную кучу срубленных больших деревьев, на которых вешали живыми принесенных в жертву животных, и в эту кучу помещали птиц, одежду, различные золотые и серебряные изделия, а затем все это поджигали. Пока огромный костер пылал, вокруг него обносили различные культовые предметы, в том числе изображения богов. Другое празднество совершалось у ритуального бассейна в храмовом дворе. В этот день статую Атаргатис выносили из храма и приносили к берегу бассейна, чтобы богиня полюбовалась на посвященных ей рыб. Затем на берег приносили статую Хадада, но ставили ее так, чтобы изображение Атаргатис заслоняло от этой статуи вид на бассейн. Считалось, что богиня умоляет своего супруга не смотреть на рыб, которые в противном случае все погибнут, а затем и просит его вовсе удалиться в храм. Статуи

обмывали священной водой. После этого статую Хадада уносили обратно, а через некоторое время за ней следовала и статуя богини. Вода вообще играла большую роль в культе Атаргатис. И в один из праздников в честь этой богини торжественное шествие отправлялось к морю. Во главе процессии несли, однако, изображение не Атаргатис, а Сайм. Там участники шествия набирали воду, а сосуды с водой запечатывали воском. Вернувшись в храм, они относили эти сосуды к специальному жрецу, живущему около бассейна. Возможно, это был один из оскотивших себя галлов. Тот принимал сосуды, проверял печати и вскрывал их, за что получал особую плату. Затем он возвращал сосуды их хозяевам, которые относили их в храм, где совершали возлияния и жертвоприношения. Во время праздников, которые совершались в храмовом дворе, музыканты играли на флейтах и тимпанах, певцы распевали священные гимны в честь богов, танцовщики кружились в ритуальном танце. Иногда и собравшиеся здесь зрители приходили в экстаз и тоже пускались в священную пляску.

Боги могли предвещать будущее. Такой оракул имелся и в храме Атаргатис. Статую божества снимали с ее трона и торжественно выносили во двор, где уже собирались верующие. Верховный жрец задавал богу вопросы, а тот качался либо назад, если хотел ответить отрицательно, или вперед, когда соглашался с вопрошающим. Кроме таких церемоний, проходивших по мере накопления вопросов, оракулы давались и по инициативе самого божества (явно его жрецов) раз в год на целый предстоящий год и также на отдельные времена года. Своим оракулом славился храм Хадада (Юпитера) в Баальбеке.

Храмы были довольно богатыми, особенно те, что пользовались большой известностью. Так, в храм Атаргатис в Бамбике стекались люди не только из Сирии, но и со средиземноморского побережья, из Месопотамии, Малой Азии и Аравии. Все они по мере собственных средств приносили в храм различные дары, в том числе дорогую одежду, разные драгоценные предметы и деньги. Кроме того, храмы получали «первинки», то есть первые плоды каждого нового урожая, а также серебро (а иногда лишь медь), видимо, как часть доходов какого-либо лица или государства. Дамасскому храму явно приносили доход построенные им лавки. Все скапливалось в специальных хранилищах, доступ в которые был разрешен лишь особо доверенным лицам.

Коллектив храма состоял прежде всего из жрецов и был довольно многочисленным, достигая нескольких сот человек. Жрецы носили белые одежды и высокие войлочные колпаки, и такой наряд сохранялся в сирийском обществе в течение многих веков. Во главе этого коллектива

стоял верховный жрец, избираемый из числа жрецов сроком на один год. Вместо белой одежды он носил пурпурную, а вместе войлочного колпака — золотую тиару. Жрецы занимали довольно высокое место в общественной иерархии Сирии. По крайней мере, некоторые из них находились на уровне высших чиновников государства. Впрочем, по тем или иным причинам и сами жрецы могли занимать высокие должности в царской администрации. Между жрецами храма были распределены их обязанности. Одни жрецы совершали жертвоприношения, другие — возлияния, третьи прислуживали при алтаре, четвертые должны были носить священный огонь и т. д. В некоторых культах, как, например, в культе Атаргатис, существовали особые странствующие жрецы, которые ходили по городам и весям, распространяли почитание своей богини и, что было особенно важным, собирали пожертвования для храма. Кроме жрецов, в храмовой коллектив входили служители более низкого ранга, а также музыканты, певцы и певицы, оскпившие себя галлы, женщины, посвятившие себя божеству и на этой почве сошедшие с ума, и их особо почитали, ибо казалось, что, отказавшись от земного разума, они оказываются ближе к богам. При храмах имелись храмовые проститутки, то есть женщины, которые жертвовали богине свое тело, и они тоже весьма почитались.

Как уже говорилось, боги пророчили будущее, и их волю толковали жрецы. Но существовали и пророки, для которых возвешение людям божественной воли являлось главным содержанием деятельности. Существовало несколько групп пророков. Были так называемые провидцы, через которых тот или иной бог говорил непосредственно с человеком, особенно с царем, и возвещал ему свою волю или обещал свершение того или иного дела; так, через провидца бог обещал (и, естественно, сдерживал обещание) сделать этого человека царем. Существовали люди, которые принимали божественное послание, но само это послание передавалось людям уже другим человеком. Порой, однако, и тем и другим занималось одно и то же лицо. Впрочем, наши знания еще очень малы, чтобы точно определить функции того или иного участника пророческих действий.

Большое значение имел культ предков. Умершие предки уходили в царство богов. Их души участвовали в пирах, которые устраивали в потустороннем мире Хадад и Шувала. Правда, точно не известно, души ли всех людей удостоивались такой чести или только души царей либо других членов правящей элиты, включая жрецов. Но возможно, что и души простых смертных тоже каким-то образом возносились в царство богов. И

самым страшным проклятием звучало; «Пусть мой господин Хадад не примет его хлеб и его воду из его рук; пусть Шувала, моя госпожа, не примет его хлеб и его воду из его рук». Видимо, в потустороннем мире люди все-таки оказывались лишь слугами богов. А чтобы они могли предложить богам хлеб и воду, это все помещалось в могилу. Более приниженное по сравнению с богами положение людей не мешало их причастности к божественному миру, а значит, они могли тем или иным образом воздействовать на мир живых. Поэтому умерших предков всячески почитали, им поклонялись. Свое имя каждый род получал по имени своего предка (неважно, реального или чисто мифического). А некоторые знатные роды стремились возвести свое происхождение непосредственно к богам. И своих детей члены таких родов называли, например, Аммиастар («мой предок Астар») или Астарамму («Астар — мой предок»), или Аммибаал («мой предок Баал», подразумевался при этом, скорее всего, Хадад).

Поэтому заупокойный культ играл в жизни сирийцев огромную роль. Создание гробницы и забота о ней были чрезвычайно важной обязанностью оставшихся в живых. После захоронения устраивался погребальный пир, и считалось, что только что ушедший в иной мир покойник незримо участвует в этом пире, а сам пир являлся земным отражением того небесного, в котором теперь участвует душа умершего. Но при захоронении равенства между людьми не было. Знатные покойники, особенно члены царского рода и высшего жречества, подвергались кремации, то есть их тела сжигались. Тела простых людей клались в могилу без сожжения. Тела некоторых знатных людей могли хорониться непосредственно под частью дворца, в то время как остальные погребались отдельно от домов живых. Такие могилы чаще всего располагались за пределами городов и поселений, но порой могли находиться и внутри города. Иногда сооружались гробницы для только что умершего человека, но чаще потомки стремились поместить тело или прах в уже существующую гробницу, чтобы разные поколения одного рода или одной семьи могли воссоединиться в загробном мире.

Сами могилы могли быть и подземными и надземными. Так, гробница нескольких знатных женщин, цариц или верховных жриц, представляла собой глубокую шахту, на дне которой находилась погребальная камера; в эту камеру ставили урны с прахом и предметы, сопровождавшие мертвецов в загробный мир. Сверху эта шахта тщательно закрывалась, и над ней ставилась статуя в виде сидящей женской фигуры. Возможно, это было символическое изображение знатных покойниц или фигура богини,

например Шувалы. Надземная гробница строилась из кирпича; она могла состоять из вестибюля и одной или нескольких погребальных камер. Все это перекрывалось особым сводом. Такие гробницы служили не только местом памяти умерших предков, но и являлись священными: там совершался культ в честь этих предков. На могиле часто ставилась статуя в виде стоящей или сидящей фигуры, которая символизировала либо предка, либо божество.

Особым способом хоронились оскотившие себя галлы. В их похоронах участвовали только их же сотоварищи. Покойника на носилках уносили за город и там оставляли. Затем сопровождавшие тело забрасывали его камнями. Никакого пира при этом не устраивали. Вернувшиеся галлы должны были в течение семи дней не входить в святилище, ибо это было бы нечестием, а родственники соблюдали это запрещение тридцать дней, да и после этого вход в храм был им разрешен только после обривания головы в знак глубокого траура.

Через много веков Пальмира испытала довольно сильное греческое и римское влияние. Но культы, в том числе и погребальные, остались в основе своей теми же самыми. Могила оставалась местом не только погребения, но и поклонения умершим предкам. Тело покойника, особенно знатного, помещали на верблюда и везли из города живых в город мертвых — некрополь. Вместе с ним везли различные священные предметы и жертвоприношения. Процессию сопровождали плакальщицы, закутанные с головы до ног, которые воспевали заслуги умершего и оплакивали его уход из этого мира. Важным элементом погребального обряда, как и раньше, являлся поминальный пир. В нем участвовали все члены семьи покойника, и считалось, что он сам тоже незримо принимает в нем участие. Для него ставилось специальное ложе, на котором только что ушедшая в иной мир душа возлежала. Живые же люди скромно сидели на специальных табуретах.

Женский бюст. Терракот. Ибица

В Пальмире гробницы тоже могли быть и подземными и надземными. Последние представляли собой высокие, слегка сужающиеся кверху башни, некоторые из них достигали 20 метров. Строились они уже не из кирпича, а из песчаника, обработанного в виде мощных квадр. Они довольно скромно украшались снаружи, ибо самым главным было внутреннее помещение. Сами башни были многоэтажными. Собственно гробница находилась на нижнем этаже. Там в специальных нишах располагались саркофаги с мумифицированными телами мертвецов, так что эти гробницы также были семейными или родовыми. Ниши закрывались плитами с рельефными портретами захороненных. На верхних этажах находилось святилище культа предков. Подземные могилы

вырубались в скалистом грунте. Вниз вела специальная лестница, в конце которой ставилась каменная дверь. За дверью устраивался коридор, который вел непосредственно к погребальным камерам, где в нишах, как и в надземных гробницах, находились останки. Камеры и коридор пышно украшались, и позже стены даже стали расписываться фресками. Украшения могил не уступали украшениям дворцов и других жилищ живых людей. И сами саркофаги порой довольно пышно украшались. Излюбленным мотивом был погребальный пир. Особенно тщательно украшались захоронения основателей данной гробницы, в то время как погребения его потомков были уже более скромными. Видимо, основатель особенно почитался как предок данной семьи.

Культы Сирии развивались с ходом времени, практически мало изменяя своей сути. Радикальное изменение произошло тогда, когда сюда пришло христианство. Сирия относительно быстро христианизировалась, но все-таки некоторые культы еще долго сопротивлялись новой религии. А их остатки сохранились до сих пор в виде различных суеверных преданий и обрядов нынешнего населения этого региона.

notes

Примечания

На определенном, относительно высоком уровне своего развития религиозные представления разных народов переживают стадию многобожия, когда мир мыслится управляемым совокупностью обладающих сверхъестественной силой личностей — богов, каждый из которых проявляет свою силу в уделенной ему сфере бытия. Соответственно боги и их деяния становятся главными предметами мифов. Совершенно естественно поэтому начинать рассмотрение угаритских и финикийских мифов и легенд именно с краткого обзора угаритского и финикийского пантеонов, т. е. всей совокупности богов, которым носители этих мифов поклонялись. Разумеется, подробно остановиться на всех проблемах, связанных с историей аморейской (в данном случае — угаритской как ветви аморейской) и финикийской религий, здесь невозможно. Отметим лишь, что сам характер источников, до нас дошедших, и их фрагментарность не позволяют до конца постичь религию этих народов. К тому же нам, людям XX в., воспитанным в совершенно других условиях, бывает довольно трудно проникнуть в мышление народов древности, отраженное в их религии. Поэтому многое из сказанного остается на уровне гипотез, более или менее достоверных.

Понятия «семиты» и «западные семиты» в значительной степени условные. Речь идет о народах, говоривших на семитских языках, а в данном случае на языках, относящихся к их западной, или, как ее еще называют, северо-западной, ветви. Конечно, такие понятия, как этнос (народ, нация), язык и раса, отражают разные стороны человеческого бытия и далеко не всегда совпадают друг с другом. Но, с другой стороны, определенная связь между народом и его языком все же существует. Если же говорить о религии и мифологии, то в данном случае в них отразились особенности мышления народов, говоривших именно на семитских языках. Кроме того, поскольку некогда либо все эти народы произошли от одного, общего этноса, либо их предки жили очень близко друг от друга, они обладали общей культурой, в том числе общими религиозными представлениями. В то же время, это было столь давно, что в мифологии общее достояние сохранилось довольно мало (хотя его следы и существуют в некоторых культах и в рассказах о некоторых божествах). Семиты, или, точнее, народы — носители семитских языков, жили в Передней Азии, вероятно, с VI — V тысячелетий до н. э. Часть их, амореи и ханаанеи, в III тысячелетии до н. э. обитали на территории Сирии и Палестины. Многие аморейские племена оставались кочевыми и все ближе подходили к Месопотамии, чтобы в конце концов обрушиться на эту страну. Захватившие ряд месопотамских городов амореи скоро восприняли местную культуру и местный язык, тем более что он тоже был семитским. Они полностью или, во всяком случае, в огромной степени утратили свои прежние культуру и язык, зато дали некоторым месопотамским городам свои династии. Другие амореи разрушили существовавшие ранее в Сирии города-государства и создали там свои, причем значительная часть сирийских амореев оставалась кочевниками. Еще одна группа амореев поселилась на берегу Средиземного моря. Среди них были те, которые заняли уже ранее существовавший Угарит, превратив его в аморейский город. Ханаанеи, осевшие в Палестине и юго-западной части Сирии, создали преимущественно различные города-государства. Поскольку ханаанеи и амореи были очень близки друг к другу, обладая в значительной степени общей культурой, принято говорить о существовании аморейско-ханаанейского культурного круга. Позже большую часть Сирии занял другой семитский народ — арамеи, которые

практически полностью вытеснили амореев. К этому времени погиб Угарит. Так что аморейская культура, включая религию и мифологию, в значительной степени ушла в прошлое. Арамеи вытеснили из Сирии и часть ханаанеев. Приблизительно в то же время другие ханаанеи были частично уничтожены, частично поглощены, частично вытеснены еще одним семитским народом (когда-то входившим в состав аморейской этнической общности) — евреями. Так что в I тысячелетии до н. э. и в начале I тысячелетия н. э. только финикийцы, включая тех финикийцев, которые в результате колонизации поселились на берегах Африки и Европы, представляли собой остаток аморейско–ханаанейского культурного круга.

Наличие общих религиозных и мифологических представлений древнейших евреев и народов аморейско–ханаанейского культурного круга объясняется как общим происхождением, так и тем влиянием, которое оказали на поселившихся в Палестине евреев ханаанеи этой страны. Еврейская религия того времени имела много общего с религиями и финикийцев и арамейев. Но уже в то время в ней особенно выделялся Йахве, который считался главным покровителем израильских племен, а затем и созданного в Палестине еврейского царства. В первой половине IX в. до н. э. _ в еврейском обществе началось движение за признание Йахве не только верховным богом евреев, но и вообще единственным истинным богом, т. е. борьба за утверждение единобожия, монотеизма. Окончательно еврейский монотеизм утвердился позже. И со времени его утверждения говорить об общности религиозных представлений евреев и финикийцев уже не приходится. Пути религиозного развития этих относительно родственных народов решительно разошлись. Одновременно произошла и своеобразная «чистка» еврейской мифологии. Тем не менее в Библии находят следы прежних религиозных и мифологических представлений, что помогает глубже разобраться в этих последних. А с другой стороны, знание некоторых финикийских и угаритских представлений позволяет лучше понять те или иные библейские установления. Поэтому неудивительно, что работа по сравнительному изучению двух религиозных систем, аморейско–ханаанейской и библейской, ведется весьма активно. Особенно она усилилась после открытия угаритских текстов.

Вероятно, между понятиями «эл», «баал», баалат», «адон», адонай» все же существовала определенная разница. Под словом «эл», т. е. «бог», по-видимому, понималось то высшее существо, власть которого носила космический характер. Баал и баалат — «владыка», «владычица» были теми властителями, чья сфера власти была более ограничена; они властвовали не над космосом, а над землею, а зачастую над конкретной человеческой общностью — народом, городом, той или иной отраслью занятий и т. д. «Адон» или «адонай» означали, скорее всего, лишь обращение к тому или иному божеству или его эпитет.

Култ умирающих и воскресающих божеств был очень широко распространен в древних религиях. В первую очередь это были божества, связанные с земледелием. Таков, например, вавилонский Таммуз (шумерский Думузи). В Греции умершим и воскресшим богом выступал Дионис, бог виноградарства. В подземный мир уходила и возвращалась Персефона–Кора, дочь богини пашенного земледелия Деметры. Появление таких божеств явно связано с переходом к земледелию, ибо в своей «биографии» они повторяли аграрный цикл — смерть семени и возрождение из него растения. Но едва ли только этим можно ограничиваться. Вероятно, уже довольно рано смерть и воскресение такого божества связывались с проблемой жизни и смерти вообще. Тема ухода в иной мир, инобытия всегда занимала людей, и в образной форме если не решение, то подход к решению возникающих здесь вопросов выразился в сказаниях об умирающих и воскресающих божествах.

Роль, которую играла в воскресении именно богиня любви, не случайна. Необходимо подчеркнуть, что первоначально всякая богиня любви была в особенности богиней плодородия, так что ее связь с аграрным божеством вполне понятна. Однако есть и другая сторона: любовь является первопричиной появления на свет нового существа и в животном и в человеческом мире, поэтому естественна мысль, что богиня любви может способствовать не только рождению нового человека или божества, но и воскресению умершего.

В угаритском и финикийском обществах как в обществах оседлых сельское хозяйство, преимущественно земледелие, играло важнейшую роль, по крайней мере на более ранних этапах их развития. Хотя ремесло и торговля постепенно занимали в их экономике все более важное место, а в Финикии торговля стала, по-видимому, даже ведущей отраслью, все же роль земледелия оставалась значительной. К тому же надо иметь в виду, что религиозно-мифологические представления, будучи весьма консервативными по своей природе, отражают обычно не современную, а предыдущую стадию общественно-хозяйственной и политической эволюции. Поэтому неудивительно, что наиболее почитаемым становится аграрное по своей первоначальной природе божество.

Почитание «высот» получило очень широкое распространение у многих народов. Можно вспомнить, с каким почтением относятся японцы, не имевшие никаких связей с древней Передней Азией, к горе Фудзияма. У западных семитов культ гор занимал значительное место. Следы этого почитания отразились, например, в еврейской религии. Так, значением святынь были наделены горы Синай, на которой Моисею были даны скрижали Завета, и Сион, ставший иудейским религиозным центром. В Библии многократно рассказывается, как праведники, в том числе праведные цари, решительно борются против «высот». Такую борьбу вел иудейский царь Иосия, с именем которого связана чрезвычайно важная религиозная реформа, во многом заложившая основы еврейского монотеизма. Это упорство в борьбе объясняется конечно же тем, что культ гор и других «высот» был чрезвычайно распространен в древней Палестине, и его искоренение оказалось делом очень непростым.

Исида и Хатхор были очень близкими богинями. Финикийцы могли вообще рассматривать их имена как два имени одной и той же богини. Следы почитания этих богинь отмечаются в Библие уже в III тысячелетии до н. э., с самого начала существования его именно как города и установления связей с Египтом. Сперва это была именно Хатхор, которую особенно почитали жители Библы. Да и сами египтяне в III-II тысячелетиях до н. э. порой называли Хатхор «госпожой Библы». Позже большее значение приобретает культ Исиды. Если культ Хатхор был по преимуществу библиским, то культ Исиды становится общефиникийским. Ей поклоняются и финикийские колонисты в Центральном и Западном Средиземноморье.

В угаритском списке божеств в качестве самостоятельного персонажа упоминается «собрание богов»; следовательно, такое собрание являлось самостоятельным объектом культа. Собрание богов могло быть даже адресатом специальной жертвы, когда не только отдельным богам, но и всему собранию приносили в жертву барана. И позже, в надписях, оставленных финикийцами, в качестве объекта религиозного поклонения выступают не только отдельные боги, но и их собрание — например, «святые боги Библа». В одном из библейских псалмов (82; в русском издании — 81) упоминается сонм богов, среди которого Бог произносит свой суд; это явно остаток старого представления о коллективе божеств. В угаритских мифах часто встречается описание пиршеств богов, когда все они выступают как единый коллектив.

Во всяком случае, в договоре, заключенном карфагенским полководцем Ганнибалом и македонским царем Филиппом V в 215 г. до н. э., карфагенские божества, которые, как мыслилось, должны были с карфагенской стороны хранить нерушимость этого договора, явно объединены по трое; Зевс, Гера и Аполлон; божество карфагенян, Геракл и Иолай; Арес, Тритон и Посейдон; соратствующие боги солнца, луны и земли; реки, гавани и воды; и затем уже, чтобы не перечислять остальных, — все божества, которые властвуют над Карфагеном. Поскольку этот договор передан греческим историком Полибием, имена богов, кроме божества (точнее, демона) карфагенян, даны в греческом переводе. В договоре ассирийского царя Асархаддона с тирским царем Баалом в VII в. до н. э. гарантами договора с тирской стороны тоже выступают несколько божеств, и первые три явно объединены в триаду: Баал–Шамим, Баал–Малаге и Баал–Цафон; кроме них названы еще три божества — Мелькарт, Эшмун и, несколько отдельно от них, Астарта, но, видимо, и они воспринимаются как следующая триада после первых. По всей вероятности, попытки подобных объединений делались в Финикии довольно рано. То, что основу таких объединений составляют именно триицы богов (хотя некоторые исследователи настаивают на двоице), объясняется, скорее всего, перенесением на божественный мир представлений о минимальном количестве членов семьи — мать, отец, ребенок. Как кажется, именно такая схема существовала в ряде финикийских городов. Попытки создания подобных триад делались, вероятно, еще в Угарите. Такую триицу составляют дочери бога Балу, связанные с плодородием.

В Угарите найдено несколько таких списков, причем в них даны как угаритские, так и месопотамские имена божеств. Известен и список хурритских божеств, почитаемых в Угарите.

Подобное «священное писание» хранилось в храме и, по-видимому, читалось публично во время различных праздников и связанных с ними церемоний. Многие мифологические тексты Угарита, найденные археологами, и представляли собой такое «священное писание».

Такие пиры и были главным проявлением активности богов в качестве коллектива. На них могли также решаться различные вопросы, ибо в древности или раннем средневековье подобные пиры вообще являлись своеобразной формой совета государя со своими приближенными. К такому коллективу, как мы увидим позже, обращался, например, бог Йамму с требованием признать его, Йамму, царем всего божественного мира.

Имя Илу имеет корень, который обозначает понятие «бог» почти во всех семитских языках. Это имя, произносимое как Эл, обозначает Бога в Библии. Превращение такого нарицательного существительного в собственное имя верховного угаритского бога говорит о том, что его культ очень ранний и, возможно, относился к самому древнему слою религии, когда предки угаритян еще были членами общесемитской общности. Разумеется, культ Илу со временем развивался, и образ этого бога, каким он рисуется в угаритских текстах II тысячелетия до н. э., очень удалился от того, каким он был в восприятии общесемитских предков.

В дошедших до нас угаритских мифах нет сказания о сотворении вселенной и человека. Это не означает, что угаритяне не интересовались подобными вопросами. Человек всегда хотел знать, как возникли мир и сам человеческий род, а потому соответствующие мифы присутствуют и часто занимают очень важное место в мифологии любого народа. Скорее всего, подобные мифы существовали и в Угарите, несмотря на то что тексты, их излагающие, пока не найдены. На существование мифов намекает эпитет Илу — Творец творения, что подразумевает сотворение им вселенной. Исследователи отмечают, что этот эпитет связан с глаголом «строить» или «рождать». Так что вселенная понималась либо как мироздание, построенное верховным богом, либо как его порождение. И. Ш. Шифман отмечает, что до появления новых данных сделать выбор между этими двумя возможностями нельзя. Но в любом случае создание вселенной рассматривалось как творческий акт Илу, как результат приложения им определенных усилий.

Для людей всегда характерно сознательное или подсознательное перенесение на окружающий мир особенностей собственного человеческого бытия. И мир этот они воспринимали как нечто подобное человеческой семье. Поэтому и боги, управляющие им, считались божественной семьей, происходящей от общего предка. Таким предком, естественно, был в их представлении верховный бог, каким и выступал в Угарите Илу.

Илу — не баал, т. е. «владыка», а именно илу, эл, т. е. «бог». Поэтому он выступает как покровитель не только царей Угарита, но и царей вообще, всякий царь — его «слуга» и «сын», и всякое царство — «дар Илу». И в угаритском сказании о Карату так обозначается не только царство этого героя, но и владения его противника и будущего тестя Пабелли — страна Удумми.

Попытки поместить резиденцию Илу в каком-либо конкретном земном месте недалеко от Угарита едва ли правомерны. В Библии говорится, что Эдем, место пребывания первых людей, находился там, откуда вытекает река, далее разделяющаяся на четыре потока; один из них обтекает Хавилу, дающую золото, что, вероятнее всего, соответствует Южной Аравии, другой — Куш, т. е. Африку южнее Египта, третий и четвертый имеют вполне исторические названия Тигр и Евфрат, и эти реки орошают Месопотамию. Таким образом, перед нами водный поток, омывающий весь известный тогда мир, т. е., по существу, океан (можно в связи с этим вспомнить, что и греки воспринимали океан как реку, омывающую землю). Что касается двух океанов, в середине которых обитает Илу, то и финикийцы представляли свою вселенную как расположенную между двумя океанами. И в Библии творение мира описывалось как разделение первобытных вод, после чего и явились небо, земля и собственно вода (море). В Угарите Илу порой отождествлялся с месопотамским богом, которого семитоязычные жители Месопотамии называли Эа, а шумеры — Энки. Этот бог тоже был связан с водной стихией, но не с морем, а с благодетельными реками Месопотамии — Тигром и Евфратом.

Качества Илу — способность быть гарантом мирового и общественного порядка, щедрость, мудрость, милостивость — это качества идеального монарха. Именно таковым и предстает Илу как глава космического царства богов и всего человечества.

Перенося на мир богов закономерности человеческой жизни, угаритяне придали и своему старому богу не только положительные качества мудрой старости, но и недостатки, свойственные этому периоду человеческой жизни. Мир богов и мир людей в представлении жителей Угарита, как и многих других стран и городов древности, не были отделены друг от друга непреодолимой стеной, и боги наделялись достоинствами и недостатками обычных людей, хотя и в размерах, превышающих человеческие.

То, что Илу был Господином годов — это гипотеза, хотя и наиболее вероятная. Некоторые исследователи дают другое толкование этому эпитету Илу. Одни полагают, что выражение *'b.snm* означает «отец смертных», другие — «отец возвышенных», т. е. богов, третьи — «отец благополучия». Иногда даже думают, что в данном случае Илу выступает отцом бога Шунаму. Но этот бог не появляется ни в мифологических, ни в ритуальных, ни в магических, ни в каких-либо других угаритских текстах. Конечно, никто не исключает полностью возможность находки текста с упоминанием такого бога. И все же толкование «отец (господин) годов» на нынешнем уровне наших знаний представляется наиболее приемлемым.

Тщательные исследования на основе изучения сравнительного материала показали, что в кочевых обществах существовал культ «бога отца», причем под отцом подразумевался конкретный отец данного человека. Поскольку культ воспринимался и дальнейшими потомками «отца», он становился семейным или родовым. С утверждением определенного рода в качестве главы данного общества семейный культ превращался в династический. Если принять эту гипотезу, угаритский Бог отцовский и оказывался богом угаритского царского дома. Но это не единственное возможное объяснение.

Уже говорилось о стремлении людей перенести на мир богов закономерности человеческой жизни. Принимая развитие окружающего мира, люди понимали это развитие как смену различных поколений богов. Тема борьбы богов была широко распространена в самых разных религиях, не связанных друг с другом. Как мы увидим позже, она была свойственна и финикийской религии. Поэтому предположение, что Бог отцовский был свергнут Илу и в результате потерял власть, в принципе не лишено оснований.

Возможно, что в угаритской религии, как и в религии финикийской, официальное положение того или иного божества и его действительное почитание могут не совпадать. В I тысячелетии до н. э. такое случилось с Илу–Элом. Во II тысячелетии до н. э. это могло относиться к положению Бога отцовского.

Асирату недаром носит второе имя — Илату. Как и ее супруг Илу, она является верховной богиней по преимуществу. Это ее второе имя показывает, что она тоже очень древняя богиня и ее культ возник во времена общесемитской общности. У других семитов, арабов, в древности существовала богиня Алилат (правильнее аль-Илат), т. е. тоже просто «богиня». По мнению И. Ш. Шифмана, она аналогична Асирату-Илату. С другой стороны, «отец истории» Геродот отождествляет Алилат с греческой Афродитой Уранией, т. е. «небесной». Если Алилат действительно аналогична Асирату, то и между этой богиней и Афродитой Уранией тоже существовало какое-то сходство, тем более что Афродита вообще имела восточное происхождение. Считалось, что Афродита Урания как небесная богиня покровительствует морякам и способствует удачному плаванию, обеспечивая благоприятный ветер и чистое небо. Но главное, по своей первоначальной сущности Афродита была богиней плодородия, что и позволило грекам отождествлять ее с такими восточными богинями, как Астарта, Иштар, Хатхор. Видимо, эти качества были свойственны и Асирату. Она явно входила в круг богинь, прежде всего связанных с плодородием, богинь-матерей.

Возможно, и в этом случае наблюдается некоторое сходство между Асирату и Афродитой Уранией. Но пока неизвестно, отводилась ли Асирату вообще какая-либо роль в мореплавании.

Такое предположение все же не представляется верным. В известных нам угаритских мифах Асирату часто выступает как противница Балу, т. е. бога, как будто наиболее почитаемого в Угарите. В сказании о Карату Асирату именуется тирской и сидонской богиней (Асирату тирийцев, Илату сидонян). Из этого вытекает, что во время составления данного сказания, а именно в первой половине II тысячелетия до н. э., центрами почитания Асирату были именно Тир и Сидон, а не Угарит.

Эпитет Дева носила богиня Анату, о которой речь пойдет позже. На этом основании некоторые исследователи выдвинули предположение, что Рахмайу — другое имя Анату и, следовательно, именно Анату была второй супругой Илу. Однако в некоторых угаритских текстах ясно говорится, что Анату — дочь, а не жена Илу, так что она относится ко второму поколению богов, в то время как Рахмайу — явно к первому. Порой Рахмайу идентифицируют с Асирату, считая, что их имена принадлежат не двум разным богиням, а одной. Но в тексте о рождении Шахару и Шалиму эти две богини выступают самостоятельно. Так что надо признать Рахмайу самостоятельной богиней. А само по себе «двоеженство» Илу совершенно неудивительно. В мифах различных народов боги, особенно наиболее важные, имеют не одну жену. К тому же на Ближнем Востоке существование нескольких жен у знатного человека, а тем более царя (а Илу был царем богов и людей) вообще не считалось чем-то необычным.

К сожалению, никаких мифов, в которых Рахмайу играла бы значительную роль, не сохранилось, кроме рассказа о рождении богов Шахару и Шалиму. Да еще в сказании о Карату она упоминается среди богов, пришедших к этому герою на пир по случаю его свадьбы, где она вместе с другими собравшимися богами благословляет новобрачных. В этом же сказании Асирату выступает врагом Карату, так как он не принес ей обещанной жертвы; Рахмайу же вместе с другими оказывается покровительницей этого героя. Кстати, думается, это еще раз подтверждает самостоятельность фигуры Рахмайу. Отсутствие же этой богини в других мифологических текстах с более ясным контекстом и в известных нам ритуальных текстах не позволяет точнее определить функции Рахмайу. Однако очевидно, что она, как и Асирату, относится к богиням–родительницам, первоначально почитавшимся как богини плодородия. Наличие двух богинь с очень близкими «обязанностями» может объясняться и историей становления угаритского общества. Вероятно, в его основе лежали две аморейские племенные общности — Дитану, к которой принадлежал Карату, и Харнаму. Может быть, каждая из них принесла в угаритский пантеон свою богиню–мать, что и привело к удвоению этой божественной фигуры.

Охота — одно из древнейших занятий человечества, и оно, естественно, требовало наличия своего божественного покровителя. У семитов Южной Аравии охота в ряде случаев приобретала священный характер. Особое значение охота на диких зверей, прежде всего таких опасных, как лев, имела у ассирийских царей. Эта, как принято говорить, сакрализация (от латинского слова *sacer* — «священный») могла, скорее всего, восходить к временам существования общесемитской общности. Тогда Рахмайу оказывается, как и Илу и Асирату, очень древним божеством, чей культ возник задолго до появления амореев в Сирии. Отметим, несколько предвосхищая дальнейшее, что и для более молодых богов, таких, как Балу и Анату, охота тоже была очень важна.

После открытия текста с рассказом о рождении Шахару и Шалиму была выдвинута гипотеза, что это — два имени одного бога. Параллели такого двойного именованья в угаритских мифах имеются. Однако внимательное изучение этого текста и то, что в списке богов и в нескольких ритуальных текстах Шалиму упоминается отдельно, позволило ученым утверждать, что это два самостоятельных бога, хотя обычно они и упоминаются вместе.

Илу был верховным богом по преимуществу, в то время как его потомки, включая Балу, который не был его родным сыном, являлись «владыками». Поэтому именно им и было передано конкретное управление отдельными местностями или сферами человеческой деятельности. Положение Илу схоже с положением египетского фараона или хеттского царя по отношению к их сиро-финикийским владениям: фараон или царь Хатти являлись верховными государями, и местные царьки полностью им подчинялись. Но в то же время непосредственно в дела Угарита, Тира или какого-либо другого города-государства этого региона они не вмешивались, передав конкретное управление ими местным царям. В какой-то степени это напоминало взаимоотношения сеньоров и вассалов внутри западноевропейской феодальной системы. В случае необходимости верховный государь Хатти и Египта мог вмешиваться в дела своих «вассалов». Так, хеттский царь Тудхалия IV в качестве последней инстанции решает спор между угаритским царем Аммистамру II и его женой Бит-Рабити. Царьки финикийского побережья, подчиненные Египту, в момент опасности или споров друг с другом вызывают о помощи к фараону. Илу тоже можно рассматривать как «сеньора», а более молодых богов — как «вассалов» в системе божеств Угарита.

Такое толкование в настоящее время стало общепринятым, хотя в первое время после открытия угаритских текстов существовали и другие, а именно, что Йамму — бог дня или бог солнца.

Слово «судья» довольно рано приобрело значение главы или представителя политической власти. В таком значении оно встречается уже в III-II тысячелетиях до н. э. в месопотамском царстве Мари и северосирийском городе-государстве Эбла. У евреев до возникновения их царства такие судьи возглавляли племенной союз Израиль во время его войн с различными соперниками за обладание Палестиной. Библейский материал показывает, что «судья», хотя и обладал довольно значительными полномочиями и бывал даже пожизненным главой союза, все же не являлся царем. Недаром в конце библейской Книги Судий подчеркивается, что в те дни не было царя у Израиля. В I Книге Самуила довольно ясно противопоставляется положение судьи и положение царя в обществе: в отличие от судей, даже неправедных, какими были сыновья Самуила, царь будет принудительно забирать юношей в армию, заставлять их возделывать его поля и изготавливать ему оружие, девушки будут готовить для царя еду, а все остальные — отдавать царю лучшую часть своих полей, виноградников и оливковых рощ и платить ему десятину со всех оставшихся доходов. Судьи же явно такой властью не обладали. Позже, когда в Тире престол оказался пустым, власть на это время перешла к «судьям». В финикийских городах запада, в том числе в Карфагене, «судьи» были высшими должностными лицами, возглавлявшими правительство. Возможно, что такое словоупотребление использовано раннехристианскими авторами для обозначения главы германских племен готов, который обладал значительной властью, но не был коронованным согласно традициям королем. Исходя из этих параллелей, можно говорить, что Йамму выступает не столько как собственно судья, сколько как правитель, но не имеющий монархических полномочий и соответственно не увенчанный знаками царского достоинства; ведь в мифе рассказывается, что он потребовал у богов признания его именно в качестве царя, что и вызвало резкое противодействие со стороны Балы.

Что касается реки, то это та мировая река, которая обтекает всю землю и которая аналогична греческому океану, а отдельные видимые водные бассейны, включая Средиземное море, — части этой первозданной реки.

Хотя в Угарите мореплавание и морская торговля играли довольно большую роль, в городе пока не обнаружено храма Йамму, а некоторые «обязанности» покровителя мореплавания, по-видимому, как об этом будет сказано позже, перешли к его противнику Балу. Никаких других мифов, которые рассказывали бы о Йамму, кроме мифа о борьбе Балу и Йамму, пока не обнаружено, и Йамму явно выглядит в нем отрицательным персонажем. Связано ли это с тем, что найденные мифологические тексты относятся именно к храму Балу и являются «священным писанием» этого храма или вообще отражают мышление угаритян, точно сказать трудно. Но все же последнее представляется гораздо более вероятным. Видимо, угаритяне рассматривали Йамму как носителя мирового хаоса, противопоставленного цивилизации (см. ниже), и поэтому не столько уважали, сколько боялись его. Это не мешало им, однако, приносить Йамму жертвы, как и другим богам. В списке угаритских божеств Йамму занимает одно из низших мест.

Кульг Астару (Аштара, Астара) был широко распространен у семитских народов Передней Азии. Еще в III тысячелетии до н. э. культ этого бога существовал в Эбле. Его чрезвычайно почитали арабы и арамеи. Возможно, что у них он считался солнечным богом. У южных арабов имелся бог Аштаршамайн, т. е. «Аштар небесный». В Северной Аравии он был даже верховным богом. Но надо подчеркнуть, что поклонники этого бога жили преимущественно в пустыне или недалеко от нее, а некоторые из них были кочевниками, что объясняет неприятие Астару угаритянами.

Текст, рассказывающий о борьбе Балу с Прожорливыми и Разрушающими, дошел до нас в очень плохом состоянии. Неизвестно точно, какого размера текст предшествовал сохранившемуся и какой завершал его. В нашем распоряжении имеется, по существу, лишь середина рассказа. Поэтому точный смысл последнего вызывает огромные разногласия среди исследователей. И хоть как-то совместить эти разногласия не представляется возможным, пока не будут найдены недостающие отрывки или хотя бы их более или менее значительные фрагменты. Пока ясно только одно: эти божества связаны с пустыней и противостоят Балу.

Людей всегда интересовала тайна смерти, и они пытались выяснить, чем жизнь отличается от смерти. Это легло в основу возникновения культа умерших, первые следы которого мы находим уже у неандертальцев. В более позднее время бог смерти становится одной из самых важных фигур божественного мира. Отношение к нему всегда двусмысленно. С одной стороны, его почитают, хотя и боятся, с другой — стараются как можно меньше о нем говорить. Это относится и к угаритскому богу смерти Муту. Он выступает как персонаж мифа о Балу в качестве противника этого бога. А мифов, где бы главным героем выступал Муту, не найдено, и думается, что и не будет найдено. Как у греков, строго говоря, не было подобных мифов об Аиде. Возможно, супругой Муту была Шеол, богиня подземного мира.

Отношение угаритских богов к смерти довольно двусмысленно. С одной стороны, боги конечно же бессмертны, чем они в первую очередь и отличаются от людей. Однако, с другой стороны, Балу недаром предупреждает своих вестников, чтобы они не приближались к Муту, потому что тот может их поглотить. И сам Балу первоначально пал в борьбе с Муту. А в конечном счете и сам Муту был уничтожен Анату (позже он явно воскрес, хотя в дошедшем до нас тексте об этом не говорится). Во всяком случае, божества боятся ужасного бога смерти не меньше, чем люди. И во многих случаях они бессильны перед ним. Когда Илу хочет спасти от неминуемой смерти своего любимца Карату, он не может сам выступить против Муту, а изготавливает магическое существо Шатикату, которому и поручает одолеть кровожадного Муту.

Чтобы избежать гибели общества от неплодородия земли и от бесплодия женщин (их «вдовства»), в Угарите совершали специальную церемонию, когда изображение Муту со скипетром бездетности и вдовства появлялось перед собравшимися, а затем жрец призывал на него судьбу обрезанной и связанной виноградной лозы.

Противниками Балу оказываются боги, образы которых олицетворяют угрозу гибели и саму гибель человека и созданной им цивилизации, — неукротимая морская стихия (Йамму), бесплодная пустыня (Астару) и, наконец, сама смерть (Муту). И в борьбе с ними Балу не только утверждает свою власть, но и спасает мир.

«Владыками» были и многие другие боги. Но Балу был владыкой по преимуществу. Его именовали также Балу–Цапану, т. е. «владыкой горы Цапану», но чаще просто Балу. Он мыслился хозяином Угарита и окружающей территории. Иногда в мифах угаритян даже называли «народом сына Дагану», т. е. народом Балу. И поэтому, когда угаритяне говорили «Балу», они подразумевали не какого-либо другого «владыку», а именно только одного — Силача Балу, Владыку Цапану, главного покровителя Угарита. Культ этого бога пережил Угарит, он существовал в Тире. Причем в договоре ассирийского царя Асархаддона с тирским царем Баалом (VII в. до н. э.) он призывался (как гарант договора) вместе с двумя другими богами уничтожить тирские корабли в случае нарушения Баалом договорных условий. Характерно, что вне Угарита и после его гибели этого бога не называли просто Баалом (финикийское произношение имени Балу), но всегда Баал–Цафоном, т. е. «владыкой Цафона», а греки — Зевсом Касием в отличие от Зевса Олимпийского). В это время уже надо было уточнять, о каком «владыке» идет речь.

В угаритском списке богов Балугапапу отождествляется с месопотамским Ададом. Культ бога Халду (Хадада, Адада) был широко распространен среди семитов. Поклонялись ему и несемитские народы Передней и Малой Азии — хетты, хурриты. В Ассирии он был одним из величайших богов. Его называли великим властителем, а его имя входило в собственные имена ряда ассирийских царей, которые, таким образом, считались находящимися под покровительством этого бога. Ассирийский Адад обладал, в частности, способностью предсказывать будущее. В Эбле в XXIV в. до н. э. существовал культ этого бога. Во II-I тысячелетиях до н. э. ему активно поклонялись финикийцы — как восточные, так и западные — и арамеи. И везде он был в первую очередь богом бури. Культ Балугапы проник и в Египет. Там его почитали под его семитским именем и отождествляли со своим богом Сетх. Сетх был богом довольно противоречивым: с одной стороны, его противопоставляли благодетельному Осирису как злое начало, но с другой — его весьма почитали. Поскольку Сетх, как и Балугапа (Баал), был богом бури, такое отождествление становится понятным. Когда на полтора века в Египте установили свое господство пришедшие из Азии гиксосы, они объединили Балугапу (принесенного, по-видимому, ими) с Сетхом, в результате чего появился бог Сутех, бывший их главным покровителем.

Культ Дагану (Дагона) тоже был весьма распространен, его почитали народы Сирии и Палестины. Он был одним из высших богов Эблы. Одним из центров его культа был город Туттуль на Евфрате. Именно Дагона Туттульского благодарит аккадский царь Саргон за то, что тот дал ему захватить ряд городов и земель по Евфрату и в Сирии, в том числе Эблу. В Угарите в списке богов Дагану упоминается непосредственно перед Балу–Цапану. Филон Библский пишет, что Дагон был братом верховного бога Эла, т. е. угаритского Илу. В Угарите храм Дагану занимал даже более высокое положение, чем святилище его сына. Но, несмотря на тщательные раскопки в районе этих храмов, текстов, которые рассказывали бы о Дагану, в Угарите не обнаружено. Да и сами угаритяне признавали Туттуль культовым центром этого бога. Это не означает, что в Угарите Дагану был «чужаком»; вероятнее всего, его культ пришел туда вместе с амореями. Но все же некоторую инаковость по сравнению с их родным Балу угаритяне, видимо, ощущали, хотя и весьма этого бога почитали.

И имя Дагану, и сообщение Филона Библского связывают этого бога с зерном. Но в земледельческих обществах, к которым относилось и угаритское, Дагану покровительствовал земледелию вообще, а не только зерновому. Он помещает созревшее зерно в закрома, готовое вино в мехи, а приготовленное масло в кувшины. Есть сведения о его связях с рыбой. Видимо, там, где рыболовство играло одну из первенствующих ролей, этот бог выступает и как покровитель рыболовства. Одним словом, все, что давало пропитание человеку, находилось в ведении Дагану–Дагона.

Эпитет Скачущий на облаке может выражать связь между самим богом и его видимыми для людей проявлениями, каковы в первую очередь дождь и буря.

Первое время, когда стали читать угаритские тексты, термин «высший» («вышний») воспринимали как имя самостоятельного бога, сына Балу, и думали, что именно этот сын Балу сражался с богом смерти Муту. Но затем было доказано, что так именуют самого Балу. Однако позже произошло, вероятно, разделение этой божественной фигуры. И у финикийцев и у арамейцев появился бог Элиун («вышний»).

Миф о том, как Илу собственной женой соблазнял Балу, дошел до нас в хеттском варианте, но сейчас доказано его угаритское или, во всяком случае, аморейско–ханаанейское происхождение.

Балу, таким образом, относится к умирающим и воскресающим богам, какими были в Финикии «молодые боги» Адонис, Эшмун, Мелькарт. Это, как и у других народов, были боги, первоначально связанные с аграрным циклом, но позже их функции стали гораздо более разнообразными. Они могли становиться покровителями городов, хотя, например, Эшмуна весьма почитали все финикийцы. Кроме всего прочего, такие боги связывали два мира — мир жизни и мир смерти. Все это делало умирающих и воскресающих богов очень важными фигурами финикийской религиозной системы. И роль Балу в Угарите во многих отношениях была аналогична. Связанный первоначально с земледелием, он затем становится главным богом Угарита, воплощая все самое главное для угаритян.

Возможно, что после победы над Йамму Балу перенял некоторые его «обязанности». В более позднее время в Тире Баал–Цафон, финикийский аналог Балу–Цапану, тоже связывается преимущественно с морем и кораблями.

Сфера деятельности Балу распространялась как на всю жизнь, так и на отдельные ее проявления, в том числе на охоту. Именно охота, как и война, является той сферой, в которой жизнь и смерть соединены наиболее зримо.

Анату была одной из самых древних богинь этого региона. Ранние следы ее культа отмечаются на рубеже III-II тысячелетий до н. э. с появлением первых аморейских племен в Сирии и на границе Месопотамии.

Анату весьма почитали в Мари. Ей поклонялись и другие амореи. Во II тысячелетии до н. э. культ этой богини, как и некоторых других азиатских, преимущественно западносемитских, божеств проник в Египет. Ее, как и Баал-Зефона, т. е. Балу, почитали в Мемфисе. Во времена гиксосского господства в Египте в городе Танис существовал храм Анату. Эту богиню почитали в Палестине в конце II тысячелетия до н. э. евреи, завоевывавшие эту страну: один из судей (т. е. глав племенного союза), Шамгар, назван сыном Анат (Анату). В I тысячелетии до н. э. ей (под именем Анат-бетель) поклонялись евреи, жившие на юге Египта в Элефantine. Тогда же культ Анату-Анат существовал у арамейев. Но в данном тысячелетии эта богиня уже не занимает столь видного места, как в предыдущем. Следы ее культа встречаются все более и более редко, хотя полностью богиня из божественного мира этого времени не исчезла. На Кипре ее отождествили с греческой богиней Афиной, называя при этом «спасительницей». Египтяне и арамеи считали Анату-Анат владычицей неба. В Угарите никаких следов такого толкования образа Анату не отмечено. Ее, скорее, связывали с землей и плодородием. Может быть, тесная связь между Анату и жителями Угарита выражена в эпитете, который почти постоянно сопровождает имя этой богини, — Невестка народа. Правда, многие специалисты предлагают другое чтение и, соответственно, другой перевод: «прародительница народа» (или народов), «возлюбленная народа», «возлюбленная героя», под которым подразумевается Балу, и т. д. И все же чтение и перевод «невестка народа» кажется наиболее предпочтительным и обоснованным. Однако более точный смысл этого эпитета весьма темен. Возможно, в результате особой церемонии, называемой «священным браком», богиня как бы вступала в родство с народом Угарита.

Священным животным Балу был бык, а Анату — корова. Это очень древние земледельческие символы. Можно думать, что представление о родстве Балу и Анату возникло еще до поселения амореев в Угарите. И все же угаритяне считали Анату, в отличие от Балу, дочерью Илу, хотя, быть может, и не от Асирату.

Такое толкование имени Анату наиболее вероятно. Высказывались и другие предположения, как, например, то, что это имя выражает любовное желание Балу. Но подобные гипотезы отвергнуты наукой. Интересен отмечаемый исследователями миф, рассказывающий о том, как Анату поглощает плоть и кровь убитого Балу. Такой дикий, как скажет наш современник, поступок выражает стремление Анату приобщиться к своему возлюбленному, слиться с ним. С точки зрения природного объяснения мифа, перед нами олицетворенное поглощение дождя (Балу) земным источником (Анату). Непосредственно после этого рассказывается об обходе Анату различных источников. Данный текст сохранился очень плохо, и мы не знаем, с какой целью богиня совершала этот обход. Но ученые подчеркивают связь между мистическим поглощением телесной сути Балу и обходом источников, что, как они полагают, подтверждает характер Анату как богини источников и, следовательно, произведение ее имени от слова «источник» (в единственном или множественном числе).

Трудно сейчас сказать, почему богиня плодородия и любви, т. е. в конечном счете богиня жизни, оказывается одновременно воинственной и кровожадной. Такое объединение столь разных, казалось бы, сторон свойственно не только Анату. Подобное сочетание характерно и для Астарты у финикийцев, и для месопотамской Иштар. Что же касается вообще соединения в одной фигуре богини плодородия и богини охоты, то это могло объясняться тем, что богиня «отвечает» не только за произрастание плодов, но и вообще за снабжение людей пищей, даваемой землей, — как продуктами земледелия, так и результатами охоты. То же свойственно и южноарабскому Аштару. Видимо, такое соединение было характерно для древнейшей семитской религии.

Надо подчеркнуть, что воинственность Анату временами представляется чрезмерной и не оправданной обстоятельствами. Эти черты, видимо, очень древние и отражают весьма архаическую стадию религиозного развития, когда война всех против всех была в известной степени нормой жизни. Характерно, что хотя Балу был тоже воинственным богом, его воинственность более осмысленна, чем воинственность его возлюбленной Анату. И в любви Анату совершенно безудержна. Может быть, она стала воплощать не столько любовь, сколько неудержимую страсть. И данное обстоятельство, возможно, привело к тому, что в I тысячелетии до н. э. эта богиня уже не пользовалась таким почитанием, как в предыдущем. В мировой мифологии мстительность часто выступает как свойство богинь любви. На Кипре рассказывали о мести богини любви не почитающей ее местной царевне. В Греции существовал миф о сыне афинского царя Ипполите, который не почитал богиню любви Афродиту — и был сурово наказан: Афродита заставила Федру, мачеху Ипполита, влюбиться, в пасынка, а когда Ипполит отверг любовь Федры, оговорила его перед отцом, и по молению разгневанного отца боги уничтожили Ипполита. Мстительной была и греческая богиня Артемида, образ которой тоже первоначально связывался с плодородием.

Воинственность и охота совершенно естественно связаны друг с другом, ибо охота является в известной степени замещением военных действий в мирное время. Такой же богиней–охотницей считалась в Греции Артемида. В известных нам мифах она была одной из богинь, не подверженных чарам Афродиты, не знающей и не желающей любви. Но это, как кажется, было результатом уже более позднего развития мифологии. Артемида, несмотря на свою девственность, являлась богиней, помогающей рождению ребенка. В греческих городах Малой Азии, куда после крушения микенских государств переселилась значительная часть греков и где поэтому в большей степени сохранились предания II тысячелетия до н. э. (вспомним, что и поэмы Гомера возникли именно в этом регионе греческого мира), Артемиду изображали как кормилицу с огромным количеством грудей. Такой она была изображена в знаменитом храме в Эфесе. Артемида была сестрой Аполлона, и они вместе уничтожили детей несчастной Ниобы, когда та посмела обидеть Латону, мать Артемиды и Аполлона. И мстительность, проявившаяся в этом поступке, тоже роднит Артемиду и Анату.

Пользуясь современной логикой, ученые пытаются более или менее рационально объяснить эпитет Дева, часто сопровождавший имя Анату. Полагают, что слово «дева» выражает не девственность, а просто молодость богини, или что эта богиня не была собственно рождающей (но в одном мифе рассказывается о рождении ею сына от Балу), или что девственность является специфической общественно значимой чертой Анату, которую богиня не утрачивает, несмотря на любовь и рождение детей. Думается, что все объясняется проще. Мифологическим представлениям вообще не свойственна та логика, которая лежит в основе науки и повседневной деятельности человека, ибо миф и наука с ее логикой отражают разные стороны человеческого понимания мира. Поэтому и представление о том, что в мире богов возможно все, что невозможно в мире людей, и что там могут сочетаться логически самые несовместимые качества, вполне вписывается в религиозно-мифологическое мышление угаритян. Видимо, угаритяне (как и финикийцы) весьма ценили девственность, считая ее одной из высших женских добродетелей. Недаром своих великих богинь они называли девами. Таковы Рахмайу и Анату, а в Финикии — Астарта и Тиннит. Рассматривая этих богинь как дев, матерей и супруг (или возлюбленных) одновременно, люди подчеркивали свое глубочайшее уважение к ним.

Котару–ва–Хасису обычно имеет два имени. Правда, некоторые исследователи полагают, что это — эпитеты, заменяющие настоящее имя бога, которое нельзя произносить. Но в связи с этим надо заметить, что угаритяне, как и их соседи, а также другие народы, у которых существовал подобный обычай, чаще все же знали собственное имя бога и порой проговаривались. Как нам известно, настоящее имя Балу — Хадду, и это имя иногда появляется в угаритских текстах. На какое-либо иное имя Котару–ва–Хасису нет вообще никаких намеков. Поэтому предпочтительно все же полагать, что это — двойное имя столь важного для угаритян бога. У финикийцев будут божества с двойным именем. Но эти фигуры возникли, вероятнее всего, из слияния двух (иногда даже трех) божеств, относительно близких в каких-то своих проявлениях друг другу. Появилось ли двойное имя Котару–ва–Хасису таким же образом, сказать трудно. Но на эту мысль наводит еще и то обстоятельство, что Котару–ва–Хасису жил одновременно в двух местах — на Крите и в Египте, и когда его вызывали для работы, он приходил оттуда также одновременно. Может быть, действительно когда-то произошло слияние двух богов в одном? Конечно, это только предположение, пока не имеющее никакого обоснования. Высказывалось мнение, что первое имя бога каким-то образом связано с арабским божеством Каср. Заметим, что в угаритских текстах бог иногда называется только Котару; имя же Хасису отдельно почти не встречается. Финикийцы, как об этом еще будет сказано, имели в своем пантеоне бога Хусора, очень близкого Котару–ва–Хасису, но обладающего только одним именем. В результате чисто логических размышлений можно выстроить гипотезу, согласно которой культ старинного общесемитского бога, вынесенный амореями и ханаанеями из Аравии, встретился в Угарите с культом местного доаморейского божества, тоже покровительствующего ремеслу. А то, что ремесло появилось в Угарите еще до поселения там амореев, доказано археологическими раскопками. Этот гипотетический бог мог рассматриваться там не только как ремесленник, но и как творец мира. Возможно, что именно он отождествлялся с египетским Птахом, который в Мемфисе считался создателем вселенной, всех богов и людей (не весь Египет, а именно Мемфис назывался одной из резиденций Котару–ва–Хасису). Но для угаритян таким богом был Илу, и поэтому наиболее

подходящей фигурой для объединения стал именно Котару. Если это так, то явно произошла значительная «угаритизация» этого местного бога, ибо само имя Хасису — совершенно угаритское.

Котару–ва–Хасису отождествляли с месопотамским богом Эа. В месопотамской семитской мифологии Эа являлся наследником более древнего несемитского бога Энки, чье имя говорит само за себя— «господин земли». Эа побеждает первобытный водный хаос и на нем создает свое жилище — землю. И здесь бог, отождествляемый с угаритским Котару–ва–Хасису, мыслится создателем вселенной. Но в угаритской мифологии этот бог подчинен Илу и должен выполнять его приказы, даже если они ему не нравятся. Возможно, что после объединения двух богов–ремесленников статус нового бога несколько понизился. Однако роль в жизни человечества, отводимая ему, осталась огромной. Если Илу признавался Творцом творения, создателем мира и прародителем богов, то богу–ремесленнику полагалось создавать все то, что можно назвать признаками цивилизации, и прежде всего городской цивилизации с ее архитектурой, сравнительно комфортабельной жизнью, украшениями, но также и оружием.

Угарит был очень важным ремесленным центром. Керамику там стали изготавливать уже в период неолита. В начале III тысячелетия до н. э. угаритяне начали создавать медные вещи, а позже перешли к бронзе. В связи с этим можно отметить, что Котару–ва–Хасису порой определялся именно как литейщик. Развиты были в Угарите и другие виды ремесла, такие, как строительство (Котару–ва–Хасису считался строителем дворцов богов), текстильное дело, изготовление оружия. Однако ремесленники, по крайней мере большинство их, были не гражданами, а так называемыми царскими людьми, зависимыми от царя и выполнявшими поручения царского двора. Это обстоятельство, по–видимому, повлияло на место Котару–ва–Хасису в мире угаритских богов.

Представление о связи магии с ремеслом, особенно с кузнечным, было широко распространено у многих народов, и к работе кузнеца люди часто относились с некоторым недоверием и даже враждебностью. Кузнец, работающий с горячим металлом, делает то, что недоступно другому человеку, а это подразумевает наличие у него каких-то необъяснимых возможностей. К тому же он имеет дело с огнем, который тоже является непонятной и часто страшной материей. И все это кузнец может обратить против других людей. Характерно, что в Библии изобретателем кузнечного дела считался пятый потомок Каина, Тубал-Каин, которого сравнивают с Котару-ва-Хасису. Кузнечное ремесло, таким образом, оказывалось изобретением потомства первозлодея. Не исключено, что фигура Тубал-Каина возникла в результате удвоения какого-то сказания о самом Каине. Во всяком случае, первый кузнец принадлежит к общности, враждебной потомству добродетельного сына Адама — Шета (Сифа), от которого, согласно ветхозаветной традиции, и произошли все народы.

Местопребыванием Котару–ва–Хасису считается Каптару, библейский Кафтор. Некоторые исследователи полагают, что это место расположено в Малой Азии. Но подавляющее большинство специалистов убеждены, что Каптару–Кафтор тождествен Криту. Связи между Угаритом и Критом возникли в самом начале II тысячелетия до н. э. и усиливались с развитием критской и угаритской экономик. Когда минойское государство на Крите пало под ударами греков–ахейцев, последние стали преемниками критян в их отношениях с Угаритом. В самом Угарите существовал квартал, в котором жили выходцы из Эгейского бассейна. И сами угаритяне плавали в Эгеиду. Возможно, именно в Угарите минойские критяне, а затем греки познакомились с произведениями восточного искусства и некоторыми мифами. И сами угаритяне плавали на Крит и в материковую Грецию. То, что в представлениях о местонахождении резиденции Котару–ва–Хасису закрепился именно Крит, свидетельствует о сравнительно раннем помещении этого бога за море, т. е. еще до падения минойского царства около середины II тысячелетия до н. э. С Египтом угаритяне тоже были связаны очень давно. Самые ранние свидетельства таких связей относятся к периоду, непосредственно следующему за 2000 г. до н. э. Одно время Угарит политически подчинялся Египту. Позже угаритские цари стали «вассалами» хеттских царей, но связи с Египтом не прерывались. Надо заметить, что одной резиденцией бога–ремесленника считался весь остров Крит, а не такие его крупнейшие центры, как Кносс или Фест, а другой — конкретный город Хикупту, т. е. Мемфис. Мемфис был очень древним политическим и религиозным центром Египта, первой столицей объединенного царства. Именно с мемфисским богом Птахом, как уже говорилось, мог отождествляться Котару–ва–Хасису. Но ведущую роль в религиозных представлениях египтян этот мемфисский бог стал играть, по–видимому, только в эпоху Нового царства в Египте, т. е. начиная с XVI в. до н. э. Должно быть, именно в это время и произошло «закрепление» за этим городом угаритского бога и его отождествление с Птахом.

Представление о звездах как о небесном воинстве или воинстве солнца было свойственно и другим народам. Так, в Библии звезды именуются небесным воинством.

Эти богини даже живут на одной горе Имбабу. В то же время Анату очень часто действует одна. Если Анату сестра и возлюбленная Балу, то об Астарте ничего подобного не известно. Возможно, она связана с богом Аштаром, который, как было уже сказано, тоже большой роли в Угарите не играл.

Может быть, это связано с различными типами святилищ Астарты. В Угарите и во всем сирео-финикийском регионе существовали пещерные святилища. В одном таком святилище могла почитаться Астарта.

Такое впечатление производят сохранившиеся мифы Угарита. В ритуальных текстах Астарта появляется гораздо чаще (ее статую, где она изображена сидящей на троне, в ходе какой-то важной церемонии вносили в царский дворец; Астарте приносили различные жертвы). И в этих текстах она упоминается отдельно от Анату. Не исключено, что открытия новых текстов, если они произойдут, позволят изменить наше нынешнее представление о второстепенности Астарты в Угарите. Но в любом случае эта богиня, очень близкая по своему образу и по своим «обязанностям» к Анату, занимала в Угарите все же более низкое место. В списке божеств, где она отождествляется с месопотамской Иштар, Астарта упоминается много позже, чем Анату. По-видимому, Астарта — западносемитская форма той же богини Иштар. Но Иштар была во многом небесной, звездной богиней (ее звездой считалась Венера). Возможно, тот же характер сохраняла в Угарите и Астарта. Но богиня, связанная с источниками, питающими землю и поддерживающими ее плодородие, т. е. Анату, оказалась гораздо ближе угаритянам.

Образы Пидрай, Талай и Арцай до сих пор вызывают споры. Существует мнение, что они — не дочери, а жены Балу. Действительно, в мифологических текстах имена этих богинь часто упоминаются с отчествами: Пидрай дочь Светозарного, Талай дочь Дождевика и Арцай дочь Паводка. Правда, и эти отчества тоже вызывают споры. В частности, иногда полагают, что Арцай — дочь таинственной Йабаддары. Наличие при именах этих богинь отчеств, отличных от имени Балу, как будто предполагает у них иное отцовство, чем отцовство Балу, а их совместное проживание с Балу заставляет думать, что они — его супруги. Однако в мифе о женитьбе бога луны Йариху последнему предлагается в жены именно Пидрай, и сват, бог лета, обещает походатайствовать перед Балу о согласии последнего. Это было бы бессмысленным, если бы Пидрай была супругой Балу, и кажется совершенно неприемлемым, даже если принимать во внимание частую нелогичность мифа. Поэтому, пожалуй, правы те исследователи, которые рассматривают «отчества» этих богинь как эпитеты и видят в самих богинях дочерей Балу и воплощение отдельных сторон его образа.

В угаритском списке божеств из этих трех богинь упомянуты, причем в разных местах, две — Пидрай и Арцай. По отдельности они упоминаются и в ритуальных текстах. Первая отождествляется в списке богов с хурритской богиней Хебат. Хурриты и под их влиянием хетты почитали эту богиню как супругу бога грозы Тешуба. К концу существования Хеттского царства Хебат отождествляли с богиней солнца города Ариинна. С течением времени Хебат становилась все более важной божественной персоной. Но, насколько нам пока известно, роль Пидрай в Угарите никак не соответствует положению Хебат у хурритов и хеттов. Поэтому прямое сопоставление этих двух богинь в настоящий момент неправомерно, хотя, конечно, какие-то общие черты Хебат и Пидрай явно существовали, что и позволило отождествить их образы. Вполне могло случиться, что супруга хурритского бога в Угарите воспринималась уже как дочь местного бога грозы. Все же угаритская Пидрай играла большую роль, чем ее сестра; во всяком случае, она чаще упоминается в найденных ритуальных текстах, где имя третьей сестры — Талай — вовсе отсутствует. Арцай в списке богов отождествляется с месопотамской богиней Аллатум, которая была связана с подземным миром. Само имя

Арцай означает «земная», что указывает на ее связь с матерью–землей и земными, а также подземными силами.

В угаритском списке богов упоминаются шесть Балум, которые названы непосредственно за Балу–Цапану. Они отождествляются с месопотамскими Ададами — от Адада II до Адада VII. Первым Ададом являлся Владыка Цапану (см. также примеч. 44). Одинаковое имя позволяет говорить, что «обязанности» этих «владык» не отличались от «обязанностей» самого Балу, т. е. они тоже были в первую очередь богами грозы, бури, дождя. Именно их, скорее всего, и подразумевали угаритяне, говоря о братьях Балу.

Единственное исключение — упоминание Рашапу в сказании о Карату, где этот бог вместе с Йамму становится ответственным за смерть родственников героя. Но это упоминание не предполагает существования какого-либо рассказа о губительных деяниях Рашапу.

О значительной роли Рашапу свидетельствует частое упоминание этого бога в угаритских ритуальных текстах. Ему постоянно требуется приносить в жертву барана или овцу. Часто угаритяне называли своих детей так, чтобы в их имени присутствовало имя этого бога, стремясь тем самым обеспечить ребенку покровительство Рашапу. Угаритяне явно очень боялись Рашапу и старались всеми силами его умиротворить. Этого бога отождествляли с месопотамским Нергалом, который тоже был связан с войной. В гораздо более позднее время в одном из сирийских городов Нергал почитался как сын тамошнего верховного бога. Не может ли это означать, что угаритский Рашапу тоже имел подобный статус? Рашапу был древним западносемитским богом, культ которого существовал в различных городах и государствах Сирии во II тысячелетии до н. э. Под своим собственным именем Рашапу почитали египтяне, которые иногда отождествляли его со своим богом войны Монту.

Дадмишу была по своему происхождению хурритской богиней. Возможно, что после принятия в мир угаритских божеств она превратилась в супругу Рашапу.

Поклонение Харану было широко распространено среди амореев. Его чрезвычайно почитали в Мари и вообще на Евфрате. Культ Харану засвидетельствован в Палестине, а приблизительно в XV в. до н. э. он проник в Египет. Однако, несмотря на такую популярность культа Харану, рассказов об этом боге сохранилось мало.

Йаву упоминается в мифах довольно редко. Можно даже сделать вывод, что это — второе имя бога моря Йамму. Как бы то ни было, Йаву (или Йево), несомненно, связан с морем. Открытие в угаритских текстах этого имени сразу же заставило исследователей вспомнить о библейском «Иахве», которое в некоторых личных именах звучит очень похоже. В угаритском Йаву многие увидели прообраз еврейского бога. Однако последний был по своему происхождению явно богом грозы и бури, позже осмысленным и как бог войны и воинств — отсюда имя Саваоф (Цебаот), т. е. «воинства». Йаву же был морским божеством. И в финикийском Библие он почитался как бог моря. В Угарите же богом, хотя бы частично сопоставимым с Иахве (естественно, прежде чем он стал единственным Богом), мог быть Балу, но не противник последнего.

Отцом Благих богинь был Халалу, о котором известно очень мало. Но след старинного предания о нем явно содержится в пророчестве библейского пророка Исаяи, который говорит о Хелеле («светоносном»), сыне зари, который вознамерился взойти на небо выше звезд и воссесть на священной горе Цапану; но Бог низвергнул его в глубины преисподней. Упоминание Цапану позволяет с большой долей вероятности предполагать, что богом, низвергнувшим Хелеля, был угаритский Балу (хотя, конечно, утверждать это с полной определенностью невозможно), и в таком случае библейский Хелель — это угаритский Халалу. Халалу назван Владыкой серпа. Это подразумевает его связь с урожаем. Другие исследователи предпочитают видеть в Халалу лунное божество и считать серп метафорой полумесяца. Но думается, что для первого толкования имеется все же больше обоснований. Земная жатва, в которой главным орудием был серп, вполне сопоставима с появлением нового человека, так что неудивительно превращение дочерей Халалу в покровительниц рождения детей. Имя Светоносный, которое появляется в пророчестве Исаяи, может объясняться, как полагают ученые, совпадением имени бога (возможно, взятого у хурритов) с семитским словом, содержащим корень «свет».

О Филоне Библском известно очень мало. Неясно, был ли он финикийцем, хорошо овладевшим греческим языком и усвоившим греческую культуру, или греком, жившим в финикийском Библе, изучавшим финикийские древности и знавшим финикийский язык. Возможно, что он был сначала рабом, а затем стал вольноотпущенником, на что указывает его римское имя — Геренний. Хорошо зная греческую литературу, Филон сам был довольно разносторонним и весьма плодовитым писателем. Жил он довольно долго: родился около 50 г., а умер после 138 г. н. э. За это время он написал сочинение «О городах и о том, что замечательного в каждом из них случилось» в 30 книгах, «О приобретении и отборе книг» в 12 книгах, «Словарь синонимов» и другие сочинения. Почти ничего из всех этих его произведений не сохранилось, хотя материалами из них широко пользовались более поздние писатели. Обращался Филон и к истории. Он написал биографию императора Адриана, сочинение «Об иудеях» и, наконец, «Финикийскую историю». Последнее произведение состояло из 9 книг. Но мы, к сожалению, не имеем даже намека на содержание восьми из них, т. е. тех, где излагалась собственно история. Лишь отрывки из первой книги, в которой рассказывалось о мифологической предыстории финикийцев, дошли до нас в цитатах, которые приводил раннехристианский писатель Евсевий. И мы сейчас не можем сказать с уверенностью, использовал ли Филон произведение Санхунйатона для всего своего сочинения или только для первой книги. Цель Филона ясна: познакомить греко-римского читателя (а образованные римляне свободно читали и писали по-гречески) с историей Финикии. Еще за несколько веков до Филона, после завоеваний Александра Македонского, возникло стремление вставить историю покоренных им восточных народов в общеисторический контекст, основой которого считалась греческая история. И появились произведения восточных авторов на греческом языке, которые знакомили грекоязычных читателей с историей восточных стран. В этом направлении создал свою историю Египта Манефон и историю Месопотамии Берос, а александрийские евреи перевели на греческий язык Библию (так называемая Септуагинта, т. е. перевод 70 толковников). Появились такие писатели и в Финикии. Тирские историки Менандр и Дий написали истории Тира на греческом языке. В этом же русле работал и Филон. В

философском плане он был приверженцем евгемеризма. Основатель этого направления греческий философ Евгемер считал, что богами первоначально были обычные смертные люди, которые за свои заслуги стали объектами культа, а бессмертных богов никогда не было и нет. Такое толкование религии было относительно широко распространено в то время. И Филон интерпретировал в соответствующем смысле сведения Санхунйатона о финикийских богах. Это обстоятельство создает дополнительную трудность при использовании данных Филона.

Как и угаритское (аморейское) слово «илу», финикийское «эл» означает просто «бог». Но, как и в Угарите, это и имя конкретного бога, бога по преимуществу, во всех отношениях сравнимого с угаритским Илу. Практически Эл — тот же самый бог, что и Илу, он наделялся теми же самыми качествами. В произведении Санхунйатона—Филона Эл, которого Филон называет Кроном, играет еще довольно большую роль. Он выступает активным участником борьбы богов за верховную власть и наконец эту верховную власть захватывает. Знаками его верховной власти являются, по Филону, четыре глаза (по два спереди и сзади) и четыре крыла, при этом постоянно закрыты только два глаза и сложены только два крыла, а следовательно, бог одновременно и спит и бодрствует. Кроме того, еще два крыла венчают голову Эла, они указывают на ум и чувства этого бога. И такой убор свойствен только Элу. Правда, Филон пишет, что различные части мира Эл отдал во власть другим божествам. Но это практически не отличается от угаритских представлений об Илу. Как и Илу, финикийский Эл представляет космическую силу, управляющую всей вселенной, а отдельные боги, управляющие теми или иными странами, выступают в роли баалов — «владык». И это, как кажется, еще раз подтверждает древность источника Филона — Санхунйатона, отнесение времени его жизни ко II тысячелетию до н. э. В I тысячелетии до н. э. следов реального почитания финикийцами Эла очень мало. Видимо, на рубеже II-I тысячелетий до н. э. произошли значительные изменения в финикийском религиозном сознании. Бог Эл, образ которого и до того был, скорее, абстрактным символом высшего бога, уже мало занимает умы финикийцев — им, пожалуй, ближе оказались более конкретные божества, сильнее, как представлялось, влиявшие на их повседневную жизнь. Это не значит, что Эл вообще исчез из религиозной жизни финикийцев. На юго-востоке Малой Азии существовало царство Самааль. Его основным населением были, вероятно, лувийцы (один из малоазийских народов, осевших в Малой Азии после крушения Хеттской державы), но они, особенно их правящая элита, испытывали огромное финикийское влияние, и финикийский был вторым официальным языком этого царства. До нас дошла надпись, сделанная в VIII в. до н. э. одновременно на лувийском и финикийском языках. И в финикийской части этой надписи упоминается Эл с эпитетом Творец творения. Именно такой титул носил, как известно,

бог Илу, а несомненно, и его финикийский аналог Эл, во II тысячелетии до н. э. Характерно, что в лувийской части надписи Элу соответствует месопотамский бог Эа. В Угарите аналогом Эа считался бог Котару-ва-Хасису, как об этом уже говорилось. Финикийцы же перенесли черты Эа на своего Эла. Эа считался одним из создателей существующей вселенной, как и Эл. Эа был и водным богом. Это проливает свет на некоторые аспекты образа Эла. По мнению финикийцев, о чем еще пойдет речь, мир был сотворен из какой-то водной субстанции. Поэтому творец мира Эл и оказывался связан именно с ней, что роднит его с месопотамским Эа. И позже, в тех редких случаях, когда Эл все же упоминается, он обычно отождествляется с греческим Посейдоном и, может быть, римским Нептуном. Филон же, как мы отмечали, отождествляет Эла с Кроном. Крон в греческой мифологии большой роли не играл, но считался отцом правящих тогдашним миром богов.

И именно этот аспект (а в Угарите Илу тоже прародитель богов) оправдывает в глазах автора I-II вв. н. э. именование Эла Кроном.

Надо подчеркнуть, что, в то время как финикийцы реально все меньше почитали Эла, их соседи по-прежнему видели в нем высшего бога. Элу гораздо более, чем финикийцы, поклонялись арамеи Сирии. Хотя еврейский Иахве по своему положению сначала был, скорее, «баалом», чем «злом», он по мере превращения в единого Бога отождествлялся именно с Элом. И в библейской Книге Бытия он назван Высшим Элом, Творцом неба и земли, т. е. носит почти тот же титул, что угаритский Илу и самаальский бог. Был ли титул «высший» свойствен Элу изначально или его появление вызвано объединением в одной фигуре двух разных богов, спорно. Как мы уже видели, этим титулом наделялся угаритский Балу, а мысль о самостоятельном существовании в Угарите бога Элиуна («высшего») сейчас отвергнута. С другой стороны, Элиун в качестве самостоятельного бога упоминается Санхунйатоном, а Эл у него (если Филон это правильно понял) оказывается внуком Элиуна. Сирийские арамеи в VII в. до н. э. тоже почитали такого бога, отличного от Эла. Поэтому представляется, что, в то время как в Угарите «высший» было титулом небесных (и живущих на высоких горах, которые тоже рассматривались как вариант небес) богов, их семитские соседи — финикийцы-ханаанеи, а позже арамеи почитали самостоятельного бога Элиуна. Не исключено, что появление такого бога могло произойти в результате раздвоения ранее единого образа. Что касается именования библейского Иахве Высшим, то это могло быть или результатом обратного процесса — соединения двух божественных фигур, или наличия единой

фигуры «высшего бога» — Эла Элиуна. Еврейская племенная общность, как известно, появилась в результате ее откола от аморейско–сутийского единства и сложных этнических трансформаций в племенном мире Передней Азии во II тысячелетии до н. э., так что по своему происхождению евреи были ближе к угаритянам, чем к финикийцам, хотя и испытали огромное влияние ханаанеев, обитавших в Палестине. Поэтому можно предположить, что у амореев «высшими» были небесные боги, а у ханаанеев и арамеов «высший» был отдельным богом.

Схема управления завоеванными территориями, в соответствии с которой сохраняющие свою власть местные царьки признавали верховенство другого государя (египетского либо хеттского), в I тысячелетии до н. э., когда возникали первые империи, становилась во многом анахронизмом. Однако именно в Финикии такая схема еще не утратила своей действенности. Под властью и ассирийских, и вавилонских, и персидских царей некоторые города Финикии сохраняли свои династии. Но и в этих условиях контроль верховных владык стал гораздо более жестким, чем в предыдущую эпоху. Данное обстоятельство, как и общее направление политической жизни I тысячелетия до н. э., возможно, способствовало тому, что и в области религиозной мысли произошел фактический отказ от схемы, предусматривающей наличие верховного царя и подчиненных царей. А это могло отразиться и на положении Эла в финикийском пантеоне.

Библ считался городом, основанным самим Элом. Так что сохранение в нем реального культа этого бога неудивительно. В Берите весьма почитался морской бог, который мог отождествляться с Элом. Удивительнее сохранение или появление культа Эла в африканских колониях Тира, в которых он отождествлялся с морским богом. В самом Тире до сих пор не найдено следов культа Эла. Этому можно дать два объяснения. Первое: из Тира вообще дошло мало прямых свидетельств религиозной жизни, и не исключено, что в ходе дальнейших работ следы культа Эла будут в нем обнаружены. Второе: в колониях в условиях противостояния окружающей местной среде вполне могло произойти воскрешение ранее забытых культов, в том числе и культа старого верховного бога.

Помещение Баал–Шамима во главе вселенной говорит о том, что в I тысячелетии до н. э. этот бог явно занимает место Эла. Как и Эл, он, несмотря на сохранение в имени слова «баал», понимается, по–видимому, как «эл», т. е. бог всего космоса. Филон называет Баал–Шамима Зевсом, считая его, следовательно, верховным богом, правящим, в отличие от Крона, в настоящее время. Имелось ли такое представление уже у Санхунйатона, сказать трудно. То, что культ этого бога существовал и во II тысячелетии до н. э., несомненно. Рассказывая о борьбе богов, Санхунйатон много говорит о боге Небо, считая его отцом Эла. Филон называет этого бога Ураном и, следовательно, отличает от Баал–Шамима–Зевса. Но утверждать, что такое различие было уже у Санхунйатона, мы не можем. Как бы ни решать этот вопрос, надо сказать, что Баал–Шамима Санхунйатон знает. В XIV в. до н. э. тирский царь Абдимилки обращается к своему верховному владыке, египетскому фараону Эхнатону, сравнивая его с Баалом небесным, т. е. с Баал–Шамимом. Если Баал–Шамим и Небо (Шамим) — одно и то же, то почитание этого бога было распространено сравнительно широко в Сирии II тысячелетия до н. э. Царь Алалаха (одного из государств Северной Сирии) Идрими во второй половине XV в. до н. э. называет Небо главным богом, которого сопровождают другие боги неба и земли. Бог Шамуму упоминается и в Угарите, хотя ничего другого, кроме упоминания, о нем неизвестно. Почитание Баал–Шамима проникает и в Египет. И фараон Рамсес III говорит, что его сердце затрепетало, как Баал в небесах. В Египте почитали Баала, отличая его от Баал–Цафона (Балу–Цапану) и отождествляя его со своим богом Сетхом. И Сетх, и оба Баала были первоначально связаны с бурей. Недаром тирский царь в письме к Эхнатону говорит, что вся земля трепещет при голосе Баала в небесах. Видимо, Баал–Шамим в то время рассматривался в первую очередь как бог грозного неба. Позже, однако, его характер изменился. Он стал богом неба вообще и главой вселенной. Официальное почитание ему было обеспечено. Тирский царь Хирам в X в. до н. э. поставил золотую колонну в Тире в честь, как пишет грекоязычный автор, Зевса Олимпийского. Вероятнее всего, речь идет о Баал–Шамиме. В Тире и других городах имелись храмы этого бога. В VII в. до н. э. Баал–Шамим вместе с некоторыми другими богами призывается в качестве гаранта соблюдения договора тирского царя с его ассирийским владыкой. Еще

раньше, в X в. до н. э., библский царь Йехимилк молил в первую очередь Баал–Шамима продлить годы его царствования над Библом. Существовал храм Баал–Шамима и в Карфагене. И там его тоже признавали высшим богом. В начале II в. до н. э. римский комедиограф Плавт написал комедию, в которой выведен карфагенский купец Ганнон. И этот Ганнон клянется Баал–Шамимом. Такую деталь римский писатель едва ли внес произвольно. Так что официально Баал–Шамим остается высшим богом, вероятно, до самого конца финикийской цивилизации.

Что видно прежде всего из уже упомянутого договора тирского царя Баала (это было его собственное имя) с ассирийским царем Асархаддоном. В договоре Баал–Шамим с двумя другими богами призывается разбить тирские корабли, если царь Тира нарушит условия договора.

Култ Баал–Шамима, по–видимому, оставался полностью в сфере официальных государственных культов. В частной же жизни финикийцев он, будучи слишком официальным, особой популярностью не пользовался. Во всяком случае, как на Востоке, так и на Западе, финикийцы не давали своим детям его имя, а значит, не стремились поставить их под его специальное покровительство.

О Баал–Малаки мы практически ничего не знаем, ибо его упоминание в договоре тирского царя Баала с ассирийским царем Асархаддоном единственное. Ясно только, что официально он весьма почитался, как и Баал–Шамим, и что он тоже каким-то образом связан с морем и возможным кораблекрушением. Существует предположение, что этого бога греки называли Зевсом Мелихием, исходя из того, что всех Баалов, в отличие от Эла–Крона, они отождествляли именно с Зевсом и его различными проявлениями (ипостасями), а во второй части имени просто передали средствами греческого языка финикийское «Малаки». Но Филон Библский Зевсом Мелихием называет Хусора — возможно, не без веского основания. Хусор действительно был связан и с мореплаванием, ибо считался одним из изобретателей корабля. Впрочем, сфера его действий была гораздо шире. Об этом пойдет речь позже. Другое предположение, что Баал–Малаки был в действительности богом–патеком, изображения которого, так называемые патеки, финикийцы помещали на носах своих кораблей, кажется не слишком убедительным. Патеки, как будет сказано позже, вероятнее всего, низшие божества, демоны, а Баал–Малаки явно был одним из великих богов — иначе его едва ли призывали бы в упомянутом договоре наряду с Баал–Шамимом и Баал–Цафоном, поместив их выше других весьма почитаемых божеств. Возможно также, что в Карфагене Баал–Малаки отождествлялся с греческим морским божеством Тритоном. Этот бог назван среди великих богов Карфагена в договоре, заключенном между Ганнибалом и македонским царем Филиппом V в 215 г. до н. э.

Малаш — финикийское название города, почти не изменившееся более чем за две с половиной тысячи лет. На финикийских монетах этого города его название передано как mlk. На этих же монетах встречается изображение бога с кузнечными клещами. На монетах финикийских городов обычно изображали бога, связанного с данным городом. Следовательно, и бог-кузнец тесно связан с Малакой. Точно такой же бог у греков назывался Гефестом, а у римлян — Вулканом. Филон называет Гефестом именно Хусора. Это, думается, еще раз подтверждает, что собственным именем Баал-Малаки было Хусор (как именем угаритского Балу — Хадду).

Астарта — одна из не только древнейших, но и великих богинь семитского мира. По своим первоначальным функциям эта богиня, вероятнее всего, была богиней–матерью. Культ богини–матери существует практически у всех народов и восходит к далекой первобытной поре. Обеспечивая само существование человеческого рода (а конкретно — данного племени или народа), она становится богиней плодородия. Таковой и выступала Астарта у семитов еще во времена общесемитской общности — недаром и у восточных семитов, аккадцев в Месопотамии, центральное женское божество имело очень похожее имя Иштар. У семитоязычных народов боги часто выступают парами. Парой Астарты на юге Аравии был бог Астар (Аштар), о котором нам известно очень немного. В Эбле в III тысячелетии до н. э. эти божества, как кажется, еще составляли пару. В следующем тысячелетии в Угарите, как уже говорилось, Аштар (Астарту) был известен, но не очень-то почитался, ибо, связанный с пустыней, он рассматривался как враг Балу. По–видимому, к этому времени Астарта окончательно отделилась от своего мужского соответствия, но зато образовала пару с Анату, вместе с которой обычно упоминалась. Вне Угарита Астарта уже в это время считалась явно самостоятельной фигурой, причем играла довольно значительную роль. В частности, ее весьма почитали в городах на Евфрате — Мари, а позже в Эмаре. Исследования показали, что в Сирии Астарта все более впитывала в себя образ Астара, в итоге полностью поглотив его. Так, Астар в Аравии имел черты охотника и воина, и эти черты теперь перешли к Астарте. «Астартой войны» и «Астартой уничтожения» называли ее в Эмаре.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. культ Астарты распространяется в Египте. Там ее почитают и под собственным именем, но также отождествляют с богиней Сехмет. Это отождествление очень интересно. Сехмет связана со львом: она имеет голову львицы и свирепа, как лев; известен египетский миф о том, как Сехмет по приказу верховного бога Ра начала столь рьяно уничтожать человеческий род, что своей свирепостью даже испугала Ра, который не мог ее никак остановить, пока не напоил красным пивом, похожим на кровь. Сехмет почиталась преимущественно в Мемфисе и считалась там супругой бога Птаха, создателя вселенной. С Птахом же отождествлялся угаритский Котару-ва-Хасису. Не была ли угаритская Астарта связана с этим богом, как Анату — с Балу? Надо заметить, что в Египте Астарта приобрела такую популярность, что там распространился миф о спасении ею богов. В этом мифе Астарта является не супругой, а дочерью Птаха. Такой вариант мифа свидетельствует, что египтяне все же не очень твердо знали финикийскую мифологию. Учитывая, что в Угарите Астарта не была столь же популярна, как в Египте, можно говорить, что культ Астарты и связанные с ней мифы египтяне заимствовали не от угаритян, а от других семитов сиро-палестинского региона. Во всяком случае, во II тысячелетии до н. э. культ Астарты был широко распространен в семитоязычном мире этого региона и, видимо, уже тогда занимал первое место, отесняя Анат-Анату, в отличие от того, что происходило в Угарите.

В Библии говорится, что в самом начале завоевания Палестины, вскоре после смерти их первого предводителя, Иисуса Навина, евреи начали служить Астарте и Баалу. Имя богини передано во множественном числе. Вероятно, здесь подразумеваются все богини аморейско-ханаанского круга. Слова «баалы и астарты», по-видимому, используются библейским автором (явно много более поздним, чем описываемые им события) для обозначения языческих божеств вообще. И характерно, что женская часть этого божественного мира названа именно «астартами». Или ко времени самих событий, или, скорее, ко времени написания данного текста именно Астарта стала для евреев главной представительницей нечестивых богинь чужих народов, столь часто соблазняющих сынов Израиля. Культ Астарты оставался очень долго свойствен евреям. Если верить библейскому автору, то незадолго до образования царства судья и пророк Самуил еще призывал соотечественников отказаться от службы «баалам и астартам». Образование царства не привело к отказу от поклонения Астарте. Культ Астарты далеко не был чужд царю Соломону, столь прославляемому за его мудрость и благочестие. После распада единого еврейского царства на северное (Израиль) и южное (Иудею) культ Астарты особенно широко распространился в Израиле, более близком к Финикии, более развитом и более активно поддерживавшем торговые и политические, а в итоге и культурные связи со своими соседями. Но и Иудея не осталась полностью в стороне от этого культа. В VII в. до н. э. иудейский царь Манассия даже поставил статую Астарты в иерусалимском храме Йахве, и ей открыто приносились различные дары. Только внук Манассии, Иосия, с именем которого связана важнейшая религиозная реформа, приведшая к утверждению единобожия, приказал вынести эту статую из храма вместе со всеми приношениями и все это сжечь. Несколько позже пророк Иеремия именно этот акт Манассии объявил главным грехом, отмщением за который явится разрушение Иерусалима. Тот же Иеремия сообщал, что накануне падения Иерусалима иерусалимские женщины совершали молебствия и делали приношения небесной богине. По мнению многих исследователей, этой богиней была именно Астарта.

В Библии Астарта постоянно называется сидонским, т. е. финикийским, божеством. Другое языческое божество — Баал — обычно не именуется подобным образом; видимо, Баал был менее связан с конкретным народом в отличие от Астарты. В глазах библейских авторов именно Астарта является главным представителем финикийского религиозного мира. В I тысячелетии до н. э. Астарта практически вытеснила других богинь из религиозной мысли Финикии. Это, конечно, не значит, что никаких других женских божеств у финикийцев уже не существовало, но одни из них уже слились с Астартой, другие были оттеснены на задний план. Так, в частности, произошло с Анат, которая в это время была далеко не столь популярной, как в предыдущем тысячелетии. Правда, Астарта почиталась тогда уже в разных вариантах, и древние авторы различали несколько Астарт. Но все же это были разные лики одной богини, и в каждом таком проявлении на первый план выдвигалось то или иное качество Астарты. Несколько иной, как мы увидим дальше, оказалась судьба Астарты в Карфагене, но это объясняется историческими условиями, возникшими именно там. В самой же Финикии культ Астарты пытался сопротивляться даже наступлению христианства. Чрезвычайно почитаемый храм этой богини в Афаке (сравнительно недалеко от Библа) был разрушен в IV в. по приказу императора Константина, но затем явно был восстановлен и существовал до VI в., пока его не уничтожило землетрясение. Но до сих пор в народных верованиях это место считается священным. С финикийской торговлей и особенно с колонизацией культ Астарты широко распространился по всему Средиземноморью. Нет практически ни одного района финикийской колонизации, где не засвидетельствовано существование этого культа. Святилища Астарты возникали во многих созданных финикийцами городах сразу же после их основания. Порой для этого использовались местные святилища. Так произошло на Мальте, где существовавшее еще с медного века древнее святилище (Тас–Силг) в VIII в. до н. э., когда на острове поселились финикийцы, превратилось в храм Астарты, причем финикийцы внесли только минимальные изменения, необходимые для нового посвящения храма. От финикийцев (вероятнее всего, от карфагенян) культ Астарты переняли этруски. Знали об этой богине греки и римляне.

Царицей Астарта именовалась в Сидоне. Греческий писатель Плутарх во II в. передавал египетский миф об Исиде и Осирисе и рассказывал, что царицу Библа, которая приютила Исиду, ищущую тело своего мужа, звали Астартой. Плутарх явно не понял, что Астарта была не земной царицей, а царствующей богиней. «Священной царицей» называли Астарту на Кипре. Филон Библский говорит, что голова Астарты была украшена рогами в знак ее царской власти.

Греческий писатель II в. н. э. Лукиан отождествляет Астарту с греческой богиней луны Селеной. Правда, писатель прибавляет, что это — его личное мнение, но едва ли оно могло возникнуть без всяких оснований. В III в. н. э. другой автор, Геродиан, говорил, что богиню Уранию, т. е. «небесную», финикийцы называют Астроархой (а это, несомненно, Астарта) и отождествляют ее с луной.

Сама Афродита, как сейчас полагают большинство исследователей, имеет восточное происхождение. Когда проник ее культ в Грецию, неизвестно. В греческих текстах II тысячелетия до н. э. никаких упоминаний этой богини пока не найдено. В начале же I тысячелетия до н. э. Афродита — одна из наиболее почитаемых богинь. И уже в гомеровской «Одиссее» в качестве убежища Афродиты называется Кипр. Может быть, еще на Востоке произошла встреча Афродиты и Астарты, но, скорее всего, это произошло на Кипре, уже после того как на этом острове обосновались и греки и финикийцы. Храмы Астарты существовали в финикийских городах Кипра, по крайней мере, с VIII в. до н. э. Вероятно, и отождествление Афродиты и Астарты восходит к этому же времени, если не к более раннему. И такое отождествление сохранялось в течение всей древности. Недаром финикиец Абдастарт («раб Астарты»), составляя надпись по-гречески, переводил свое имя как «Афродисий». Филон прямо пишет, что, по словам финикийцев, Астарта и есть Афродита. Знаменитый римский оратор и писатель Цицерон в сочинении «О природе богов» говорил о четырех видах Венеры и о том, что одна из этих Венер происходит из Сирии и с Кипра и ее называют Астартой.

В 1964 г. при раскопках в этруском городе Пирги, который служил гаванью важного политического и экономического центра Этрурии — Цере, были найдены золотые таблички с двумя этрускими и одной финикийской надписями, датируемые около 500 г. до н. э. В этих надписях говорится, что Тефарие Велианас, царь Цере, создал в Пирги святилище богини, которая в финикийской надписи именуется Астартой, а в этруских — Уни–Астартой. Таким образом, перед нами отождествление Астарты с этрусской Уни — одной из трех верховных божеств этрусков. Цере был связан с Карфагеном, так что культ Астарты явно пришел в этрусский город оттуда. Возможно, что в Цере он установился именно в это время, ибо Тефарие Велианас, как сейчас считают, был, скорее всего, узурпатором, и принятие нового культа могло стать одним из средств идеологического обоснования узурпации. В таком случае характерен выбор именно Астарты как покровительницы царской власти и верховной богини. В Риме этрусская Уни слилась с Юноной. И, скорее всего, отсюда идет отождествление Астарты с Юноной, супругой римского верховного бога Юпитера. Впрочем, и грекам отождествление Астарты с Герой, супругой Зевса, по-видимому, не было чуждо. В договоре Ганнибала с македонским царем Филиппом V среди первых трех богов упоминаются Зевс (явно Баал–Хаммон) и Гера, в которой надо видеть Астарту.

Такое представление характерно уже для довольно позднего времени, когда в сознании жителей Римской империи все прочнее укореняется мысль о существовании единого всеобъемлющего божества, правящего миром и направляющего его развитие. На роль подобного божества больше, чем старые, привычные и к тому времени во многих отношениях уже показавшие свое бессилие римские и греческие божества, подходили божества восточные, меньше известные, загадочные и таинственные. Это могли быть и мужские (например, иранский вечный боец Митра), и женские божества. Но все же богиням, поскольку они теснее связаны с интимными переживаниями человека, отдавалось предпочтение. Такие культы были вытеснены лишь с победой христианства.

Култ Астарты Эрицинской первоначально был, вероятно, не финикийским, а местным. Финикийцы, познакомившись с ним, узнали в местной богине свою Астарту. Култ Астарты Эрицинской был распространен в Карфагене и карфагенских владениях в Африке и на Сардинии. Африканским центром этого культа был город Сикка, и там в храме Астарты активно практиковалась так называемая священная проституция. Вообще это очень древний восточный обычай, свойственный культам богинь плодородия, когда особые жрицы отдавались посетителям храма, а полученные за это деньги шли на нужды храма. Подобные акты, как считалось, помогают увеличению плодородия земли и плодовитости человека. Этот обычай был свойствен и культу Астарты вообще. Но в Сикке он особенно подчеркивался. Характерно, что Астарту римляне отождествляли и с Венерой и с Юноной, но Астарту Эрицинскую — только с Венерой.

Представление о связи Астарты с морем было довольно древним. Вполне вероятно, уже во II тысячелетии до н. э. в Эмаре поклонялись Астарте Морской. Если рассматривать Астарту как развитие образа богини–матери, то не исключено, что это связано с финикийским (и даже общесемитским) представлением о появлении мира из влажной субстанции, позже понятой как море. В дальнейшем такое представление преобразовалось в образ богини, покровительствующей мореплаванию. Когда культ Астарты и миф о ней проник в Египет, богиня и в этой стране оказалась связанной с морем и морским богом, причем это представление было непосредственно перенесено в Египет из семитского мира, ибо в египетском пантеоне собственный бог моря отсутствовал. Вспомним, что и греческая Афродита, согласно мифу, имела тесный контакт с морской стихией, ибо родилась из пены морской.

Традиция изображать богиню плодородия в виде обнаженной женщины, сжимающей груди, очень древняя. В Финикии такие фигурки встречаются уже в XVIII в. до н. э. И в течение всей древности подобные фигурки изготавливались в Сирии и Палестине, а также в финикийских колониях.

В религиях Ближнего Востока лев обычно ассоциируется с богинями плодородия. Голуби же считались священными птицами и греческой Афродиты. Связано ли это с общим происхождением Астарты и Афродиты или с влиянием культа Астарты на образ греческой богини? Думается, вероятнее все же второе. Голубь (голубка) как птица, соединяющая земной и небесный мир, долго почиталась в Восточном Средиземноморье.

На керубах восседает библейский Йахве. В христианской традиции Дух Святой символизируется голубем, а точнее — голубкой.

Существует и другое толкование этого образа, тоже связанное с культом Астарты. Иногда полагают, что «женщина в окошке» изображает «священную проститутку» Астарты. Но большое распространение этого художественного мотива в финикийском искусстве позволяет все же думать об изображении самой богини.

В городе Сарепта, расположенном между Тиром и Сидоном, найдена надпись с упоминанием Тиннит–Астарты. Возможно, этих двух богинь объединяли также на Мальте. Но есть свидетельства и отдельного почитания Тиннит в Финикии.

Долгое время в науке Тиннит считали местным божеством ливийских племен Африки, принятым карфагенянами. Однако открытия в Финикии заставили пересмотреть эту точку зрения, и теперь никто не сомневается, что культ Тиннит был принесен в Африку финикийскими колонистами. Как давно этот культ возник в Азии, неизвестно. Ни в каких текстах II тысячелетия до н. э. имя этой богини пока не встречается. Слово *ta-ni-ti* содержится в надписи X-IX вв. до н. э. на лувийском языке, но обозначает не богиню, а особую жрицу бога бури. Первое упоминание Тиннит как богини отмечено в Тире на сосуде VIII в. до н. э. Современное состояние археологических исследований на территории самой Финикии пока не позволяет говорить о степени распространенности и важности культа Тиннит. Думается, что в Карфагене сначала она тоже едва ли была великой богиней, явно уступая Астарте. Положение меняется в середине V — начале IV в. до н. э. К этому времени произошли большие изменения. Карфаген, ранее не имевший земельных владений в Африке вне своих стен, теперь эти владения приобрел. Это привело к перестройке всей экономической, а вслед за ней и социально-политической структуры Карфагена. Появляется земельная аристократия, которая наряду с торговой утверждается у власти в Карфагенской олигархической республике. Формируется обширная и довольно мощная Карфагенская держава. Происходит становление полиса как особого типа социально-политического устройства, характерного не для древневосточного, а для античного пути развития древнего общества. Все эти глубокие изменения не могли не повлиять на культурную сферу. Можно говорить, что с этого времени появляется особая карфагенская (пуническая, как ее обычно называют) ветвь финикийской культуры, в ряде аспектов отличающаяся от общефиникийской. Это отразилось и в области религиозных представлений. В святилище, где раньше почиталась явно Астарта, изменяются тип посвященных стел, изображения на них. Именно с этого времени здесь появляется большое количество упоминаний Тиннит (обычно вместе с Баал-Хаммоном). Вероятно, именно в это время Тиннит и становится главным божеством Карфагена. В договоре Ганнибала с Филиппом V Тиннит не упомянута, что вызывает очень большое удивление. Но в этом же договоре среди великих карфагенских богов называется «божество карфагенян», и это, вероятнее всего, именно

Тиннит. Видимо, в мире греческих божеств не нашлось такого, которого дипломаты македонского царя или греческий историк Полибий, передавший текст этого договора на греческом языке, могли бы отождествить с Тиннит.

В Карфагене был найден саркофаг IV— III вв. до н. э., в котором похоронена довольно пожилая женщина негроидного типа. На крышке же саркофага имеется рельеф с изображением молодой женщины европеоидного типа, и тело этой женщины как бы вписывается в изображение голубя: его голова поднимается над головой женщины, а крылья окутывают бедра и ноги, оставляя открытыми только ступни. Эта скульптура явно не может быть портретом погребенной. Видимо, в этом образе слились и представление о богине, и идеальное изображение ее жрицы. Женщина, сливающаяся со своим атрибутом — голубем, — таков образ божественной Тиннит.

В карфагенских надписях Тиннит именуют «госпожой». Именно в качестве госпожи Карфагена она появляется на карфагенских монетах, которые начали чеканить в IV в. до н. э. По типу изображение копирует нимфу Аретузу, которую помещали на своих монетах греческие Сиракузы на Сицилии. Но на карфагенских монетах изображена конечно же Тиннит. В некоторых случаях голова богини украшена царской диадемой, что еще больше подчеркивает роль Тиннит как госпожи Карфагенской республики.

Тиннит в разное время отождествляли с разными греческими и римскими богинями. И эти отождествления показывают развитие образа Тиннит. Около 400 г. до н. э. ее отождествляли с Артемидой, что подчеркивало ее черты как богини девственной, но в то же время матери и кормилицы. Как сказано выше, в конце III в. до н. э. переводчики договора Ганнибала с македонским царем именуют ее божеством карфагенян; к этому времени она уже является главной покровительницей Карфагена. Несколько позже ее отождествляют с Юноной, и это свидетельствует о том, что богиня уже поднимается до положения «царицы богов», а встречающаяся порой идентификация с богиней земледелия Церерой и богиней луны Дианой говорит о сохранении в ее образе лунного и аграрного аспектов. С течением времени Тиннит становится все более универсальной богиней. На Востоке отождествление с Артемидой остается, как кажется, более постоянным.

«Знак бутyli» давно привлекал внимание ученых, дававших ему различное толкование. Приведенное здесь дано известной французской исследовательницей К. Шарль–Пикар после долгого изучения большого числа карфагенских памятников и кажется наиболее вероятным. Надо отметить, что этот знак появляется несколько раньше того времени, когда культ Тиннит выдвигается на первый план, и, возможно, связан еще с культом Астарты, а затем как бы по наследству переходит к Тиннит. И исчез он еще до гибели самого Карфагена, должно быть, в результате развития религиозных представлений карфагенян.

Форма «знака Тиннит» не оставалась неизменной. Но в целом его схема сохранялась. Одни ученые видели в этом знаке символ молитвы, обращенной к Тиннит, другие — соединение бетила с солнечным диском. Было высказано мнение, что «знак Тиннит» — развитие в карфагенской среде египетского знака жизни анха, который очень часто встречается в Египте, особенно при изображениях фараонов. Возможно, что во всех этих предположениях есть доля истины. Но все же предложенное толкование этого знака как символа соединения женского плодоносящего начала, воплощенного в богине плодородия, с солнечным мужским божеством представляется более правдоподобным. Трапецию же можно считать незаконченным треугольником. Это предположение косвенно подтверждается одним из рисунков на стеле, когда вместо крута над трапецией написано слово «баал».

Среди сыновей Эла–Крона Филон называет Крона младшего. Вероятнее всего, это и есть Баал–Хаммон. Иногда его отождествляют с Зевсом или Юпитером, т. е. тоже с сыном Крона или его римского аналога Сатурна. Но все же обычным было сближение Баал–Хаммона с самим Кроном (и Сатурном). В надписях на финикийском и греческом языках в греческом тексте появляется Крон, а в финикийском — Баал–Хаммон. Особенно интересна одна грекоязычная надпись, которая составлена целиком по финикийской схеме, но вместе с Тиннит упоминается Крон. После гибели Карфагена в римское время в Африке широко распространен культ Сатурна, который стал прямым продолжением культа Баал–Хаммона. Само имя Баал–Хаммон ученые трактуют различно. Иногда его понимают как «владыка алтарей с благовониями» или «владыка хамманим», т. е. священных столбов, ставившихся перед алтарями. Иногда под именем «Хаммон» понимают название небольшого городка Хаммон, располагавшегося к югу от Тира и подчинявшегося последнему. Но этот городок был невелик, и, судя по сделанным там находкам, в нем больше почитался бог Милькастарт, в то время как следов почитания Баал–Хаммона до сих пор не обнаружено. Существует также предположение, что «Хаммон» — это горы Аман в северо–западной части Сирии, которые играли довольно значительную роль в истории этого региона. В таком случае Баал–Хаммон был бы похож на Баал–Цафона. Но такое толкование представляется все же чрезмерно искусственным, тем более что прямых свидетельств обожествления этих гор у нас нет. Правда, во II тысячелетии до н. э. встречаются имена, содержащие элемент «хаману», но этот элемент мог вполне означать не название обожествленной горы, а сокращенное «Балу–Хаману», т. е. «Баал–Хаммон». В Карфагене, где культ Баал–Хаммона был одним из важнейших, в святилище, связанном с этим богом, иногда встречалось упоминание Хаммона вместо Баал–Хаммона, что, думается, доказывает существование такого сокращения. Эти имена только свидетельствуют, что культ Баал–Хаммона довольно древний и восходит, по крайней мере, ко II тысячелетию до н. э. Гораздо вероятнее перевод имени этого бога как «владыка жара», что говорит о его солнечном характере, подтвержденном памятниками его культа в Карфагене.

Баал–Хаммон воспринял некоторые черты не только Эла, но, возможно, и того бога, которого в Угарите называли Богом отцовским и который, как уже было сказано, считался, по–видимому, в первую очередь богом царской династии. Если это так, то и в финикийских городах–государствах он мог играть ту же роль. Когда же в Карфагене довольно скоро после его основания царская власть была ликвидирована, Баал–Хаммон превратился в бога Карфагенской республики.

Связь Баал–Хаммона с плодородием земли и мужской силой подчеркивается эпитетами, которые в Африке прибавлялись к имени Сатурна и которые явно были наследием дорийского времени: Плодоносный, Родитель (или Творец), а также Старец. Баал–Хаммон–Сатурн выступал, таким образом, в роли отца. Его изображали очень похожим на Йахве, как можно вывести из библейских описаний. Вполне вероятно, что и роль Баал–Хаммона в Карфагене и некоторых других финикийских колониях была аналогичной (разумеется, до утверждения иудейского монотеизма). Баал–Хаммону, а позже ему и Тиннит приносили в жертву новорожденных. Существование этого обычая говорит о древности культа Баал–Хаммона. Хотя возможно, что он возник после перенесения на Баал–Хаммона некоторых черт старого Эла. Скорее всего, поэтому Баал–Хаммон и приобретает черты родителя, ранее свойственные именно Элу (как угаритскому Илу).

Анату играла очень большую роль в угаритской религии и мифологии. Известна она была и ханаанеям — как финикийцам, так и жившим в Палестине. Об этом свидетельствует и существование в Палестине во время завоевательных походов египетских фараонов, а позже — еврейских племен ханаанских городов Бет-Анат («дом Анат») и Карт-Анат («город Анат»), По Санхунйатону, Анат — дочь Эла, и она помогала своему отцу сражаться за власть с его отцом. За это, по словам Филона, она позже получила власть над Аттикой, а вероятнее, над Грецией вообще. Думается, что последнее сообщение восходит к более позднему источнику, чем Санхунйатон, ибо такое мнение могло возникнуть уже после появления отождествления Анат и Афины. А отождествление это появилось на Кипре не позже V в. до н. э. Оно объясняется как сходством имен, так и воинственным характером обеих богинь. К этому времени Анат, как и ее отец Эл, уже далеко не столь популярны, как в предыдущем тысячелетии, сохраняя свое значение только на Кипре. Вне Кипра отмечено как будто существование культа богини Анат-Бетел («Анатдом Эла»), Она упоминается в договоре тирского царя Баала с Асархаддоном. Но в этом договоре она находится не среди тирских божеств, а, скорее, среди тех, кто с ассирийской стороны в случае нарушения договора накажет Тир и его царя. Эту же богиню весьма почитали говорившие на арамейском языке евреи, находившиеся в египетской крепости Элефантина на службе у фараона в VI-V вв. до н. э. Но, во-первых, возникает сомнение, является ли Анат-Бетел той же богиней, что и Анат, хотя это и вполне возможно. А во-вторых, это вовсе не доказывает, что в то же время ее почитали и финикийцы. Так что пока сферу живого культа Анат надо ограничить Кипром.

Шеол — древняя богиня. Ее культ существовал во II тысячелетии до н. э. в Эмаре, где она уже считалась женским божеством потустороннего мира, мира смерти. Ее упоминают тексты Угарита. В Угарите она, вероятно, считалась супругой бога смерти Муту. Шеол встречается и в Библии, но там это слово обозначает не богиню, а мир смерти. Древние евреи, по крайней мере на более раннем этапе своей истории, относились к смерти, с одной стороны, более или менее спокойно, принимая ее как неизбежность и не пытаясь с этой неизбежностью спорить, а с другой — весьма пессимистически, долгое время отрицая всякую возможность не только воскресения, но и посмертного воздаяния и даже, пожалуй, посмертного существования. Поэтому Шеол в то время представлялся им как преисподняя, в которой исчезает все и в которой, похоже, и нет ничего. В Песни Песней с Шеол сравнивается лютость ревности. Финикийцам не был свойствен такой пессимистический взгляд на потусторонний мир. Они верили в существование после смерти, что доказывается их заупокойным культом. Филон называет Шеол Персефой.

Пользуясь современной логикой, ученые пытаются более или менее рационально объяснить эпитет Дева, часто сопровождавший имя Анату. Полагают, что слово «дева» выражает не девственность, а просто молодость богини, или что эта богиня не была собственно рождающей (но в одном мифе рассказывается о рождении ею сына от Балу), или что девственность является специфической общественно значимой чертой Анату, которую богиня не утрачивает, несмотря на любовь и рождение детей. Думается, что все объясняется проще. Мифологическим представлениям вообще не свойственна та логика, которая лежит в основе науки и повседневной деятельности человека, ибо миф и наука с ее логикой отражают разные стороны человеческого понимания мира. Поэтому и представление о том, что в мире богов возможно все, что невозможно в мире людей, и что там могут сочетаться логически самые несовместимые качества, вполне вписывается в религиозно-мифологическое мышление угаритян. Видимо, угаритяне (как и финикийцы) весьма ценили девственность, считая ее одной из высших женских добродетелей. Недаром своих великих богинь они называли девами. Таковы Рахмайу и Анату, а в Финикии — Астарта и Тиннит. Рассматривая этих богинь как дев, матерей и супруг (или возлюбленных) одновременно, люди подчеркивали свое глубочайшее уважение к ним.

То, что имя бога смерти означает просто «смерть», свидетельствует о глубокой древности Мота. Мы видели, что в Угарите аналогичный и, по сути, одноименный бог Муту выступал почти неодолимым противником Балу, и только воинственная и могучая Анату смогла его победить. Возможно, что и у финикийцев этот бог играл подобную роль, хотя никаких мифов о его борьбе с другими богами не сохранилось.

Когда финикийцы рассказывали, что Мот был среди создателей вселенной, они считали его одним из самых древних божеств, произошедших непосредственно от первоначального духа. В этом случае Мот оказывается гораздо старше Эла.

Рефаимов под именем рапаитов почитали в Угарите. В Финикии они пользовались не меньшим почтением. То, что они были связаны с миром смерти, несомненно. Сидонский царь Табнит угрожал возможным нарушителям гробницы, что те не будут иметь потомства среди живых под солнцем и не будут покоиться с рефаимами. В довольно поздней двуязычной (латинской и финикийской) надписи в Африке финикийский термин «рефаимы» полностью соответствует латинскому «боги маны». Таким образом, рефаимы, как и римские маны, — это души умерших, которым препоручаются только что отошедшие в иной мир души. Рефаимы упоминаются в Библии. Так, пророк Исайя провозглашал, что если Бог посетил и истребил, то мертвые не оживут и рефаимы не встанут. И в одном из псалмов рефаимы снова упоминаются вместе с мертвецами. В то же время рефаимы были и каким-то палестинским или соседним древним народом, может быть сказочным, но, во всяком случае, рассматриваемым библейскими авторами как земное племя. Это привело некоторых исследователей к мысли, что рапаиты–рефаимы находятся как бы на грани между царствами живых и мертвых, соединяя в определенном смысле эти два столь резко отличных друг от друга мира. Но в любом случае в мире смерти они были душами предков, всех ли людей или только самых главных из них (царей, вождей) — точно не известно.

Финикийский Решеф — тот же бог, которого угаритяне почитали под именем Рашапу. Тогда же, т. е. во II тысячелетии до н. э., ему активно поклонялись финикийцы. Решефу был посвящен один из древнейших храмов Библа. Найденные в Библе бронзовые статуэтки воинов (на некоторых еще сохранились следы позолоты) многие ученые считают либо изображениями Решефа, либо посвящениями ему. Финикийские мореплаватели, по-видимому, возили с собой статуэтки Решефа, вероятно, пытаясь таким образом снискать его покровительство и избежать гибели в море или на ближайшем берегу. Скорее всего, именно изображением Решефа была бронзовая фигурка XIV-XIII вв. до н. э., найденная в море у южного побережья Сицилии и пока являющаяся, пожалуй, самым древним свидетельством финикийских плаваний в этот район. С колонизацией культ Решефа широко распространился по всему Средиземноморью. Так, храм этого бога в Карфагене был одним из самых богатых. Не меньше его почитали и на родине. Целый район Сидона назывался «землей Решефа» (или «землей Решефов»). Греки его отождествляли со своим Аполлоном. Под этим именем он упоминается в договоре Ганнибала с Филиппом V. По Филону, Аполлон был сыном Крона. Ясно, что финикийцы считали Решефа сыном Эла и родным братом Баал-Хаммона. В упомянутом договоре Ганнибала с македонским царем Аполлон-Решеф занимает место среди трех первых богов Карфагена.

Засвидетельствовано существование культа Решефа в Эбле уже в III тысячелетии до н. э. Находки статуэток Решефа, относящихся к самому началу I тысячелетия до н. э., говорят о почитании этого бога евреями Палестины. Решеф упоминается в некоторых библейских текстах. С утверждением единобожия он превращается в разрушающую силу на службе Йахве. Как и в финикийском мире, его имя иногда упоминается во множественном числе. Распространение культа Решефа (Рашапу) вне западносемитского мира не ограничивается Египтом. Под именем Иршаппа его почитают хетты. И еще до обоснования финикийцев на Кипре жители этого острова, поддерживавшие связи с сиро-палестинским побережьем Средиземного моря, в том числе с финикийскими городами, тоже уже знали Решефа.

Некоторые следы культа Эшмуна найдены в Сирии и датируются III тысячелетием до н. э., но следов этих пока еще обнаружено мало, да, пожалуй, они и спорны. Об этом боге говорит, в передаче Филона, Санхунйатон, так что, надо думать, во II тысячелетии до н. э. финикийцы хорошо знали Эшмуна. Следующее же тысячелетие показало очень широкую популярность этого бога во всем финикийском мире. Его почитали в Арваде, Сидоне, Тире и во многих других городах самой Финикии, а также в заморских колониях. Распространился культ Эшмуна и в Палестине, Египте, Месопотамии. Эшмун называется в числе гарантов упоминавшегося выше договора тирского царя Баала с Асархаддоном: вместе с Мелькартом он должен был разрушить страну, выслать из нее народ, отнять у людей еду, одежду и украшения, если тирийцы преступят договор. Многие финикийцы получали имена, в которых упоминался Эшмун.

Греки обычно отождествляли Эшмуна со своим богом–врачевателем Асклепием, а римляне — с Эскулапом. После завоевания Финикии Александром Македонским, а затем Карфагена и его владений римлянами культ Асклепия–Эскулапа широко распространился в этих землях. Асклепий считался сыном Аполлона, и сам Аполлон порой тоже выступал в роли целителя. В Греции существовала даже особая ипостась Аполлона — Аполлон Врач. И с этим Аполлоном Врачом иногда тоже отождествлялся Эшмун.

Кабиры были весьма почитаемыми и очень таинственными божествами Греции. Сами греки связывали их происхождение с островами северной части Эгейского моря — Самофракией и Лемносом. Через эти острова в свое время проходил путь активной финикийской торговли и, вероятно, колонизации на ее первом этапе. Уже Гомер называет Лемнос финикийским торжищем. Само слово «кабиры» по-гречески звучит непонятно, и многие исследователи связывают его с финикийским, где оно могло означать «могущественные». Правда, в Греции эти божества, похоже, особенно могущественными не значились, а относились к сравнительно низшим богам. Греки обычно считали их детьми бога-кузнеца Гефеста, с которым, как правило, отождествлялся финикийский Хусор. Но такое родство едва ли пришло из Финикии, даже если культ Кабиров по своему происхождению был финикийским. Заметим, что и число Кабиров у греков и финикийцев было разным. У греков оно колебалось, но обычно составляло не больше четырех, в то время как финикийцы насчитывали семь Кабиров (число «семь» на Ближнем Востоке являлось священным), к которым прибавлялся восьмой, Эшмун. Греческие Кабиры были связаны с огнем и работой с ним (как дети Гефеста). Но сохранился миф, позволяющий связать их и с подземным миром. А это указывает на родство с финикийскими Кабирами. С другой стороны, греческие Кабиры, кажется, не имели функции излечения людей, тогда как финикийским она была свойственна. Так что родство греческих и финикийских Кабиров ограничено практически лишь одним аспектом. Но именно наличие этого аспекта и дало возможность их отождествить. Время появления культа Кабиров в Греции точно не известно. Думается, что его можно отнести ко II тысячелетию до н. э., ко времени, по крайней мере, Троянской войны или несколько более раннему. Может быть, целительная функция Кабиров возникла уже позже, после знакомства греков с ними. Вероятнее всего, первоначально финикийские Кабиры были связаны исключительно с подземным миром и лишь позже стали врачевателями, превратившись в прародителей знахарей и лекарей. Филон их называет еще и Диоскурами. В греческой мифологии Диоскуры — боги, которые часть жизни проводили в царстве мертвых, а часть — на Олимпе. Это означает, что они относились к умирающим и воскресающим богам, и именно таким богом был и Эшмун. Означает ли это, что и другие

Кабиры имели ту же природу? Возможно, хотя сведений об этом нет. Диоскуры почитались как морские божества, спасающие гибнущих моряков. С морем были связаны и Кабиры. Филон рассказывает, что они похоронили в Берите останки бога моря. Рассказ о погребении бога явно объясняется философскими взглядами самого Филона, который, как уже говорилось, считал, что все боги раньше были смертными людьми. Но для нас важно то, что в этом пассаже из Филона, несомненно, отразилась связь Диоскуров с богом моря, и она основывается, по-видимому, на рассказе Санхунйатона. Во всяком случае, в Берите Кабиры и Диоскуры в римскую эпоху весьма почитались.

То, что Кабиры, и в их числе Эшмун, считались сыновьями Цидика, подчеркивает связь между справедливым и правильным порядком вообще и отношениями жизни и смерти — последние тоже оказываются необходимыми и неотъемлемыми составными частями общего миропорядка.

Насколько культ Шадрaпы древен, сказать трудно. Санхунйатон этого бога не упоминает. Возможно, потому, что в конце II тысячелетия до н. э. культ Шадрaпы еще не был распространен в Финикии. Но в VIII в. до н. э. он уже предстает божеством не только лечащим, но также царствующим и воющим. Трудно представить, что такой образ мощного бога мог возникнуть быстро и на пустом месте. Иногда образ Шадрaпы считают особой разновидностью образа Эшмуна. Это возможно, хотя оснований для такого суждения нет.

Об этом свидетельствует отождествление Шадрaпы с греческим Дионисом и римским Либером.

Облик этого бога свидетельствует о сильном египетском влиянии. Учитывая, что Амрит расположен рядом с Арвадом и, вероятно, принадлежал к территории этого северофиникийского царства, можно говорить, что так Шадрапа изображался именно в данной части Финикии. Это не значит, что его не почитали другие финикийцы. Культ Шадрапы существовал в Сарепте, Тире, на Кипре, в западных колониях. Позже его восприняли и арамеи. Может быть, в разных местах образ Шадрапы имел свои особенности. Как кажется, на востоке в большей степени подчеркивался воинственный и царственный характер этого бога, а на западе — способность к врачеванию и возрождению.

О египетском Шеде тоже известно немного. Он появляется довольно поздно, не раньше середины II тысячелетия до н. э. Некоторые исследователи предполагают, что он был в Египте чужаком и вел свое происхождение из семитоязычного мира. В таком случае перед нами вторичное появление этого бога в несколько усложненной форме у одного из семитоязычных народов — финикийцев.

О Циде очень долго было почти ничего не известно. Но сравнительно недавно на юго-западе Сардинии удалось открыть святилище этого бога. В этом святилище найдены статуэтки других богов-целителей — Шадрапы и Хорона, но посвящены они Циду. Видимо, на этом острове именно Цид первенствовал среди подобных божеств. На Сардинии Цид отождествлялся с греческим героем Иолаем и местным божеством, которого римляне называли Отцом Сардом, т. е. богом — властителем острова и отцом его местного населения. Иолай в греческой мифологии считался племянником и спутником Геракла, активно участвовавшим в различных деяниях героя. Сохранилось предание о приходе на Сардинию людей под руководством Иолая. Но Цид был связан не только с Сардинией. Этот бог под именем Иолая назван в договоре Ганнибала с Филиппом V. Сохранились имена людей, содержащие имя этого бога, эти люди жили в Карфагене и в Акко (Финикия). Сохранился также миф об основании Цидом (Сидом) Сидона (по-финикийски — Цидон). Возможно, что Сидон в данном случае обозначает даже не город, а весь юг Финикии. Об этом, в частности, косвенно свидетельствует так называемая Таблица народов, содержащаяся в Библии. В ней говорится, что первенцем Ханаана был Сидон, а далее перечисляются города и народы, не имевшие отношения к Южной Финикии, в то время как, несомненно, хорошо известный Библии Тир здесь вовсе не упомянут. Санхунйатон о Циде, кажется, ничего не говорит (не все греческие имена, упомянутые Филоном, можно уверенно отнести к тому или иному финикийскому божеству, и поэтому от уверенности в сказанном или не сказанном Санхунйатоном приходится отказаться). Это не значит, что Цид был сравнительно новым богом для финикийцев. Просто пока мы о нем знаем мало.

В отличие от Шадрапы и Цида, Хорон, несомненно, древнее божество ханаанеев и амореев. Это угаритский Харану, о котором уже говорилось. Следы почитания этого бога имеются в Мари и в Палестине. Правда, в самой Финикии пока следов его культа найдено чрезвычайно мало. Но то, что его почитали финикийцы Сардинии, свидетельствует и о существовании культа этого бога у финикийцев.

Йево был древним богом, почитаемым и в Угарите. Иногда даже полагают, что это — другое имя бога моря Иама (угаритского Йамму). Есть сведения, что Йево считался богом осени и сбора урожая. Возможно, что морским божеством он стал позднее. Если он был не просто богом моря, а богом бурного моря, каким оно часто бывает осенью, то казалось бы убедительнее высказываемое порой мнение о его связи с еврейским Йахве, бывшим первоначально богом бури, а потом уже ставшим единственным и всемогущим Богом.

Имя Бел было довольно популярным в произведениях греческих и римских писателей, когда они вели разговор о таинственном Востоке. Белом они называли основателя Вавилона. Римский поэт Вергилий (I в. до н. э.) в своей поэме «Энеида» называет Белом отца Элиссы (Дидоны), основательницы Карфагена. Филон называет сына Эла Зевсом Белом, отождествляя, таким образом, этого морского (точнее, просто водного) бога с верховным богом Греции. С Зевсом греки отождествляли и других финикийских богов, наследников древних баалов; так, например, Баал–Цафон стал Зевсом Касием. Следовательно, и тот бог, о котором сейчас идет речь, играл довольно значительную роль, сравнимую с ролью Баал–Цафона. На юге Финикии имелась река, называемая Белом, и на ее берегу находилось место, которое почиталось как гробница умирающего и воскресающего бога. Историк I в. н. э. Иосиф Флавий говорит, что это — гробница греческого героя Мемнона, который был убит во время Троянской войны и вечно оплакивался его матерью, богиней зари Эос. Вероятнее, что в действительности речь шла о местном, т. е. финикийском, божестве, которого греки уже после Александра Македонского сочли Мемноном или похожим на него. Согласно легенде, на берегах этой реки лечился от раны, полученной в сражении с Лернейской гидрой, Геракл. Геракла, как об этом будет сказано позже, греки постоянно отождествляли только с одним персонажем финикийской мифологии — богом Тира Мелькартом. Учитывая, что город Акко, расположенный близ этой реки, одно время принадлежал Тиру, можно предполагать связь между «Мемноном» и Мелькартом — умирающим и воскресающим богом. Возможно, тот Бел, о котором идет речь, был владыкой этой реки на юге Финикии, как Баал–Цафон — владыкой горы Цафон на севере. Но возникает сложный вопрос, как об этом боге узнал Филон. Дело в том, что «Бел» — это арамейское произношение имени Баал, и финикиец Санхунйатон явно не мог его использовать. В данном случае возможны два решения: либо Филон параллельно с Санхунйатоном имел другой какой-то источник, гораздо более поздний, относящийся ко времени, когда арамейский язык стал разговорным языком не только арамеев, но и населения всего Ближнего Востока, либо он не совсем правильно понял имя, переданное Санхунйатоном. В любом случае перед нами водный бог, который, по-видимому, из бога конкретной реки превратился в бога

текущей воды вообще и в финикийской мифологии (по крайней мере, более позднего времени) стал прародителем всех морских божеств.

Понт у Филона — это явно финикийский Йам, т. е. тот же бог, которого угаритяне почитали под именем Йамму и считали сыном Илу (финикийского Эла): в греческом языке слово «понт» означало «море», как и «йам» по-финикийски. Если угаритяне считали Иамму сыном Илу, то для финикийцев он был его правнуком. Это доказывает, что при общности их происхождения мифологические системы угаритян-амореев и финикийцев могли развиваться независимо друг от друга.

В Берите Посейдон был «отеческим богом», главным покровителем города. Сохранился миф о любви Посейдона и нимфы Берои, олицетворявшей город Берит. Изображения Посейдона часты на монетах этого города. Упоминание Посейдона в договоре Ганнибала с Филиппом V свидетельствует о высоком положении этого бога в Карфагене. Туда он пришел из метрополии. В 406 г. до н. э. карфагенский полководец Гамилькар перед битвой умолял богов о победе и при этом приносил в жертву Баал–Хаммону детей, а Посейдону — жертвенных животных, бросая их в море, причем делал это в соответствии с «отеческим обычаем», как пишет историк Диодор. В Карфагене и сфере карфагенского влияния следы культа Посейдона–Нептуна относительно многочисленны. Но этот бог почитался не только в этих двух городах. Сестрой Посейдона считалась Сидон (и в греческом и в финикийском языках слово «город» — женского рода). Поэтому можно думать, что и в Сидоне этот бог весьма почитался. А то, что жертвы Посейдону приносились по «отеческому обычаю», говорит о почитании Посейдона в Тире, откуда происходили карфагеняне.

Изображения смешных карликов появляются на некоторых финикийских монетах. Встречаются и терракотовые статуэтки карликов. Некоторые ученые полагают, что культ этих морских божеств пришел к финикийцам из Египта. Но в Египте, как мы уже говорили, не существовало собственного морского бога: наоборот, почитание бога моря пришло в Египет явно из Финикии. Хотя, конечно, не исключено, что финикийцы восприняли культы каких-то мелких египетских божеств и стали считать их покровителями моряков. Но и в таком случае они должны были сопоставить их со своими морскими божками. В греческой мифологии такими спасителями и хранителями моряков являются Диоскуры. Уже говорилось, что у финикийцев они равнозначны Эшмуну и его братьям, т. е. Кабирам. Не лежит ли представление о Кабирах в основе представлений о патеках, хотя сам образ таких карликов мог действительно прийти из Египта?

То, что нарицательные существительные понимаются в данном случае как собственные имена, показывает глубокую древность этих божеств. И действительно, все они давно почитались западными семитами. Их культ существовал и в Угарите, о чем уже говорилось, и в других местах семитоязычного мира. Едва ли их почитание финикийцами отличалось от того, какое существовало в Угарите. Характерно, что, хотя у финикийцев существовали солнечные и лунные божества, такие, как Баал–Хаммон или Тиннит, эти светила сохранялись как самостоятельные объекты культа. Все три — солнце, луна и земля (именно в таком порядке) названы в договоре Ганнибала с Филиппом V «соратствующими богами». Они, видимо, воспринимались в качестве древнего триединства. У Филона Земля была одной из древнейших богинь, сестрой и женой бога неба, т. е., как уже говорилось, Баал–Шамима, матерью Эла и фактически прародительницей почти всех остальных богов. Это — древнее представление, свойственное не только семитским народам. Такую же роль играла Земля–Гея в греческой мифологии.

Воплощение солнца в женском образе давно известно у семитов. В Угарите, как и на юге Аравии (об этом говорилось ранее), солнце было женским божеством. У восточных семитов в Месопотамии (может быть, под влиянием представлений шумеров, живших в Южной Месопотамии до семитов и наряду с ними и оказавших огромное воздействие на религиозно–мифологические представления последних) солнце стало богом–мужчиной. Финикийцы сохранили старое представление о воплощении солнца в женском образе, а встречающееся иногда восприятие его как мужчины могло быть вызвано месопотамским или, скорее, египетским влиянием.

Култ звезд тоже был очень древним. Одно время в науке считалось, что вообще поклонение звездам составляло суть религии семитских народов. Такое мнение в настоящий момент отвергнуто. Но это не означает, что вместе с ним отвергается и сама идея звездопоклонства. Звездам поклонялись как самостоятельным божествам, звездный аспект был присущ и некоторым другим богам и богиням. Недаром греки, а за ними и римляне называли, например, Астарту Астроархой («владычицей звезд») или Астроной — именем, тоже связанным с понятием звезды.

В сохранившемся тексте Филона Бетил упоминается только однажды в качестве сына Земли и Неба и как брат бога Эла. Это не обязательно означает, что Санхунйатон тоже упоминал его всего лишь раз. Уже Филон мог сокращать текст Санхунйатона. Да и произведение Филона, как мы знаем, дошло лишь в цитатах, приведенных Евсевием. Поэтому говорить о его малом почитании только на этом основании нельзя. Правда, пока и в параллельных источниках Бетил как самостоятельное божество почти не встречается. Только в договоре Баала с Асархаддоном упоминается бог Бетил, но контекст не позволяет решить, относится ли он к богам Тира. Иногда этого бога считают вообще не финикийским, а арамейским. Но все же его упоминание Санхунйатоном позволяет говорить о нем именно как о боге финикийцев. Характер и сущность этого бога, к сожалению, пока неизвестны. Гораздо больше мы знаем о Дагоне. Уже говорилось, что он относился к древним и очень почитаемым богам западных семитов. Но в Угарите при этом ощущали его некоторую чуждость, ибо главным центром его культа был город Тутгуль. Кроме Дагона Туттульского, был еще Дагон Ханаанский. И именно в этой разновидности Дагон весьма почитался ханаанеями–финикийцами, а от них был воспринят поселившимися в Палестине филистимлянами. Дагон представляется, по существу, родоначальником другой семьи финикийских богов, параллельной той, что шла от Эла. Поэтому неудивительно, что иногда его, как и Эла и Баал–Хаммона, который, как уже говорилось, перенял часть черт Эла, отождествляли с Кроном и Сатурном. Более обычно, однако, его отождествление с Зевсом Аротрием, т. е. Зевсом–земледельцем.

То, что Демарунту вместе с Астартой и Хададом (о котором речь пойдет немного ниже) передана власть над Финикией, свидетельствует о большой роли, какую играл этот бог в религиозном сознании финикийцев. Но необходимо сделать одну очень важную оговорку. Демарунт выступает противником бога моря Йама. Он же был отцом Мелькарта, главного бога Тира. Мелькарт, как об этом будет сказано в своем месте, был убит тем же Йамом и воскрешен Цидом, богом, связанным с Сидоном или, может быть, даже со всей Южной Финикией. Таким образом, в финикийской мифологии появляется группа богов, враждебная богу моря и, по-видимому, всему потомству бога Бела. Хотя сам Бел был, скорее всего, богом южной реки, морские божества почитались больше на севере Финикии. Как уже говорилось, возможно, что Южная Финикия одно время вся выступала под названием «Сидон». Об определенном единстве этой части страны, несмотря на существование там отдельных государств — собственно Сидона и Тира, говорит упоминание в угаритском тексте богини Асирату как «Асирату тирийцев, Илату сидонян». Некоторые исследователи связывают бога Демарунта с рекой Дамурас или Тамурас, протекающей недалеко от Сидона. Поэтому может быть, что царственное положение Демарунта признавалось в основном в южной, сидонотирской, части Финикии. Интересно в этом плане, что Санхунйатон из Берита и Филон из Библа, т. е. из городов Северной Финикии, говорят только о поражении Демарунта и бегстве его от Йама, но никак не о его реванше. Поэтому указание на получение им вместе с двумя другими божествами власти над страной кажется необоснованным. Видимо, миф о разгроме Йама Демарунтом опущен совершенно сознательно. В то же время такое противопоставление южного бога северному не особенно прочно закрепилось в сознании финикийцев. Во всяком случае, выходцы из Тира, основавшие Карфаген, северного морского бога, как мы видели, весьма почитали. Что же касается Демарунта, то пока следов его культа найдено очень мало. Можно лишь надеяться, что раскопки в Тире или Сидоне дадут нам больше сведений об этом боге.

Возможно, образ этого бога явился развитием старого семитского представления о боге Астаре, почему Демарунт и соединен с Астартой и как властелин Финикии, и как отец Мелькарта.

Упомянутый Филоном Хадад — это, несомненно, угаритский Хадду, т. е. Балу–Цапану. Мы уже видели, сколь распространено было почитание этого бога в семитоязычном мире Передней Азии. В сознании финикийцев произошло, по–видимому, расщепление его образа, в результате чего Баал–Цафон и Хадад оказались самостоятельными богами. Хадад отделился от горы Цафон (Цапану) и стал владыкой гор вообще, и в особенности Ливана. В Риме было найдено святилище сирийских богов, среди которых оказался и Хадад Ливанский. Этому богу сделал посвящение наместник тирского царя в одном из городов Кипра.

Об Адонисе мы знаем только от греческих и римских писателей, у которых он выступает персонажем греческой мифологии. Но само имя Адонис — чисто финикийское и означает «господин, господь». Его постоянная «привязка» именно к Библу и его району свидетельствует о библском происхождении этого бога.

Согласно мифу, на острове, на котором находился Тир, Астарта нашла упавшую с неба звезду и посвятила ее себе, и сам остров считался святым островом Астарты. Тирский Мелькарт вообще был тесно связан с Астартой. Она, как мы уже отметили, считалась его матерью. В Тире был храм Астарты. В Сидоне эта богиня была тесно связана с Эшмуном и вместе с ним покровительствовала и городу, и его царю. Эти два божества, вероятно, имели общее святилище. Верховный жрец Астарты играл, возможно, роль верховного жреца всего города.

Некоторые исследователи полагают, что это местная, библская разновидность Астарты. С далекой древности Баалат–Гебал отождествлялась с египетской Хатхор. Эта богиня была связана с великим египетским солнечным богом Хором, и само ее имя означало «жилище Хора». По своей основной функции она была небесной богиней, а также богиней любви. Греки отождествляли ее с Афродитой, как и финикийскую Астарту. И это — основание сближать Баалат–Гебал с Астартой. Но все же библская богиня была совершенно самостоятельной фигурой. И отождествляли ее не с Афродитой, а с ее матерью Дионой, которую греки считали одной из самых старших богинь, дочерью Океана или Земли–Геи. По Санхунйатону (в пересказе Филона), Баалат–Гебал была сестрой Астарты. Эл, после того как он стал владыкой мира, передал ей власть над Библом, а Астарте вместе с Демарунтом и Хададом — над страной, т. е. над Финикией (за исключением, естественно, Библа и некоторых других мест). Возможно, однако, что, по мере того как Астарта приобретала все новые черты и все больше становилась космической богиней, Баалат–Гебал слилась с ней.

Хусор — тот же бог, которого угаритяне почитали под именем Котару–ва–Хасису. Как и в случае с последним, его культ пришел из Аравии, где имелся бог Каср. Характерно, что в отличие от угаритского бога у финикийского было только одно имя. Возможно, его резиденцией считался Библ. В одном из вариантов мифа Хусор назван отцом библского бога Адониса. Хусор не относился к потомству Эла, он был гораздо старше его, а по некоторым вариантам мифа он даже предшествовал появлению вселенной.

В приписывании создания первого судна (а мореплавание и соответственно судостроение, как известно, играли огромную роль в жизни финикийцев) разным богам можно видеть следы различных преданий: одно, очевидно, связано с Тиром, а другое — с Библом как важнейшими центрами морской торговли и мореплавания. Помимо Хусора на роль изобретателя первого корабля претендовали и другие боги, в том числе Усой (бог города Ушу, являвшегося в I тысячелетии до н. э. материковой частью Тира) и Мелькарт.

Хусор отождествлялся с греческим богом Гефестом и римским Вулканом. Оба бога были по своей глубинной сути богами огня, позже став покровителями кузнечного дела. Возможно, что и Хусор был тоже связан с культом огня. Как и Котару–ва–Хасису, Хусор занимался магией и прорицаниями.

Культ Эреша был широко распространен на западе финикийского мира. Храм Эреша имелся как будто в Карфагене. Но на запад Эреш прибыл явно с востока, где его почитали в Угарите и северосирийском городе Алалахе во II тысячелетии до н. э. Не исключено, что Хусор и Эреш были первоначально разными божествами, и следы этого можно усматривать в почитании в Карфагене как Хусора, так и Эреша. Но сходство «обязанностей», связанных с морем и строительством, могло привести к слиянию этих двух фигур.

Совершенно естественно отождествление финикийского Баал–Магонима с греческим Аресом и римским Марсом. В договоре Ганнибала с Филиппом V Арес упоминается вместе с Тритоном и Посейдоном среди самых почитаемых богов Карфагена. Нахождение вместе, в одной триаде Посейдона, Тритона и Ареса говорит, возможно, о том, что все трое имели отношение к воинству: Посейдон и Тритон, по–видимому, покровительствовали военному флоту, столь развитому у финикийцев вообще и у карфагенян в частности, а Арес — сухопутной армии, причем Арес назван в этой группе первым, что неудивительно, учитывая характер армии Ганнибала, действующей в Италии. В греческой (а за ней и в римской) мифологии Арес (Марс) был возлюбленным Афродиты (Венеры). Возникает вопрос, не связан ли каким-то образом с Астартой и финикийский Баал–Магоним. Хотя свидетельств культа этого бога очень немного, можно говорить, что он был весьма почитаем (по крайней мере, официально и среди воинов). По преданию, Карфаген был построен именно в том месте, где была найдена голова коня, что обещало в будущем войны и могущество. Изображение коня карфагеняне помещали на своих монетах, на другой стороне которых имелось изображение Тиннит. Конь появляется и на некоторых стелах, посвященных Тиннит. Так что связь между этими двумя божествами в относительно поздний период карфагенской истории (монеты и стелы в честь Тиннит появляются в Карфагене с конца V или с IV в. до н. э.) представляется несомненной. Вполне вероятно, что по мере присвоения Тиннит черт Астарты и бог, который мыслился связанным с Астартой, стал все более ассоциироваться с Тиннит. Если это так, то предположение о тесном соединении в религиозных представлениях финикийцев образов Астарты и Баал–Магонима кажется не лишенным оснований.

Позже египтяне объединили Хатхор с Исидой, и финикийцы вслед за ними стали отождествлять Баалат–Гебал и Исиду.

В Египте Бес считался сравнительно небольшим божком (он входил в свиту великого бога Осириса). Культ этого бога или, точнее, группы очень близких божков был широко распространен в самом Египте и далеко за его пределами. Приблизительно с середины II тысячелетия до н. э. карликовые божки сливаются, так что в следующем тысячелетии они могли уже восприниматься, особенно неегиптянами, в том числе финикийцами, как одно божество.

Изображение Беса на монетах города Эбеса позволило предположить, что этот город, основанный карфагенянами на одном из Пителиусских островов (современный Ивиса) недалеко от берегов Испании, само свое название получил от имени этого бога.

Богиня Бастет, священным животным которой считалась кошка, издавна почиталась египтянами. Но особенно ее культ распространился в X-VIII вв. до н. э., когда город Бубаст, городской богиней которого была Бастет, являлся фактической столицей Египта. В это время египетские фараоны вновь предъявили претензии на господство в Финикии, но реализовать их могли лишь в весьма скромном масштабе: возможно, на какое-то время они сумели подчинить себе Библ, но очень ненадолго. Культурные же связи между Египтом и финикийскими городами в этот период не только не ослабли, но, пожалуй, еще и усилились. Именно в это время финикийцы сами стали активнее проникать в Египет и как купцы, и как наемники. Естественно, столичную богиню, покровительствовавшую тогдашним государям, они стали особенно почитать, что по традиции сохранялось и в дальнейшем. С Бастет египтяне отождествляли и столь знакомую финикийцам Хатхор, и это обстоятельство, вероятно, облегчило принятие культа Бастет финикийцами.

В 396 г. до н. э. по решению карфагенского правительства культ Деметры и Кору был официально установлен в Карфагене. Это было связано с тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю карфагенян.

Незадолго до того карфагенские воины разрушили и разграбили святилище Деметры и Кору на Сицилии. Богини, как тогда считалось, разгневались и обрушили на карфагенских воинов страшную эпидемию. А после войны в Африке вспыхнуло мощное восстание, поставившее под угрозу само существование Карфагенского государства, и в этом карфагеняне тоже увидели знак гнева Деметры и Кору. И вот, чтобы умиловать разгневанных богинь, правительство Карфагена и приняло решение ввести их культ, который до самого падения этого государства совершался по греческому обряду. В это время вообще начинается триумфальное шествие Деметры по грекоязычному миру. Карфагеняне, к тому времени все более поддававшиеся влиянию греческой культуры, тоже приняли участие в этом триумфе. В некоторых своих аспектах образы Деметры и Кору были близки к образам Астарты и Тиннит, что облегчило принятие греческих богинь карфагенянами. Причем в Греции в паре Деметра — Кора (Персефона) первое место занимала Деметра, считавшаяся матерью Кору. В Карфагене богини поменялись местами. Может быть, это связано с близостью Кору к Тиннит, а Деметры — к Астарте, а поскольку в это время Тиннит оттесняет Астарту, то и Кора занимает в карфагенской религиозной жизни более высокое место по сравнению со своей матерью. Введение культа Деметры и Кору носило явно аристократический характер. Видимо, верхние слои карфагенского общества, теснее связанные с греческим миром, воспринимали греческую религию и пытались некоторые ее аспекты, наиболее близкие финикийскому сознанию, совместить с традиционными представлениями. Основная же масса карфагенского населения осталась в большей степени привержена старым верованиям и не была сколько-нибудь серьезно затронута влиянием иноземных культов.

В финикийском мире между культами Диониса и культами Кору и Деметры имелась значительная разница. Культ Диониса так и не стал там самостоятельным. Дионисийские черты были как бы присоединены к другим богам, прежде всего к Шадрапе. Надо отметить также, что особой реформы с целью утвердить культ Диониса, как это произошло с культами Кору и Деметры в Карфагене, тоже не проводилось. Правда, в Карфагене культ Диониса, подобно культу греческих богинь, носил аристократический характер. В Лептисе же, где Дионис был отождествлен с Шадрасой, положение было, по-видимому, иным: там культ Диониса в большей степени проник в разные слои местного финикийского населения. Постепенно культ Диониса, к тому же еще отождествляемого с египетским Осирисом, все шире распространялся в финикийской среде.

Еще в первой половине V в. н. э. знаменитый христианский писатель Августин, епископ города Гиппон в Северной Африке, говорил, что местные язычники противопоставляли Христу Сатурна, т. е. древнего Баал–Хаммона, почитая его как господина и бога. А на востоке сильной соперницей новой религии являлась Астарта. Храм Афродиты Урании, т. е. той же Астарты, был разрушен окончательно только в VI в. Также очень долго жители Библа поклонялись Адонису.

Так, место, связанное со смертью Адониса и почитанием там Астарты–Афродиты, и сейчас является местом поклонения, обращенного к силам, которые, как считается, обеспечивают плодородие.

Чем больше ученые исследуют культуру народов Сиро–Финикийско–Палестинского региона, тем становится яснее, что различные культуры всего этого региона являются, по существу, вариантами единой культуры. Можно уже говорить не только о ханаанейско–аморейском, но и вообще о западносемитском культурном круге. Это целиком относится к религии. Только в еврейском обществе произошли столь радикальные изменения, что древнееврейская религия стала развиваться по абсолютно иному пути. У остальных народов религия сохраняла свои основные древние характеристики. Поэтому неудивительно, что у арамеев встречаются те же божества, что и у угаритян и финикийцев. Но это, конечно, не означает, что никаких особенностей персонажи арамейского пантеона не имели. Надо подчеркнуть, что арамеи гораздо позже, чем народы средиземноморского побережья, перешли на стадию городской цивилизации. Первые сведения об арамеях, может быть, относятся еще к III тысячелетию до н. э., но это были явно лишь незначительные племена, не игравшие большой роли в истории региона. И только в XIII в. до н. э. арамейские племена выходят на арену истории. И все же, когда ассирийский царь Тиглат–Паласар I, правивший в 1114–1076 гг. до н. э., вторгся в Сирию, арамеи еще были кочевниками. Ассирийский царь хвастался захватом их городов, но это явно были лишь кочевые станы. И только в самом конце II тысячелетия до н. э. и в начале следующего арамеи, захватив к этому времени значительную часть Сирии, осели и стали создавать свои государства. Эти обстоятельства способствовали тому, что в арамейской религии сохранилось много архаических черт, уже почти исчезнувших в угаритской и финикийской. Прародиной всех народов, говоривших на семитских языках, был Аравийский полуостров. И в арамейской религии обнаружено большое сходство именно с религией древних арабов, какой она была до возникновения ислама.

Лукиан родился около 120 г. в городе Самосате на берегу Евфрата. Во времена Лукиана этот город относился к римской провинции Сирии. Его отец был, по-видимому, ремесленником, а сам он пытался учиться у своего дяди мастерству скульптора, но не преуспел в этом. А затем Лукиан учился уже гораздо более успешно философии и риторике. Он много путешествовал по восточной части Римской империи, побывал в Афинах и сирийской столице Антиохии. Прославился Лукиан на литературном поприще. Он написал более 70 произведений, носивших в основном сатирический характер. Его сатиры не щадили ни философов, ни раторов, ни бродячих проповедников, ни самих богов. Не избежали едких насмешек Лукиана и его собратья по перу, и не только живые, но и давно умершие. Среди произведений Лукиана трактат «О сирийской богине» занимает особое место. В нем на первый взгляд нет той разъедающей иронии, которая характерна для сатир Лукиана. Написан он на ионийском диалекте греческого языка, обычно не используемом Лукианом. Поэтому еще в XIX в. была высказана мысль, что в действительности это небольшое сочинение написано не Лукианом, а было лишь приписано ему позже. И до сих пор споры о его подлинности продолжаются. И все же многие филологи склоняются к признанию Лукиана автором произведения «О сирийской богине». Они утверждают, что объектом насмешки автора является «отец истории» Геродот, использовавший в своем произведении именно ионийский диалект, что сочинитель пародирует стиль этого древнего историка. Но в конечном итоге не очень-то и важно, написал ли трактат «О сирийской богине» Лукиан или кто-либо другой. Важно, что в нем содержится чрезвычайно ценный материал о сирийских культах и мифах, какой в других сочинениях грекоязычных авторов не найти. Конечно, надо иметь в виду, что Лукиан, несмотря на свое восточное и, возможно, именно сирийское происхождение, полностью принадлежит греческой культуре римского времени. Он дает сирийским персонажам греческие имена и смешивает местные и греческие черты, так что надо еще узнавать под этим покровом сирийскую, точнее, арамейскую основу.

О сохранении значения Ила в арамейской религии свидетельствует относительно большое количество имен с элементом «Ил». Да и предок арамейцев в Библии назван Кемуилом, что означает Столб (т. е. бетил) Ила (или бога вообще).

Исследователи полагают, что это представление возникло тогда, когда экипаж боевых колесниц состоял из трех человек. Такие колесницы были в ходу у хеттов, по крайней мере, уже в XIII в. до н. э. В VIII в. до н. э. появились уже колесницы с экипажем из четырех человек, так что объединение в небесную триаду Ила, Ракаб–Ила и Шамаша явно предшествует этому веку. Впрочем, существовало представление и об экипаже колесницы из двух персон — Ила и Ракаб–Ила. Такие колесницы использовались с самого начала II тысячелетия до н. э. Поэтому можно думать, что мысль о связи Ила и Ракаб–Ила появилась еще в первой половине II тысячелетия, и на древность этой диады (двоицы) указывает связь имен богов — Ил и Ракаб–Ил. Шамаш же мог быть включен в этот небесный экипаж лишь во второй половине тысячелетия или даже в начале следующего (но до VIII в. до н. э.), сохранив при этом собственное имя.

О власти Хадада над Сирией ясно свидетельствует римский писатель Макробий, который писал, что сирийцы дают имя Хадада (или Адада) богу, которого они считают самым первым и самым великим из всех. Правда, Макробий — автор довольно поздний, он писал свои произведения в самом начале V в. н. э., когда в условиях побеждающего христианства усиливается стремление объединить функции и фигуры различных божеств. Сам Макробий в духе того времени выдвигал на первый план солнечного бога, с которым отождествлял и других верховных богов. Однако упоминание Макробием Хадада как самого главного бога у сирийцев, потомков древних арамейев, подтверждается сведениями о почитании этого бога не только до греко—македонского, но и до ассирийского завоевания. Может быть, вся Сирия воспринималась как «земля Хадада», как Израиль был «землей Йахве», а Моав — «землей Камоша». Но доказательств этому у нас нет.

Как только что мы видели, гром, по арамейским поверьям, вызывал Ракаб–Ил. Этих богов ни в коем случае нельзя отождествлять, ибо Хадад в одной и той же надписи называется отдельно от Ракаб–Ила и вообще всей триады, возглавляемой Илом. Впрочем, не только у арамеев, но и у других народов часто одним и тем же явлением «управляют» разные боги. Особенно это относится к тем явлениям, которые особенно важны для данного народа. Выше уже говорилось, например, о нескольких богах–лечителях у финикийцев.

Некоторые ученые полагают, что имя Рамман — аморейское и что в аморейские времена это был бог грома, аналогичный арамейскому Хададу. Надо, однако, заметить, что Хадад был очень древним семитским богом, что «собственным именем» угаритского Балу–Цапану было именно Хадду, т. е. это был тот же Хадад. Однако в существовании двух богов грома и бури у амореев нет ничего удивительного: ведь только что говорилось о двух таких же богах и у арамеев. Возможно, что после арамеизации Сирии арамеи признали в аморейском Раммане своего Хадада и восприняли его как прозвище этого Хадада. На это наложилось и стремление не называть столь могучего и, следовательно, ревнивого бога собственным именем.

По крайней мере, три дамасских царя носили имя Бар–Хадад, то есть Сын Хадада. Уже в древности (но после гибели арамейских государств, включая Арам–Дамаск) возникло мнение, что Бар–Хадад было тронным именем всех дамасских царей, что независимо от того, какое личное имя носил царь, при вступлении на трон он принимал имя, связанное с Хададом. Это мнение оказалось ошибочным, но само его возникновение объясняется тем огромным значением, какое имел культ Хадада в этом царстве.

Уже говорилось, что Хадад (Адад, Халду) являлся одним из самых почитаемых богов семитского, да и не только семитского, мира Передней и Малой Азии. И везде его образ оставался неизменным, везде его олицетворением был могучий бык. Вероятнее всего, Хадад относился к самому древнему слою семитской религии. В различных регионах и у разных народов он мог приобретать специфические черты, но в основе он оставался одним и тем же. Характерно, что библейский Йахве также выступал в грозе и бури, откуда позже и пошло наименование Бог Саваоф.

ученые уже давно бьются над смыслом слова «Арам». Недавно была высказана очень интересная и достаточно обоснованная мысль, что оно восходит к понятию «дикий бык», ибо в одном из древних арабских языков (а арамеи, как уже говорилось, сохранили много архаических черт, роднивших их с арабской прародиной семитоязычных народов) слово 'агат и означало «дикий бык». Но таким быком у арамеев был именно Хадад, и в этом виде он появляется в Сирии уже в X в. до н. э. Народы западносемитского культурного круга обычно называли себя по имени своего мифического предка. Так, предком ханаанеев–финикийцев считался Хна, евреев–израильтян — Иаков–Израиль. Поэтому было бы неудивительным, если бы и арамеи считали своим предком мощного дикого быка, то есть в конечном счете бога Хадада. В Библии, как уже упоминалось, отцом Арама назван Кемуил, то есть Столб, или Бетил–Ила. Возможно, перед нами несколько искаженная арамейская традиция, которая считала Хадада как предка арамеев сыном верховного бога Ила.

Шувалу почитали, насколько это известно в настоящее время, не все арамеи, но лишь те, кто жил уже восточнее Евфрата, в Верхней Месопотамии. Однако, учитывая скудость наших знаний об арамейской религии, утверждать это все же невозможно. Не исключено, что ограничение культа Шувалы только этим регионом объясняется лишь состоянием наших источников в настоящее время.

Есть предположение, что само имя этой богини произошло в результате слияния и последующей трансформации имен Астарты и Анат.

В этом качестве Атаргатис можно сравнить с «божеством карфагенян», как в договоре Ганнибала с македонским царем Филиппом V названа Тиннит.

После того как греки (точнее, македоняне), а затем римляне завоевали Сирию и в ней распространились греческие и римские культы, сирийских богов (как и финикийских) стали отождествлять с теми или иными персонажами греческой и римской религии. Это относится и к Атаргатис. Однако фигура этой богини оказалась столь сложной и непохожей на греческих либо римских богинь, что ее отождествляли с разными божествами. Огромная власть Атаргатис заставила греков и римлян сравнивать ее со своими верховными богинями Герой и Юноной. Но образы Атаргатис, с одной стороны, и Геры и Юноны — с другой, далеко не совпадали. Поэтому возникли и другие отождествления. Кроме Геры, греки чаще всего ее сравнивали с Афродитой Уранией (Афродитой Небесной), но этим не ограничивались. Порой они находили в Атаргатис сходство с матерью олимпийских богов Реей. Лукиан писал, что, хотя эта богиня напоминает Геру, у нее есть нечто и от Афины, и от Афродиты, и от Селены (богиня луны), и от Реи, и от Артемиды, и от Немесиды (богини мщения), и от Мойр (богинь судьбы). Иногда ее сравнивали с мистической малоазийской богиней Кибелой, культ которой был широко распространен в греческом и римском мире, где ее часто называли Матерью богов или Великой Матерью. Иногда Сирийскую богиню считали сестрой Великой матери. Все это говорит о могуществе Атаргатис, управляющей миром и людьми (а может быть, и богами), и о принципиальной невозможности сравнить ее с конкретной богиней греческого мира.

Недаром, как только что было сказано, Лукиан говорит о сходстве Атаргатис с Мойрами. Эти три богини (римские Парки) пряли нить человеческой жизни. Видимо, нечто похожее сирийцы приписывали и своей Атаргатис. Но если греческие Мойры были относительно второстепенными божествами, стоявшими вне общего божественного мира, то сирийская Атаргатис находилась на высшей ступени этого мира.

Все сведения о Сайме довольно поздние; они относятся уже ко времени после македонского завоевания, а особенно уже к римскому времени. Однако старинная арамейская основа в образе этого божества просматривается ясно.

В греческих надписях мужское божество называется Симий, а женское — Симия. Так как в греческом языке мужской и женский род различается довольно легко, в поле божества сомнений не возникает; но нет сомнений и в том, что речь идет об одном и том же божестве.

Сущность божества Сайм все еще спорна. Ученые, занимающиеся арамейской религией, до сих пор не могут прийти к согласию. Разногласия еще больше увеличиваются из-за того, что порой греки ставили это имя в среднем роде, и неясно, идет ли речь о самом божестве или о его символе. Однако обращение к миру арабских божеств показывает, что там существовал бог Sym, являвшийся предком и покровителем того или иного племени или рода. Поэтому был сделан вывод, что и в Сирии Сайм мог (или могла) играть ту же или похожую роль. Этот вывод укрепляется тем, что в грекоримское время Сайма порой сравнивали то с Адонисом, то с Аттисом, то есть молодыми богами, связанными с богиней–матерью и выступавшими покровителями данного общества. По крайней мере, это ясно для Адониса, являвшегося покровителем Библа.

В Южной Аравии была богиня Хобс, само имя которой происходило от глагола *ubs* — быть сухим, и она, следовательно, и воплощала сухую землю. Учитывая более тесные связи арамейев с Аравией, чем других западносемитских народов, в религиозной области, возможно, что такая же богиня с тем же или похожим именем имелась и у них. Но никаких доказательств этого предположения пока нет.

Уже говорилось о божестве солнца в угаритской и финикийской религиях. И там и там оно выступало в женском образе. Арамейское божество было явно мужчиной: в противном случае оно не могло бы выступать оруженосцем Ила. Возможно, что на каком-то этапе на арамейский культ солнца оказал влияние соответствующий месопотамский культ. Надо заметить, что в Эбле во второй половине III тысячелетия до н. э. Шамаш играл довольно большую роль и тоже был мужчиной.

В III в. н. э. в сирийском городе Эмесе почитался бог Эл–Габал, считавшийся покровителем этого города. В это время он выступал как бог солнца, но почитался не в виде человека или животного, а священного черного камня. Верховный жрец этого бога Авит стал в 218 г. римским императором, и он привез камень, воплощавший его бога, с собой в Рим. Даже будучи римским императором, он воспринимал себя, скорее, как жреца эмесского бога, и был прозван римлянами Элагабалом (или Гелиогабалом), под каковым именем он и вошел в историю. Император пытался сделать Эл–Габала верховным богом Римской империи. Это вызвало недовольство римлян и привело к свержению и убийству Элагабала. Более поздняя попытка императора Аврелиана сделать верховным богом Непобедимое Солнце была более удачной, и в культе этого бога ясны восточные черты. Однако в какой степени в культе бога солнца этого времени сохранились черты древнего Шамаша, неизвестно. Вполне возможно, что речь идет о культе совершенно иного бога.

Семиты в этом были не одиноки. Многие другие народы, включая греков, кельтов и германцев, тоже пользовались лунным календарем, хотя с течением времени пытались соединить отсчет времени, основанный на чередовании фаз луны, с круговоротом солнца. Только в Египте календарь был чисто солнечным. И солнечный календарь гораздо точнее отражает реальное течение времени, чем лунный. Цезарь, познакомившись с египетским календарем, произвел календарную реформу в Риме, введя чисто солнечный календарь. От Рима этот календарь унаследовали другие народы Европы. Однако следы лунного календаря сохраняются до сих пор в сочетании месяцев, основанных на вращении солнца, и недель, отражающих смену фаз луны. Мы к этому привыкли и не чувствуем в этом никакого неудобства. Можно заметить, что в русском языке слово «месяц» означает и луну, и часть года, и это явно является следом более древних календарных представлений. Иудеи и мусульмане до сих пор используют лунный календарь. Поэтому и христианский праздник Пасхи, приуроченный первоначально к иудейскому календарю, не имеет в нашем календаре точно закрепленного места.

В Угарите «господином годов», то есть распорядителем времени, как мы видели, был, скорее всего, Илу. Означает ли это, что эту роль когда-то играл и арамейский Ил и лишь позже Шаггар перенял ее? Это не исключено, хотя более вероятным кажется, что лунный бог изначально выступал хозяином времени: ведь чередование фаз луны очень заметно, и этот небесный ритм легко воспринимается людьми.

В Библии Камош упоминается как «мерзость моавитянская», но из этого нельзя сделать никакого вывода, кроме того, что это был главный бог Моава. Более подробные сведения о Камоше дала надпись моавитянского царя Меша, которая до недавнего времени была, по существу, единственным источником наших знаний об этом боге. Находка письменных памятников Эблы дала удивительное открытие: оказывается, этот бог под именем Кемиш (или Хемьш) почитался в Сирии уже в III тысячелетии до н. э. и был среди наиболее важных божеств. Более того, выясняется (хотя и с известными оговорками), что знаменитый северосирийский город Кархемьш, одно время игравший значительную роль в истории Передней Азии, был назван именно в честь этого бога. Видимо, здесь, на большой излучине Евфрата, Камош был в те времена особым покровителем. И в других местах, в том числе в самой Эбле, он был богом, который в первую очередь отвращал всякие несчастья. Дальнейшая история этого бога пока неизвестна. Может быть, предки племен еврейского круга, проходя во время своего переселения из Месопотамии через этот район, заимствовали культ местного бога, и с течением времени у моавитян он возвысился до положения верховного бога их племени или племенного союза, а с образованием государства и царства. Но это, конечно, чистое предположение, до сих пор не подкрепленное никакими источниками.

Можно заметить, что такая кровожадность была свойственна не только Камошу. Библейский Йахве тоже иногда требовал полного уничтожения врагов. Когда первый израильский царь Саул пощадил часть пленников, это было воспринято как его грех. Однако это качество приписывалось Йахве лишь на более ранних стадиях еврейской истории, и постепенно культ Йахве освобождался от этих явно первобытных наслоений. Камош же сохранял свой кровожадный характер и гораздо позже. Человеческие жертвоприношения были частью и финикийской религии.

У финикийцев тоже был распространен обычай приносить в жертву своих первенцев, и прежде всего это была обязанность аристократии. По-видимому, это был древний западносемитский обычай. Можно вспомнить, что израильский судья Иеффай перед сражением с аммонитянами пообещал в случае победы пожертвовать Богу первое, что выйдет к нему из ворот его дома; первой вышла его дочь, и он после некоторой отсрочки исполнил свой обет и принес ее в жертву.

Имя Сарры встречается только в поздней надписи III в. до н. э. Поскольку слово Sr' по-арабски означает «счастье», а арабы в это время уже стали заселять этот район, то некоторые ученые полагают, что речь идет о местном наименовании очень популярной в то время греческой богини судьбы Тюхе. Однако не исключено, что Сарра была очень древней богиней. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в Библии Сарра — верная супруга патриарха Авраама. Поэтому можно думать, что издавна Сарра выступала как супруга главного бога моавитян, а в том, что богиня счастья являлась супругой такого бога, нет ничего противоестественного.

В древности было обычным, что люди, по тем или иным причинам находясь в данном месте, начинали поклоняться тому божеству, которое являлось главным покровителем этого места.

Исследователи отмечают, что первоначально этот бог именовался Бол. Это соответствует финикийскому Баал и угаритскому (аморейскому) Баллу. Бел же — восточносемитское, месопотамское произношение этого же слова. Бел был одним из важнейших богов Месопотамии. И в переименовании Бола в Бела надо видеть, как полагают, месопотамское влияние. Так как Бол–Баал–Балу — это не собственное имя, а обозначение бога, занимавшегося конкретным управлением, то не исключено, что это мог быть тот же Хадад, который «управлял» Сирией в предыдущую эпоху. Его функции напоминают «обязанности» Эла–Ила, чей культ в Пальмире до сих пор не засвидетельствован. Может быть (хотя это, конечно, чистое предположение), что Ил был все-таки вытеснен Болом–Белом и что значительную роль в этом процессе сыграло влияние Месопотамии.

Триада впервые упомянута в надписи, датированной 32 г. н. э., и поэтому было высказано предположение, что само объединение трех богов в некое единство явилось результатом не стихийного религиозного развития, а сознательного действия пальмирских жрецов в начале I в. н. э.

Вера в различных богов является только частью религии. Каждая религия состоит из трех обязательных составных частей: веры, культа и мифа. Вера — это то, в кого или во что верят люди, каким богам и другим сверхъестественным существам они поклоняются. О культе мы скажем ниже, в части, посвященной этому предмету. Наконец, миф — это то, что люди рассказывают о своих богах и героях. Но мифы — не просто рассказы. В них оформляется представление человека и человеческого сообщества о мире. Как отметил выдающийся отечественный ученый И. М. Дьяконов, наука познает мир, искусство выражает отношение человека к миру, а в мифе нераздельно слито и то и другое. Естественно, что мифы воспринимались как истина. И пока люди верили в свои рассказы о богах и героях, мифы жили. И этим миф резко отличается от сказки, ибо в истинность сказочных рассказов современники не верят. От мифа надо отличать и легенду. В легенде рассказывается о событиях очень часто вполне достоверных, но окутанных целым клубком самых невероятных, сверхъестественных подробностей. И легенда не выражает сущности мировоззрения, хотя, конечно, мировоззрение в легенде тоже проявляется, и иногда довольно ярко. Миф обычно имеет прямое отношение к самым важным сторонам человеческого бытия: жизнь и смерть, экономические и социальные отношения, общественный и политический порядок, возникновение и развитие вселенной, человека и общества. Но решение или, во всяком случае, постановка этих вопросов облечена в художественную форму и передана через человеческие или человекоподобные образы, в которых и воплощены те или иные стороны народных представлений. Сказанное имеет прямое отношение и к угаритским и финикийским мифам.

Ни одна мифология не стояла на месте, она развивалась вместе с развитием того общества, в котором была создана. Но прямой зависимости между эволюцией общества и мифологии не существует. Все мифологические системы консервативны и во многом отражают не современное им состояние общества, а предшествующее. Если говорить об угаритских мифах, то во многих из них, так же как в угаритских эпических поэмах, Угарит вовсе не упоминается. Дошедшие до нас глиняные таблички с записями мифов относятся к XIV в. до н. э., а общество, жизнь которого в них отражена, существовало, по-видимому, на

несколько веков раньше. Разумеется, сохраниться в неприкосновенной чистоте старинные мифы не могли, и в них порой причудливо сочетаются более древние и более поздние пласты, хотя в основе они все же много древнее времени их записи. Но все эти тексты тщательно сохранялись в Угарите, играя роль «священного писания».

К сожалению, тексты дошли до нас далеко не в идеальном состоянии. В табличках, найденных археологами, содержатся многочисленные пропуски. Многие конкретные детали не ясны и являются предметом горячих споров. Спорны толкования некоторых мифов и их отдельных эпизодов. Не всегда понятны даже отдельные слова и выражения. И это надо иметь в виду, читая изложение угаритских мифов и эпических поэм. При изложении угаритских мифов использованы следующие работы: Шифман И. Ш. Угаритский эпос. М., 1993; Caquot A., Sznyzer M. Textes ougaritiques. T. I. P., 1974; Caquot A., Tarragon J.-M. Textes ougaritiques. T. II. P., 1989; Del Olmo Lete G. Mitos y leyendas de Canaan. Madrid, 1981; The Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament // Ed. J. B. Pritchard. Princeton, 1954.

Из угаритских мифов создается впечатление, что эти божества — самые главные в мире, что то царство, которое Илу передал Баллу, а время от времени пытался передать другому богу, является вселенским. Однако такое представление существовало, по-видимому, только в Угарите. В других местах рассказывать могли совершенно иначе. Известно, что во многих сирийских городах отец Баллу, Дагану (Дагон), считался верховным богом и, следовательно, ему приписывалось подобное царство. Нередко иными представлялись взаимоотношения между Анату и Астартой, так что именно последняя играла первостепенную роль. Все это отражает определенную стадию мифотворчества, когда божество, особенно связанное с определенным сообществом (неважно, государством, племенем или народом), рассматривалось как самое важное, хотя и не отрицались существование и даже значимость других божеств.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. морская торговля играла в жизни Угарита очень большую роль. Угаритские торговые корабли добирались до Крита и Греции, а может быть, и более далеких стран. Купцы с Крита, а позже из микенской Греции тоже, со своей стороны, бывали в Угарите и даже имели там свой постоянный квартал. В этих условиях, казалось бы, бог моря должен был чрезвычайно почитаться угаритянами. Однако, наоборот, он выступает противником главного угаритского бога Балу. Видимо, этот миф отражает более раннюю стадию истории Угарита, когда бог, связанный в первую очередь с сельскохозяйственным циклом, был не только гораздо более важен, чем бог моря и морской стихии, но и глубоко враждебен последнему.

Интересно, что в данном эпизоде какую-то важную, хотя от нас и ускользающую роль играет именно Астарта, которая обычно в угаритской мифологии оказывалась убожеством второстепенным. Почему постройка дворца Йамму должна была нанести столь огромный ущерб именно Астарте? На этот счет выскажем два предположения. Не исключено, что нам просто неизвестна вся мифология Угарита и культ Астарты в действительности играл роль гораздо большую, чем можно думать на основании тех мифов, которые нам сейчас известны, и мы здесь имеем дело с отголоском другого мифа. Но возможно также, что в этом упоминании Астарты содержится указание на другой этап эволюции угаритской мифологии.

Постройка дворца была очень важным делом. Дворец бога или, на земле, царя призван был освящать царственное положение его хозяина. Пока не было дворца, бог или царь не мог рассматриваться как подлинный владыка. Кроме того, сооружение дворца в известной степени демонстрировало претензии его хозяина на признание в окружающем мире.

Постройка дворца рассматривается Йамму как знак не только его утверждения в мире богов, но и его власти над остальными богами. Означает ли это, что другие боги дворцов не имели? Едва ли. Как можно увидеть из дальнейшего, Балу будет жаловаться, что он не имеет дома, т. е. дворца, как другие боги, дети Илу. Скорее всего, в этом эпизоде подчеркивается наглость и дерзость Йамму, и в спокойный эпический рассказ тем самым вносится определенный оценочный оттенок.

Каково бы ни было новое положение Йамму, он не мог утвердиться в своей новой роли владыки, пока ему не подчинится наиболее сильный в данном сообществе, т. е. Балу. Новый государь должен был доказать свои претензии на власть, свергнув предыдущего.

Как и на земле, трон выступал символом царственного положения его хозяина. Склонение же головы к коленям на Востоке было знаком подчинения. Таким образом, боги, оставаясь сидеть на тронах, сохраняли свою принадлежность к владыкам мира, но, склонив головы к коленям, как бы признавали себя вассалами нового владыки — Йамму.

Таким образом, по настоянию Балу боги отвергли возможность своего подчинения Йамму. После этого борьба между Йамму и Балу стала неизбежной.

Перед царями, как небесными, так и земными, положено было, согласно древнему восточному обычаю, простираться в знак полной покорности. Древние греки, познакомившись с этим проявлением древневосточного деспотизма, восприняли его как знак рабства (что в известной степени было верно).

Мы уже говорили, что в древневосточных державах II тысячелетия до н. э., таких, как египетская или хеттская, их цари, подчинив то или иное царство, часто не ликвидировали его автономию и существовавшую ранее правящую династию, а заставляли ее представителя признать верховную власть нового государя. Первым знаком такого подчинения становилась выплата дани. Именно такая система существовала в сиро-палестинском регионе в то время. И царь Угарита сначала подчинялся египетскому фараону, а позже — хеттскому царю. Время полного подчинения завоеванных территорий пришло позже. Выражение же «раб» не означало лишение подчиненного полной свободы и даже собственной личности, как это было с обычным рабом, — оно выражало отношение господства и подчинения. Для сравнения скажем, что в России вплоть до царствования Екатерины II даже самые важные вельможи могли называть себя «холопами» и «рабами» царя или царицы.

Послы издавна пользовались неприкосновенностью. Нарушение этого правила привело бы к крушению существующего порядка. Поэтому-то богини и испугались столь непристойного поведения Балу.

Поведение Баллу чрезвычайно характерно. С одной стороны, он предстает как необузданная фигура, забывшая в страсти о существующих правилах, что характерно для мифологий многих древних народов, которые рассматривали своих богов как подобия людей. С другой стороны, перед нами типичный герой, и проявления его характера столь же велики, сколь велика его героическая личность. Таким образом, Баллу выступает не только как бог, но и как герой. Автор явно сочувствует ему и выступает на его стороне.

Борьба между Балу и Йамму имела большое мифологическое значение. Оба бога представляли противоположные стихийные силы. Балу — силы, оплодотворяющие землю (в первую очередь дождь), а Йамму — морскую стихию. Вполне возможно, что море, непредсказуемое в своих проявлениях, олицетворяло первобытный хаос. В таком случае борьба Балу и Йамму выступала составной частью создания цивилизованного мира, противоположного стихийности хаоса. Йамму назван любимцем Илу. Илу же, со своей стороны, именуют Творцом творения. По-видимому, творение мира рассматривалось угаритянами не как одномоментный акт, а как процесс, и в этом процессе творение хаоса являлось одной из ранних стадий. Если так, то Йамму оказывался одним из первенцев Илу и поэтому одним из наиболее любимых его детей. Он выступает и как Судия речной, а эта река или реки — те божественные потоки, при которых находится жилище Илу. Выступление Балу против претензий Йамму на верховное царство оказывается реакцией «молодого бога» на стремление «старых богов» сохранить доцивилизационный порядок. В вавилонских мифах одним из важнейших эпизодов создания существующей вселенной была борьба бога Мардука, в какой-то степени аналогичного Балу, с морским чудовищем Тиамат. Борьба Балу и Йамму, таким образом, оказывается как важным этапом создания цивилизации, так и столкновением аграрного божества с морским.

В героических сказаниях самых разных народов главный герой побеждает далеко не сразу, но сначала терпит тяжелое поражение и только потом, собравшись с силами, вновь выступает против врага и в конце концов побеждает его. В гомеровской «Илиаде» от рук троянца Гектора погибает друг Ахилла, Патрокл, и только после этого Ахилл вступает в бой и убивает Гектора. Поражение и даже гибель героя как первый акт драмы, предвещающий последующую победу, становится сюжетом некоторых средневековых эпосов: гибнет в битве с маврами Роланд, но позже на сцене оказывается его сеньор, Карл Великий, и он мстит за гибель Роланда и наголову громит мавров; разбит и попадает в плен к половцам князь Игорь, но бежит из плена и явно готовится к реваншу. При всей огромной разнице между древним и рыцарским средневековым эпосами общее течение сюжета довольно похоже.

Котару-ва-Хасису — бог-ремесленник и поэтому оказывается естественным союзником аграрного божества, каким является Балу. Но он еще и создатель различных продуктов цивилизации; недаром его постоянный эпитет — Работающий руками. И в качестве такового он является врагом хаоса, который представляет собой морская стихия. Дворец же Йамму он построил, будучи вынужден подчиниться приказу Илу, ибо тот воплощал высшую власть.

В эпосе часто отдельные виды оружия носят собственные имена. Таков, например, Дюрандаль, меч Роланда в средневековой «Песни о Роланде».

Победу Балу над Йамму можно рассматривать как торжество цивилизации над первобытной стихией. Эта победа означает и утверждение главного угаритского бога как владыки мира, по крайней мере — угаритского мира. Характерно, что в храме Балу в Угарите были найдены якоря как дары моряков этому богу, а значит, какие-то функции морского бога тоже перешли к Балу. (Мифологическое оформление этого перехода неизвестно, но если такой миф существовал, то он должен был относиться к более позднему времени, чем тот, о котором в данном случае идет речь, т. е. ко времени, когда морская торговля и мореплавание стали для Угарита не менее важным делом, чем земледелие, и аграрный, по существу, бог принимает на себя также функции морского божества.) Он, таким образом, утверждается как божество, воплощающее все самое ценное для Угарита, как это было обычно для таких божеств — покровителей данного города или какой-либо общественной группы. После победы Балу становится царем (mlk, как с очень большой вероятностью дополняют некоторые исследователи не полностью сохранившуюся строчку). Претензии Йамму, естественно, не осуществились, и реальная власть переходит к Балу. Он, разумеется, подчиняется Илу как своему сюзерену, но победа Балу над любимцем верховного бога еще более ограничивает власть последнего в пользу Балу, который реально правит миром. Наконец, эта победа символизирует утверждение привычной в этом регионе системы орошения, которая обеспечила не только благосостояние, но и само существование Угарита.

Музыка и пение играли важную роль в жизни угаритян. В мифах неоднократно упоминаются и различные музыкальные инструменты. Это были и ударные — кимвалы и барабаны, и струнные — арфы (или лиры), и духовые — флейты. Арфа и флейта даже обожествлялись и упоминались в угаритском списке богов как младшие божества. Возможно, как и в Месопотамии, им даже приносили жертвы. Музыка сопровождала различные ритуальные действия. Во время праздников и церемоний исполнялись гимны в честь богов. Те мифы, которые до нас дошли, тоже, по-видимому, излагались под музыку речитативом. В ряде случаев религиозные действия были оформлены как культовые драмы, сопровождаемые музыкой и пением гимнов. Несомненно, существовала придворная музыка. Во время пиров певцы и музыканты воспевали хозяев и их подвиги. Такие застольные песни были чрезвычайно широко распространены в древности. Существовали как сольное пение, так и музыкальные ансамбли. В Угарите имелись и записи музыки. До наших дней дошло несколько табличек и их фрагментов с такими записями. Их даже расшифровали, и появилась возможность услышать эту музыку. Она была достаточно разнообразна и по содержанию, и по темпу. Так, религиозные гимны исполнялись медленно, торжественно, а застольные песни — более живо. Если судить по музыкальным и поэтическим произведениям соседей и родственников угаритян, то у последних должны были существовать и любовные песни, которые могли вырасти из ритуальных гимнов в честь плодородия, но явно превратились в произведения любовной лирики, подобные библейской Песни Песней. Существовала, по-видимому, и музыкальная теория. Ее угаритяне заимствовали из Месопотамии, как и различные музыкальные термины. Большое влияние на угаритскую музыкальную культуру оказали хурриты, с которыми жители Угарита постоянно общались. Может быть, даже именно через них угаритяне восприняли и месопотамскую музыку, и музыкальную теорию.

Жалоба Балуг на отсутствие дворца, как у детей Илу и Асирату, ясно показывает, что этот бог к потомству пары верховных богов не принадлежал. Более того, в угаритском сказании Балуг ясно и недвусмысленно противопоставляется этому потомству. Из мифа видно, что божественный мир состоит, по крайней мере, из двух семей — Илу и Дагану. Верховенство Илу, вероятно, объясняется его старшинством. В финикийских мифах Дагон выступает братом Эла. Видимо, отношения между Илу и Дагану были подобными и в угаритской мифологии. Тема борьбы двух божественных семей (или родов) нередка в мировой мифологии; например, эта тема проходит красной нитью в германской мифологии, в которой рассказывается о борьбе асов и ванов.

Постройка дворца, символизирующего, как уже говорилось, царственность его обитателя, считалась слишком важным делом, непосредственно влияющим на мировой порядок, и поэтому она требовала разрешения верховного бога, который гарантирует нерушимость этого порядка и правильность тех изменений, которые в нем должны все же происходить.

Сама по себе отправка вестников с посланиями одного государя другому являлась нормальной международной практикой того времени. До наших дней дошло некоторое количество подобных посланий. Наиболее значительный их сборник — переписка между египетским фараоном Эхнатом и его предшественником Аменхотепом III, с одной стороны, и различными царями Азии, как независимыми, так и подчиненными Египту, — с другой. Она относится к XIV в. до н. э., т. е. современна Угариту, который в этих письмах тоже упоминается. Сохранились и некоторые послания, относящиеся к переписке угаритского царя. Из документов видно, что, согласно дипломатической практике того времени, в случае обмена посланиями между относительно равными по положению сторонами, вестниками становились те, кто занимал сравнительно высокое положение в придворном штате отправителя послания. Отношения равноправия налицо между Балу и Анату, а значит, вестники Балу — Гапну и Угару были достаточно высокопоставленными придворными Владыки Цапану.

Угарит находился недалеко от моря, и к западу от него простирались бескрайние морские просторы, так что берег моря мог казаться угаритянам западным краем мира, тем более что сами мифологические тексты довольно древние и явно предшествуют тому времени, когда угаритские корабли стали плавать далеко в море. Поэтому в описании битвы на берегу моря под людьми востока (точнее — «людьми от восхода солнца») могут подразумеваться жители всей обитаемой земли. Но вполне вероятно (и это кажется более убедительным), что люди востока олицетворяли жителей пустыни или, во всяком случае, скотоводов, обитавших к востоку от цивилизованного побережья Средиземного моря, в оазисах Сирийской пустыни и полупустыни. А все, что относилось к востоку, угаритянам представлялось как нечто враждебное цивилизации. Образы Балу и Анату, наоборот, олицетворяли земледельческую и городскую цивилизацию.

Описание битвы Анату и ее варварского торжества в своем дворце поражает убедительностью в изображении проявлений невероятной жестокости и необузданной ярости. Казалось бы, это противоречит положительному образу Анату, каким он, несомненно, был у угаритян. Однако это противоречие только кажущееся. В те времена жестокость считалась вполне присущей любым военным действиям, и восточные владыки неоднократно хвалились числом убитых и плененных врагов, разрушенных городов, награбленных богатств.

Хотя убийство врага воспринималось как благое дело, все же пролитая кровь требовала ритуального очищения. Даже боги должны следовать этому правилу. Важнейшей частью такого очищения было омовение рук. Вторым актом очищения становилось помазание маслом.

Перед нами остатки каких-то мифов, хорошо известных угаритянам, но до нас, к сожалению, не дошедших. Тема борьбы бога, богини или любимого героя со змеем широко распространена в мировой мифологии. С ним сражались и египетский Ра, и греческий Зевс, и месопотамский Гильгамеш. Библейский Иахве тоже сражался со страшным змеем Левиафаном, и победа над ним оказывается одним из космогонических деяний Бога. Специалисты отмечают даже совпадение выражений в описании победы Анату над змеем и в рассказе о борьбе Йахве с Левиафаном у пророка Исаи. Вообще отношение к змее было в древности противоречивым. С одной стороны, это ползущее, неприятное и очень опасное своим ядом животное было олицетворением всего злого, порожденного землей и подземным миром, из которого она как будто выползает. С другой стороны, змее приписывали чуть ли не бессмертие, ее считали символом вечного обновления и в качестве такового чрезвычайно почитали. Аршу упоминается еще раз в гимне в честь окончательной победы Балу над всеми своими врагами, при этом Аршу стоит в одном ряду с Йамму и морским змеем Туннану. Ясно, что речь идет о каком-то морском чудовище или морском божестве — противнике Балу. Таким образом, Аршу оказывается в лагере врагов Балу и его друга Котару-ва-Хасису. Об Атаку и некоторых других жертвах Анату ничего более не известно.

Это, несомненно, описание ритуала жертвоприношения матери–земле с целью обеспечить успех задуманного предприятия. Хлебной жертвой были, по–видимому, семена злаков, а вылить «в глубину земли» могли либо вино, либо масло, либо молоко, и все это должно было напитать землю и помочь обрести ее благосклонность.

Пир был характерным занятием богов. И тот пир, который устроил Балу в честь пришедшей Анату, — не просто знак гостеприимства, а священное действие. Мытье и умщение перед пиром должны были означать очищение от всего, что этому пиру предшествовало, и открыть сердца пирующих друг другу.

Несмотря на победу Балу над Йамму, Владыка Цапану еще не утвердился окончательно в качестве царя, и поэтому дворец как символ царственности ему еще не полагался. Такова логика Илу. В еще большей степени отказ Илу разрешить постройку дворца объясняется, по-видимому, нежеланием утвердить переход власти на земле от его детей к сыну Дагану. Отсюда и отговорки верховного бога.

Любопытны взаимоотношения Илу и Анату. Анату — дочь Илу (неизвестно, от какой супруги), но их отношения нельзя назвать теплыми и родственными. Поведение обоих персонажей не вызывает особого к ним уважения: Анату готова напасть на собственного отца, а тот, при всей своей важности, показал себя отчаянным трусом, не могущим справиться с собственной дочерью. В религиозном сознании древних народов боги вообще стояли по ту сторону добра и зла, могли совершать самые неблагоприятные поступки, что не уменьшало почтения к ним со стороны людей. Характерно, что Илу не рассчитывает на чью-либо помощь. Верховный бог оказывается одиноким в своем величии и беззащитным перед угрозами. Угаритские мифы, рассказывающие о борьбе Балу с его врагами, показывают, что даже боги при определенных условиях могут быть смертными. И это, как кажется, относится даже к их высшему повелителю Илу. В других местах мифов боги явно бессмертны, и даже происхождение от них обеспечивает бессмертие. Эти два представления вполне уживались в религиозном сознании угаритян.

Будучи богом, Котару–ва–Хасису вполне мог находиться одновременно в двух местах.

Постройка дворца Балу задевала интересы детей Асирату. Отсюда необходимость ее вмешательства. Возможно, в этом отразилось старое матриархальное представление о роли матери и ее ответственности за судьбу своих детей.

Дипломатическая практика того времени требовала обязательного приношения даров. Различные дары посылали друг другу равные стороны, не стесняясь и выманиванием подарков. Такой обмен дарами можно даже рассматривать как примитивный вариант торговых отношений. Если же низший по положению обращался к вышестоящему (например, царек прибрежного города к египетскому фараону), дары (помимо регулярной дани) считались тем более обязательными. Под видом даров давались обыкновенные взятки. Именно такой взяткой являлись и дары Балу и Анату, предназначенные Асирату, чтобы убедить ее не только согласиться на постройку дворца Балу, но и ходатайствовать перед Илу о разрешении этот дворец построить.

Вновь возникает несколько странная тема возможности убийства богов, по крайней мере богов следующего после Илу и Асирату поколения. Может быть, речь идет о «молодых богах», которые в представлениях амореев и финикийцев умирали и воскресали, символизируя в первую очередь аграрный цикл. Но вполне может быть, что это просто «общее место» мифологии.

Пир, который устроила Асирату, является как бы ответным жестом за полученные дары и знаком согласия выполнить просьбу принесших эти дары. Вообще пиры являлись не только характерным занятием, но и основной формой взаимоотношений богов.

Конь стал использоваться в качестве средства передвижения довольно поздно. На Ближний Восток прирученный конь проник едва ли раньше конца III тысячелетия до н. э. Наиболее развитое коневодство существовало в Хеттской державе, откуда дошел первый трактат о тренинге лошадей. Использовались они тогда преимущественно в военном деле и обычно запрягались в колесницы. Правда, сами колесницы были изобретены гораздо раньше, и в них запрягали обычно ослов, мулов либо онагров. Использование ослов в транспортных целях очень долго оставалось широко распространенным. Из ослов в основном состояли караваны купцов, на ослах передвигались послы. В Библии рассказывается, что когда Авраам отправился принести в жертву своего сына Исаака, он оседлал осла и с грузом двинулся к месту жертвоприношения. Как видно из угаритского текста, ослов не запрягали в повозки, а ездили на них верхом. Упоминание осла не может свидетельствовать об архаичности рассказа, ибо такое использование осла характерно для всей древности.

Данный пассаж свидетельствует, что Асирату не живет вместе с Илу, хотя они и супруги. Ее жилище находится даже на весьма далеком расстоянии, поскольку ей пришлось ехать на осле, чтобы добраться до дворца своего мужа. Едва ли это отражает характер семейных отношений в Угарите. Судя по документам, угаритская семья была патриархальной, ее главой был муж, а в случае его смерти — старший сын. Разрешалось многоженство, а кроме жен состоятельные или знатные мужчины могли иметь и наложниц, положение которых, естественно, было ниже, чем статус законных супругов. Все это, однако, не означает, что женщина занимала совсем уж приниженное положение. Она могла обладать собственным имуществом, а в случае развода ей возвращалось ее приданое (но не имущество, нажитое за время семейной жизни, и даже не его доля). Известны случаи, когда вдова возглавляла семью и вела внутрисемейные дела. Некоторые женщины были, по-видимому, более свободны. Это в первую очередь жрицы, дети которых могли даже иметь не отчество (патроним), а матроним, т. е. добавленное к личному имени имя матери. Впрочем, все это имеет мало отношения к миру богов. Там царят совсем другие порядки, отражающие, вероятно, более раннюю стадию развития семьи, может быть, даже предшествующую поселению амореев в Угарите. Судя по дальнейшей реакции Илу, отдельная жизнь ничуть не уменьшает его любви к Асирату.

При всей своей простоте рассказ о визите Асирату к Илу по сути драматичен. Фигура Илу вызывает чувство некоторой жалости из-за его одиночества. Даже его первоначальное возмущение быстро уступило место согласию на высказанную просьбу (если это можно назвать просьбой). Интересно психологическое развитие данного эпизода. Сначала Илу охватывает восторг по поводу прихода супруги, и он пытается сделать все, чтобы доказать пришедшей свою любовь. А когда он увидел, что Асирату пришла к нему совсем не из-за своей любви к нему, а ради некоего ходатайства, восторг уступает место возмущению. И хотя верховный бог сам прекрасно знает, что речь не идет о личном участии его самого или его жены в строительстве, он тем не менее вспыльчиво выражает возмущение. И как третий акт этой короткой драмы — удовлетворение ходатайства Асирату: Илу смирился с тем, что жена пришла к нему отнюдь не ради него самого.

Независимо от искренности Асирату, ее восхищение мудростью Илу в данном случае явно лицемерно. В угаритских мифах Илу действительно обладает высшей мудростью. Но в этом пассаже речь идет не столько о мудрости, сколько об уступке мужа настояниям жены.

Здесь Балу выступает в первую очередь богом дождя и бури, которые столь важны в климатических условиях Сирии. Установление времени дождей и потоков (которые, вероятно, наполнят сухие русла) должно было упорядочить сельскохозяйственные сезоны и дать возможность земледельцам заниматься своим делом.

Дворец Балу, как и дворцы других богов, соответствует представлению угаритян о роскошном жилище, которое должно превосходить даже дворцы земных царей. А дворец угаритских владык славился в тогдашнем мире и казался эталоном роскоши. Он занимал площадь в 72 тыс. кв. м и был построен из хорошо обработанных каменных квадр. Во дворец вели пять входов. Внутри его имелось несколько дворов. Главный двор был вымощен каменными плитами, и в его юго-восточном углу находился колодец; а в одном из дворов располагался сад. Вокруг дворов группировались комнаты и другие внутренние помещения. Здесь же размещались ремесленные мастерские (по крайней мере, мастерская резчиков по слоновой кости) и несколько архивов с самыми разными документами. Это показывает, что дворец был не только жилищем, но и хозяйственным и административным центром. При раскопках археологи нашли несколько лестниц, а следовательно, дворец имел не один этаж. Под зданием дворца находились царские гробницы. После гибели Угарита дворец и гробницы были разграблены, но все же в развалинах найдено относительно много ценных вещей. Остается только догадываться, каким было богатство дворца, когда в нем еще жили цари. Дворец же Балу, в представлениях угаритян, намного превосходил этот стоявший перед их глазами образец. Кедр, золото, серебро, лазурит украшали жилища и земных царей, и небесных владык. Что касается собственно кедра, то он служил еще и строительным материалом. Могучие кедры росли в изобилии в горах сравнительно недалеко от Угарита. Даже горы в этом районе назывались Кедровыми. Кедры, а также сосны и кипарисы были целью и торговых экспедиций египтян, и военных походов царей Месопотамии. Кедровое дерево широко использовалось в строительстве самых важных сооружений Ближнего Востока — храмов и дворцов. Это дерево находилось, как считалось, под особым покровительством богов, и в Угарите, кажется, именно Балу был особенно связан с кедром. Лазурит, наоборот, привозился издалека. Этот камень очень ценился на Ближнем Востоке, но добывался он тогда только в Бадахшане (северо-восточная часть современного Афганистана и, может быть, юго-восточная часть Таджикистана) и очень рано (еще в III тысячелетии до н. э.) привозился и в Месопотамию, и в Египет. Источники

золота и серебра находились ближе. В Угарит эти металлы доставлялись, скорее всего, из Малой Азии.

Судя по угаритским сказаниям, топанье ногами являлось выражением радости.

Только после постройки дворца Балу сможет стать равноправным с другими богами, детьми Илу.

Описание постройки дворца Балу показывает, что Котару–ва–Хасису был мастером на все руки. Он предстает и строителем, и ювелиром, и литейщиком. Такое объединение в деятельности одного лица разных специализаций говорит о нерасчлененности ремесла. Подобное положение соответствует сравнительно неразвитой экономике. Например, именно таким был характер ремесла в Греции, как оно описывается в поэмах Гомера. В Угарите второй половины II тысячелетия до н. э., т. е. того времени, от которого дошли наиболее значительные археологические находки и письменные документы, а также записи угаритских мифов, ремесло явно носило уже совершенно другой характер. Оно было весьма развитым и дифференцированным. Миф же отражает более раннюю стадию экономического развития угаритского общества.

В данном случае число семьдесят означает «много, все». Кроме того, числа, связанные с числом семь, считались священными, и их отнесение к богам подчеркивало божественный сан приглашенных на пир к Балу. Все они были детьми Асирату и, следовательно, Илу. Означает ли это, что других божеств в Угарите не было? Едва ли. Известно не только о самом Балу и его братьях. Поскольку Балу был сыном не Илу, а Дагану, то и его братья относились к той же божественной семье. У Илу была еще жена Рахмайу, и у той был, по крайней мере, один сын (Шахару или Шалиму). Возможно, подчеркивание происхождения приглашенных божеств должно было символизировать сближение Балу с детьми Асирату, консолидацию божественного мира под непосредственным управлением Балу, который добился этого положения после победы над Йамму.

Постоянное увеличение чисел в определенном порядке — обычный фольклорный прием. Обход Балу означает вступление его во владение земной территорией, т. е. подтверждение его власти не только над богами (знаком чего была постройка дворца), но и над людьми, живущими в разных типах поселений. Это, несомненно, отражает структуру Угаритского царства. Сам Угарит занимал в этом царстве особое положение, он часто именовался просто Городом без всякого дальнейшего уточнения. Но это не означает, что он был в царстве единственным. На сравнительно небольшой территории в 3–3,5 тыс. кв. км располагалось более 200 различных поселений. Они могли обладать внутренним самоуправлением, но признавали власть угаритского царя.

Во время постройки дворца Котару–ва–Хасису, как мы помним, предлагал Балу сделать окно, но Балу решительно отказался. Окно, как и любое отверстие, нарушало целостность стены и тем самым давало возможность проникнуть в дом злым силам. Поэтому, пока Балу не был уверен в прочности своей власти и в своем неограниченном могуществе, он не хотел, чтобы такое слабое место имелось в его новом дворце. Когда же бог убедился во всеобщем признании, его опасения исчезли. Интересно, что они связаны, пожалуй, не с миром богов, а с миром людей: Балу явно опасался, как бы его царская власть не осталась непризнанной на земле, и в таком случае оттуда можно было ожидать всяческих подвохов. И лишь убедившись, что и земные города признают его как владыку, Балу решился на создание окна, которое рассматривалось как щель в облаках, через которую и идут на землю благодетельные, а иногда и затопляющие дожди. Можно вспомнить, что и в Библии всемирный потоп начался после открытия «хлябей небесных». Создание окна стало знаком установления полновластия Балу и на небе и на земле.

Царскую власть Балу признали и на небе, и на земле, и на море. Но бог смерти Муту обитал в глубоком ущелье, т. е. фактически под землей, и на его владения власть Балу не распространялась. Балу и Муту решительно противостояли друг другу. Балу воплощал жизнь, Муту — смерть. Превосходство Балу означало расцвет природы, Муту — засуху. Балу способствовал продолжению жизни, Муту — бесплодию и вдовству. Весь мир, таким образом, представлялся ареной вечной борьбы этих двух сил. Однако угаритская религия не была дуалистической, т. е. основанной на признании двух равнозначных и равносильных сверхъестественных начал — света и тьмы, добра и зла. Ведь и Балу и Муту в принципе подчинялись верховной власти Илу, который как бы уравнивал их, что, впрочем, не делало отношения этих богов бесконфликтными. И борьба между Балу и Муту была неизбежна.

Само по себе неприглашение на пир означало вызов и вполне могло стать началом конфликта. Греки рассказывали, что именно неприглашение богини раздора Эриды на свадебный пир героя Пелея и богини Фетиды послужило толчком к началу Троянской войны и всех горестных событий, связанных с ней.

Аналогии с мифологическими представлениями других народов показывают, что местонахождение бога смерти — на западе, там, где заходит солнце. Хотя богиня солнца Шапашу является верной союзницей Балу, она каким-то образом связана и с Муту. Недаром Илу, отказывая в свое время в разрешении построить дворец Балу, утверждал, что миром правят не Владыка Цапану, а Муту и Шапашу. Даже если это просто отговорка Илу, в ней, возможно, содержится отзвук каких-то более древних представлений. Мир жизни, по мысли Илу, оказывался царством не Балу, а Шапашу. И местом, где эти два мира соприкасаются, в таком случае могло находиться только там, где заходит солнце. В то же время, что характерно для мифологического мышления древности, царство Муту проникало и в сферу обычной жизни. Муту не только царствовал где-то за краем мира, но и постоянно присутствовал в посюстороннем мире. И каждая могила была частью его царства. А так как могилы в Угарите обычно располагались непосредственно под жилищами живых, то каждый угаритянин, можно сказать, постоянно соприкасался с царством Муту.

Смерть всеильна, власть бога смерти распространяется даже на других богов, включая богиню солнца. Это вновь ставит вопрос, бессмертны ли по природе своей угаритские божества. Тем более опасен Муту для вестников Балу.

Как уже говорилось, постройка дворца утвердила Балу в его положении фактического царя. И это дало ему возможность бросить вызов самому могущественному богу из следующего после Илу и Асирату поколения. Постоянное упоминание использования при постройке дворца серебра и золота еще больше подчеркивает богатство Балу и тем самым укрепление его могущества.

Муту фактически требует, чтобы Балу стал его слугой. Превращение в слугу лишало человека (в данном случае бога, но это в принципе не важно), по крайней мере, части его свободы. Использование одного и того же слова (например, «раб») для обозначения разного состояния порой мешает установлению истинного положения конкретного человека. В Угарите, как и у финикийцев, были так называемые царские люди, которые считались лично свободными, но находились в зависимости от царя и работали на него (в такую работу могло, например, входить и управление тем или иным делом и даже тем или иным поселением, что обеспечивало человеку довольно высокое общественное положение). Поэтому в данном случае трудно сказать, какой статус получил бы Балу в случае выполнения требования Муту. Челядь, которая обслуживала непосредственно хозяина, чаще всего состояла из настоящих рабов, а значит, скорее всего, и Балу должен был превратиться в такового.

Муту говорит о борьбе Балу с семиголовым змеем Латану. К сожалению, это сказание до нас не дошло. Есть какие-то его следы в очень испорченном временем тексте, где говорится о том, как боги вытащили Балу из змеиной норы. Сражение Балу с Латану, по всей вероятности, было одним из наиболее прославленных деяний этого бога, мыслилось важным шагом в становлении существующей вселенной. Характерно, что бог смерти выступал на стороне змея, видимо, потому, что они оба связаны с землей.

Смерть, вероятно, рассматривалась как поглощение умершего богом смерти. Но это не означает, что само тело умершего исчезает, оно остается на месте, и его надо достойно похоронить. Как решали угаритяне проблему бессмертия души, пока неясно.

Этот эпизод не очень-то хорошо характеризует Балуг. Ведь Владыка Цапану — герой, могучий воин, который, казалось бы, не должен страшиться смерти. Но Балуг проявил явное малодушие. Такие черты, приписываемые угаритянами своему главному покровителю, в определенной мере очеловечивают его образ.

Убийство Балу показывает, что он принадлежал к умирающим и воскресающим богам.

Описание траура Илу воспроизводит реальный траурный ритуал, существовавший в Угарите. Интересны и стенания Илу. Он скорбит и по людям, и по самому себе. Из содержания всего цикла сказаний о Балу видно, что Илу не относится к тем богам, кто особенно любит Балу. Но после победы над Йамму, после постройки дворца Балу стал царем, и его гибель нарушает установленный порядок. Поэтому, при всей своей нелюбви к Балу, Илу скорбит. Кто понимается под народом сына Дагану, т. е. Балу? Все народы или только угаритяне? Скорее всего, первые. Хотя Балу был покровителем преимущественно Угарита, его «обязанности» распространялись на всю землю. К тому же людям, особенно в древности, было свойственно не просто ставить себя в центр мира, но и придавать своим судьбам вселенский характер. Илу сокрушается и о том, что он вслед за Балу тоже сойдет в землю. Значит, во власти бога смерти не только «молодые боги», но и сам Илу, который явно не относится к умирающим и воскресающим божествам? Как мы увидим несколько позже, то же самое повторяет Анату, скорбя по Балу. Видимо, это — поэтическая формула, повторение которой свойственно фольклорной поэзии. Применение ее к богам не обязательно подразумевает придание ей буквального смысла. Хотя, конечно, однозначно решить этот вопрос пока едва ли возможно.

В отличие от скорби Илу, который был замкнут в своем дворце, траур Анату носит вселенский характер. Резиденция Илу находится слишком далеко от обитаемого мира. А Анату с этим миром связана непосредственно.

Великое таинство смерти разворачивается как бы в двух планах. С одной стороны, бог смерти, как он и угрожал, уже поглотил Балу, а с другой — тело последнего находится на земле. При этом лежит оно на самом прекрасном пастбище, самом хорошем поле. Возможно, это то поле, на котором предавались любви Балу и Анату. Гибель Балу на этом поле, на этом пастбище еще более подчеркивает печальный характер его смерти, непосредственно воздействующей на все стороны жизни — на земледелие и скотоводство, а также на само воспроизведение жизни.

Солнце тоже благотельно для жизни, и поэтому Шалашу скорбит о гибели Балу, ибо его смерть останавливает течение всех жизненных процессов.

Поскольку в Угарите могилы обычно сооружались непосредственно под жилищем живых, то погребение Балу на вершине Цапану надо, вероятнее всего, понимать как создание его гробницы под его дворцом на этой горе. Все описание погребения воспроизводит реальный погребальный обряд, хотя, разумеется, количество принесенных в жертву животных неправдоподобно велико, как всегда, когда речь идет о богах.

Из этого эпизода видно, что угаритяне рассматривали борьбу Балу с Муту как часть его вечного противостояния детям Асирату. Вероятнее всего, и Муту считался сыном этой богини.

Как уже говорилось, угаритяне не очень-то почитали Астару, который был для них олицетворением пустыни. Оседлые земледельческие народы рассматривали пустыню как царство смерти, как зримый аналог потустороннего мира. Поэтому Астару и предстает насильником над людьми. Такое насилие невозможно без покровительства высших божеств, что и объясняет его покорность Илу и Асирату. Характерна мотивировка Асирату назначения Астару царем: при нем высшие боги могут править спокойно. Это конечно же отражает земную действительность. И египетские фараоны, и хеттские цари, установившие свою власть над мелкими государствами Сирии, были заинтересованы в первую очередь в беспрекословной покорности подчиненных царьков. Насилие же этих царьков над собственными подданными создавало возможность внутренних конфликтов в этих небольших государствах, что делало царьков еще более зависящими от поддержки верховного государя. Решение Илу (по совету Асирату) назначить именно такого слабого бога, как Астару, царем свидетельствует о намерении высших богов укрепить свою власть и, может быть, непосредственно править миром. В отличие от Финикии, из Угарита не дошло мифов о создании вселенной и смене поколений богов, правящих ею. Но такие мифы, по-видимому, существовали, и, возможно, в одном из них и рассказывалось об устранении (добровольном или принудительном) Илу и Асирату от непосредственного управления миром. Если это так, то решение Илу можно понимать как попытку реванша.

Изображение Астарты явно карикатурное. Этот бог отказывается от власти даже не в результате сражения, а просто потому, что он недостоин трона, слишком мал для него. Пустыня и смерть не могут просто так утвердить свое превосходство над цивилизацией.

Как ни могуч и самоуверен Муту, он оказался бессилен перед жизнью и любовью, олицетворяемыми Анату. Интересно, что в тексте практически не рассказывается о битве между Анату и Муту. Описываются уже только последствия победы богини. И это описание воспроизводит цикл сельскохозяйственных работ после сбора урожая. Победа Анату оказалась не только торжеством любящей женщины над злодеем, погубившим ее возлюбленного, но и победой плодородия над бесплодием и засухой. Анату обращается с телом Муту, как с собранным зерном.

Воскресение Балу означает возрождение жизни. Во всех религиях возвращение к жизни умерших бога или богини отмечается радостным пробуждением спавшей до того природы. Греки считали, что когда богиня Персефона возвращается из подземного царства на землю к своей матери Деметре, наступает цветущая весна, а за ней — благодатное лето, при уходе же богини вновь в свое мрачное царство на земле воцаряется суровая и бесплодная зима. То же самое мы видим и в угаритских рассказах. Разумеется, как и во всяком фольклоре, здесь радость пробуждающегося мира преувеличена. Радостью охвачены и небо и земля, все полнится маслом и медом. Илу это явилось в видении. Вероятно, непосредственно ликование мира ему недоступно, слишком он далек от этого мира.

Текст сказания о Балу дошел до нас с некоторыми, и порой довольно значительными, пропусками. Возможно, что именно в одном из таких утраченных фрагментов рассказывалось о захвате сыновьями Асирату царского трона Балу. В сохранившемся тексте такую попытку сделал только Астару, и она была неудачна.

Смерть, естественно, не может быть полностью уничтожена, она — необходимый атрибут жизни, ее неотделимая сторона. Поэтому и Муту воскрес и мог снова предъявить свои претензии Балу.

Балу выступает как глава целого семейного клана, члены которого практически полностью находятся в его власти. Отказ выдать кого-либо из них означал, что весь клан становился врагом требовавшего. И Балу как глава должен сражаться, чтобы защитить всю свою большую семью.

Борьба Балу и Муту не может кончиться победой одной из сторон, ибо они олицетворяют равные и постоянно существующие в мире явления — жизнь и смерть, плодородие и засуху, возможность нового рождения и вдовство.

Табличка с рассказом о борьбе Балу с Муту завершается гимном в честь богини Шапашу, в котором упоминается и Котару-ва-Хасису. Это кажется парадоксальным. Прославляется не главный герой сказания, а его союзница — богиня солнца. Едва ли это случайно. Шапашу принимала активное участие в борьбе Балу. Те «обязанности», которые были свойственны Балу, невозможно было выполнить без благотельной помощи солнца. Гроза и дождь, приносящие земле необходимую для сева и урожая влагу, и солнце воспринимались вместе как единое божественное благо. И в этом союзе солнце первоначально играло, по-видимому, первую роль. И только после превращения Балу в главного покровителя Угарита, вероятно, положение сторон поменялось. Но след прежних представлений мог сохраниться в этом гимне, помещенном в конец всего рассказа об утверждении Балу как царя.

То, что Шамаку — это название какого-то определенного места, не вызывает сомнений. Но конкретное местонахождение Шамаку все же спорно. Одни ученые предлагают поместить его на севере Палестины, другие считают, что это слишком далеко от Угарита, и ищут более близкие места. Но надо заметить, что Угарит был центром довольно оживленной международной торговли, так что угаритяне знали места, находившиеся и сравнительно далеко от их города.

До наших дней не дошло изображений Анату с крыльями. Но в финикийской мифологии есть указания на обладание богами парой крыльев (а у верховного бога четыре крыла). Видимо, такие же представления были и у угаритян. К тому же священными животными Анату были именно птицы, орлы и коршуны.

Родной сестрой Балу Анату не была, поскольку он являлся сыном Дагану, а она — дочерью Илу. В лучшем случае она могла быть его двоюродной сестрой. Возможно, перед нами обычная нелогичность мифа. Но, скорее всего, угаритяне представляли всех богов единой семьей независимо от конкретных отношений родства внутри нее. И еще более вероятно, что выражение «сестра» не подразумевает кровного родства, а лишь подчеркивает нежные чувства к возлюбленной. Так, в библейской Песни Песней жених обращается к невесте: «Ты сразила меня, сестра моя, невеста... сколь хороши твои ласки, сестра моя, невеста». Совершенно ясно, что здесь не идет речь о родственнице в буквальном смысле.

Соединение Балу и Анату в образе быка и коровы конечно же не случайно. Балу постоянно связан с этим священным животным. Достаточно вспомнить его эпитет — Бык. И возлюбленная Балу должна быть прекрасной коровой. Это подчеркивает священный характер их деяния. Вероятнее всего, данный рассказ — перенос в мифическое пространство так называемого священного брака, когда царь вступает в брак с богиней, которую воплощает жрица. Такой брак должен обеспечить плодородие и благополучие государства.

Может быть, этим ребенком и был Амурру, первопредок амореев.

Рассказ о борьбе Балу с Прожорливыми и Разрушающими играл, по-видимому, очень важную роль в мифологическом предании Угарита. Вероятно, он публично читался (точнее, распевался речитативом) во время праздника в честь Балу, когда отмечали сначала его гибель, а затем его возрождение. Но, к сожалению, до нас этот текст дошел, как мы уже отмечали, в очень поврежденном состоянии. Он не имеет ни начала, ни конца. Ясно только, что в начале говорится о том, что кто-то обратился к Илу с жалобой на Балу. Ответом на это и явилось приказание рабыням родить будущих могучих противников Балу. Видимо, каким-либо иным образом воздействовать на Балу Илу был не в состоянии.

Снова враги Балу связаны с пустыней. Пустыня предстает дикой страной, откуда исходят самые разные опасности. И цивилизованная жизнь невозможна без постоянной борьбы с силами зла, исходящими из пустыни. Дети, родившиеся в этой пустыне, чудовищны. Сам этот миф, судя по всему, очень древний. В том месте, где находилась Эбла, обнаружен рисунок, на котором изображен бык, сражающийся с рогатым и горбатым чудовищем. Этот рисунок явно связан с тем же самым мифом, и в виде быка представлен бог типа Балу. Может быть, этот миф возник еще задолго до поселения амореев в Угарите или даже относится еще ко времени существования общесемитской общности.

К сожалению, описание битвы Балу с чудовищами находилось в той части таблички, которая почти не сохранилась (остались лишь отдельные слова). Но ясно, что Балу терпит поражение и гибнет. Снова перед нами тот же фольклорный мотив: первоначально герой терпит поражение.

Смерть Балу останавливает не только наполнение земли благотворной влагой, но и все течение жизни. Пустыня, которая, по существу, является другим обликом смерти, наступает на цивилизованную жизнь, представленную и работой ремесленника, и царской властью. Без поддержки бога эта жизнь не может сопротивляться смерти, воплощенной в образах все пожирающих и все разрушающих богов пустыни.

Балу не может погибнуть окончательно, ибо это означало бы прекращение всякой жизни. Поэтому он воскресает. Как это произошло, мы тоже не знаем, ибо конец текста утерян. Все сказание о борьбе Балу с чудовищами пустыни, его гибель и возвращение к жизни явно было сюжетом праздника в честь этого бога.

Рассказ о Балу, Илу и Асирату сохранился в хеттском варианте. Но имя верховного бога явно указывает на угаритское происхождение этого мифа. Связи между Угаритом и хеттами были довольно тесными. В последние века своего существования Угарит входил в состав Хеттского царства, и угаритский царь признавал верховную власть хеттского царя. Довольно тесны были экономические связи угаритян с хеттами, что не могло не привести и к культурным взаимовлияниям. Отмечено еще большее влияние в Угарите хурритской культуры, которая, в свою очередь, оказала сильное воздействие на хеттскую. Возможно, именно через это посредство угаритский миф проник к хеттам. Сам миф — вариант рассказа о вражде между Балу и сыновьями Илу и Асирату. Эта борьба является основой развития сюжетов практически всего цикла сказаний о Силаче Балу.

В хеттском тексте упоминается богиня Иштар (точнее, написаны знаки, обозначающие эту богиню). Но Иштар у угаритян отождествляется с Астартой, а не с Анату. Характерно, что именно Астарта выступает союзницей и фактически спасительницей Балу. Возможно, угаритяне не всегда четко отделяли Астарту от Анату. В любом случае богиня плодородия и любви оказывается на стороне молодого бога бури и дождя, а не старших богов.

По-видимому, существовал целый цикл сказаний о подвигах Анату. Но он до нас не дошел. О деяниях этой богини мы узнаем только из намеков, содержащихся в сказаниях о Балу. Поэтому подробности ее сражений с Драконом и другими существами мы не знаем.

Этот эпизод вызывает удивление и многие споры. Наиболее близкой к истине кажется точка зрения, согласно которой эти таинственные, мистические поедание плоти и питье крови означают причащение богини к самой сути своего возлюбленного и напоминают христианский обряд причастия.

Текст мифа о женитьбе Йариху сохранился довольно хорошо. Сам рассказ (после небольшого вступления) предварен гимном в честь богинь Косаратум, богинь рождения. Поэтому была высказана мысль, что главными героинями являются именно эти богини, а сам миф представляет собой лишь иллюстрацию благодетельности Косаратум. Другие ученые полагают, что это свадебный гимн, исполнявшийся во время брачной церемонии.

Хархаббу назван богом лета или богом плодов лета. Видимо, он связан с плодородием. Но в угаритских религиозных и мифологических текстах он больше не встречается. Исследователи полагают, что это не собственно угаритское, а хурритское божество. Однако хурритская религия известна еще очень плохо.

О Никкаль почти ничего не известно. Возможно, она имеет хурритское происхождение. Ее имя упомянуто в тексте вместе с названиями хурритских божеств Угарита (хотя в этом тексте есть и семитские божества, как, например, Анату). Полагают, что само имя Никкаль — хурритская передача месопотамского имени Нингаль, что на языке шумеров, живших в Южной Месопотамии, означает «великая госпожа». Эта богиня считалась супругой бога луны Сина. Никкаль явно тоже лунное божество, недаром в одном месте она названа «светом Йариху» и почти всегда в чисто угаритских текстах упоминается рядом с Йариху. В одном тексте непосредственно за ней следует Владычица храмов. Неясно, относится ли это к Никкаль или же речь идет о самостоятельной богине.

В результате заключения брака новая жена переходит в род и семью мужа, покидая отцовские род и семью. За это жених должен заплатить выкуп. Брак рассматривался как специфический вид торговой сделки, которая заключалась между женихом и отцом невесты.

О Йабрудмай ничего не известно. Какова была ее роль в угаритском божественном мире, мы не знаем.

Трудно сказать, чем вызваны предшествующие отказы Хархаббу. Видимо, перед нами обычный фольклорный мотив, заключающийся в трехкратном повторении события. Трижды настаивая на своем желании жениться именно на Никкаль, Йариху утверждал свое намерение сделать именно ее своей женой. Первоначальные отказы могут рассматриваться и как вариант испытания жениха.

Брак бога луны носит космический характер. Поэтому в гимне славят не Балу, а самого Илу, верховного бога, управляющего космосом.

Текст этого мифа сохранился относительно хорошо. Вероятно, смысл всего повествования заключен в конце, где дается рецепт избавления от головной боли в результате пьянства. А сам рассказ является как бы предисловием к этому рецепту, удостоверяющим его действенность примером самого верховного бога Илу.

Дальнейший рассказ проникнут своеобразным юмором и кажется примером непочтительного отношения угаритян к своим богам. Но эта кажущаяся непочтительность объясняется определенным очеловечением богов: они тоже имеют свои слабости, и это в значительной степени сближает их с людьми. К тому же обычные, житейские моральные нормы не всегда приложимы к миру богов. Что же касается шутовского поведения Йариху, то оно не уменьшает почтения к нему. Греки тоже рассказывали, как в случае размолвки на пиру богов хромоногий Гефест забавляет пирующих и этим снимает возникшее напряжение, что не ведет к какому-либо умалению величия самого бога.

Имена богов Шукамуну и Шунаму в мифах более не встречаются. Однако среди богов, которым приносят жертвы, эти боги в соответствующих текстах упоминаются тоже. Как и в данном случае, эти упоминания находятся рядом с упоминанием Илу, совета богов и собрания богов. Какова их конкретная роль в Угарите, неизвестно. Полагают, что это божественная пара — Шукамуна и Шумалайя, которых почитали касситы (народ, господствовавший во второй половине II тысячелетия до н. э. над Месопотамией). Угарит поддерживал связи с Месопотамией, так что касситские божества вполне могли проникнуть в угаритскую мифологию. У касситов Шукамуна являлся, вероятно, богом огня и покровителем царей; первый известный нам касситский владыка Месопотамии Агум называл себя «светлым потомком Шукамуны». Шумалайя была богиней гор, с которых спустились касситы, чтобы вторгнуться в Месопотамию. Что касается бога Хаббайу, то о нем вообще больше никаких сведений нет. Иногда пытаются связать его с каким-то подземным существом и рассматривать саму сцену сопровождения пьяного Илу как путь к мертвым (ибо пьяный без сознания подобен мертвецу), но пока это остается чистым предположением, не имеющим под собой оснований.

Этот миф в том виде, в каком он до нас дошел, кажется довольно поздним и должен относиться ко времени уже после распространения лошади. Исследователи отмечают близость молитвы дочери Шапашу с молитвой, в которой супруга хеттского правителя XIII в. до н. э. Хаттусилиса, Пудо–Хеба, обращалась к различным богам, чтобы с их помощью вымолить у бога грозы излечение своего мужа. Конечно, едва ли угаритский миф столь поздний, но какое-то влияние хеттов вполне можно предполагать, что позволяет отнести возникновение мифа ко второй половине II тысячелетия до н. э. После знакомства людей с лошадью это животное стало часто связываться с солнцем. Могучие кони везут колесницу солнечного божества по небесному своду. Кобылица названа одновременно дочерью источника, камня, небес и океана. Возможно, что речь идет о супруге богини Шапашу, о котором больше ничего не известно. Камень может представлять землю. В таком случае перед нами почти весь земной мир: земля, ее источники, небо и море. За этими пределами остается только подземное царство. Солнце, таким образом, тесно связано с миром жизни.

Боги очень сильны, но все же большинство их справиться с болезнями или страшными укусами змей не могут. Иное дело — Харану, который был богом-целителем, так что всяческое врачевание было его специальностью.

Где находится страна Аршах, неизвестно. Некоторые ученые видят в этом названии хурритское имя реки Тигр (Аррасих). Но это предположение не принято многими другими специалистами. Возможно, Аршах — мифическая страна, обильная водами, заросшая тамарисками и пальмами, что могло представляться угаритянам чем-то вроде рая.

Это еще раз подтверждает, что сама богиня солнца Шапашу и ее дочь связаны с миром жизни: как только Кобылица излечилась от своих страданий, жизнь снова обрела всю свою силу.

Таким образом, миф «объясняет», как богиня солнца тоже стала целительницей, по крайней мере, научилась излечивать от змеиного яда.

Кто этот Шаргазу, нам совершенно неизвестно.

В месопотамской религии Шамаш был богом не только солнца, но и справедливости. Вероятно, подобными качествами наделялась и угаритская Шапашу. Излечение укушенного змеей могло восприниматься как восстановление справедливости. Болезнь и следующая за ней смерть представлялись тьмой. И богиня солнца своим действием возвращала человека к свету, к жизни.

Текст, содержащий миф о Шахару и Шалиму, является, по-видимому, сценарием ритуала, называемого «священным браком».

Поскольку смерть и бесплодие имеют вселенский характер, для их преодоления необходимо вмешательство Илу. Однако, расположившись далеко от мира, Илу не намерен вмешиваться в его судьбы. Поэтому требуется вмешательство его жен, которые склонили бы бога к активному действию. Между тем для привлечения богинь уже был сварен козленок в молоке. Это, вероятнее всего, старинный религиозный обряд западных семитов, тесно связанный со «священным браком». Недаром после установления единобожия евреям было запрещено варить козленка в молоке его матери, что означало решительный разрыв с языческим обычаем.

Сохранилась пластинка из слоновой кости с изображением двух богов, сосущих грудь Асирату.

Есть предположение, что в Угарите существовал обычай с целью испытания удалять юношей в пустыню, изолируя их от общества. Если такой обычай действительно имел место, то это испытание, естественно, продолжалось далеко не семь лет.

Почти сразу после начала раскопок Угарита в храме Балу были найдены глиняные таблички с текстами двух эпических поэм — о Карату и о Данниилу и его сыне Акхите. Обе поэмы сохранились, к сожалению, не полностью. Нет конца, имеются пропуски в середине, и только о сюжетах можно составить ясное представление. Уже вскоре после опубликования поэмы стали предметом многочисленных исследований и споров. Хотя в них обеих большую роль играют боги, герои поэм к ним не принадлежат. Конечно, свои деяния герои совершают по воле богов, но прилагая собственные усилия. Мифами в собственном смысле этого слова поэмы не являются. Это, скорее, легенды, т. е. сказания, заключающие в себе зерно исторической истины, однако оно скрыто под разновременными наслоениями неисторических, в том числе мифических, подробностей, так что выявить это историческое зерно порой очень трудно, да и то это возможно лишь после тщательных научных исследований. Давно было замечено, что в названных поэмах нет никаких упоминаний об Угарите. Правда, там сказано просто о «городе», а так угаритяне называли именно свой город в отличие от всех остальных поселений. Но весьма сомнительно, что это город Угарит. Поэтому существует довольно основательное предположение, что поэмы возникли до поселения амореев в Угарите. По всей вероятности, сказание о Карату могло появиться еще во второй половине III тысячелетия до н. э.; но позже, уже существуя в Угарите, оно видоизменилось, и от прежнего времени в нем сохранились некоторые детали, в том числе название общества, еще не угаритского, и, может быть, имена самого царя Карату и его детей. Но в поэму проникли и черты нового жизненного уклада. В результате образовалось некое смешение старого и нового, вообще характерное для эпоса и фольклора. Та же особенность присуща и поэме Гомера «Илиада». Сюжет ее — Троянская война, происходившая в XIII или в начале XII в. до н. э. Между тем поэма, составленная, по-видимому, в начале VIII в. до н. э., содержит огромное количество деталей, свойственных времени ее создания, а не времени представленного в ней действия. В еще большей степени это относится ко второй гомеровской поэме — «Одиссее». Совершенно искажены реальные события в таких средневековых поэмах, как германская «Песнь о Нибелунгах» и французская «Песнь о Роланде». Среди действующих лиц русских былин встречаются исторические, такие,

как князь Владимир и его дружинники Добрыня и Путята, но былинный Киев мало напоминает столицу Киевской Руси X-XI вв. Вероятно, нечто подобное происходило и с угаритскими поэмами.

Мы уже знаем, что обе поэмы, как и мифы о Балу, были записаны под диктовку верховного жреца и принесены в дар храму Балу. Этот факт ясно показывает, что поэмы в то время рассматривались как составная часть священного предания, а не как чисто литературные произведения. Возможно, они представляли собой мифологическую предысторию Угарита. В конце сохранившегося текста поэмы о Данниилу и Акхите имеется указание писца: «И вот это снова рассказывать». Такое указание говорит о том, что поэмы исполнялись перед публикой (вероятно, в день какого-то религиозного праздника), как и другие мифологические произведения. Произошла своеобразная мифологизация эпоса. Для угаритян явно не было разницы между сказаниями о Балу и других богах, с одной стороны, и о земных царях Карату, Данниилу, Акхите — с другой. Если в сказаниях о богах, особенно о Балу и его борьбе с врагами, речь идет о противостоянии цивилизации и хаоса, жизни и смерти, гармонии и беспорядка в надземном мире, то в поэмах подобные проблемы решаются в мире земном.

Карату — царь не Угарита, а Дитану. Племя Дитану встречается среди западноаморейских племен во второй половине III тысячелетия до н. э., когда амореи предположительно завладели Угаритом. Видимо, вместе с Харнаму, о котором говорится во второй поэме, люди Дитану составили угаритское общество. С другой стороны, среди найденных угаритских текстов есть отрывки, упоминающие Дитану в числе обожествленных предков, причем среди них он занимает довольно высокое положение. Остальные в одном месте даже названы содружеством Дитану. Поэтому кажется весьма обоснованным мнение, согласно которому Дитану был реальным или мифическим предком общности (первоначально, вероятно, племени или союза племен), которая получила по его имени свое название. Это обычный случай в западносемитском мире. Так, еврейский союз племен стал называться Израилем по имени Израиля (Иакова), которого евреи считали своим непосредственным предком. Возможно, что именно из Дитану произошла царская династия, правившая Угаритом. И тогда Дитану мог рассматриваться в первую очередь как предок династии. В сохранившемся отрывке угаритского текста к предкам — и в их числе к Дитану — обращаются цари Аммистамру и Никмадду. Может быть, это тот же самый Никмадду, который приказал записать тексты мифов и поэм и подарил их храму Балу. В этом контексте сама запись поэмы о Карату могла рассматриваться как еще одно подтверждение власти царя, считавшего, по-видимому, Карату своим предком.

У амореев, вероятно, считалось, что царские, а может быть, и другие знатные роды происходят от богов. Такие представления существовали у многих народов. Греческие аристократические и царские роды часто возводили себя к богам. В Спарте правили две династии, и каждая из них считала себя потомками героя Геракла, сына Зевса. Много позже в Риме Цезарь претендовал на происхождение от богини Венеры. Все они считались (или хотели считаться) находящимися под особым покровительством своих божественных прародителей. Но Илу заботится о Карату не только как о потомке, но и как о слуге, причем «любезном слуге». Так что этот царь является любимцем верховного бога.

Против Карату ополчились боги, несущие гибель и хаос. Смерть практически всех родственников царя повсеместно нарушает существующий порядок, так как царь является его воплощением. Особенно страшно, что Карату потерял всех наследников. Это означает не просто прекращение царского рода, но и утрату обществом дальнейшей перспективы правильного, упорядоченного существования.

Собственно, в тексте Илу спрашивает, не хочет ли Карату быть царем, подобным самому Илу. Едва ли здесь идет речь об обожествлении Карату. Видимо, подразумевается проекция могущества Илу на землю, и верховный бог обещает своему любимому слуге сделать его на земле таким же царем, каким он, Илу, является в мире богов.

Из этого эпизода видно, что идеал богатства состоял из золота, серебра, коней, колесниц и рабов. Все это было довольно редким. Видимо, и рабство не получило еще широкого распространения и не стало обыденностью. Позже дворец угаритского царя будет служить эталоном роскоши. В то время, когда создавалась поэма, до этого было еще далеко.

Илу приказывает умиловить не только себя, но и Балу. Власть этих богов, как уже говорилось, располагалась как бы на разных этажах господства. Карату, таким образом, должен был заручиться поддержкой богов на всех уровнях— и космическом, и конкретном, связанном с обществом Дитану (может быть, будущим аморейским Угаритом).

Мотив похода за женой широко распространен в фольклоре. Характерно, что царь должен идти в поход за женой, он не может взять жену из своего же общества. Здесь допустимы два объяснения. Возможно, общество Дитану рассматривалось как одна большая группа людей, находившихся пусть в отдаленном, но все же родстве, и жениться на соплеменнице означало для царя (по отношению к которому нравы были гораздо более строги, чем по отношению к простому человеку, ибо царь обеспечивал благосостояние общества) кровосмешение и нечестие. Но не менее (или даже более) вероятно то, что царь должен был взять жену только из равного ему по положению, т. е. царского, рода. Поэтому Илу и приказал Карату идти в поход для завоевания жены в чужой стране, у другого царя. В данном случае речь идет о Пабелли, царе Удумми. Где находится Удумми, неизвестно. Может быть, это сказочная страна. Но в одном из угаритских документов сохранилось упоминание об удуммийцах, и это предполагает реальное существование Удумми. Из дальнейшего текста видно, что путь в Удумми шел через Тир и Сидон, до которых надо было идти четыре дня, а оттуда до Удумми — еще столько же. Удумми явно располагалась не в пустыне — в ней имелись источники и обрабатываемые поля. Имя удуммийского царя — Пабелли — вероятнее всего хурритское. Если располагать Дитану в Угарите, то получится, что Карату шел сначала на юг, а затем на северо-восток, где жили хурриты. Исходя из обычной логики, это совершенно необъяснимо. Но подобные сказания нелогичны по определению. К тому же нет никаких доказательств тождества Дитану и Угарита. Так что пока вопрос надо оставить открытым. Отказ же героя от предлагаемого богатства и требование только одного — того, что является целью последующего похода, — обычный сказочный мотив, часто встречающийся, например, в русских народных сказках.

Войско состояло из царской дружины и гражданского ополчения. Это обычная практика того времени. В ополчении, созываемом царем в случае необходимости, должны были участвовать все жители страны, причем те, кто не может сам участвовать в войне, должен был, по-видимому, нанимать себе заместителя. В поэме говорится, что одинокий запирает свой дом, вдова нанимает наемника. Даже новобрачные, которые обычно в армию не призывались, в данном случае тоже уходят в ополчение, оставляя своих молодых жен. Это явно связано с огромным значением похода Карату для всего Дитану, ибо от успеха царского предприятия зависело будущее благополучие всего общества. Дружинники же являются профессиональными воинами, составляющими постоянное войско, которое находится в полном распоряжении царя. Царь, конечно, снабжает дружинников всем необходимым. Но и ополчение он тоже должен обеспечить пищей на все время похода.

В тексте поэмы Асирату названа Асирату тирийцев, Илату («богиней») сидонян, что свидетельствует о наличии культа этой богини у финикийцев. При этом Асирату рассматривается как единая богиня Сидона и Тира. Существует рассказ об основании Тира сидонянами, но он датирует это событие намного более поздним временем. В Библии термин «сидоняне» относится как к жителям Сидона, так и к финикийцам вообще. Сидонянами называл финикийцев Гомер. Но у Гомера встречается и термин «финикийцы», а однажды оба слова употреблены рядом друг с другом: герой Менелай рассказывает, что во время своего возвращения из-под Трои он побывал, среди других народов, у сидонян и финикийцев. В библейской Таблице народов, где перечисляются все известные автору народы и государства, Сидон назван первородным сыном Ханаана, а обитатели северной части Финикии упоминаются среди других сынов Ханаана. Ассирийские цари в своих победных надписях говорят о царстве сидонян, но столицей его является Тир. И наконец, наместник тирского царя в одном из городов Кипра называет себя рабом царя сидонян. Все это, как кажется, говорит о том, что издавна южную часть Финикии называли именно Сидоном. В таком случае Асирату тирийцев, Илату сидонян может рассматриваться как высшая богиня Южной Финикии, подобно Балу, Владыке Цапану в Угарите и его окрестностях. Но в I тысячелетии до н. э. Асирату уже не занимала такого положения на юге Финикии — ни в Сидоне, ни в Тире.

Страна состояла из города, по имени которого называется все государство, и селений. Это типичная структура города–государства. А именно такая форма государства в то время была распространена в Сирии и Палестине.

Обычная практика военных действий того времени: каждый житель враждебной страны рассматривался как враг, которого надо убить или поработить. Судя по поэме, такая практика не осуждалась, но и не восхвалялась, а воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Описание красоты Девы Хурритянки, по-видимому, стандартное, как это принято в фольклоре. Эталоном женской красоты выступают богини Анату и Астарта. У семитских народов описание человека, какого-либо другого существа или вещи основывается в первую очередь на впечатлении от предмета или субъекта. Точнее, не столько описывается сам объект, сколько выражаются чувства говорящего (или пишущего) при виде его или мысли о нем. Отсюда многочисленные преувеличения, иной раз, на наш взгляд, даже нелепые. Например, в Песни Песней возлюбленный описывает свою любимую так: «Прекрасна ты, милая, как столица, хороша, как Иерусалим, и грозна, как полк знаменный!.. Твои волосы — как стадо коз, что сбегает с гор Гилеадских, твои зубы — как стадо овец, возвращающихся с купания... как разлом граната, твои щеки». И так же эмоционально описывает девушка своего возлюбленного: «Лицо его чистое золото, кудри его — пальмовые гроздья, черные, как ворон, очи его как голуби на водных потоках... щеки его, как гряды благовоний, растящие ароматы, губы его — красные лилии, капающие миррой текучей», и т. д. В этом же стиле, хотя и более кратко, описывается и красота Девы Хурритянки.

Царь является представителем своего народа как перед богами, так и перед другими царями. В известной степени это распространяется и на всю его семью. Поэтому так тяжело переживают жители Удумми расставание со своей царевной. В тексте поэмы подчеркивается, что она — первородный ребенок Пабелли. А первородные дети имели особые права. Правда, это особое право относится к сыновьям, в данном же случае речь идет о дочери. Может быть, у Пабелли не было сыновей, а может быть, автор поэмы подчеркивает значимость события не только для Карату, которому нужна жена и которому ее обещал сам Илу, но и для Пабелли и его подданных, лишившихся любимой царевны.

Конечно, различные блага мог дать Карату любой бог, но высшее благословение — дело верховного бога. Важна здесь и роль Балу, который инициирует этот акт. Балу, таким образом, как бы оказывается посредником между земным царем и высшим божеством.

Как видно из дальнейшего рассказа, благословение Илу заключалось в предречении появления у Карату большого потомства. Появление потомства, особенно многочисленного, считалось явным проявлением божественной милости.

Такой оборот дел, когда младшие становятся главными, последние — первыми, довольно част в литературе, в том числе в фольклоре. Можно вспомнить и библейское пророчество, что презираемый ныне станет во главу угла. Та же мысль присутствует и в русских сказках, когда младший Иван (царевич или дурак) посрамляет старших братьев, и т. д. В сохранившемся тексте такая смена первородства относится к дочери. Но если рассматривать все содержание поэмы, то наиболее вероятным представляется, что пророчество Илу о первородстве в утерянной части текста относилось и к младшему сыну Карату, Илихау. В конце именно они — Илихау и Восьмая — оказались ближе всех к смертельно заболевшему отцу. В поэме названы по именам два сына Карату — Йацциб и Илихау, а дочери поименованы числительными по мере их появления на свет. Означает ли это, что дочери собственных имен не имеют? Нам известны некоторые женские имена из Угарита, например Пиддайя; эта женщина была женой местного богача Рашапабу. Следовательно, порядок именования дочерей Карату может и быть чисто фольклорным приемом, или относиться к очень отдаленной эпохе (последнее обстоятельство еще раз подтвердило бы древность самой поэмы).

Забывчивость главного героя как причина последующих его несчастий — традиционный фольклорный мотив.

Главным богом, приносящим различные, особенно смертельные, болезни, был Рашапу. Но и другие боги могли таким образом наказывать человека. Действие Асирату объясняется нарушением Карату своего обещания. Отношения богов и людей во многом мыслились как выполнение теми и другими взаимных обязательств. Люди приносят жертвы или посвящают богу те или иные сооружения, предметы, богатства, а боги в ответ даруют людям просимое. Асирату выполнила свой долг по отношению к Карату: тот получил новую жену; а Карату забыл о своем обещании — в ответ на это отдать богине золото и серебро. Договор, следовательно, был нарушен, и нарушивший его подлежал наказанию.

Пир во дворце военного вождя был главной формой взаимоотношений последнего со своими дружинниками в мирное время. То же самое имело место и в раннесредневековом обществе, что получило наиболее яркое отражение в западноевропейском средневековом эпосе и русских былинах. Но данный пример показывает, что такая традиция могла возникать самостоятельно в разные эпохи и в разной культурной среде. Целью пира у Карату, как видно из дальнейшего изложения, было побудить дружинников умолить богов вылечить умирающего царя. Характерно, что к жителям города и страны Карату не обращается. Связи между ними и царем носили политический характер, в то время как между царем и его дружинниками — личный. Поэтому обязанностью дружинников было любыми средствами спасти своего вождя от смерти. Жители же города и страны такой обязанности не имели, ибо для них царствование было более или менее безличным установлением.

Хотя Хурритянка уже давно жена Карату и мать не менее двух сыновей и восьмерых дочерей, она по-прежнему называется Девой. Подобный эпитет носили супруга Илу, Рахмайу, и богиня Анату, что объясняется, как говорилось, особым складом религиозного мышления (см. примеч. 59). Вероятнее всего, что в случае с семьей Карату слово «дева» выступает как постоянный фольклорный эпитет, своего рода штамп, употребляемый, с точки зрения житейской логики, кстати и некстати. Можно вспомнить, как во французской «Песни о Роланде» яростные враги французов говорят о «милой Франции».

Судя по тексту поэмы, дети Карату жили отдельно от него. С другой стороны, угаритские документы показывают, что «большая семья», возглавляемая обычно отцом, выступает как определенная единица в имущественных, в том числе земельных, отношениях. Видимо, отделение от отца в бытовом плане не означало прекращения тесных хозяйственных связей между различными частями семьи.

Люди в отличие от богов принципиально смертны. Но если царь — потомок богов, то и на него должен распространиться принцип бессмертия. Такова логика Илихау. Но даже происхождение от богов не делает человека бессмертным. Это обстоятельство и мыслилось непреодолимой чертой между миром богов и миром людей.

Видимо, Карату исходил из представления о большей эмоциональности женщин, а потому считал, что жалобы и плачи Восьмой сильнее воздействуют на богов.

Важнейшей обязанностью живых по отношению к мертвым было сооружение достойной гробницы. Гробница царя конечно же отличалась от могил простых смертных, и ее нельзя было создать за короткое время. Поэтому такую гробницу надо было сооружать заранее, пока царь еще был жив, дабы сразу же после смерти выполнить соответствующий похоронный обряд.

Это обычное фольклорное преувеличение: не только земной мир, но и область богов, особенно бога Балу, главного покровителя Дитану (как затем Угарита), будет оплакивать смерть Карату. Кроме естественного чувства детей по отношению к отцу, такое заявление обосновывается лишь тем, что Карату — потомок и любимец Илу, ибо никаких особых подвигов, которые бы столь возвеличили его, за ним не числится, за исключением похода за женой (по существу разбойного).

Уход из обитаемых мест для плача совершался, по—видимому, в особо важных случаях. Как рассказывает Библия, когда оказалось, что Иеффаю придется по обету принести в жертву свою единственную дочь, та на два месяца отправилась в горы, чтобы там оплакать свою участь.

Для автора (или авторов) поэмы человек, тем более царь, существует в тесной взаимосвязи с природой.

При всей своей силе боги не в состоянии вылечить умирающего Карату. Связано ли это с тем, что власть их была ограничена рамками установленного миропорядка, который они и призваны охранять, или с нежеланием противоречить Асирату — неясно. Скорее всего первое, ибо и сам Илу, который, несомненно, желает выздоровления царя, непосредственно вмешаться в ход болезни не может. Он посылает Илшу и его жену для совершения необходимого ритуала, но магия не помогает.

Чтобы победить бога смерти Муту, Илу должен был вылепить специальное существо Шатикату. Он вылепил его из глины, затем обжег на жаровне. Илу поступает как земной ремесленник. Угаритяне называли Илу Творцом творения, понимая под этим процесс, напоминающий работу гончара. Также и Библия рассказывает, что человек был сотворен из глины (праха земного). До нас не дошло никаких угаритских мифов о сотворении мира и человека. Может быть, рассказ о создании Шатикату в какой-то мере позволяет по аналогии заключить, что и человек был, согласно угаритской мифологии, создан тем же Илу и таким же способом?

Аллея — растение из семейства мальвовых. Как лекарственное растение она употреблялась и в XIX в., а на Востоке с этой целью используется и в настоящее время. Лекарственные свойства алтеи известны были и основателю ботанической науки — греку Теофрасту (IV-III вв. до н. э.).

Излечение от смертельной болезни, естественно, рассматривалось как победа над богом смерти.

Суд был первым делом царя. Общественная функция царской власти — устанавливать и охранять справедливость, а в случае необходимости восстанавливать ее. Поэтому царь должен был в первую очередь заботиться о тех, кто сам не мог постоять за себя, — за вдов и убогих, за всех «униженных и оскорбленных». Если царь по каким-либо причинам не в состоянии выполнять эту свою первейшую обязанность, он должен быть смещен с трона.

С Точки зрения принятого отношения к царской власти Йацциб был совершенно прав, ибо пассивность Карату, хотя и вызванная весьма уважительной причиной, болезнью, создавала условия для насилия и обманов, что и требовало смены царя. С точки же зрения внутрисемейных отношений, отношений отца и сына, Йацциб совершает величайшее преступление — проявляет непочтение к отцу и выражает желание его свергнуть. Перед нами явный конфликт двух точек зрения, двух подходов к решению важного для общества вопроса: является царь лишь высшим должностным лицом общества, и тогда смена пассивного царя необходима, — или же царю принадлежит (по крайней мере, номинально) высшая власть, которой он не может быть лишен, независимо от способности ее осуществлять. Это — столкновение старого, общинного, и нового, династийного, принципов передачи власти. Автор поэмы явно на стороне второго. Вероятно, ко времени ее создания династийный принцип уже считался более приемлемым, хотя еще и не окончательно утвердившимся. Впрочем, не исключено, что внесение этого мотива в поэму — результат ее постепенного развития в угаритской среде.

Текст поэмы на этом обрывается. Но вполне логично считать, что проклятие Карату исполнилось. В предыдущих частях поэмы много говорится о почтительном отношении к отцу младшего сына, Илихау, который явно противопоставляется своему старшему брату как пример исполнения сыновнего долга. Несомненно, именно к нему переходит от проклятого старшего брата первородство и, следовательно, престолонаследие. Ранее в поэме говорилось о печали природы из-за смертельной болезни Карату. Ясно, что с его выздоровлением и природа должна возрадоваться.

Текст поэмы о Данниилу и Акхите, как и поэмы о Карату, был открыт в самом начале раскопок Угарита. Обе поэмы, как уже говорилось, относятся к священному преданию Угарита и напоминают в этом исторические части Библии. Некоторые ученые полагают, что Данниилу мог быть историческим лицом, и его деяния столь прочно запечатлелись в народном сознании, что рассказы о них, обрастая сказочными подробностями, передавались из уст в уста в течение нескольких веков, прежде чем были записаны в XIV в. до н. э. Правда, в самой поэме, как она до нас дошла, Данниилу никаких особых подвигов, которые заслуживали бы увековечения в памяти народа, не совершает. Сюжет поэмы связан, скорее, с судьбой его сына, охотника Акхита. Но эта поэма могла быть лишь частью целого эпического цикла о Данниилу, и на основании только сохранившейся его части никаких выводов делать нельзя. Не исключено, что существовали и другие рассказы о Данниилу. Однако именно повествование о потере, а затем обретении с помощью богов потомства было, вероятнее всего, важнейшей частью всего цикла сказаний о Данниилу (если такой цикл существовал). Во всяком случае, это повествование было хорошо известно не только угаритянам, но и их соседям, и сохранялось в течение веков. В начале VI в. до н. э. пророк Иезекиил обращался к своим соотечественникам, уведенным в изгнание в Месопотамию, с напоминанием о трех праведных мужах — Ное, Данииле и Иове, говоря, что в случае великого греха отступничества Бог погубит и людей и скот, и только эти три праведника спасутся. Правда, Иезекиил при этом указывает, что спасены будут лишь они сами, а не их сыновья или дочери. Но в библейских рассказах о Ное и Иове Бог поступает с их потомством иначе. Так, перед потопом Бог приказал Ною построить ковчег, в котором должен был спастись и сам Ной, и вся его семья, включая сыновей и дочерей, и по паре всех других живых существ. У Иова ради испытания Бог отнял детей и богатство, но, убедившись в его праведности, вернул ему все это в еще большем количестве. Видимо, во времена Иезекиила существовали разные варианты рассказов об этих праведниках (а слушатели Иезекиила явно прекрасно понимали, о чем и о ком идет речь). Но и в сохранившихся библейских повествованиях Ной и Иов связаны именно с проблемой потомства. Различные рассказы о чудесах и толкованиях собраны в библейской Книге Даниила. В ней нет

сказания о гибели и новом обретении потомства. Возможно, рассказы, сохранившиеся в названной Книге, восходят к другим вариантам сказаний о Данниилу, где он представлен чудотворцем и толкователем снов и знамений. В пользу такого предположения может свидетельствовать еще одно место в пророчестве Иезекиила, где Даниил предстает образцом мудреца, которому ведомы все тайны. А может быть, мы имеем дело все-таки с новыми рассказами, сгруппированными вокруг популярной в народной памяти фигуры. Но в любом случае это свидетельствует о распространении различных повествований о Данниилу–Данииле в западносемитской среде.

Определение Данниилу как «мужа харнамийского» свидетельствует о существовании общества Харнаму. Полагают, что угаритское общество и образовалось в результате слияния Харнаму и Дитану. Название Харнам (или Хирнам) встречается в египетских документах второй половины II тысячелетия до н. э. Исследователи располагают это место в долине между горами Ливана и Антиливана. Может быть, как и в случае с Дитану, речь идет о какой-то западноаморейской общности, часть которой, перебравшись далее к северу, вместе с Дитану заселила уже существовавший доаморейский Угарит, а часть, судя по сохранению названия, осталась на старом месте. Если это так, то сохранение харнамийского предания о Данниилу и Акхите в главном храме Угарита — храме Балу — свидетельствует о признании преданий обеих частей предугаритского общества — Харнаму и Дитану в качестве священных преданий Угарита.

Перечисляются обязанности благочестивого сына по отношению к отцу. Они распространяются и на царскую семью. Возможно, здесь отразились обычаи архаического времени, когда члены царской семьи должны были собственноручно заниматься даже хозяйственными делами; в поэме уточняются эти дела; оштукатуривание крыши, когда она загрязняется, и стирка одежды, когда она пачкается. В связи с этим можно вспомнить, что в гомеровской «Одиссее» феакийская царица Навсикая вместе со служанками стирает белье на берегу моря.

Как и в случае с Карату, благословение и обещание даровать сына дает сам верховный бог Илу, а не Балу, царствующий над землей, а точнее — над тем обществом, которым в данный момент правит Данниилу. Это благословение и обещание должны были иметь космический характер и поэтому входили в сферу полномочий Илу. Но показательно, что между земным владыкой и владыкой вселенной стоял все-таки посредник.

Как жена Карату происходила из Удумми, так жена Данниилу — из Данниту. Где располагалась Данниту, неизвестно.

Балу продолжает выступать посредником между Илу и Данниилу. Это резко отличает отношения между верховным богом и Данниилу от подобных отношений между тем же богом и Карату, ибо с последним Илу контактирует непосредственно. Трудно сказать, чем вызвана такая разница. Может быть, это свидетельствует о более позднем происхождении поэмы о Данниилу и Акхите, когда роль Илу, как полагают многие исследователи, уменьшилась и за ее счет возросла роль Балу. Не исключено также, что в Харнаму Балу играл более значительную роль, чем Илу, сопоставимую с той, которую он играл в самом Угарите, в то время как для Дитану значение Балу было несколько меньшим, и там он считался очень важным, но все же одним среди прочих в собрании богов, возглавляемом Илу. Если это так, то в религиозной истории Угарита Харнаму имела большее значение, чем Дитану.

Семиричный цикл был свойствен семитам и связан с фазами луны. Достаточно вспомнить семидневную неделю, идущую, вероятно, из Месопотамии, и библейский рассказ о сотворении мира, когда Бог шесть дней творил мир, а на седьмой день отдыхал.

С развитием общества охота превращается из важнейшего промысла преимущественно в одно из занятий царей и вельмож.

Естественно, что у легендарного героя, каким является Акхит, и лук должен быть особенным. Такой лук мог изготовить только сам бог Котарува–Хасису. Снова перед нами пересечение двух пространств — божественного и человеческого.

Данниилу вершит суд, сидя под деревом на площади у ворот. Ворота играли в западносемитских обществах очень большую роль. Именно у ворот собиралось народное собрание. И само слово «ворота» становится синонимом «гражданской общины». В Финикии даже существовали две разные системы мер — меры «царские» и меры «ворот». Что касается дерева, которое корнями уходит в землю, а вершиной тянется к небу, то оно воспринималось как воплощение мировой связи, как «древо жизни». В Библии неоднократно упоминаются такие деревья, под ними провозглашали царя или «судью», заключали договоры и совершали другие важные действия. И совсем другой народ — древние германцы — представляли центральную ось мироздания как огромный священный ясень.

Считается, что в своем ответе Анату Акхит описывает соответствующие части составного лука, какой появился в XVIII-XVI вв. до н. э.

Охота издревле была мужским делом, хотя в мифах встречаются и богини–охотницы, как угаритская Анату или греческая Артемида, и женщины–охотницы, как греческие же амазонки. Акхит с юношеской самонадеянностью не только отказывает Анату в ее просьбе, но и прямо оскорбляет ее, что не могло не вызвать гнева богини.

Весь эпизод с визитом Анату к Илу весьма примечателен. Хотя Анату столь сильно разгневалась на Акхита, что решила его уничтожить, сделать это без разрешения Илу она все же не могла. Потому ли, что вообще человеческая жизнь находится в руках верховного бога, или же потому, что речь идет об отпрыске царского дома, — неясно. Как и в сказаниях о Балу, в данном случае Анату тоже прибегает к угрозам. Такое описание поведения богини стало уже почти стандартным. И в том и в другом случаях угаритские сказания описывают один и тот же характер — яростный, вспыльчивый, агрессивный. Если вспомнить сказания о Балу, то можно увидеть, что для дипломатических маневров с целью добиться разрешения постройки дворца Балу к Илу подсылается Асирату. Видимо, ни на какие переговоры Анату не способна, она может добиваться своих целей только прямо, прибегая в случае необходимости к угрозам. Недаром испуганный Илу говорит, что на нее нет управы.

Абулуму считался резиденцией Йариху. Точное местонахождение этого города неизвестно. Его название сопоставляют с названиями ряда городов Палестины и Заиорданья, упомянутых в Библии, и полагают, что это слово может означать город как таковой.

Сущность Йатпану пока неясна. Его считают божественным слугой (но непонятно, чьим именно — Йариху или Анату) или воином. Скорее, это один из демонов угаритской религии, помогающий уничтожать врагов. Несколько непонятно, почему Анату, столь могущественная богиня, нуждается в его помощи, чтобы убить Акхита, которого уже предал в ее руки Илу. Может быть, ввиду покровительства, которое Балу оказывает Данниилу, а следовательно, и его сыну, Анату, хотя она сестра и возлюбленная Балу, все же опасается брать на себя полную ответственность за убийство Акхита, а потому делает так, чтобы убийцей—исполнителем стала не она лично, а Йатпану.

Хищные и кровожадные орлы и коршуны, естественно, являются священными птицами кровожадной и мстительной Анату.

Угаритяне, как и другие западносемитские народы, различали душу и дух. Носителем души была кровь, и с ее пролитием душа покидала тело, в результате чего человек умирал. Дух обитал в носу, и он тоже улетал из человеческого тела в момент смерти.

Даже умирая, Акхит фактически не подчиняется Анату: богиня его погубила, но то, ради чего она свершила это зло, все равно ей не достанется. В поэме чувствуется определенный вызов богам.

Смерть Акхита оплакивает вся природа, как и заклил ее умирающий царевич. Полет стаи хищных птиц предвещал несчастье. Конечно, толковать знамения мог не каждый, но недаром подчеркивается, что Пугату знает движение звезд.

Отроки — личные слуги царя.

Погребению мертвеца придавалось особо важное значение. Мертвец не может успокоиться, пока он не будет погребен в глубокой могиле. Непотревоженность праха считалась важнейшим условием загробного существования. Поэтому первой задачей Даниила было найти тело погибшего сына и по всем правилам его похоронить.

Птицы, летающие над землей, могли находиться в ведении не верховного бога Илу, а непосредственного владыки земного мира — Балу. Поэтому-то Данниилу и обращается с мольбой именно к нему.

В мифах птицы часто имеют собственные имена. В данном случае такие имена имеют отец и мать орлов. Эти имена пока ни в каких других дошедших до нас угаритских текстах не встретились.

Данниилу обвиняет практически всю природу в гибели сына. В мифологическом плане здесь ясно выражена тесная связь между человеком и окружающим миром.

Для архаического сознания характерно представление о виновности целого сообщества за преступление его части. Город мыслился единым целым, и каждый гражданин его был ответствен за его дела, и весь город был ответствен за дела каждого гражданина. Пережитки таких представлений существуют и по сей день.

В этом эпизоде описывается траурная церемония. Согласно иудейской религиозной традиции, траур должен продолжаться семь дней. Этот срок был, по-видимому, характерен и для других западносемитских народов, что связано с уже отмеченным священным характером числа «семь». Естественно, в фольклорном произведении, тем более когда речь идет о герое, семь дней превращаются в семь лет.

Траур завершался жертвами богам и ритуальной пляской. Ритуальные танцы были широко распространены у народов сиро–палестинского региона. Библия описывает подобные пляски царя Давида перед Ковчегом Завета, и это являлось особой формой служения Богу. Правда, в угаритской поэме пляшет не сам царь, а специальные плясуны. Но смысл пляски остается тем же самым.

Принцип талиона, т. е. «кровь за кровь, смерть за смерть», был широко распространен в древности. На нем основывается обычай кровной мести, идущий из родового общества. Это — вариант принципа ответственности целого сообщества за преступление его части. У Даниила, по-видимому, не было больше сына, и обязанность мести приняла на себя дочь.

Вероятно, это ритуальное омовение и следующий за ним, тоже ритуальный, туалет с целью очищения и последующего свершения чрезвычайно важного дела, в данном случае — мести за убитого брата.

Возможно, здесь противопоставляются земледельческое общество, каковым явно было Харнаму (вспомним огород и хлебное поле Данниилу), и общество скотоводческое, кочевое, члены которого живут в шатрах. Противопоставление этих двух типов общества характерно для регионов, находящихся на стыке двух природных зон. Такие общества были и взаимозависимы, и в то же время враждебны друг другу. Возникавшее из этого психологическое напряжение, в частности, ощущается в тех местах Библии, которые относятся к сравнительно древнему ее слою. Не случайно в глазах скотоводов, в том числе древнейших евреев, первопредок земледельцев–ханаанеев, Каин, стал и первозлодеем.

Текст поэмы о Данниилу и Акхите в дошедшем до нас неполном виде обрывается на рассказе о том, как Пугату выпила во второй раз отравленное вино, а конец эпизода восстанавливается логически и по похожим библейским параллелям. Рассказ же о Данниилу и рапаитах является сюжетом другого произведения, содержание которого, однако, тесно связано с предыдущей поэмой. В сохранившихся табличках нет указания на запись поэмы о рапаитах жрецом Илимилку, но исследование показало, что записи и той и другой поэмы относятся к одной серии и датируются одним временем.

То, что Анату принимает активное участие в пиршестве Илу, устроенном им явно по призыву Данниилу, свидетельствует о примирении последнего с ней. Возможно, уничтожив Иатпану, царь удовлетворил чувство мести. С другой стороны, и Анату как будто раскаялась в своем злодеянии. Сам пир мог быть формой примирения, хотя Данниилу на нем, кажется, не появляется. На пиру среди прочих богов присутствует Балу. Он выступает под двумя именами — Балу и Хадду. Имя Хадду в угаритской литературе встречается редко. Является ли упоминание этого имени в данном случае литературным приемом или отражает какие-то различные религиозные концепции, неясно. Первое маловероятно — все-таки перед нами священный текст, в котором литературные приемы подчинены религиозным целям. В библейском Пятикнижии мы тоже встречаем именование Бога и как Йахве, и как Элохим. На этом основании библеисты уже давно установили существование, по крайней мере, двух составных частей этого священного текста и говорят о двух «авторах» — Йахвисте и Элохисте (сейчас, правда, выяснено, что текст Пятикнижия имеет более сложную структуру). Может быть, и в угаритской религиозной литературе наблюдалось нечто подобное.

Обычно считается, что жесты рапаитов означали помазание царя на царство. Действительно, есть множество библейских параллелей, описывающих помазание нового царя. Но до того как новый царь вступит на престол, должен умереть (или каким-либо иным образом лишиться власти) старый. Однако в поэме Данниилу — все еще действующий государь; к тому же Илу предрекает ему, что он доживет, по крайней мере, до рождения внука. Поэтому, думается, обряд, совершенный рапайтами, связан, скорее, с возвращением Акхита в мир живых. Упоминание о предмете, который преломили рапайты, содержалось как раз в пропуске текста, поэтому хлеб — лишь гипотеза.

Уже говорилось, что, может быть, в религиозной истории Угарита Харнаму играла большую роль, чем Дитану. Поэма заканчивается молитвой к главе рапаитов — Царю вечному с пожеланием, чтобы мощь его, и музыка его, и сияние его пребывали в Угарите «во дни Шапашу и Йариху и прекрасные годы Илу», т. е. пока существует этот мир. Не говорит ли это о том, что и царская династия Угарита происходила из Харнаму?

Как уже отмечалось, оригиналы записей финикийских мифов до нас не дошли. Финикийские монеты и немногие надписи дают лишь намеки на мифологию, которая, судя по всему, должна была быть довольно богатой. Изложение этой мифологии Санхунйатоном, дошедшее до нас только в грекоязычной передаче Филона Библского, сохранилось лишь в части, касающейся мифической предыстории Финикии (см. примеч. 76). К счастью для нас, к финикийским мифам и легендам порой обращались греческие и римские писатели. В дальнейшем изложении использованы некоторые их рассказы, о которых можно с уверенностью или большей долей вероятности говорить, что они в конечном счете восходят к финикийским источникам.

Рассказы о происхождении вселенной присутствуют в мифологии любого народа. Правда, некоторые народы обращали как будто мало внимания на этот момент истории мира. Так, повествования о возникновении вселенной играли сравнительно небольшую роль в мифологии древних греков, хотя и были им известны. Мы практически ничего не знаем, как представляли сотворение вселенной римляне, но это объясняется значительным растворением собственно римской мифологии в греческой. Нам не известны соответствующие мифы Угарита. Несомненной причиной этого является случайность археологических находок. Мы уже знаем, что бога Илу угаритяне называли Творцом творения. Следовательно, существовали и мифы о самом творении. До сих пор основная масса мифологических текстов Угарита была связана с храмом Балу. Но Балу никогда не считался создателем мира. Можно надеяться, что в случае открытия храма Илу (если таковым не являлся «храм с ритонами», о котором будет сказано дальше) там удастся обнаружить и записи мифов о творении. Пока что можно с большими основаниями предполагать, что они не только существовали, но и имели нечто общее с известными финикийскими и библейскими рассказами.

Этот вариант изложен преимущественно по Санхунйатону—Филону.

В самом начале Библии рассказывается о сотворении мира. Там мы тоже находим неупорядоченный хаос и Дух Божий, который носился над этим хаосом и океаном. В библейской Книге Премудрости Соломона также говорится о создании Богом мира из безобразного вещества. Важно также указание на то, что Мот был то ли илом, то ли водянистой гнилью. В обоих случаях ясна связь с влагой. И в Библии разделение верхних и нижних вод являлось одним из этапов творения. Вспомним, что и в угаритской мифологии важную роль играла борьба Балу с богом моря Йамму. Наличие таких схожестей, конечно, не означает заимствований представлений одного народа другим. Речь идет о представлениях, существовавших в аморейско–ханаанейской общности. В то же время ясна и принципиальная разница между библейским описанием сотворения мира и тем, какое нам сохранил Филон. У Филона первые божества рождаются от первоначального духа, и процесс создания мира проходит несколько этапов: дух, желание, Мот, семена всего сущего. В Библии Дух Божий непосредственно творит мир Своим словом. Возможно, это объясняется жреческой редакцией библейского текста, произведенной после или в ходе утверждения единобожия (монотеизма). Специалисты считают, что сухой, даже несколько протокольный стиль описания сотворения мира в первой главе библейской Книги Бытия свидетельствует о такой обработке первоначально более красочных описаний. В других книгах Библии, в том числе у более ранних пророков, например у Иеремии, встречаются детали, напоминающие эти более яркие народные представления. С другой стороны, нельзя быть уверенным, что Филон точно воспроизвел изложение Санхунйатона. На это воспроизведение могли оказать влияние религиозные и философские представления греческого мира. Так, в поэме Гесиода «Происхождение богов» тоже говорится о первоначальном хаосе, в котором зародились Земля и некоторые другие божественные персоны, в том числе Любовь (Эрос), а затем уже от них родились и другие божества. Идеи о первоначальном самозарождении существовали в особом греческом религиозном течении, орфизме, который в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры приобретал все большую популярность. Поэтому не исключено, что Филон мог волей или неволей привнести в изложение финикийских мифов элементы, которые ранее не были им свойственны. Впрочем, у нас нет твердых оснований говорить,

кто у кого заимствовал; вполне возможно, что подобные представления греки, и среди них сторонники орфизма, наоборот, могли заимствовать на Востоке, в том числе у финикийцев. Изложение других вариантов рассказов о возникновении вселенной делает такое предположение достаточно вероятным. Интересно появление в рассказе о сотворении мира бога Мота. И в угаритской и в финикийской мифологиях бог смерти Мот (Муту) представлен ужасным. В угаритской поэме о Данниилу и Акхите его даже называют кровавым. Но, с другой стороны, кровь—вместилище жизни. Возможно, на более раннем этапе развития религиозно—мифологических представлений Мот являлся не только и, может быть, не столько богом смерти как таковой, но всякого коренного изменения существования, т. е. перехода не только от бытия к небытию, но и от небытия к бытию. В таком случае роль Мота в творении мира становится вполне понятной.

Представление о яйце как первоначале мира было свойственно многим народам и религиям. Орфики, о которых только что говорилось, тоже представляли первоначальный мир в виде яйца.

То есть планеты.

Во времена Филона очень популярным было философское учение стоиков. Стоики, в частности, утверждали, что именно из мирового пожара рождается новый мир. Еще задолго до них греческий философ Гераклит говорил, что мир является мерами загорающимся и мерами затухающим огнем. Такие представления могли оказать влияние на Филона. Но надо иметь в виду, что основатель учения стоиков Зенон сам был финикийцем, он приехал в Афины и там учил своей философией. Что касается Гераклита, то он, как и другие первые греческие философы, жил в Малой Азии, где были довольно сильны восточные влияния. Поэтому вероятнее, что представление о вселенском пожаре, давшем начало мировому движению, пришло к грекам с Востока, и не исключено, что именно от финикийцев, которые уже давно активно торговали с греками и могли передать им какие-то свои представления о начале мира.

Ветер и его жена как прародители смертных людей могут быть сопоставлены с Духом (или дыханием) Бога, создателя человека, в библейском предании. Эон и Протогон— греческие имена и означают «век» и «первородный». Филон в духе своего времени вообще предпочитает давать персонажам финикийской мифологии греческие имена, явно рассчитывая на грекоязычных читателей. Во многих случаях можно найти финикийские соответствия. Финикийским словом, означающим «век», было «улом», а, как мы позже увидим, в одном из вариантов рассказа о возникновении мира именно Улом называется среди первоначальных богов. В греческом языке слово «эон» может быть как мужского, так и женского рода. «Протогон» же в данном случае — слово мужского рода. Поэтому, учитывая, что эта пара является прародителями следующих поколений, можно считать Эон женщиной.

Эон выступает так называемым культурным героем. Такие «культурные герои» встречаются в мифологиях самых разных народов. Это мифические персонажи (даже если в их именах сохранились воспоминания о реальных людях), которым приписывается, в частности, изобретение тех или иных полезных для человечества предметов либо занятий. Так, в Библии первым земледельцем был Каин, а первым скотоводом — Авель. В финикийских мифах подобные «культурные герои» достаточно многочисленны. Правда, здесь надо сделать одну очень важную оговорку. Как уже говорилось (см. примеч. 76), сам Филон был сторонником учения Евгемера, согласно которому все боги были когда-то смертными существами, превращенными в народном сознании в богов за свои заслуги перед человечеством. Поэтому довольно трудно сказать, где у Филона подлинные «культурные герои», а где — боги, которых этот писатель превращает в таковых, искажая смысл произведения Санхунйатона.

Таким образом, Финикия оказывается первой населенной страной мира. И такое представление вполне обычно. Правда, это как будто противоречит утверждению тех же финикийцев, что они пришли на берег Средиземного моря с юга, от Эритрейского моря, под которым подразумевалось, по-видимому, все обширное водное пространство к югу и юго-востоку от Аравийского полуострова. Но подобные противоречия, как уже говорилось, никогда не тревожили создателей мифов. Вопрос же о древности своей страны или своего города очень заботил людей, в том числе финикийцев. Недаром жители многих из них пытались доказать, что именно их город был самым древним или хотя бы одним из самых древних.

Дети Зон и Протогона носят значимые имена. Это характерно для древнейших божеств. Поэтому кажется возможным, что и их родители — не собственно «культурные герои», а божества. Дети же воплощают стихию огня, который в финикийском мифе, с одной стороны, играл, как мы видели, столь важную роль в развитии вселенной, а с другой — имел огромное значение для становления цивилизации. Может быть, в данном пункте отразилась идея перехода от возникновения природы к возникновению цивилизации.

371

То есть Цафон.

Финикийцы, как и угаритяне, почитали горы. Перечисленные горы находились в районе Финикии и, вероятно, были объектами поклонения. Среди этих гор и горных массивов нам неизвестна Братю — возможно, местное название какой-то горы. Ни в каких других текстах это название не встречается.

Филон дает два имени бога — финикийское, Шамимрум, и греческое, Гипсураний. И в том и в другом присутствует указание на небесный характер этого бога. Имя Гипсураний может означать (приблизительно) «находящийся на верхнем небе». Не исключено, что это тот же Баал–Шамим, о котором говорилось несколько ранее. А имеющееся противоречие может объясняться соединением в данном тексте разных традиций. Усой — это, несомненно, эпоним (т. е. бог или герой, по имени которого названо то или иное место) города Ушу. Ушу был расположен на материке, как раз напротив Тира. Греки и римляне даже называли его Палетиром, т. е. Древним Тиром. В I тысячелетии до н. э. Ушу принадлежал Тир. Ассирийцы на какое-то время отняли этот город у тирийцев, но затем Тир восстановил свое господство над ним.

То, что первые жилища, хотя еще и весьма примитивные, появились именно на острове, где позже находился Тир, говорит об использовании здесь именно тирского варианта финикийских сказаний.

Изобретение мореплавания приписывалось разным божествам. У Филона–Санхунйатона первенство в этом деле принадлежит богу Хусору, а затем Кабирам. Тирийцы называли изобретателем корабля своего бога Мелькарта. Возможно, связывая открытие мореплавания с Усоем, жители Ушу противопоставляли свою версию тирской.

Появление человеческого общества финикийцы рассматривали как процесс, осуществляемый различными богами и «культурными героями». Таким образом, они внесли в свою религиозно–мифологическую мысль идею постепенного развития, эволюции. Отождествление отдельных этапов этой эволюции с конкретными персонажами является неотъемлемым свойством мифологического мышления.

Вероятнее всего, это были жители Библа.

Финикийская мифология, как и вообще мифология аморейско-ханаанейской общности, имела несомненные общие черты. Но это не мешало тому, что в каждом городе существовали свои сказания и свои варианты общего сказания. Исследование дошедших до нас фрагментов произведения Санхунйатона-Филона показало, что в основе этого повествования лежит библский вариант, или, как говорят, библская традиция, хотя сам Санхунйатон происходил из Берита. Правда, Санхунйатон, по-видимому, хотел создать более общее произведение и, как мы видели, учел в своем рассказе и какую-то часть традиций Тира и Ушу.

Сидонская традиция сохранилась в кратком виде в произведении Дамаския «О первых принципах». Дамаский— греческий философ V-VI вв., один из последних языческих философов. Он возглавлял философскую школу в Афинах, когда император Юстиниан в 529 г. закрыл ее, на чем практически и закончилась история античной мысли. В первой части своего произведения Дамаский сообщает и кое-что относительно различных мифов о происхождении вселенной, пытаясь отождествить мифологию и философию. В последней главе этой первой части он говорит и о финикийских мифах. Упоминая о сидонском варианте, Дамаский ссылается на Евдема. Это имя носили разные историки и философы. Возможно, речь идет об ученике Аристотеля, жившем на рубеже IV-III вв. до н. э.

Об этом варианте тоже рассказывает Дамаский, но ссылается уже на другого автора — Моху. Греческий ученый Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.) говорит, что Мох был сидонским писателем и жил еще до Троянской войны. Так что, если верить Страбону, его можно считать приблизительно современником Санхунйатона. Возможно, что, как Санхунйатон в Берите, Мох в Сидоне пытался создать священное предание, объединив различные мифы. К сожалению, кроме краткого указания Дамаския на его космогонию (учение о происхождении мира), от этого произведения Моху ничего не сохранилось, так что об этом авторе мы можем судить еще меньше, чем о Санхунйатоне.

В рассказе Мохы много общего с рассказом Санхунйатона, и это общее можно отнести на счет общефиникийской мифологии. Но есть и важное различие. То место фактического создателя мира, какое у Санхунйатона занимает Мот, у Мохы принадлежит Хусору. При этом миф, переданный Мохом, кажется более ранним. Хусор, бог-ремесленник, вполне подходит на роль создателя этого мира. И греки и римляне часто употребляли слово «сидоняне» и производные от него для обозначения финикийцев вообще. Но Страбон, рассказывая о Финикии, ясно различает Сидон и Тир. Поэтому нет сомнения в том, что Мох — не просто финикийский, но именно сидонский писатель, и в его сочинении конечно же, отразилось сидонское предание. Оно не вполне согласуется с тем, какое Дамаский излагает непосредственно перед ним, утверждая, что то — сидонское. Вполне вероятно, уже в Сидоне ходили разные варианты сказаний о сотворении мира. Может быть, выдвижение Хусора было связано с каким-либо храмовым преданием, хотя о храме Хусора в Сидоне нам пока неизвестно.

Этот вариант мифа содержался в средневековом арабском трактате, сравнительно недавно опубликованном. Исследование показало, что сообщение трактата восходит к финикийскому источнику.

Высшим богом Море, т. е. бог Йам, считался в Берите, так что, возможно, этот рассказ имеет беритское происхождение.

Многие древние народы рассматривали развитие мира как смену поколений богов. В мифологии хеттов бог

Алалу девять лет царствовал на небесах, а затем его победил бог Ану, и через столько же лет на него пошел войной бог Кумарби, которого хетты называли отцом богов. Но и Кумарби не суждено было царствовать вечно. Из его семени земля породила трех богов — бога бури, бога реки Аранцах и бога Тасмису. Хотя конец этого мифа не сохранился, учитывая, что в хеттской религии бог бури играл очень большую роль и считался супругом богини солнца Аринны, можно почти с уверенностью говорить, что сказание кончалось победой молодых богов над Кумарби. Сейчас доказано, что хетты заимствовали этот миф, как и многие другие, у хурритов. Подобные рассказы существовали в Месопотамии. В Греции Гесиод написал поэму «Происхождение богов», в которой тоже описывал борьбу нескольких поколений богов: своего отца Урана сверг хитроумный Крон, который, боясь, как бы и его не постигла та же участь, проглатывал своих детей, но новорожденного Зевса спрятали, и когда Зевс вырос, он сверг Крона, заставив того выплюнуть проглоченных ранее, и отныне Зевс, его братья, сестры и его дети правят миром. Таким образом, можно говорить об общем донаучном представлении о развитии мира.

Как уже говорилось, если у угаритян эпитет Высочайший или Высший был свойствен Балу или Илу, то у финикийцев существовал отдельный бог с таким именем. Санхунйатон ничего не говорит о рождении этого бога (по крайней мере, Филон этого не сообщает). По существу, в дошедшем до нас тексте рассказ о прежних божествах прекращается и начинается новый, переход к которому отмечен указанием, что в «их время», т. е. во времена потомков первых богов (или обожествленных смертных, как считал Филон), родились Элиун и Берут и что те боги, о которых дальше пойдет речь, будут потомками именно этой пары.

Подчеркивание места пребывания первых богов может свидетельствовать о библском происхождении традиции, которую в дальнейшем передает Санхунйатон. И позже упоминается, что верховный бог Эл построил первый город в Финикии, Библ. Может быть, использование Санхунйатоном именно библской традиции побудило Филона, происходящего из этого города, использовать для изложения финикийской истории и предыстории именно его сочинение, а не какое-либо другое, например — сидонца Мох.

В духе своей концепции Филон говорит, что Элиун погиб в схватке с дикими зверями и был обожествлен его детьми. Трудно сейчас сказать, каков был первоначальный вариант этого мифа, переданного Санхунйатоном (Элиун, конечно, был богом, а не обожествленным предком). Но важно то, что в отличие от мифологий других народов, включая хеттов и греков, Элиун не был свергнут своим сыном. Более того, у Санхунйатона–Филона подчеркивается почтение детей по отношению к отцу. Это важная особенность финикийского рассказа о переходе власти от первого поколения богов ко второму.

Филон употребляет греческое имя Уран, что буквально и означает «небо». Но если Небо был тем же богом, что и Баал–Шамим, Владыка Небес (это, как уже говорилось, не совсем ясно, но очень вероятно), то он пользовался официальным почетом на протяжении всего времени существования финикийской цивилизации и тем самым резко отличается от греческого Урана, реального культа которого в греческом мире не существовало.

Филон называет Эла Кроном, но сразу же добавляет, что Крон и есть Эл. Имена Бетила и Дагона — семитские. Филон не нашел этим богам их греческих соответствий. Четвертый сын Неба и Земли — Атлант. В греческой мифологии Атлант выступает одним из врагов верховного бога Зевса и в наказание обречен держать на своих плечах небесный свод. Помещали его греки на западном краю земли. О существовании подобного финикийского мифа неизвестно.

В западносемитских патриархальных обществах супружеская измена мужа не считалась преступлением. В Библии, особенно в рассказах о более древних временах, содержится довольно много упоминаний о подобных действиях весьма положительных персонажей. В мифологиях разных народов часто говорится о супружеских изменах богов, вследствие чего и появилось большое количество их потомков. Достаточно вспомнить многочисленные греческие мифы о Зевсе, детьми которого от разных женщин были не только божества, но и смертные герои.

В угаритской мифологии Анату (Анат) тоже дочь Илу (Эла), но она не только не помогает своему отцу, но и постоянно активно ему угрожает, стремясь достичь каких-либо своих целей. Перед нами явно совершенно иной вариант западносемитской мифологии. Молодого помощника Эла Филон называет Гермесом Трижды величайшим. Культ этого греческого бога в данном варианте широко распространился в Средиземноморье после завоеваний Александра Македонского. Этого бога считали покровителем различных заклинаний. Похожим выступает Гермес Трижды величайший и в повествовании Филона. В Египте Гермес отождествлялся с богом Тотом, богом всякой мудрости, в том числе заклинаний. Филон же отождествляет египетского Тота с финикийским Таавтом, уточняя, что его-то греки и зовут Гермесом. Поэтому можно полагать, что помощник Эла — Таавт. В духе же своего времени Филон считает его не просто Гермесом, а именно столь популярным тогда Гермесом Трижды величайшим, главным покровителем таинственных гаданий и заклинаний. Об относительно поздней вставке говорит и упоминание железа. Во времена Санхунйатона оружие изготавливали еще из бронзы.

Возможно, включая в список богов Демарунта, автор оставляет в своем сочинении след какой-то мало нам известной южнофиникийской традиции. Положение Демарунта в божественной семье оказывается довольно сложным. С одной стороны, он, будучи рожденным в доме Дагона, становится его домочадцем и, таким образом, официальным племянником Эла. С другой стороны, как сын Неба Демарунт является братом верховного бога. Создается впечатление, что в Южной Финикии существовала довольно сильная мифологическая традиция, в которой Демарунт был почти равновеликим Элу, и некоторая искусственность присоединения Демарунта к семье, возглавляемой Элом, может говорить о включении элементов данной традиции в северофиникийскую, которой этот бог был первоначально чужд. Однако дальше предположения мы пока пойти не можем по причине отсутствия достаточного материала для доказательств.

Если в большинстве мифологий свержение предыдущего верховного бога является единовременным актом, в финикийской это растягивается на несколько эпизодов.

Филон там, где это возможно, дает божествам греческие имена. Однако Астарту Филон называет ее финикийским именем (хотя ее обычно отождествляли с Афродитой), ибо культ этой богини был слишком широко распространен и хорошо известен. Две же сестры Астарты носят у Филона греческие имена — Диона и Рея. Несколько дальше сам Филон говорит, что Диона — та же богиня, что и Баалтида, властвующая в Библи, т. е. Баалат–Гебал. Финикийское же имя Реи неизвестно. В дальнейшем Филон говорит, что сын Эла и Реи, Мот, стал богом смерти. В угаритской мифологии Муту был любимцем Илу и, вероятно, одним из детей его и Асирату. В финикийской религии мы практически не встречаем культа Асирату. Может быть, в Северной Финикии ее черты переносили именно на ту богиню, которую Филон называет Реей. Учитывая, что Библи одно время был занят амореями, а библская царская династия, судя по именам царей, во II тысячелетии до н. э. была, скорее всего, тоже аморейского происхождения, можно предположить (но только предположить), что Рея — это Асирату.

Это вновь возвращает нас к загадочному Атланту. Текст Филона не дает возможности отождествить его с каким-либо известным финикийским богом. В дальнейшем еще пойдет речь о страшном чудовище Тифоне, который боролся с верховным богом и после своего низвержения был брошен в глубь земли, и над ним была воздвигнута гора. Может быть, существует какая-то связь между Тифоном и Атлантом, хотя Филон называет среди морских божеств и Тифона. Но это пока из области догадок.

О финикийском Садиде мы практически ничего не знаем. Можно только полагать, что он является одним из богов подземного мира. Может быть, он идентичен с Шаддаем, которого считают богом плодородия у арамейев, населявших Сирию в I тысячелетии до н. э. Связь богов плодородия с подземным миром встречается в мифологиях разных народов.

Дочь, которой Эл отрубил голову, это явно Персефона: о ней несколько ранее говорилось, что она умерла девственницей. В греческой мифологии Персефона — царица подземного мира. Таковой у финикийцев (да и вообще у западных семитов) считалась богиня Шеол.

Изображения крылатых божеств встречаются, в частности, на финикийских монетах. Мы еще плохо знаем изобразительное искусство финикийцев, и поэтому трудно сказать, насколько распространены были подобные изображения в скульптуре или живописи (в том числе вазописи).

Мы вновь встречаемся со старым западносемитским представлением о верховном государе и подчиненных ему владыках. Именно таким был угаритский Илу, таков и его финикийский двойник Эл. В мифологии, переданной Санхунйатомом, роль Эла довольно велика. Он, как и Илу, хозяин космоса, космических сил. И хотя Филон отождествляет Эла с греческим Кроном, разница между этими двумя богами принципиальная. Крон низвергнут в Тартар, находящийся еще глубже того подземного мира смерти, куда спускаются обычные люди после ухода из жизни. Эл не только остается в посюстороннем мире, но и продолжает осуществлять в нем высшую власть.

Филон говорит не о Финикии, а о «стране». Но ясно, что под «страной» подразумевается сама Финикия. В то же время, из «страны» явно исключаются Библ и Верит, как об этом говорится несколько позже. Это позволяет фактически свести «страну» к Южной Финикии. Не означает ли упоминание о передаче этим богам власти над «страной» вновь осторожное включение в текст Санхунйатона южнофиникийской традиции?

Вероятно, имеется в виду вся Греция.

Скорее всего, упоминание об Анат как о владычице Аттики относится к более позднему времени, чем создание Санхунйатоном своего произведения. Финикийцы неплохо знали Грецию. Поэтому трудно было бы понять, почему Эл выделяет только Аттику.

О Таавте мы уже говорили во «Введении».

Мот снова появляется в повествовании о финикийских богах. На этот раз он именно бог смерти, каким был и угаритский Муту. Вероятно, образ этого бога развивался в сторону ограничения области его деятельности. Сначала, по-видимому, к его ведению относились как переход от небытия к бытию, так и переход из мира живых в мир смерти, а позднее — только последнее.

В основу изложения положен сохранившийся отрывок из сочинения Ферекида — одного из греческих мудрецов и мифографов (писателей, специализировавшихся на изложении мифов), жившего в первой половине VI в. до н. э. Он происходил с острова Спроса. Древние географы считали, что именно этот остров упоминает Гомер, рассказывая, как остановившиеся там финикийцы похитили младенца Евмея, продав потом его в рабство отцу Одиссея. Это предание основано на частых посещениях Спроса, как и других окрестных островов и мест Греции, финикийцами. Кроме того, Ферекид, по словам его биографа, выучился своей мудрости из финикийских книг. Предводителями враждебных друг другу войск Ферекид называет Крона и Офиона. Последнее имя и является именем Змея (по-гречески «офис»). Врагом же его выступает, и это очень важно, не Зевс, который в греческой мифологии утверждал свою власть в борьбе с различными чудовищами, в том числе и змеевидными, а его отец — Крон. Видимо, уже во времена Ферекида существовало твердое убеждение, что финикийский Эл соответствует греческому Крону. О том, что рассказ Ферекида о Змее и его борьбе с верховным богом заимствован у финикийцев, можно судить и по сообщению Филона, который уже после изложения произведения Санхунйатона говорит, что Ферекид заимствовал эту тему у финикийцев. Философия Ферекида (если ее можно назвать собственно философией) нам известна плохо. Поэтому мы не можем сказать, как данное сообщение писателя было связано с его представлением о Зевсе, сыне Крона, издавна существующем и являющемся творцом мира. Это представление едва ли возможно отнести к финикийским элементам его учения.

Представление о нахождении видимой вселенной между двумя океанами — наднебесным и подземным — существовало, по-видимому, во всей аморейско-ханаанейской общности. И угаритский Илу обитал у истоков двух океанов. Библия рассказывает, что, творя мир, Бог отделил воду над твердью от воды под твердью, после чего наверху образовалось небо, внизу — море, а между ними — земля. Символом водного потока в финикийской религии считалась змея. Филон (или Санхунйатон) говорил, что первоначальный воздух (или дух) полюбил самого себя, и этот дух мог быть представлен наглядно в виде змея, пожирающего собственный хвост. Змею считали не умирающим, а вечно обновляющимся существом и поэтому часто связывали с богом Эшмуном. Но отношение людей к змее было (и мы уже говорили об этом) совсем неоднозначным. Со змеем (драконом) сражались угаритские Балу и Анату. Чудовищного змея Левиафана поразил Йахве, создавая этот мир. И хотя Левиафан, змей извивающийся, еще не побежден окончательно, он будет сокрушен в момент полного торжества Бога над беззаконием, как утверждал пророк Исая. И в одном из вариантов финикийского предания, как мы видели, противником Эла выступает именно Змей. Подобная неоднозначность свойственна многим религиозным представлениям древности.

Археологи раскопали уже много финикийских захоронений — больше в колониях, меньше в самой Финикии — и везде они находят различные предметы, положенные в могилу, или хотя бы их следы. Разумеется, такой, как говорят археологи, погребальный инвентарь был распространен не только у финикийцев.

До нас дошли некоторые надгробные надписи, в которых содержались призыв не тревожить покой погребенного и проклятия в отношении тех, кто на это решится.

Поскольку среди народов аморейско–ханаанейской общности обычным было вести имя народа от его прародителя (разумеется, мифического), то вполне резонно произвести имя «ханаанеи», как называли себя финикийцы, от Хна, тем более что и сами древние этого не отрицали.

О первоначальной жизни финикийцев у Эритрейского моря и их переселении к Средиземному морю рассказывают разные греческие и римские авторы. Современные ученые чаще всего эти сведения отвергают как неисторические. Другие ученые доказывают достоверность этой традиции. Сами финикийцы не сомневались в том, что она правдива. Во всяком случае, данные, касающиеся языка и мифологии, связывают финикийцев (и угаритян) именно с Южной Аравией.

Предание о жителях Библа как об автохтонах, т. е. людях, которые всегда жили на этом месте, противоречит общей традиции о приходе финикийцев с юга. Подобные предания едва ли отражали что-либо, кроме стремления утвердить свою древность. К тому же и археологические данные свидетельствуют об этнических изменениях в этом городе.

Библ — единственный город Финикии, об основании которого недвусмысленно говорится у Санхунйатона–Филона. Библ и Верит выделяются автором, когда тот утверждает, что Эл дал город Библ богине Баалат–Гебал, а Верит — богу моря и некоторым другим божествам. Правда, дважды упоминается Тир, но в одном случае говорится о весьма примитивном поселении, жилища в котором представляли собой шалаши из тростника, лоз и папируса, а в другом — не о городе, а об острове, хотя этот остров и называется святым островом Астарты. Это еще раз подтверждает, что в сочинении Санхунйатона сохранена северофиникийская традиция.

Это предание довольно подробно передано поздним греческим поэтом Нонном (приблизительно V в.). Нонн был родом из Египта, а учился, очень вероятно, в Берите, славившемся тогда своей юридической школой. Может быть, во время учебы там Нонн узнал многочисленные финикийские предания и довольно широко использовал их в своей поэме. Эта поэма была посвящена подвигам бога Диониса, который считался потомком финикийца Кадма. Отсюда и многочисленные обращения к Финикии и финикийским преданиям. Конечно, эти предания ко времени Нонна уже в большой степени видоизменились. Тогда в языческой мысли широко распространились представления о божестве или нескольких божествах, которые соединяли в себе черты многих других и выступали как мощные всеобъемлющие боги. Именно таким предстает у Нонна Дионис; похожим выступает и Геракл. Тем не менее в образах нонновской поэмы различимы финикийские черты. Еще задолго до жизни Нонна полное отождествление Геракла и римского Геркулеса с Мелькартом стало «общим местом», так что сомневаться, что под именем греческого героя скрывается финикийский бог, не приходится. В Тире был найден рельеф уже римского времени, изображающий рождение Мелькарта. На нем видны дерево, охваченное огнем, орел и змея. Это полностью соответствует сказанию, переданному Нонном, и подтверждает финикийский источник его сведений.

Согласно данному повествованию, в XII в. до н. э.

Рассказ об основании Тира сидонцами в начале XII в. до н. э. полностью противоречит не только тирской традиции, которая относит основание города приблизительно к XXVIII в. до н. э. (о чем сообщает греческий историк Геродот, ссылаясь на слова жрецов тирского храма, посвященного Мелькарту), но и известным историческим данным. О Тире не раз упоминали египтяне во II тысячелетии до н. э., сохранились письма тирского царька своему египетскому повелителю. Археологический зондаж, проведенный на очень небольшом участке, показал, что Тир действительно возник около того времени, о котором говорили Геродоту тирские жрецы. В то же время предание, относящее основание Тира к началу XII в. до н. э., было широко известно. Эту дату, в частности, упоминает писавший по-гречески еврейский историк Иосиф Флавий, довольно хорошо знавший предания своего региона. Видимо, эта традиция возникла не на пустом месте. Противоречия между двумя традициями призвана объяснить гипотеза, по которой сидонцы после разрушения их города действительно переехали в Тир. Там они, не будучи его гражданами, заняли сравнительно более низкое политическое положение. В Карфагене, основанном тирийцами, отмечается существование особой категории свободных людей, не являющихся гражданами, — «сидонских мужей» (в одном случае упоминается «сидонская дочь»). Поэтому возможно, что для оправдания своей роли в Тире и претендуя на равноправное положение в нем, в сидонской среде и возникло сказание о действительном основании Тира сидонцами после их переселения туда. Аналогию можно найти в истории греческой колонизации, когда более поздние переселенцы считали именно себя настоящими основателями города.

Рассказ об основании Берита тоже заимствован у Нонна, который прославляет этот город как светоч учения.

Это сказание содержится у византийских писателей раннего средневековья. Оно довольно искажено, но и в таком виде обнаруживает финикийские черты.

Это единственное упоминание Сидона в сохранившемся тексте Филона. У него, правда, говорится не о городе, а о богине. Но возможно, что здесь как-то отражено предание об основании города.

Эта легенда дошла до нас в изложении греческого географа Страбона, который, в свою очередь, узнал ее из сочинения философа Посидония (II-I вв. до н. э.), лично побывавшего в Гадесе. Она явно местного, гадитанского, происхождения, причем восходит именно к гражданскому коллективу Гадеса. Ряд греческих и римских писателей, которые упоминали об основании Гадеса, единодушно относили это событие к концу XII в. до н. э., приблизительно к 1104 г., или к немного более позднему времени. Большинство современных ученых решительно опровергают эту дату, поскольку до сих пор в городе не найдено никаких финикийских следов, предшествующих VIII в. до н. э. Правда, надо заметить, что еще сравнительно недавно самые ранние признаки финикийского присутствия в этом городе относились к VI в. до н. э. Археологические свидетельства — вещь достаточно коварная, ибо трудно или часто просто невозможно сказать, что же археологи найдут в следующих сезонах раскопок. Внимательное рассмотрение традиции показывает, что в приведенной дате нет ничего невероятного. Более того, некоторые косвенные данные говорят, скорее, в пользу сообщений древних авторов. Основание Гадеса хорошо вписывается в первый этап финикийской колонизации, который, по данным античных авторов, занял последнюю четверть XII и первую четверть XI в. до н. э.

Считалось, что боги могут прорицать будущее и приказывать смертным что-либо совершить в настоящем ради этого будущего. В храме Мелькарта в Гадесе был оракул (прорицалище), пользовавшийся большой популярностью в древности.

Его подлинное финикийское имя неизвестно. Имя, приведенное здесь, — греческое.

В самом по себе основании храма раньше города нет ничего невероятного. В период колонизации храмы играли большую роль как более или менее безопасные места стоянок и торговли с окрестным населением, имели они и экономическое значение. На острове Фасос в северной части Эгейского моря, где одно время обосновались финикийцы, города как такового, по-видимому, и не было, и организатором добычи золота в богатых рудниках этого острова выступал храм. Гадитанский храм Мелькарта также играл важную роль в городской экономике, будучи, в частности, казнохранилищем города. Но в данном случае маловероятно, чтобы храм был основан на 70 лет раньше города. По-видимому, перед нами храмовое предание, соперничающее с городским: жрецы Мелькарта очень хотели представить свой храм более древним, чем город, возможно, обосновывая этим свою претензию на более активное участие в управлении Гадесом.

Имена Зор и Кархедон сопоставляются с названиями двух городов — Тира (Цора) и Карфагена (Кархедона). В таком виде, в каком оно до нас дошло, это предание не может быть достоверным. Братья явно выступают символами двух городов — метрополии и колонии. Не может быть принята и дата их экспедиции (за 50 лет до того времени, которое считалось в древности временем Троянской войны) — приблизительно 1234 г. до н. э. Это намного раньше начала первого этапа финикийской колонизации. Думается, что в основе предания о Зоре и Кархедоне лежит не финикийская традиция, а версия какого-то греческого эрудита.

В соответствии с данной легендой, это случилось в XIII в. до н. э.

При внимательном рассмотрении этой традиции некоторые ученые пришли к выводу, что, не принимая ее в целом, можно все же считать, что в ее основе лежали воспоминания о древних плаваниях тирийцев в этот район Африки и создании там финикийской фактории.

В IX в. до н. э.

Греческие и римские авторы обычно называли основательницу Карфагена Дидоной. Под этим именем она вошла в поэзию и искусство. Но греческий историк Тимей (IV-III вв. до н. э.) из Тавромения на Сицилии, где греки тесно соприкасались с финикийцами (как жившими на самом острове, так и карфагенянами), с которыми они почти постоянно воевали, прямо писал, что на финикийском языке ее звали Элисса. О точном значении этого имени филологи спорят, но несомненно, что в нем присутствует элемент «эл», как это встречается в ряде западносемитских имен. Что же касается имени Дидона, то его значение определить еще труднее. Тот же Тимей говорил, что так ее называли туземцы, т. е., скорее всего, местные африканцы, из-за ее странствий, и имя это означает «странствующая».

Ахерб был верховным жрецом бога Мелькарта. Он, несомненно, принадлежал к высшей аристократии Тира. Богатства, о которых упоминается в истории Элиссy, едва ли являлись богатствами храма, ибо далее говорится, что Ахерб их спрятал, но спрятать богатства одного из главных храмов города едва ли было возможно. Речь, конечно, идет о личных богатствах верховного жреца.

В колониях обычно тщательно сохранялись сведения о первопоселенцах, и их потомки гордились своей принадлежностью к их семьям. Такие люди принадлежали обычно к колониальной аристократии. Даже в нынешних Соединенных Штатах потомки тех, кто еще в XVII в. высадился на американский берег с корабля «Мэйфлауер», считаются особо почтенными людьми. Поэтому неудивительно, что некоторые имена спутников Элиссы сохранились надолго. В Карфагене была найдена надпись некоего Баалея, который перечислял шестнадцать поколений своих предков и первым из них назвал Мицри; несложные вычисления показывают, что этот Мицри жил в последней трети IX в. до н. э., т. е. именно во времена основания Карфагена. Среди потомков Мицри были люди, занимавшие высокие посты в Карфагене. Бития, который командовал флотом Элиссы, римский писатель Сервий (рубеж IV-V вв.) называет среди десяти первых лиц в государстве.

Согласно карфагенской традиции, он основан в самом конце XII в. до н. э.

Есть данные, что Утика была основана через год после основания Гадеса. Сведения римских и греческих авторов, взятые ими, бесспорно, из карфагенской традиции, тоже указывают на конец XII в. до н. э. Следовательно, Утика была создана на первом этапе финикийской колонизации. Этот город долго соперничал с Карфагеном. Даже подчинившись Карфагену, он использовал любую возможность вернуть себе самостоятельность. Позже, после разрушения Карфагена римлянами, Утика долго была центром римской провинции, образованной на месте бывшей Карфагенской республики.

Маловероятно.

Греки называли этот город Кархедоном, римляне — Картаго.

Согласно данному преданию, это произошло в 814 г. до н. э.

Об основании Карфагена писали многие древние авторы. Настоящее изложение основано преимущественно на рассказе римского писателя Юстина и дополнено сведениями, взятыми из произведений других авторов. Юстин не был самостоятельным историком. Он в III или IV в. н. э. издал сокращенный вариант труда историка Помпея Трога, жившего двумя или тремя веками раньше. Помпей Трог писал по-латински, но собственно римлянином не был, и его произведение по своему духу во многом направлено против римских претензий на власть во всем мире. Описывая историю отдельных народов и государств, Трог, там, где это было для него возможно, обращался к местным преданиям. Исследование его сведений о карфагенской истории показывает, что они в конечном счете восходят к исторической традиции самого Карфагена. Недаром именно у Трога сохранились многочисленные известия о внутренней истории Карфагена, в то время как другие греческие и римские авторы в основном интересовались войнами карфагенян с греками и римлянами. Поэтому можно быть уверенным, что и история основания Карфагена восходит к самим карфагенским источникам. Сравнение различных рассказов об основании Карфагена и событий, происходивших в последней трети IX в. до н. э. на Ближнем Востоке, показало, что Карфаген был основан в 825 или 823 г. до н. э. (наиболее вероятной представляется вторая дата). Так что царствование единственной карфагенской царицы продолжалось 11 или 9 лет.

Отождествление Баалат–Гебал с Хатхор более древнее. В Египте даже была найдена надпись, в которой упоминается Хатхор, госпожа Библа. И жители Библа уже во II тысячелетии до н. э. изображали свою Владычицу в образе египетской Хатхор.

Об этом рассказывали разные древние авторы. Довольно подробно эту историю изложил знаменитый греческий писатель Плутарх, который даже написал специальный трактат «Об Осирисе и Исиде». Этот автор называет библскую царицу Астартой, а царя — Малкандром. Последнее имя, несомненно, искаженное Мелькарт. Плутарх использовал какие-то источники, восходящие к египетским и, по-видимому, финикийским, но плохо в них разобрался. В его сочинении соединены, вероятно, разные традиции — к египетской и библской прибавлена тирская.

Таммуз был старинным месопотамским богом, и его культ был широко распространен в Месопотамии, но вышел он и за пределы этой страны. Известно, что иерусалимские женщины незадолго до падения Иерусалима оплакивали смерть Таммуза и воздавали ему почести. Таммуз был умирающим и воскресающим богом, что делало его похожим на ряд финикийских богов. Известия о существовании этого восточного бога достигли Греции, и греки нередко называли именем Таммуза самых разных восточных богов, относящихся к типу умирающих и воскресающих. Учитывая, что дальнейшее действие совершается в Библие, можно говорить, что в данном случае под Таммузом подразумевается Адонис.

Это указание свидетельствует о библском происхождении легенды.

Баалат–Гебал и означает «владычица или царица Библа». Это явно не было ее собственным именем. Некоторые исследователи полагают, что в действительности речь идет об Астарте или Анат, но, как уже говорилось, это едва ли так: Баалат–Гебал была самостоятельной божественной фигурой. Греки и римляне отождествляли ее с Дионой, матерью Афродиты. Под этим именем ее воспел римский поэт Овидий (I в. до н. э. — I в. н. э.), который, совершенно очевидно, воспроизвел (хотя сам, может быть, этого и не знал) финикийский миф.

У мифа об Адонисе парадоксальная судьба. Само имя бога, как мы уже отмечали, чисто семитское. Но в то же время все, что мы знаем об Адонисе, происходит только из греко-римских источников. Собственно финикийский миф не передал ни один автор. Правда, мы знаем о некоторых финикийских именах с элементом «адони». И в трактате «О сирийской богине», который приписывается греческому писателю римского времени Лукиану, говорится о празднике в честь Адониса в Библие. Греки тоже почитали Адониса, включив его в мир своих богов. Произошло это довольно рано. Об Адонисе упоминал Гесиод, который делает Адониса сыном Финика, предка финикийцев. Это самое раннее упоминание Адониса. Позже об Адонисе писали многие авторы, приводя различные версии мифа. Варианты расходятся в деталях, но в целом похожи: все они рассказывают о страсти к Адонису богини любви, о гибели юного Адониса на охоте от клыков страшного вепря, о печали богини и часто о воскресении Адониса. В честь Адониса в греческих городах, в том числе в Афинах, устраивались праздники. Постепенно они приобрели чисто греческий характер. Но в своей основе миф оставался финикийским. Возможно, с этим мифом греки познакомились на Кипре; недаром в нем местом первоначального действия являлся именно этот остров, и лишь затем события разворачиваются в Библие. Но не исключено, что знакомство с мифом произошло в самом Библие, который греки посещали еще во второй половине II тысячелетия до н. э.

Другие источники называют имя Смирна.

По-видимому, Астарту.

Мотив мести богов, наказывающих детей за преступление родителей, распространен в мифологии. Это представление основывалось на идее коллективной ответственности рода, а тем более семьи, за все поступки, совершенные членами данных рода или семьи.

В некоторых вариантах мифа рассказывалось, что ранее возлюбленным богини был бог войны (в греческом варианте Арес). Поэтому убийство Адониса могло рассматриваться как проявление ревности. В греческих вариантах мифа часто говорилось, что нападение страшного кабана было местью богини Артемиды за то, что Адонис случайно увидел ее обнаженной.

В первобытном обществе часты были запреты есть мясо того или иного животного. Может быть, то, что кабан был виновником гибели Адониса, служило, по крайней мере в Библие, мифическим обоснованием запрета есть мясо свиньи, существовавшего у западных семитов.

Нонн, о котором уже говорилось, вставил этот рассказ в свое прославление города Берита. Видимо, Адонис почитался не только в Библе, но и в Берите.

Фригийцы, которые жили в I тысячелетии до н. э. в Малой Азии, рассказывали о своей богине Кибеле и юноше Аттисе практически то же самое. На этом основании была высказана мысль, что Дамаский, передавший этот миф, многое взял из фригийского мифа. Однако в таком предположении нет надобности. Подобные мифы могли возникнуть у разных народов совершенно самостоятельно. К тому же Дамаский сам недвусмысленно назвал богиню, преследующую Эшмуна, финикийской. И имя юноши он дал в финикийской форме, только оговорившись, что это имя греки переводят как Асклепий, и подчеркивая, что в Берите Асклепий не грек и не египтянин, а финикиец. Поэтому думается, что миф об Эшмуне и преследовавшей его Астарте — чисто финикийский.

В Египте, как мы уже говорили, не было собственного морского божества. Поэтому не только упоминание Астарты, но и роль, какую играл в повествовании бог моря, свидетельствуют о финикийском происхождении этого мифа. Когда бог моря попал в Египет, сказать трудно. Текст этого египетского мифа относится приблизительно к XVI-XIV вв. до н. э. Здесь Йам резко противостоит остальным богам, так что можно думать, что его все еще воспринимали как сравнительно новое божество. В XIII в. до н. э. этот бог тоже в качестве коварного и злого упоминается в египетской сказке «О двух братьях». Папирус, на котором этот миф записан, дошел до нас в очень плохом состоянии, и далеко не всегда можно даже догадаться о содержании тех или иных эпизодов. Поэтому и содержание мифа восстановлено в значительной части гипотетически.

Ситуация напоминает начало угаритского сказания о борьбе Балу против Йамму. Там тоже говорится, что бог моря потребовал от богов признать его верховную власть, и те согласились. Но дальше идет различие. Угаритяне рассказывали, что нашелся смелый бог, выступивший против притязаний Йамму, — Силач Балу. Египетские же боги не решились выступить против Йама и стали искать пути договориться с ним. В какой степени такое поведение египетских богов соответствует варианту неизвестного финикийского мифа, сказать трудно. Возможно, эта черта была внесена в миф уже в Египте, хотя причин этого мы не знаем.

Выбор Астарты, вероятно, объясняется азиатским происхождением обоих божеств. Но Астарта уже настолько вошла в божественный мир Египта, что ее стали считать то ли дочерью, то ли супругой великого бога Птаха, одного из создателей вселенной.

В египетском тексте говорится об «эннеаде», т. е. «девятке». В такие девятки объединяли египтяне своих наиболее почитаемых богов.

Конец рассказа не сохранился. Так что сделанное дополнение не основывается на тексте, а кажется наиболее логичным выводом из сказанного.

Жителям какого-либо города, особенно крупного, играющего заметную роль в политической жизни, было свойственно называть свой город просто «городом». Мы уже знаем, что так поступали угаритяне. И позже римляне называли Рим Городом — Urbs. Поэтому нет ничего удивительного в именовании главного тирского бога «царем города» без всякого уточнения. Это только подчеркивает местный характер культа и тирское происхождение ходивших об этом боге сказаний. Собственное имя бога настолько тщательно скрывалось, что его нет ни в одном памятнике, дошедшем до нас.

Сохранилась финикийская надпись, в которой Мелькарт назван Баал–Цор, т. е. «владыка Тира».

Следы культа Мелькарта найдены практически во всех финикийских колониях Центрального и Западного Средиземноморья. Часты там и имена с элементом «мелькарт» (иногда в сокращенной форме).

В Арваде в IV в. до н. э. был дворец тирского царя. Возможно, почитание Мелькарта распространилось в этом городе под влиянием тирийцев.

Надпись царя Бар–Хадада была составлена на арамейском (а не финикийском) языке около 800 г. до н. э. Это самое древнее дошедшее до нас документальное подтверждение существования культа Мелькарта. Постановка дамасским царем стелы в честь Мелькарта обычно считается свидетельством тирского влияния на Дамаск. Возможно, к концу IX в. до н. э. культ Мелькарта уже настолько укоренился в Дамаске, что не считался чужеземным. Стела была найдена довольно далеко от Дамаска, на севере Сирии, и служила знаком влияния Бар–Хадада в этой части страны. Маловероятно, чтобы царь воздвиг такую стелу в честь чужого бога. Правда, существует и другое предположение: в этом районе имелась торговая фактория тирийцев, и постановкой стелы дамасский царь почтил их бога.

Так изображался Мелькарт на тирских монетах, стелах, щитке кольца, пластинках из слоновой кости, бывших, вероятно, украшением мебели, и на других памятниках изобразительного и прикладного искусства.

Отождествление Мелькарта и Геракла произошло не позже VI в. до н. э., и после этого Мелькарт уже ни с каким греческим богом или героем не отождествлялся. Конечно, основаниями для такого отождествления явились рождение Мелькарта от Демарунта, которого, вероятно, греки считали вариантом своего Зевса, а главное — подвиги Мелькарта, о которых будет сказано несколько ниже и которые так роднили его со знаменитым греческим героем.

Сущность Мелькарта вызвала споры среди специалистов. Подвиги Мелькарта связаны с его борьбой против мрачных порождений злых сил земных глубин. Такие мифы обычно относятся именно к солнечным божествам. Своими подвигами Мелькарт похож на библейского Самсона, который тоже сражался со львом, и месопотамского Гильгамеша. Сейчас установлен солнечный характер этих персонажей. Солнечным божеством предстает Мелькарт в легенде о спасении Гадеса. То, что Мелькарта порой изображали мчащимся на гиппокампе, с рыбами либо с дельфинами, доказывает его морской характер. Об этом же говорит и один из вариантов мифа о его рождении. Наконец, всякий умирающий и воскресающий бог, а именно таким был Мелькарт, связан с аграрным циклом. Такое соединение самых разных качеств в одном персонаже характерно для местного, в данном случае тирского, баала — владыки.

О рождении Мелькарта говорили разные авторы, в том числе Нонн, явно почерпнувший свои сведения в конечном счете из финикийского источника. Сцена рождения Мелькарта изображена на рельефе уже римского времени. Надо, однако, заметить, что в Тире, судя по имеющимся скудным данным, рождение Мелькарта не отмечалось столь же торжественно, как его смерть и воскресение. Видимо, и в мифологии это событие играло меньшую роль.

Тир был одним из центров изготовления пурпурных тканей. Поэтому приписывание открытия этой краски Мелькарту вполне естественно.

Образ нимфы Тир воспринимался как символ самого города. Этот миф дошел до нас в греческой обработке, и поэтому мы не можем утверждать, что о возлюбленной Мелькарта говорили еще финикийцы. Возможно, этот мотив был привнесен в первоначальный рассказ греческим писателем. Но тирское происхождение самого мифа несомненно.

Римский поэт I в. н. э. Силий Италик в своей поэме, посвященной войне Рима с карфагенским полководцем Ганнибалом, описал изображения на воротах храма Мелькарта (он его называет Геркулесом) в Гадесе. Здесь были представлены девять подвигов бога, а также (десятый сюжет) его смерть и воскресение. Судя по описаниям Силия Италика, эти изображения относятся не к греческому или римскому герою, а к финикийскому богу. Гераклу (Геркулесу) приписывается двенадцать особо выдающихся подвигов. Здесь же изображены всего девять. Между тем цикл двенадцати подвигов Геракла, этого любимого героя греков, очень рано сделался для последних привычным стереотипом. Важно то, что на воротах гадитанского храма нет изображений таких подвигов Геракла, как похищение яблок Гесперид, поддержка неба вместо Атланта, борьба с великаном Герионом. Однако эти мифы были известны довольно рано: о Герионе, например, упоминал уже Гесиод. Действие всех этих мифов греки помещали на дальнем западе, т. е. именно там, где находился Гадес. И было бы очень странно, если бы, избрав греческий образец, гадитане не использовали те мифы, которые имеют непосредственное отношение к их городу и близлежащей местности. С другой стороны, сцена смерти Геракла очень редко встречается в греческом изобразительном искусстве, но эта сцена имела огромное значение для тирийцев и их колонистов, особенно гадитан, ибо в их городе находилась святыня, почитаемая как гробница бога. Конечно, влияние греческой мифологии тоже возможно, но и в таком случае избирались только те сюжеты, которые были аналогичны темам подвигов и страданий Мелькарта. Все это убеждает в том, что перед нами сцены деяний Мелькарта.

Со львом боролись и месопотамский Гильгамеш, и библейский Самсон, и угаритский Балугадну. Сцена сражения Мелькарта со львом изображена на щитке золотого кольца, найденного в Карфагене.

Сцена сражения быка со львом при поддержке грифона изображена на пластинке из слоновой кости, найденной в Испании и изготовленной либо финикийцем, либо местным резчиком, но под сильным финикийским влиянием. Бык здесь явно олицетворяет Мелькарта. И мы снова находим общие черты между тирским Мелькартом и угаритским Балу и убеждаемся, что эти две фигуры — одного порядка; они владыки своих мест — Тира и Угарита.

Временное пребывание в подземном мире вполне соответствует сущности умирающего и воскресающего бога, каким был Мелькарт.

Царство Тартесс существовало на юге Испании приблизительно в VIII-VI вв. до н. э. Когда финикийцы основали Гадес, этого государства еще не было. Но постепенно в результате взаимодействий с финикийцами, стоявшими на более высокой ступени общественного и экономического развития, в местном обществе проявились, а затем усилились элементы государственности, что и привело к возникновению государства. В свою очередь, появление государства и переход местного тартессийского общества на более высокую ступень развития побудили финикийцев основать новые колонии на южном берегу Пиренейского полуострова. Обе силы — финикийцы и тартессии — были заинтересованы друг в друге. Финикийцы получали из Тартесса серебро и другие важные для них товары, а тартессии через посредство финикийцев открывали для себя необъятный восточный рынок, что чрезвычайно обогащало их аристократию. Это, однако, не исключало и противоречий между ними. Нападение Ферона было одним из проявлений таких противоречий. Рассказ об этом событии, несомненно, финикийский. Возможно, что в его основе лежит исторический факт. Гадитане сумели отбить нападение тартессийского царя, которое было, по-видимому, столь грозным, что память о нем у потомков преобразовалась в миф о спасении города их богом Мелькартом.

Данная деталь подтверждает солнечную природу Мелькарта.

468

Так древние называли Африку.

Считалось, что от Софака произошла династия позднейших нумидийских царей, правивших на северо–западе Африки.

Эти рассказы, приведенные греческими и римскими авторами, восходят к финикийской традиции. Римский историк Саллюстий (I в. до н. э.), рассказывая о походе Мелькарта, которого он называет Геркулесом, прямо ссылается на карфагенские книги. Эту легенду вспоминал образованный нумидийский царь Юба (I в. до н. э. — I в. н. э.), считавший себя потомком Софака и, следовательно, самого Мелькарта.

Позже греки назвали их Столпами Геракла, а римляне — Геркулесовыми Столпами. Теперь это — скала Гибралтар и мыс Сеута на европейском и африканском берегах Гибралтарского пролива.

Столпы Мелькарта, или Геракла (Геркулеса), в течение всей древности считались самым крайним пунктом обитаемой земли, хотя и финикийцы, и греки, и римляне не раз выходили за них в океанские воды и исследовали (а римляне и завоевывали) океанские берега Европы и Африки. И сейчас порой выражение «Геркулесовы столпы» используется для обозначения самых крайних состояний; например, иногда говорят о «Геркулесовых столпах» глупости или наглости. Это название сохранялось долгое время, пока в VIII в. в Испанию не вторглись из Африки арабы. Тогда, в память о военачальнике Тарике, руководившем высадкой арабского войска на испанский берег, «столп» (скала) на европейском берегу пролива получил название Гибралтар.

Современной Франции.

В рассказе имеется в виду, что это относится к ряду народов Северной Африки.

Среди греческих мифов сохранился рассказ о том, как дочь финикийца Кадма, Ино, спасаясь от своего обезумевшего мужа, бросилась в море, держа на руках младенца Меликерта. Но в море они не погибли, а стали бессмертными морскими божествами: Ино под именем Левкотеи, а Меликерт — Палемона. Уже давно было замечено сходство имен Меликерта и Мелькарта и высказано мнение, что это — одна и та же фигура. Позже такое мнение решительно опровергалось, хотя и сейчас есть ученые, продолжающие его придерживаться. Действительно, тщательное рассмотрение греческого мифа и всего, что связано с культом не очень-то распространенного в Греции морского божка Меликерта–Палемона, показывает явную связь с Мелькартом. В частности, они оба ассоциировались с дельфином и порой изображались верхом на нем. В мифе о Геракле тоже упоминается Палемон, а Геракл всегда отождествлялся именно с Мелькартом. Уже говорилось, что при раскопках в этрусском городе Пирги были найдены золотые пластинки с надписями на этруском и финикийском языках, доказывающими тождество Астарты и этрусской Уни. Но там же были найдены и ясные следы культа Ино, матери Меликерта. Между тем в финикийской мифологии матерью Мелькарта была именно Астарта. Все это говорит в пользу того, что старое представление о тождестве Меликерта и Мелькарта было совершенно правильным. Морской характер Меликерта не подлежит сомнению. Но и Мелькерт был морским божеством. Отождествление Мелькарта и Меликерта должно было произойти до того времени, когда финикийского бога стали отождествлять только с Гераклом, т. е. до VI в. до н. э. А более тщательный анализ показывает, что вероятнее всего это случилось еще во второй половине II тысячелетия до н. э. Уже тогда Тир был значительным морским центром, и Мелькерт имел в этом городе морской характер.

Сцена с гибелью в огне и последующим возрождением была изображена на воротах храма Мелькарта в Гадесе. В Гадесе показывали и гробницу Мелькарта.

Греки, рассказывающие о гибели и воскресении Геракла–Мелькарта, его убийцей называли Тифона. Нынешние исследователи полагают, что речь идет либо о боге смерти Моте, либо о боге моря Йаме. Внимательный анализ показывает, что Йам является более вероятной кандидатурой на эту роль. Этот рассказ напоминает угаритский миф о борьбе Силача Балу с морским богом Йамму. Правда, в известном нам тексте мифа ничего не говорится о гибели Балу. Но в Тире мог иметь хождение иной, чем в Угарите, вариант этого мифа. Подобные случаи нам хорошо известны не только из финикийской, но и из греческой, да и любой другой мифологии. К сожалению, неизвестно, продолжил ли Мелькарт борьбу с Йамом вплоть до своей победы, хотя это кажется вполне возможным. Сходство этих мифов еще раз свидетельствует об общности (естественно, при наличии вариантов) мифологии в рамках аморейско–ханаанейского культурного круга.

В феврале — марте.

Тема борьбы богов с Тифоном была очень популярной в греческой мифологической литературе. Рассказы об этой борьбе сохранились в разных вариантах. В данном случае изложение этого мифа основано преимущественно на поэме Нонна о Дионисе, а этот автор, как уже говорилось, использовал в своем сочинении и финикийские предания.

Греки называли его Зевсом.

Греки рассказывали, что в войне, которую боги вели с детьми Земли — гигантами, им помогал Геракл. В поэме Нонна такая же роль выпала на долю тирского царевича Кадма. Сам мотив помощи смертных людей, которая оказалась необходимой богам для их окончательной победы, мог быть греческого происхождения, но его связь в данном случае с финикийцем Кадмом позволяет сделать предположение о соединении его с преданием, восходящим в конечном счете к финикийцам.

Выше говорилось об угаритском мифе, сохранившемся только в хеттском варианте, о соблазнении Балу верховной богиней Асирату и их связи. Может быть, в упоминании Тифона о своей будущей женитьбе на верховной богине (Нонн ее называет, естественно, Герой) звучит отзвук этого или похожего мифа.

Греки рассказывали, что город Фивы, один из крупнейших городов Греции, был основан финикийцем Кадмом. И сами греки, и финикийцы, и римляне считали этот город тирской колонией. Во время раскопок в Фивах археологи нашли особого вида восточные печати, несомненно доказывающие восточные связи этого города. И само имя Кадм — не греческое, а финикийское и означает «восток». Видимо, и в греческом мифе о Кадме существовала финикийская основа. Многие греческие писатели при этом подчеркивали финикийское, а точнее тирское, происхождение Кадма. Особенно интересен в этом отношении рассказ Павсания, который жил во II в. н. э. и написал целую энциклопедию достопримечательностей Греции — «Описание Эллады». В ней, в частности, Павсаний рассказывал о прошлом тех мест, которые он описывал. При этом он обычно пользовался местными источниками, так что в его произведении сохранились драгоценные свидетельства того, как жители разных мест представляли собственную историю. Много места Павсаний уделил Фивам. В частности, он рассказал, как Кадм, прибывший со своим финикийским войском в Грецию, основал там поселение Кадмея, вокруг которого и выросли позже Фивы, так что сама Кадмея превратилась во внутреннюю крепость, верхний город, или акрополь, как его называли греки. Кадм, по рассказу Павсания, стал первым царем Фив. Далее писатель говорит о нескольких поколениях фиванских царей. Исследование подобных генеалогий показало, что они содержат довольно значительную историческую информацию. И хотя в такие генеалогии часто включали чисто мифических персонажей, особенно в начале списка, даже такие вставки были не случайны. Например, то, что сами фиванцы настаивали на своем происхождении

от Кадма, говорит о существовании связей между Фивами и Тиром. Характерно, что, хотя греческие писатели обычно называют всех финикийцев сидонцами, версию о тирском происхождении основателя Фив они знают довольно хорошо. Писатель Ахилл Татий (II или III в. н. э.) прямо говорит, что миф о Кадме родился в Тире.

О происхождении Агенора разные авторы рассказывали по-разному. Нонн, пользовавшийся финикийскими преданиями, делает его сыном Бела, т. е. Баала, и родоначальником тирийцев. Римский историк II в. н. э. Курций Руф даже говорит, что Тир был основан Агенором. Может быть, в этом в какой-то степени отразилось финикийское предание об основании Тира и под греческим именем Агенора у Курция выступает персонаж предания, руководивший морской экспедицией, которая по велению Мелькарта основала островной город.

Легенда о Европе передана многими авторами. О ней, правда без упоминания имени, говорит уже Гомер в «Илиаде», считая ее финикиянкой. Греки были уверены, что материк называется Европой именно по имени этой царицы.

Греки говорили, что Зевсу, но для финикийцев он был, вероятно, Баалом.

Астарта была и лунным божеством. Священным животным ее считалась корова, и коровьи рога в знак своего царского достоинства надела на себя богиня. Видимо, нахождение именно лунного круга на коровьем боку не было случайностью, а связано каким-то образом с Астартой.

Греческая летопись датирует основание Фив 1518 г. до н. э. «Отец истории» Геродот называет другие даты. Но все они относятся ко II тысячелетию до н. э. По крайней мере, одна восточная цилиндрическая печать, найденная в Фивах, датируется XIV в. до н. э.

Со змеями и драконами сражались многие персонажи аморейско-ханаанейской мифологии. Возможно, в сказании о Кадме отразились неясные сведения греков о финикийских мифах.

Геродот, говоря о том, что Кадм принес в Грецию буквы, называет их кадмейскими и отличает от тех, которыми греки пользовались в его время (пользуются, заметим кстати, до сих пор). Действительно, во II тысячелетии до н. э. в Греции существовала система письменности, изобретенная на Крите его негреческим населением и не очень хорошо приспособленная к особенностям греческого языка. В бурях конца тысячелетия эта письменность была забыта, и позже греки создали свой алфавит заново. При этом они использовали знаки финикийского письма, добавив нужные для них буквы.

Дионис был сыном дочери Кадма, Семелы, которую, согласно мифу, полюбил верховный бог Зевс. Хотя обычно дети богов и смертных женщин считались тоже смертными, Диониса представляли бессмертным богом, богом вина, виноделия и веселья. Интересно, что Павсаний, рассказывая о нескольких поколениях фиванских царей — потомков Кадма, не упоминает ни Семелу, ни Диониса, которые были явно мифическими персонажами; и это повышает доверие к генеалогической схеме Павсания.

Этот рассказ передан писавшим на греческом языке Ахиллом Татием. Автор подчеркивает, что так, как он говорит, рассказывают именно тирийцы. Конечно, это было время, когда в Финикию вообще и в Тир в частности уже широко проникла греческая культура и многие тирийцы говорили по-гречески и давали своим детям греческие имена. Бога, о котором идет речь, писатель называет Дионисом. Однако финикийская культура оставалась и в это время достаточно действенной, так что, вполне возможно, в основе рассказа лежит финикийское, точнее даже — тирское, предание.

О тирском царе Хираме довольно много говорится в Библии, где он выступает другом и союзником Давида и Соломона. Библейской традиции следует и писавший на греческом языке еврейский историк Иосиф Флавий. Поэтому создается впечатление, что Хирам был самым знаменитым и самым могущественным тирским царем. Насколько такое впечатление соответствует действительности, пока сказать трудно, так как слишком мало данных о правлениях других царей Тира. Но едва ли подлежит сомнению тот факт, что Хирам был действительно могущественным и богатым царем.

В X в. до н. э.

То есть воскресения.

Основываясь на сообщении о создании Хирамом храма Мелькарта и установлении праздника в честь воскресения этого бога, многие исследователи сделали вывод, что до правления Хирама культа Мелькарта в Тире не было. Однако это не так. Сами тирские жрецы говорили, что храм Мелькарта возник одновременно с городом приблизительно в XXVIII в. до н. э. Так что речь может идти либо о каком-либо восстановлении или расширении храма, либо, что гораздо вероятнее, о постройке другого храма Мелькарта. Установление же праздника не равнозначно установлению культа. Нам известно, что в Афинах праздник в честь Диониса был установлен в VI в. до н. э., а культ Диониса в Греции существовал еще в предыдущем тысячелетии. Тем не менее роль Хирама в упорядочении культа Мелькарта, видимо, все же довольно велика.

Взаимоотношения между государствами были в то время взаимоотношениями между царями. Дружеские или союзные связи скреплялись различными дарами, вплоть до дарения отдельных мест и городов. Так что сам по себе рассказ об обмене сокровищами между Хирамом и Соломоном может содержать историческую правду. Но связанный с ним мотив решения загадок носит явно фольклорный характер.

По традиции, основательница Карфагена Элисса была вынуждена заплатить за то, чтобы ей и ее спутникам разрешили остановиться на месте будущего Карфагена; и это превратилось в ежегодную дань, которую карфагеняне платили местному населению. Возможен и другой вариант. Сохранились смутные сведения о войне между местным царьком и Карфагеном вскоре после основания города. Поводом к ней послужило требование царьком руки Элиссы. Война как будто была прервана самоубийством Элиссы, не желавшей становиться его женой. Но вполне возможно, что итогом этой войны и стала дань, которую карфагеняне должны были платить царьку и его потомкам.

В VI в. до н. э.

Само имя Малх означает «царь». Поэтому иногда думают, что речь идет не о полководце, а именно о царе, имя которого неизвестно. Но это не так. Как мы увидим, Малх неудачно попытался взять власть в Карфагене, и ему было вменено в вину стремление к царской власти. Так что в самом начале своей карьеры Малх царем явно не был. А под тем «царем», на которого намекает его имя, надо подразумевать какого-либо бога.

Местами также в южной и северной частях Сицилии.

Современные историки долгое время считали, что угроза со стороны греков заставила финикийские города Центрального и Западного Средиземноморья сплотиться вокруг Карфагена. Однако более поздние исследования, в том числе археологические, не подтвердили эту точку зрения. Сейчас доказано, что карфагеняне часто силой заставляли финикийские города Сицилии, Сардинии, Африки и Испании подчиняться их власти. Поход Малха был началом этих завоеваний.

Кирена была основана около 630 г. до н. э. или несколько раньше. Война, о которой идет речь, происходила, вероятно, в последние десятилетия VI в. до н. э.

Эти алтари были, вероятно, святилищами под открытым небом, какие встречались довольно часто в финикийском мире.

Оба варианта рассказа о подвиге Филенов или Филена взяты из карфагенских источников. В более подробном рассказе римского историка Саллюстия, в котором фигурируют два брата, киренцы изображены явно в неприглядном виде, в то время как определенно чувствуется восхищение самоотверженностью карфагенских послов. О существовании алтаря в честь одного брата говорит описание берегов в греческом географическом сочинении IV в. до н. э. Наличие двух вариантов рассказа свидетельствует о существовании в Карфагене разных направлений исторической мысли, но одинаково проникнутых патриотизмом и достаточно рационалистичных. В рассказе о Филенах не отмечено никаких следов вмешательства божеств.

Плавания Ганнона и Гимилькона происходили между 480 и 450 гг. до н. э. В это время карфагеняне укрепились на юге Пиренейского полуострова и на северо–западе Африки и попытались использовать свои победы для подчинения более обширных приатлантических территорий или, по крайней мере, установления более активных торговых связей с ними без посредства других финикийцев (например, гадитан) или греков.

Отчет Гимилькона до нас не дошел, но его греческий или латинский перевод был использован поздним римским поэтом Авиеном (вторая пол. IV в. до н. э.) в поэме «Морские берега» и поэтому стал нам известен. Точный маршрут плаваний Гимилькона спорен. Возможно, что каким-то образом Гимилькон попал в Саргассово море, описание которого похоже на то, что он рассказывал. Может быть, вырвавшись из плена водорослей, Гимилькон повернул назад и поплыл уже в другую сторону. Несомненно, что он добрался до Эстримнид, под которыми подразумевалась современная Бретань. Едва ли он на этом остановился. Описание опасностей, окружавших его экспедицию, позволяет говорить о довольно значительном продвижении карфагенских кораблей на север. Не исключено, что Гимилькон даже добрался до кромки полярных льдов и попал в условия наступающей полярной ночи. Если это предположение верно, то Гимилькон оказался первым мореплавателем Средиземноморья, забравшимся столь далеко на север, и в таком случае — первым полярным путешественником.

Карфагеняне были чрезвычайно озабочены сохранением своей торговой монополии и старались не только военными или дипломатическими методами закрыть свои наиболее для них важные рынки от конкурентов, но и всячески отвадить последних, преувеличивая страшные опасности, которые там ожидают смельчаков.

Отчет Ганнона сохранился до наших дней в греческом переводе. Существует мнение, что все это — грандиозная фальшивка, приключенческий роман, сочиненный греческим автором, который использовал для своего литературного произведения имя таинственного карфагенского мореплавателя. Однако все доводы, высказанные в пользу такого предположения, неубедительны, и сейчас можно считать доказанным, что перед нами подлинный отчет, хотя и в греческом переводе. Рассказ Ганнона ясно делится на две части. В первой содержится относительно точное описание берегов, вдоль которых плыли карфагеняне и на которые они время от времени высаживались. Но начиная с «великой реки» (скорее всего, Сенегала) характер описания меняется, и оно становится, с одной стороны, более ярким, художественным, обрывает многочисленными, чаще всего устрашающими, деталями, с другой — гораздо менее точным. Дело в том, что до этой реки еще раньше Ганнона добрался грек Евтимен, поэтому скрывать что-либо было бессмысленно, как и пугать потенциального соперника всяческими ужасами. А дальше Ганнон двигался уже вдоль неизведанных берегов, и карфагенский мореплаватель был заинтересован в том, чтобы никто такое плавание не повторял.

Первобытные пещерные люди (рр. troglodytes).

511

Приблизительно 925 метров.

Сейчас полагают, что остров Керна — современный Могадор у северо-западных берегов Африки, приблизительно у южной границы современного Марокко. В настоящее время это самый южный пункт, где археологи обнаружили следы финикийского влияния или финикийской торговли.

Много позже Евтимена и Ганнона Александр Македонский, дойдя до Инда и увидев в нем крокодилов, решил, что он каким-то таинственным образом снова вышел к Нилу и сможет, плывя по этой реке, вернуться в Египет. Только добравшись до впадения Инда в океан, македонский царь понял свою ошибку. Мнение же, что Нил течет сначала с запада на восток, а лишь затем поворачивает с юга на север, жило еще очень долго. В I в. н. э. образованный царь Мавретании Юба, ссылаясь на книги карфагенян, утверждал, что Нил начинается недалеко от Атлантического океана. А африканский Нигер считали верхним течением Нила вплоть до XIX в.

Это были человекообразные обезьяны — гориллы.

Неясность описаний во второй части рассказа Ганнона не дает возможности недвусмысленно утверждать, до какого пункта Африки он добрался. Многие историки географии полагают, что Колесница Богов — это вулкан Камерун, а Южный Рог, который стал конечным пунктом плавания, — какой-то залив в обширном Гвинейском заливе приблизительно в том месте, где африканский берег снова поворачивает на юг, или несколько южнее.

Уже Геродот в том же V в. до н. э. приписывал карфагенянам утверждение, что они обогнули Африку. Поскольку ни о каком другом путешествии вдоль океанских берегов Африки не известно, можно считать, что это сообщение Геродота основано на неправильном понимании известий о плавании Ганнона. Возможно, что карфагеняне сами намеренно распространяли слухи о путешествии Ганнона вокруг всего материка. В I в. н. э. римский ученый Плиний Старший определенно приписывал Ганнону такое путешествие. Неясность и художественность изложения привлекли к отчету Ганнона внимание тех греческих писателей (и читателей), которые любили повествования о таинственных странах и всяческих приключениях в них. И уже в IV-III вв. до н. э. в некоторых таких греческих произведениях мы находим ясные следы знакомства с рассказом карфагенского мореплавателя.

Гараманты — белокожий народ Северной Африки, живший в Сахаре — были относительно развиты, и некоторые исследователи даже полагают, что они ведут свое происхождение от культурных народов Средиземноморья (например, от догреческого населения Крита). Сахара, ставшая к тому времени настоящей пустыней, являлась труднопреодолимым барьером между цивилизациями Средиземноморского бассейна и теми, что расположились южнее этой пустыни. Гараманты были до известной степени посредниками между этими двумя комплексами цивилизаций.

Много позже европейские путешественники назовут ее Нигером.

Такое путешествие было вызвано не только естественным человеческим любопытством, но и стремлением карфагенских правящих кругов установить торговые связи с областями — источниками африканских богатств минуя посредников. Но при том уровне оснащённости экспедиций, когда верблюды ещё не стали сахарским «кораблем пустыни», это было в принципе невозможно.

Мы видим здесь типичный пример колониальной торговли, «немой обмен», являющийся первым этапом установления торговых контактов со сравнительно мало развитыми народами. Карфагеняне так и не продвинулись дальше этого этапа, ибо других способов наладить контакты с жителями океанского побережья Африки они не знали.

Это мог быть один из Канарских островов или же остров Мадейра, как полагают многие историки географии.

Ориентализирующая культура была важной стадией в процессе культурной эволюции развитых народов европейского Средиземноморья — греков и этрусков. Когда в обществе появляется потребность в культурном обновлении, а собственный культурный арсенал не дает для этого средств, люди обращаются к тем народам, у которых подобный арсенал уже достаточно развит. В конкретных условиях Средиземноморья VIII-VI вв. до н. э. такой арсенал имелся на Ближнем Востоке, а естественными посредниками между народами Запада и Востока выступали финикийцы, которые принесли западным народам и собственные мысли и мифы вместе с различными продуктами, которыми они торговали. Греки довольно быстро преодолели ориентализирующую стадию своей культуры и, используя ее достижения, начали создавать совершенно оригинальную культуру, сначала архаическую, а потом классическую, ставшую образцом для всей европейской культуры. Этруски дольше задержались на ориентализирующей стадии. Еще значительней было финикийское влияние на народы Испании, особенно ее юга, где располагался основной массив финикийских колоний в этой стране.

О государстве Тартесс в Южной Испании уже говорилось. Тартессии так и не преодолели стадию культурного развития, обусловленную финикийским влиянием. Это государство рухнуло, и сменившая тартессийскую культуру иберийская, хотя и сохраняла некоторые следы финикийского влияния, была уже совсем другой по своему характеру.

Имена Гаргориса и Габиса совершенно оригинальные. Ничего похожего не встречается в других местах. Поэтому все исследователи, занимавшиеся этим рассказом, который передал нам Помпей Трог (чей труд дошел до нас в сокращенном варианте — см. примеч. 424), согласны в том, что перед нами оригинальный испанский миф.

Рассказ о рождении Габиса очень похож на рассказ о появлении на свет Адониса. Но в испанском мифе виновники позора поменялись местами: здесь не дочь преступно домогается любви отца, а, наоборот, отец воспылал безумной страстью к собственной дочери. Но означает ли такое принципиальное сходство, что Гаргорис и Габис были богами? Едва ли. Из рассказа, как он дошел до нас, видно, что оба они были смертными и передали власть своим наследникам. Трудно сказать, является ли сюжет об обстоятельствах рождения Габиса отражением финикийского влияния. Подобные рассказы встречаются в мифах и легендах многих народов.

Рассказы о попытках уничтожить младенца и о его чудесном спасении нередки в преданиях, мифах и легендах разных народов. Как правило, это не обычный младенец, но тот, кому суждено стать выдающимся вождем, царем или героем, часто — благодетелем, но иногда и источником великих бедствий. Так, евреи рассказывали о Моисее, ставшем впоследствии во главе исхода евреев из Египта, что тот был брошен в Нил и спасен дочерью фараона, а жители Месопотамии — о Саргоне, основателе могущественного царства Аккада. Чудесно был спасен Ромул, который основал Рим и стал его первым царем. С оленем или ланью был связан Мелькарт, и в этой детали, да и в некоторых других, можно узнать влияние финикийской мифологии.

Чудесное узнавание тоже является типичным фольклорным мотивом. Так был узнан в Трое Парис, брошенный в младенчестве и воспитанный пастухами; он был затем принят во дворец и стал виновником гибели Трои.

Гаргорис и Габис предстают типичными «культурными героями», открывателями и изобретателями важнейших для человека дел и вещей. Габис оказывается и создателем основ социального порядка Тартесса. Введение законов и распределение низшего слоя граждан, которых римский историк, излагавший эти события, называет «плебсом», заложили основы Тартесса как государства. И в данном случае не важно, был ли Габис историческим лицом, вокруг которого сплелся клубок сказочных подробностей, или чисто мифической фигурой. Важно то, что в Тартессе существовали законы и деление по городам, введение чего сами тартессии приписывали Габису.

Это указание говорит о существовании в Тартессе наследственной монархии.

Финикийцы называли Эрифией (правильнее — Эритией) остров, на котором они основали город Гадес. Дочь Гериона (Геронта) была олицетворением этого острова. Тартессийский предводитель Норакс, таким образом, оказывается связанным с финикийским островом.

Миф о всемирном потопе чрезвычайно распространен у самых разных народов. Существовал он и у греков. Лукиан, рассказывая его, делит его на две неравные части: до упоминания образования расщелины и после этого. Говоря о первой части, он ссылается на греков и говорит, что так рассказывают эллины, а во второй части его источником, по его словам, были жители сирийской Бамбики, или Священного города (Иераполя). Однако и в первой части многие детали повествования Лукиана не совпадают с обычными изложениями соответствующего греческого мифа и, наоборот, имеют явное сходство с восточными сказаниями, в том числе библейским. К этому времени греки уже узнали многочисленные местные мифы и, переработав их, включили в сокровищницу своей мифологии. Так что даже если значительную часть предания о потопе Лукиан узнал от греческих авторов, последние явно передавали местное сказание, хотя и переработав его в привычном для себя направлении. Говоря о рассказе Лукиана, надо иметь в виду, что Лукиан явно передал лишь основной смысл предания, которое конечно же было гораздо более подробным.

Идея смены различных веков в истории человечества и связанной с этим смене самих людей также довольно широко распространена в различных мифологиях. В одних случаях первый век существования людей считается «золотым», в других, наоборот, царством несправедливости и жестокости. В Библии всемирный потоп и последующее возрождение человечества в лице Ноя и его потомков, а также животного мира, фактически являются вторым творением всего живого, и сама история Ноя в значительной степени — это повторение истории Адама. Адам и Ева за нарушение Божьего завета были изгнаны из Эдема, а люди, которые жили незадолго до потопа, предавались злу и разврату, так что Бог даже раскаялся в создании человека вообще, и только Ной обрел благодать перед лицом Бога. Поэтому мир был уничтожен всемирным потопом, и только Ноем Бог повелел построить ковчег, в котором тот и спасся вместе со своей семьей и представителями животного мира. Прообразом этого сказания является месопотамский миф о всемирном потопе. Однако характерно, что допотопное человечество, по сути, ничем перед богами не провинилось, но бог Эллиль (или в более позднем варианте Энлиль) решил уничтожить все живое, которое слишком расплодилось. И лишь благочестивый мудрец, которого шумеры, ранее населявшие Южную Месопотамию, называли Зиусурдой, а их преемники вавилоняне Атрахасисом (Многомудрым), или Утнапишти, по совету верховного бога построил себе корабль и спасся. В греческой мифологии причиной потопа явилось решение Зевса истребить людей медного века, которые постоянно воевали друг с другом. По другому варианту, это произошло из-за поведения только лишь сыновей Ликаона, выделявшихся нечестивостью и заносчивостью, не гнушавшихся убийством и людоедством. Не совсем понятно, правда, почему в таком случае должны были погибнуть все люди вообще, а не только род Ликаона. Сирийский миф в этом отношении ближе всего оказывается к библейскому сказанию. В обоих случаях важно включение в рассказ определенного этического мотива.

Лукиан называет благочестивого мудреца, спасшегося от потопа, так, как его называли греки, — Девкалион, прибавляя, однако, эпитет Скифский. Этим автор, по-видимому, хочет сказать, что герой его рассказа — не тот сын титана Прометея, о котором обычно повествуют греки. Однако сразу возникает вопрос: какое отношение мог иметь скиф, житель Северного Причерноморья, к Сирии и ее святилищу? Ученые долго ломали голову над этим вопросом и пришли к выводу, что или в дошедшие до нас рукописи этого сочинения Лукиана вкралась описка, или уже сам Лукиан неправильно понял какое-то выражение или имя в том рассказе (или рассказах), который стал источником для него самого. Поэтому слово Skythea исследователи текста Лукиана заменили на слово Sisythea — (или Сиситей). Месопотамский историк и богослов Берос в свое время написал на греческом языке историю своей страны, и в ней он, естественно, говорил и о потопе. И в этом рассказе он обращался к его наиболее древним вариантам и дал спасшемуся праведнику имя, которое много более поздний писавший на греческом языке автор Евсевий (тот самый, что сохранил и отрывки из книги Филона Библского) передал как Ксисутрос (то есть явно — вариант имени Зиусудра). Поэтому можно думать, что сирийский миф восходит именно к самому древнему, шумерскому варианту сказания о потопе.

В тексте Лукиана нет упоминания о том боге, который дал Сисифею совет, как спастись от потопа. Но в сказании о пророке Валааме именно Ил советует пророку, каким образом можно избежать гнева бога Шаггара, пожелавшего уничтожить человечество. В шумерском и вавилонском мифах ту же роль играют верховные боги этих народов, а в библейском, естественно, речь идет о Йахве. Поэтому вполне вероятно, что и в данном случае спасителем будущего мира является Ил.

Эта деталь резко отличает рассказ Лукиана от всех вариантов греческого мифа о потопе. В нем говорится обычно лишь о самом Девкалионе и его жене Пирре, которые, оставшись после спасения на земле совсем одни, по воле Зевса стали бросать камни, из которых и родился новый человеческий род. Существуют, однако, варианты, в которых наряду с Девкалионом и Пиррой спасаются и некоторые другие благочестивые люди. Что же касается животных, то их заново родила Земля. Так что ни о каком спасении вместе с праведником и его женой их детей и животных нет речи. В вавилонском сказании Утнапишти взял с собой не только всю семью и весь свой род, но и золото и серебро, а также скот степной и зверье, что уже гораздо ближе к сирийскому мифу. Но ближе всего этот миф стоит все же к библейскому повествованию. Даже такая деталь, что сирийский праведник взял в свой корабль по паре каждого вида животных, находит точную параллель в библейском тексте.

Лукиан не упоминает, сколько времени продолжалось плавание Сисифея. В шумерском мифе потоп продолжался семь дней и семь ночей. В вавилонском варианте сам потоп тоже продолжался семь суток, но еще столько же времени Утнапишти и сопровождавшие его животные не могли выйти из своего судна, пока вода не спала. Библейский потоп продолжался сорок дней, но еще не меньше семи дней Ной был вынужден выжидать в ковчеге, пока не появилась возможность из него выйти. В оригинале сирийского мифа срок явно тоже был указан, но Лукиана эта деталь не интересовала, и он ее опустил.

Рассказ о расщелине, в которую ушла вода потопа, как кажется, связан с храмовым преданием святилища Атаргатис в Бамбике.

Сооружение алтаря в благодарность за спасение является общей чертой этого мифа у различных народов. Но ближе всего этот рассказ опять же к повествованию о Ное.

Сисифея Лукиан называет родоначальником ныне живущего поколения людей. То, что он по воле богов или верховного бога принял на свой корабль по паре всех животных, явно говорит о том, что эти животные положили начало всему нынешнему животному миру. Этого мотива практически нет в месопотамских сказаниях. И шумерский Зиусудра, и вавилонский Утнапишти после своего спасения получили бессмертие, но поселены были за пределами земного мира. Так что фактически к нынешнему человечеству они отношения не имеют. Библейский же Ной, как и сирийский Сисифей, стал родоначальником всего послепотопного человечества. Можно, по-видимому, говорить, что в западносемитской среде старый месопотамский миф преобразился и из рассказа лишь о спасении праведника превратился в сказание о возникновении нынешних поколений людей, сменивших тех, кто грешил и творил беззакония.

Сказание о потопе тесно связано с храмом Атаргатис и первоначально являлось, видимо, частью священного предания этого храма.

Рассказ о рождении Атаргатис приводит римский писатель Гигин, который называет богиню Венерой, но прибавляет при этом, что ее потом стали называть Сирийской богиней, а это, несомненно, Атаргатис.

Уже говорилось, что представление о первоначальном яйце было свойственно многим народам, в том числе финикийцам. Может быть, в этом явно переработанном сначала греческим (или греческими), а затем латинским автором сирийском мифе в действительности речь шла о творении мира или об одном из этапов этого творения.

Гигин называет бога Юпитером. Греки отождествляли с Зевсом, а римляне с Юпитером Хадада. Поэтому ясно, что в сирийском (точнее, арамейском) оригинале мифа упоминался именно этот бог.

Два последующих варианта рассказа о причине запрета есть рыбу изложил греческий писатель Афинея. В первом случае он ссылается на философа II в. до н. э. Антипатра и его книгу «О суевериях». Антипатр происходил из города Тарса на юго–востоке Малой Азии и очень близко от границ с Сирией, что могло ему помочь узнать те или иные сказания сирийцев. Он принадлежал к стоической школе, которая отличалась своим рационализмом, и это, по–видимому, подвигло его на столь рационалистическое объяснение непонятного для образованного грека отказа есть рыбу. Источник другого рассказа Афинея — Мнасей. Этот автор собирал самые различные мифы и рассказы о чудесах и в своих книгах располагал их в географическом порядке. Одной из таких книг была «Об Азии», на которую ссылается Афинея. Мнасей в духе одного из направлений тогдашней философии считал богов смертными людьми, которые по тем или иным причинам позже были обожествлены. Характерно для Мнасея саркастическое замечание, что жрецы после жертвоприношения потом сами съедают поднесенную богине рыбу. О поклонении сирийцев рыбам, связанным с Атаргатис, говорит и Лукиан.

Этот рассказ приводит греческий историк Диодор. Он вставлен в ту часть его исторического сочинения, в которой речь идет о мифической предыстории мира, а именно в книгу, где излагаются в греческой переработке мифы, относящиеся к Азии.

Диодор называет богиню Деркетю. Греки отождествляли Атаргатис с Герой или Афродитой или некоторыми другими богинями. Но это было далеко не всегда. Они понимали, что сирийская богиня все-таки несколько иная, чем привычные им обительницы Олимпа. В таком случае они чаще всего именовали ее Деркетю, не совсем правильно восприняв ее арамейское имя.

По Диодору, нечестивую любовь к юноше внушила Деркетю Афродита. Однако это уже явно греческая переработка сирийского мифа. В сирийской мифологии сама Атаргатис–Деркетю являлась богиней любви. Юношу, ставшего жертвой богини, иногда называют Ихтисом. По–гречески «ихтис» означает «рыба», так что ясно, что такое имя юноша, который позже будет брошен в воду, мог получить только в устах грека, но никак не арамея.

Перед нами еще одно объяснение, почему сирийцы не едят рыбу.

Диодор называет девочку Семирамидой и включает рассказ о ее рождении, чудесном спасении и воспитании в повествование об этой царице. Рассказы об ассирийской царице Семирамиде были очень популярны у греков. Обычно считается, что в образе Семирамиды отразились воспоминания о реальной царице Шаммурамат, правившей в IX в. до н. э. Но в греческой литературе Семирамида давно превратилась в чисто легендарную фигуру. Ее супруга Нина греки вообще считали первым царем Азии. Повествование о Нине и Семирамиде наполнено рассказами о разнообразных военных и мирных деяниях, которые или вовсе были мифическими, либо совершались совершенно другими персонажами и много позже. Само правление Семирамиды стало для греков синонимом очень давнего времени. Исследователи полагают, что включение рассказа о рождении и судьбе Сайм в историю Нина и Семирамиды объясняется тем, что греческий писатель (едва ли сам Диодор, скорее, кто-то из тех, чьи произведения он использовал) связал не известное ему имя арамейской богини с хорошо известным именем Семирамиды. Греческие и римские писатели порой относили ко времени Семирамиды события, более или менее точная дата которых неизвестна, но которые происходили в далекой, часто сказочной, древности.

О том, что голуби наряду с рыбами считались в Сирии священными, говорят и другие греческие и римские писатели.

Имя главного героя этого рассказа Лукиана вызвало большую дискуссию среди ученых, поскольку это важно для понимания природы этого персонажа. Иногда его связывают с героем месопотамского эпоса Хумбабой, который жил в Кедровых горах к западу от Месопотамии, т. е. в районе Ливана, и с ним сражался герой Гильгамеш. Однако Хумбаба в этой поэме предстает как страшный великан, чей голос — ураган, уста — пламя, а дыхание — смерть. Это совершенно непохоже на прекрасного юношу Комбаба. Конечно, возможно, что Комбаб был каким-то местным, еще доарамейским божеством, «владыкой» гор, который воспринимался месопотамскими сказителями как воплощение ужаса и враждебной силы, но который для местных жителей предстал в совершенно другом облике. Однако никаких доказательств в пользу такой возможности не имеется. Другие исследователи связывают Комбаба не с Месопотамией, а с Малой Азией. У хеттов, чья культура, несомненно, оказала значительное влияние на сирийскую, была богиня Кубаба, которая позже у фригийцев, населивших центральную часть Малой Азии, преобразовалась в Кибебу, а греки и римляне, заимствовав этот культ, именовали ее Кибелой, или Великой Матерью. Сходство между этой богиней и Атаргатис было действительно очень велико, ибо они обе имели одну и ту же суть — быть богиней-матерью, которая в своей первоначальной основе являлась богиней плодородия. В культе Кибелы большую роль играли оскотлившие себя жрецы — галлы. То, что культ Кибелы оказал влияние на культ Атаргатис, несомненно. Как дальше рассказывается в повествовании Лукиана, Комбаб оскотил себя, что сделал и возлюбленный Кибелы Аттис. Далее Лукиан упоминает об Аттисе как об одном из возможных создателей храма в Бамбике. Но все же в рассказе речь идет не о богине, а о юноше, посвятившем себя ей. Он похож на Аттиса, но не на саму Кубабу-Кибелу, а это хорошо объясняется особенностями культа богини-матери у различных народов, что совсем не обязательно связано с чужеземными влияниями. Вопрос надо оставить открытым, но все-таки гораздо больше оснований считать основу всего этого сказания местной, сирийской.

Лукиан, рассказывая эту историю, называет царицу Стратоникой. Это было совершенно историческое лицо — жена царя Селевка I и его сына и преемника Антиоха I. В 299 г. до н. э. Селевк женился на Стратонике, дочери своего недавнего врага Деметрия. Это, как было обычно в те времена, был чисто политический брак. От этого брака родились сын и дочь. Несколько позже Селевк уступил Стратонику своему старшему сыну Антиоху. Раскрашенную в романтические краски историю этого события рассказывает Лукиан, предваряя этой историей повествование о строительстве храма. Он говорит, что Антиох страстно влюбился в свою мачеху, но никак не хотел никому открыть свою пагубную страсть. От этого Антиох заболел, но так как никаких видимых признаков болезни не было, врач догадался, что причиной болезни является неразделенная любовь, а затем выявил предмет этой любви — царица Стратоника. Врач сумел убедить царя в необходимости ради спасения жизни сына уступить ему свою жену. Царь так и сделал, уступив Антиоху не только собственную жену, но и царство. Эту же историю рассказывают Плутарх и Аппиан, назвав имя не только царя и его сына (Лукиан их не называет), но и врача, каким был Эрасистрат, внук великого философа Аристотеля и один из самых знаменитых медиков того времени. Правда, Селевк уступил сыну не все свое царство, а лишь управление восточными территориями своего государства, что гораздо больше соответствует истине. А Плутарх свой рассказ об этом событии заключает словами царя, что если Стратоника выскажет по этому поводу неудовольствие, то пусть ей объяснят, что все решения царя прекрасны и справедливы, ибо принимаются для общего блага. В этой истории, несомненно, существует историческое зерно. В любом случае она не является сирийским мифом. Рассказ же о царице и Комбабе имеет все черты мифа, и «привязка» его к имени и времени исторической царицы явно относится к более поздней эпохе. Эта «привязка», возможно, возникла из-за того, что храм в Бамбике был позже перестроен и расширен (в частности, была построена новая стена), и очень может быть, что это произошло по инициативе Стратоники.

Лукиан приводит и более рациональную версию возникновения у царицы любви к Комбабу: они проводили много времени друг с другом, и царица постепенно все более влюблялась в красивого юношу. Эта версия, конечно, возникла гораздо позже и не имеет отношения к мифу.

Мотив мести женщины мужчине, отказавшемуся ответить на ее любовь, распространен в сказаниях разных народов. Сам Лукиан вспоминает о Федре, жене афинского царя Тесея, которая в ответ на холодность своего пасынка Ипполита обвинила его перед отцом и стала причиной его гибели, и о Сфенебее, которая так же поступила с Беллерофонтом. Очень близок к этому библейский рассказ об Иосифе и жене Потифара, которая домогалась любви Иосифа, а когда тот решительно отказался нарушить верность своему господину Потифару, обвинила его в попытке изнасилования, за что Иосиф был брошен в темницу.

Сюжет о любви богини к смертному юноше весьма распространен в мифологиях различных народов, в том числе финикийцев (миф об Эшмуне) и фригийцев (миф об Аттисе), о чем уже говорилось. Во всех таких случаях полюбившей богиней являлась богиня—мать, богиня плодородия — Астарта или Кибела. Такой же точно была и Атаргатис. Однако в том виде, в каком это сказание передано Лукианом, нет очень важного мотива — дарования погибшему возлюбленному бессмертия и превращения его в одного из богов. Такое исключение в общем ряду заставляет предполагать, что в первоначальном варианте мифа Комбаб все же обрел бессмертие и стал богом, но либо с течением времени этот мотив исчез, либо сам Лукиан его отбросил и сделал рассказ более рациональным. В таком случае Комбаб, как и похожие на него Эшмун и Аттис, в реальности был умирающим и воскресающим богом, связывающим мир жизни и мир смерти. Сам Лукиан говорит о двух вариантах развития событий: по одному варианту, богиня действительно полюбила Комбаба, а по другому — никакого вмешательства богини не было, а друзья Комбаба из сочувствия к его горю решили разделить с ним его участь. Вероятно, второй вариант все-таки более поздний и явился результатом рационалистического осмысления древнего сказания, что стало возможным после грекомакедонского завоевания и глубокого проникновения в сирийское общество греческой философской мысли.

В таком виде, в каком миф о Комбабе передан Лукианом, он является объяснением появления в храме Атаргатис так называемых галлов, оскопивших себя юношей.

Этот текст — пока единственный дошедший до нас собственно арамейский рассказ, точнее — пророчество, приписанное Валааму. Большая надпись была обнаружена на стене здания, вероятнее всего храма, к востоку от Иордана в месте, древнее имя которого неизвестно, а ныне называемом Дейр Алла. По-видимому, это пророчество составляло часть священного предания храма и было написано на его стене в назидание людям. К сожалению, текст дошел в очень плохом состоянии, и его восстановление в значительной степени гипотетическое. Сам текст явно был много больше, но от других его частей сохранились лишь жалкие отрывки, почти не поддающиеся восстановлению. Холм Дейр Алла находится на территории Дамасского царства, которое было завоевано ассирийцами в 732 г. до н. э. Вероятно, именно тогда было разрушено поселение на этом холме. Исследователи этого текста полагают, что, скорее всего, он относится к IX в. до н. э.

Бог Шаггар появляется лишь в этом тексте, и ученые высказывали различные предположения о сути этого божества. Сначала его считали женским божеством и связывали имя с древнееврейским словом S'grar, означающим подстилку для скота; поэтому возникла мысль, что это — богиня плодovitости животных. Но последующие исследования показали, что, более вероятно, Шаггар — божество мужское и является богом луны.

Перед нами типичная картина всяческих несчастий, которые ожидают народ в случае исполнения богами своих намерений. Природные катаклизмы дополняются социальными переворотами. Подобные ужасающие картины можно найти уже в древнеегипетском речении Ипувера (или Ипусера), аналогичные картины часто рисуют в своих пророчествах библейские пророки. Пророчество Валаама, таким образом, полностью вписывается в этот жанр древневосточной литературы.

Валаам (правильнее Билеам) был известен из рассказа Библии. Там говорится, что моавитянский царь Валак направил своих вельмож к пророку Валааму, сыну Беора, который жил в горах на реке Евфрат, чтобы попросить его явиться к нему и проклясть Израиль, которого в это время очень боялся Моав. Сначала Валаам отказался, но после прибытия к нему нового посольства согласился и на своей ослице отправился на запад. Но на пути его встретил Бог и запретил двигаться дальше. Валаам Его не увидел, но увидела ослица, отказавшаяся идти дальше. Валаам стал бить ее, но она заговорила человеческим голосом и упрекнула пророка в напрасном избиении ее. После этого и Валаам увидел Бога и подчинился Его велениям. Вместо проклятия Израиля он трижды благословил его, чем вызвал страшное недовольство Валака, который отослал Валаама назад, не дав ему никакой обещанной награды. На обратном пути Валаам соблазнил израильских женщин, чтобы те и сами отпали от служения Богу и поклонились чужим богам, и мужей своих склонили к этому же. То, что в библейском рассказе речь идет о том же Валааме (а не о каком-либо его тезке), доказывается упоминанием в обоих случаях имени его отца Беора. Валаам явно был очень популярной фигурой в западносемитской среде. Хотя в библейском предании «заказчиком» пророчества Валаама является царь Моава, в нем подчеркивается, что пророк был для моавитян чужеземцем, так что возможно, что библейский автор хорошо знал об арамейском, а не о моавитянском происхождении Валаама. Для израильтян он в какой-то степени оказывался символом противостояния им язычников. В более поздней еврейской литературе Валаам сравнивался с Моисеем и говорилось, что он занимал у язычников то же место, что Моисей у израильтян, т. е. считался создателем всей религиозной традиции. В Апокалипсисе от Иоанна упоминается учение Валаама, и апостол Петр говорил о следах Валаама, по которым идут любители похоти, презревшие начальство и вообще все те, кто исполнен любожностью и грехом. Можно ли говорить, что под именем Валаама возник некий вид арамейского священного писания, в некоторой степени сравнимого с Библией? Пока на этот вопрос ответить невозможно, ибо арамейских свидетельств о Валааме, кроме текста из Дейр Алла, нет. Может быть, последующие находки и помогут ответить на этот вопрос. Но думается, что Библия все же настолько уникальный памятник, что ничего

сравнимого с ним в Передней Азии в древности возникнуть не могло. Во всяком случае, новозаветные свидетельства показывают, что фигура Валаама и в I в. н. э. оставалась достаточно известной.

Это свидетельствует о том, что проповедь Валаама содержала и определенные нравственные принципы, и в этом Валаам сравним с библейскими пророками.

Восстановление земной справедливости неминуемо отразилось и на поведении божественного мира. И в библейском обществе земная правда и небесное милосердие тесно связаны друг с другом.

В тексте из Дейр Алла ничего не говорится о царском достоинстве Валаама. По-видимому, это другой вариант повествования об этой очень популярной фигуре в западносемитской и особенно арамейской среде. Впрочем, поскольку текст из Дейр Алла дошел до нас далеко не в совершенном виде, утверждать что-либо невозможно. Сочетание царского достоинства и пророческого дара в принципе не невозможно. Можно вспомнить Соломона, который, правда, пророком не был, но все же потомки считали его идеальным мудрецом. Предание относит царствование Валаама ко времени до появления монархии у евреев, т. е. до последней четверти XI в. до н. э. Это, как и в случае с Семирамидой, может означать просто далекую древность. Но Валаам как царь предшествует не только еврейским царям, но и Хададу. Возможно, что он был вообще каким-то очень древним божеством, которого относили ко времени ранее явления Хадада и лишь позже «разжаловали» в царя и пророка. Текст из Дейр Алла, конечно, далеко не полный, но,, может быть, не случайно, что Хадад в нем не появляется.

Дамаск — один из самых древних городов Сирии. Он упоминается уже в XV в. до н. э. и уже тогда играет довольно значительную роль. В первые века I тысячелетия до н. э. Дамаск являлся столицей мощного арамейского царства, которое так и называлось — Арам. Существовал вариант предания, согласно которому основателем города был Дамаск. То, что этот Дамаск был бог, а не человек, доказывается сообщением римского писателя Помпея Трога, который говорит, что женой этого Дамаска была Атаргатис, т. е. явно речь идет о боге Хададе. Трог обычно старался использовать в своем произведении предания тех народов, о которых он писал. Поэтому можно думать, что и сообщение о божественном основании Дамаска основано на местном сказании. Надо, однако, отметить, что основание Дамаска и превращение его в царскую резиденцию далеко не совпадают; город возник гораздо раньше, чем он стал столицей.

Маданитяне — североарабское племя. Оно упоминается и в Библии.

Рассказ о могуществе Хадада, его войне с Давидом и поражении, а также о дальнейшем правлении в Дамаске его потомков основан на сообщении историка I в. до н. э. Николая Дамасского. Будучи уроженцем этого города, Николай явно передавал местную традицию. В этом рассказе, видимо, отразились воспоминания о первом известном нам арамейском царе Хадад-Эзере, который действительно создал мощную державу, распространившуюся даже за Евфрат. В войне с Давидом он потерпел поражение, и его держава распалась, а ее остатки были подчинены Давидом. Только уже при сыне Давида Соломоне некий удалец Резон со своим отрядом захватил Дамаск и основал Дамасское царство. Потомком Хадад-Эзера он не был.

Это утверждение неверно. Действительно, на дамасском троне сидело, по крайней мере, три царя с именем Бар-Хадад (Сын Хадада), но были и цари, носившие другие имена. Да и не все цари Дамаска относились к одной династии. Бар-Хадад II был убит своим полководцем Хазаэлем (правильнее Хазаилом), который и стал царем, основав, таким образом, новую династию. И именно он одержал ряд побед над Израилем.

Если считать время поколения приблизительно в 30 лет, то получается, что потомки Хадада правили Дамаском триста лет. Учитывая, что Дамасское царство (Арам) было уничтожено ассирийцами в 732 г. до н. э., начало их правления надо отнести приблизительно к середине XI в. до н. э. Это более или менее совпадает с возникновением первого арамейского царства Цобах, но центр его располагался явно не в Дамаске.

Рассказ о происхождении моавитян содержится в Библии. По библейскому преданию, Лот был племянником Авраама и жил около города Содома. Из всех жителей Содома и Гоморры он был единственным праведником, за что и был спасен с женой и дочерьми (но не зятьями). Однако его жена обернулась, чтобы посмотреть, что стало с Содомом и Гоморрой, и за это была превращена в соляной столб. А Лот с дочерьми укрылись в пещере. Далее рассказывается об опьянении Лота и зачатии его дочерьми сыновей, ставших родоначальниками моавитян и аммонитян. Ученые, специально исследовавшие этот рассказ, пришли к выводу, что это все — остаток моавитянского сказания, которое затем было включено в библейскую традицию, а его персонажи соединены с героями еврейского предания. Связь Лота и его семьи с рассказом о Содоме и Гоморре, по мнению исследователей, также уже вторична и появилась только после соединения моавитянского сказания с библейским. Появление предка моавитян (а в Библии и аммонитян) в результате кровосмешения рассматривалось не как позор, а как героическое деяние дочери Лота, которая решилась на такой поступок ради спасения народа. «Чистота» крови высоко ценилась в древности. И Сарра, жена Авраама, по Библии, была его сестрой, хотя и сводной; последнее уточнение могло возникнуть достаточно поздно, когда связь с родной сестрой стала считаться несомненно позорной. Можно вспомнить и практику египетских фараонов, которые женились на своих родных сестрах, чтобы нецарская кровь не примешалась к роду благородных царей Египта. В другом месте Библии говорится о великанах Эмимах, которые ранее населяли Моав. Это упоминание, по-видимому, тоже связано с моавитянским преданием. Вообще рассказы о могучих великанах, ранее населявших землю, были широко распространены в западносемитской среде.

Эту историю рассказал автор, которого обычно называют Псевдо–Мелитон. Собственно Мелитон был христианским епископом малоазийского города Сарды и писателем

II в. Он, в частности, написал Апологию (сочинение в защиту христианства), обращенную к императору Марку Аврелию. Под его именем дошло сочинение, написанное позже, уже в

III в., и на сирийском языке. Исследования показали, что этот неизвестный сирийский автор, которого и называют Псевдо–Мелитон, перевел на сирийский язык какое-то греческое произведение. Автор этого произведения собрал ряд мифов, которые, однако, обработал в духе того направления в философии, которое считало богов прославленными смертными людьми. Хотя Псевдо–Мелитон многое знал уже довольно плохо и часто путал, в его рассказах можно найти подлинную мифологическую основу.

Характерно, что в рассказе Псевдо–Мелитона Атаргатис отделяется от Хадада. Хадад называется царем Сирии, а страной Атаргатис автор называет Адиабену, область в северной части Месопотамии. И Сайм (или Симия, как ее называет этот автор) оказывается дочерью только Хадада, а не совместным ребенком Хадада и Атаргатис или же только Атаргатис. Неясно, является ли это результатом забвения древнего мифа или еще одним вариантом сирийской мифологии.

Имена волшебников весьма интересны. Набу — месопотамский бог, которого в Пальмире и, видимо, в других сирийских городах в первые века нашей эры почитали, как уже говорилось в главе о богах, под слегка измененным именем Небо. Что касается Хадрана, то это — особая форма того же самого Хадада. Под латинским именем Deus Hadarenus он вместе с Атаргатис почитался в одном из мест в горах Ливана.

В этом повествовании Псевдо–Мелитона, как и в ряде других его рассказов, можно узнать реальные черты сирийской мифологии и религии. Так, обряд принесения воды в Бамбику засвидетельствован Лукианом, но объясняется им совершенно иначе — воспоминанием о всемирном потопе. Имена персонажей также встречаются в религиозно–мифологических памятниках Сирии. Но многое в этом рассказе перепутано, и одно это свидетельствует о его сравнительно позднем происхождении. Интересно здесь упоминание Балти, оказывающейся дочерью Атаргатис. В сирийской письменности, как и в финикийской, к которой она восходит, и еврейской, как уже говорилось во Введении, не обозначаются гласные звуки, так что имя этой чудесной лечительницы передано только согласными буквами Bltu, но именно такова форма имени пальмирской богини Белти. Пальмирская мифология нам практически неизвестна, поэтому что-либо сказать об отношениях Белти и Атаргатис мы не можем. Но само упоминание этого персонажа в форме, отмеченной в Пальмире, тоже говорит о том, что это сказание — довольно позднее. Вероятно, перед нами результат уже позднего развития сирийской мифологии, когда в нее активно внедряются фигуры месопотамских мифов, таких, как Набу. В это время многое было уже непонятно, и тем более этого не смог понять христианин Псевдо–Мелитон.

Приведенный рассказ является очень гипотетической реконструкцией пальмирского мифа. Пальмирская мифология, к сожалению, практически неизвестна. Никаких местных повествований до нас не дошло. Греческие и римские авторы, по-видимому, мифами Пальмиры не интересовались, а в самой Пальмире не было писателя, который хотел бы познакомить греческого или римского читателя со сказаниями родного города. Пальмирские храмы и гробницы украшались рельефами, но фигуры, там изображенные, почти всегда статичны и не передают рассказа о действиях богов. Одним из немногих исключений является рельеф с изображением битвы бога со змееподобным чудовищем в присутствии других богов. Поскольку этот рельеф украшает храм Бела, можно полагать, что и изображен на нем один из подвигов именно этого бога. Борьба со змеем является одним из почти обязательных эпизодов мифологии различных народов. С чудовищным змеем Латану сражался угаритский Балу, с Левиафаном — израильский Йахве, с Тиамат — вавилонский Мардук. Каждый раз сражающимся и побеждающим был бог, особенно почитаемый данным человеческим сообществом. И это тоже — аргумент в пользу изображения именно Бела.